

Классика
Т.М. Смирнова

Дети страны Советов:

От государственной политики
к реалиям повседневной жизни.
1917–1940 гг.

ДЕТИ-БУДУЩЕЕ
СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Дети Страны Советов:

От государственной политики
к реалиям повседневной жизни.
1917 – 1940 гг.

Смирнова

Татьяна Михайловна,
доктор исторических наук,
старший научный сотрудник
Института российской истории РАН.
Области научных интересов –
социальная история России XX в.,
история повседневности,
история советского детства,
положение в послереволюционной
России представителей «чуждых»
социальных слоев.

Автор более 50 работ, изданных в России,
Франции, США, Финляндии, Швеции.

В том числе книг:

«Бывшие люди» Советской России.

Стратегии выживания и пути интеграции.
1917–1936 годы» (2003);

«Источниковедение новейшей истории
России: теория, методология и практика»
(2004, коллективная монография);

«Советское наследство». Отражение
прошлого в социальных и экономических
практиках современной России»
(2010, коллективная монография)

9 785805 502867

...йской истории
Российской академии наук

Т.М. Смирнова

Дети страны Советов:

От государственной политики
к реалиям повседневной жизни.
1917 – 1940 гг.

Центр гуманитарных
инициатив

Москва — Санкт-Петербург
2015

Historia Russica

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
С50

Серия «Historia Russica» основана в 2015 г.

Редакционная коллегия серии:

Ю.А. Петров (председатель), С.В. Журавлев, В.Н. Захаров,
В.А. Кучкин, Д.Б. Павлов, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов,
В.В. Шелохаев, В.А. Шестаков, А.В. Юрасов

Серийное оформление: Ю.В. Балабанов

*Утверждено к печати Ученым советом Института российской истории
Российской академии наук*

Рецензенты:

доктор исторических наук Е.Ю. Зубкова,
доктор исторических наук Т.Ю. Красовицкая

Смирнова, Т.М.

С50 Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917—1940 гг. / Т.М. Смирнова; Институт российской истории Российской академии наук. — М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. — 384 с. : 16 л. ил. — (Historia Russica).

ISBN 978-5-8055-0286-7

Монография посвящена наиболее сложным и дискуссионным проблемам советского детства в 1917—1941 гг., многие из которых актуальны для дня сегодняшнего. В центре внимания — соответствие провозглашенной советским государством политики в отношении охраны материнства и детства повседневным реалиям того времени. На основании новых архивных документов исследованы «болевы́е точки» жизни детей и подростков — быт в детских домах, организация детского досуга, практика патронирования и прочих семейных форм воспитания сирот, спасение и эвакуация (в том числе за границу) детей из охваченных голодом регионов в начале 1920-х гг. и др. Автор на конкретных примерах показывает, что тема «огосударствления» детей большевиками является во многом надуманной, а проблемы детства удавалось решать лишь благодаря объединению усилий государства и общественности. Тем самым история детства выводит на ключевые «взрослые» проблемы советской жизни 1917—1941 гг. Книга написана ярким и доступным языком и будет интересна как специалистам, так и всем, кто интересуется отечественной историей.

ISBN 978-5-8055-0286-7

© Смирнова Т.М., 2015

© Институт российской истории РАН, 2015

® Центр гуманитарных инициатив, 2015

Содержание

Введение	9
Российское детство в XX веке: Основные тенденции историографии, достижения и новые вопросы	17
Комплексный подход к источникам и методам исторического исследования — «всеядность» или профессионализм?	34
 1. «Забота о ребенке — прямая забота государства»: Особенности формирования советской системы защиты детства (1917 — начало 1920-х гг.)	
Первые шаги на пути создания советской системы охраны материнства и детства: «Пригоршнями бросали лозунги в массу, ставили задания себе и торопливо, стремительно строили...»	47
Создание государственного аппарата охраны материнства и детства: «У семи нянек — дитя без глазу»	50
Создание чрезвычайной комиссии по спасению детей	61
Организация работы по охране материнства и детства на местах	75
 2. «Дети — наше будущее»: Власть и общество в решении проблем детства. 1917—1930-е годы	
Общественная инициатива и государственная власть: сотрудничество и противостояние. 1917 — начало 1920-х гг.	85
Создание «фундамента к постоянной общественной помощи» детям	89
Общественные инициативы в сфере дошкольного воспитания и начального образования	100
Забота общества о сиротах или «подачка пяточков»	106
«Бурный подъем общественного внимания» под руководством государства: социальные инициативы в конце 1920—1930-е гг.	109
Советская общественность в борьбе за «проведение в жизнь постановлений партии и правительства»	110
Роль общественности в развитии образования, дошкольного и внешкольного воспитания	116
«Некуда деваться...»: организация детского досуга	126

Забота о сиротах: «А где наша общественность?	
Общественность отсутствует...»	132
Общественные инициативы на плановой основе:	
«Овладесть этим движением, направить его по правильному руслу и целесообразно использовать...»	137

3. «Забота о голодных детях — впереди всего»:

Борьба Советского правительства за спасение детей от голода.

1921—1923 гг.

«Детское население до 3-х лет почти все вымерло...»	144
Иностранная помощь голодающим детям	154
«Эвакуация детей приводит к массовой гибели...»	161
Эвакуация голодающих детей за границу	170
На пути из Поволжья в Чехословакию	179
В карантинном лагере:	184
«Впечатление политической игры, цинично разыгрываемой»	184
Под опекой семей	193
Резэвакуация: «и дети, и опекуны будут сопротивляться отъезду к нам...»	197
Затянувшаяся борьба с последствиями неурожая	204

4. Детство строгого режима или Повседневная жизнь

«государственных детей» в Советской России. 1917—1930-е гг.

Финансирование советских детских учреждений:	
сметы и реальность	214
«Кадры решают все»	225
Условия жизни детей в закрытых детских учреждениях	238
«Дворцы детям!»	238
«Врачи бессильны что-либо сделать»:	251
Медицинское обслуживание воспитанников детдомов	251
«О культурно-моральном воспитании не могло быть и речи...»	256
Особенности повседневной жизни детдомовцев во второй половине 1920-х годов	263
«Усилить внимание должной постановке воспитания»: повседневная жизнь в детдомах 1930-х годов	270

5. Дети-сироты — «дети народа»: Особенности развития семейных форм воспитания детей-сирот в советской послереволюционной России

Принцип «социального воспитания»: теория и практика	294
«Сохранение ребенку матери — первейшая задача»	295
«...За воспитание ребенка отвечает семья...»	296
Запрет усыновления.....	298
Социалистическая опека	299
«Кормилично-питомнический промысел».....	301
Первый опыт патронирования в Советской России	303
«Разгрузка» детских домов и развитие патронирования в середине 1920-х гг.	308
Восстановление ценностей семейного воспитания	312
и кампания по устройству сирот в семьи	312
«Восстановить право усыновления детей...»	313
Возрождение индивидуальной опеки	316
Кампания массового патронирования и ее последствия	319
Колхозный патронат «не дает примеры коллективного воспитания беспризорных»	326
«Много разговоров, мало дела»: Особенности организации воспитания сирот во второй половине 1930-х годов	329
Совершенствование законодательно-распорядительной базы патронатного воспитания	333
Восстановление приоритета семейного воспитания.....	338
Заключение	344
Приложение	
Статистические данные по губерниям о численности детдомовцев и их обеспеченности продовольствием, медицинским обслуживанием и предметами повседневного пользования.....	350
Список сокращений.....	364
Список основных источников и литературы	365

*Книга посвящается моим любимым родителям —
Анне Павловне и Михаилу Сергеевичу Смирновым,
подарившим мне счастливое детство*

Введение

«Каждые полчаса в России пропадает ребёнок, 48 детей в день. Из этих 48 потерявшихся, убежавших, исчезнувших, четверых не находят никогда. Согласно официальной статистике, у нас ежегодно в розыске находится порядка 55 тысяч детей, 10 процентов детей остаются в списках пропавших без вести. По безжалостной статистике, в итоге только половину из объявленных в розыск найдут живыми или мёртвыми. Остальные годами так и будут числиться пропавшими без вести, формально их будут искать, на деле — нет. Дети уходят, убегают, исчезают, пропадают. Жуткий штрих к картине нынешней социальной жизни России.»

*Ольга Елифанова, заместитель председателя
комитета Госдумы РФ по вопросам семьи, женщин
и детей, 20.03.2013*

Положение детей, охрана материнства и семьи являются одними из важнейших показателей состояния общества. В современной России данная проблема особенно актуальна. Если объективно проанализировать современную детскую и молодежную политику, то приходится признать, что два десятилетия рубежа XX и XXI веков характеризуются постепенной утратой наиболее значимых достижений, которыми гордился Советский Союз: всеобщее обязательное бесплатное среднее образование; диспансеризация и профилактика детских заболеваний; развернутая сеть бесплатных детских кружков и секций при школах, Домах культуры, Домах пионеров и школьников; подавление социальных «пороков» — детской проституции, алкоголизма и наркомании и т.д. В связи с этим возникает необходимость осознания и обобщения опыта чрезвычайно насыщенного и сложного XX века: что именно было приобретено в сфере охраны материнства и детства до революции и в советские годы, а что утрачено; в какой степени отечественный опыт был уникален и т.д.

Одновременно представляется все более очевидным, что изучение таких важнейших «сквозных» тем, как история детства, дает возможность более глубоко понять противоречивую российскую дейст-

вительность сложного послереволюционного периода в целом, а также лучше осознать такие дискуссионные проблемы новейшей отечественной истории, как, например, взаимоотношение государства, общества и личности, формирование гражданского общества, соотношение семейной и частной сторон жизни, проблема преемственности между советским и постсоветским периодами и др.

Длительный и болезненный период трансформации советского общества в постсоветское время нанес тяжелый удар по семейным устоям, привел к демографическому кризису и катастрофическим последствиям во всей сфере охраны материнства и детства. В результате к началу XXI века сложилась ситуация, которая специалистами (педагогами, детскими психологами, социальными работниками, медиками, социологами, юристами, историками) оценивается не иначе, как социальная катастрофа. «Дети — жертвы экономических реформ», «положение детей в нашем обществе иначе, как критическим, не назовешь», «беспризорные дети становятся обыденностью», «своеобразным символом новой постсоветской России стали беспризорные дети», «налицо пример антигуманного, антигосударственного подхода к реализации прав каждого ребенка на образование», «институт семьи полностью разрушен», детей лишили детства, отобрали у них «мечты, идеалы, лишили традиционных ценностей, разрушили детские организации, столкнули детей из бедных и богатых семей», «Россия превратилась “во всемирную свалку детской порнографии”» и т.п.¹, — таковы наиболее типичные оценки состояния системы охраны материнства и детства и социальной сферы постсоветской России рубежа XX и XXI веков. И это не пустые слова. Обратимся к фактам.

Угрожающий характер принял в начале нынешнего века уровень *младенческой смертности*. В частности, по данным Институ-

¹ См., например: *Арефьев А.Л.* Беспризорные дети России // Социологические исследования. 2003. № 9. С. 61; *Бреева Е.Б.* Детская беспризорность: современная ситуация, возможные стратегии // Дети и молодежь — будущее России: Материалы Российской научно-практической конференции, г. Вологда, 27—29 июня 2002 г. Вологда, 2002. С. 180; Аналитический вестник Федерального собрания. Вып. 27. Дети России: факты и проблемы. М., 1996. С. 5; *Лиханов А.А.* Слово о детстве // Актуальные проблемы современного детства. Сб. науч. трудов. М., 1992. Вып. 1. С. 5, 6; *Лушников И.Д.* Исторически непреходящая роль воспитания детей и молодежи в обществе и государстве // Дети и молодежь... С. 107; *Нечаева А.М.* Россия и ее дети (ребенок, закон, государство). М., 2000. С. 154, 164; Положение детей в СССР. 1990 год. Состояние. Проблемы. Перспективы. М., 1990. С. 3; *Римашевская Н.М.* Положение детей и качество человеческого потенциала в России // Дети и молодежь... С. 4; *Чуйков А.* Детская порнография почти не наказуема // Россия, 2003. № 128.

та социально-экономических проблем народонаселения РАН, в 2002 г. уровень младенческой смертности в России превышал аналогичные показатели развитых стран Европы в 2—4 раза². Снижение потенциала здоровья новорожденных, неуклонный рост *детской заболеваемости* (прежде всего социально обусловленных болезней, таких как сифилис, туберкулез, ВИЧ), а также широкое распространение среди детей всех возрастов *психических расстройств, наркомании и алкоголизма* привели к быстрому росту *инвалидизации детского населения*³. Катастрофические масштабы в России приобрела *детская преступность*⁴.

В начале 1990-х гг. начала стремительно расти численность сирот⁵, причем в первую очередь за счет так называемых *социальных сирот*, т.е. детей, оставшихся без попечения семьи при живых родителях⁶. Достоверных данных о численности беспризорных детей (а тем более так называемых «бездзорных» детей, проживающих с родителя-

² См.: Римашевская Н.М. Указ. соч. С. 4.

³ В частности, с 1995 по 1997 гг. заболеваемость сифилисом у детей до 14 лет выросла в 2,4 раза, а туберкулезом — на 12%. К 2002 г. число детей-наркоманов достигло 5 млн человек (при этом значительно снизился их возраст); у 79% детей были обнаружены нервно-психические расстройства. Подробнее см.: Аналитический вестник Федерального собрания... С. 19—20, 41; Печаева А.М. Россия и ее дети (ребенок, закон, государство) / Институт государства и права РАН. М., 2000. С. 158—163; Римашевская Н.М. Указ. соч. С. 4—9; Мирсагатова М.Н. Некоторые вопросы преодоления детской безнадзорности в современных условиях // Дети и молодежь... С. 45.

⁴ Подробнее см.: Положение детей в Российской Федерации. 1993 год: Государственный ежегодный доклад. М., 1994. Табл. 38; Чепурных Е.Е. О государственной политике в области социальной и педагогической реабилитации детей со школьной и социальной дезадаптацией // Дети «группы риска». Children at Risk: Материалы международной конференции. СПб., 2001. С. 19.

⁵ Так, за 10 лет, с 1989 по 1999 г., официальное число детей, оставшихся без попечения родителей в России выросло в 1,5 раза (по данным же экспертов UNICEF — в 2,3 раза). Подробнее о численности, составе и образе жизни беспризорных детей постсоветской России см.: Арефьев А.Л. Указ. соч.; Баразгов К.Б., Смирнов Ю.А. Возможна ли статистическая оценка детской беспризорности? // Вопросы статистики. 2000. № 4. С. 19; Лебедев О.Е., Чепурных Е.Е., Майоров А.Н., Золотухина В.И. Дети улицы. Образование и социальная адаптация безнадзорных детей. М., 2001. С. 16—19; Лиханов А.А. Детский вопрос // Актуальные проблемы детства. М., 1994. Вып. III. С. 13; Озерова М. «Беспризорная» статистика // Московский комсомолец. 2002. 21 февр. С. 2; Сколько в России беспризорных? // Комсомольская правда. 2002. 24 янв. С. 9; UNICEF Report, 2001. P. 97.

⁶ По данным выборочного социологического исследования, проведенного НИИ детства в феврале—марте 1990 г., дети-сироты составляли лишь 9,4% от общего числа воспитанников интернатов. К 1992 г. их доля сократилась до 5%. (Положение детей в СССР. 1990 год... С. 89; Положение детей в России. Социальный портрет... С. 36).

ми, но фактически лишенных их опеки) в современной России нет. Оценки различных экспертов крайне приблизительны и разнятся не на десятки, а на сотни тысяч и даже на миллионы. Так, по официальным данным различных министерств РФ (образования, здравоохранения, труда и социального развития), в 2002 г. оценка численности беспризорных детей колебалась от 70 до 180 тыс.; по данным же независимых экспертов она составляла от 2 до 3 млн человек⁷. В 2008 г. по официальной статистике в России насчитывалось около 800 тыс. беспризорных детей, что более чем на 100 тыс. превышает численность беспризорников в СССР после Великой Отечественной войны. Однако были и другие статистические данные. Следует отметить, что диапазон существовавших статистических данных о детской беспризорности был (и остается по сей день) необычайно широким. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, численность беспризорных детей в 2008 г. достигала 3—4 млн; по данным Института социально-экономических исследований РАН — 5 млн, а по подсчетам некоторых независимых экспертов, численность безнадзорных детей (фактически являвшихся беспризорными) достигала в тот период 6 млн. В целом, по данным независимых исследований, каждый шестой ребенок в 2007—2008 гг. находился в *«острой неблагоприятной ситуации»*⁸, что по своим масштабам сопоставимо с ситуацией в послереволюционной России.

В последние несколько лет наметились некоторые улучшения. В частности, в 2010 г. численность выявленных сирот сократилась по сравнению с предыдущим годом примерно на 13 тыс., наметилось снижение детской преступности, была проведена большая работа по развитию различных форм семейного устройства детей-сирот, в первую очередь, усыновления. Однако при ближайшем рассмотрении успехи эти зачастую оказываются мнимыми. Так, по данным уполномоченного при президенте РФ по правам ребенка Павла Астахова, на фоне общего снижения уровня преступности количество преступлений, совершенных детьми в возрасте до 14 лет, напротив, заметно увеличилось. При этом существенно снизился возраст детей, совершающих особо опасные преступле-

⁷ Бреева Е.Б. Детская беспризорность... С. 178.

⁸ Подробнее об этом см.: Сиротство в России: проблемы и пути их решения. М., ноябрь 2011. С. 8—9; Смирнова Т.М. Государство или общественная инициатива? Опыт решения «детских проблем» в 1917—1930-е гг. для современной России // Социальная история. Ежегодник 2009. М., 2009. С. 296—298; Женщины России в экстремальных условиях: исторический опыт, проблемы, пути решения. М., 2006. С. 223.

ния (в частности, появились 7—8-летние убийцы, в том числе и совершившие убийства с особой жестокостью); тревожным сигналом является также рост преступности среди девочек⁹. Несмотря на все усилия власти, не удастся преодолеть такое явление, как «отказничество», напротив, по данным на конец осени 2013 г. Россию «захлестнула волна оставления новорожденных»¹⁰.

Несмотря на активную пропаганду усыновления и прочих форм семейного устройства детей-сирот, после 2008 г. наблюдается снижение как абсолютного числа детей, устроенных на воспитание в семьи, так и показателей по отдельным видам семейного устройства (усыновление, приемная семья, опека и др.). Одновременно с этим, по данным независимых экспертов, после 2008 г. начинается так называемый «Back Baby Boom» — рост числа случаев возврата усыновленных детей и детей, устроенных в семьи на основе тех или иных форм возмездной и безвозмездной опеки¹¹. По данным Министерства образования и науки, в 2009 г. каждый десятый усыновленный ребенок вернулся в детдом¹².

Очевидно, что причины столь сложной ситуации, сложившейся в современной России в сфере охраны детства, носят чрезвычайно сложный, комплексный характер. Между тем, нередко приходится сталкиваться с упрощенным их толкованием, ссылками на «тяжелое советское наследие». В частности, стремительный рост численности «отказных» детей, а также отсутствие в отечественной культуре традиции усыновления сирот нередко объясняют советскими традициями примата государственного воспитания над частным, насаждением в послереволюционной России общественных форм воспитания детей в ущерб семейному воспитанию. В стремлении переложить ответственность за все проблемы на «проклятое советское прошлое» в СМИ и особенно в интернет-изданиях и на интернет-сайтах появилось огромное количество раз-

⁹ <http://xashtuk.wordpress.com/2011/05/31/mep1csg8—2fb/>

¹⁰ <http://deti.mail.ru/baby/newborn/bebi-boksov-v-strane-vse-bolshe-podkidyshej-tozhe/>; см. также: Бэби-боксов в России все больше, подкидышей — тоже [Электронный ресурс] // <http://www.obzor.lt/news/n10426.html>; В Москве в бэби-боксе появился первый подкидыш // Мир новостей. 23 октября 2013 [Электронный ресурс] <http://mirnov.ru/lenta-novostej/22477-v-moskve-v-bebi-bokse-poyavilsya-pervyj-podkidysh.html>;

¹¹ Подробнее см.: Сиротство в России: проблемы и пути их решения. М., ноябрь 2011. С. 10—14.

¹² Сиротство в России: проблемы и пути их решения. М., ноябрь 2011. С. 14. Подробнее о проблемах усыновления и «разусыновления» в современной России см. главу 5 наст. издания.

нообразных разоблачительных «исследований» и «воспоминаний» о том, как советская власть целенаправленно уничтожала детей. Благодаря этой массовой пропаганде, у молодого поколения советское детство зачастую ассоциируется исключительно с голодом, детскими домами и колониями, репрессиями, подавлением личности, муштрой в пионерских и комсомольских организациях, нищетой, отсутствием игрушек, нормальной одежды и т.п.¹³

С другой стороны, в последние годы наблюдается и противоположная тенденция — в широких слоях населения (в том числе и среди молодежи) растут ностальгические настроения в отношении всего советского и, в частности, советского детства. Так, например, по данным Фонда «Общественное мнение», в ходе проведенного в апреле 2004 г. Всероссийского опроса городского и сельского населения в 100 населенных пунктах 53% опрошенных россиян разных возрастов (всего опрошено 1 500 респондентов) положительно оценили роль В.И. Ленина в истории развития России, при этом особо отмечая такие социальные достижения, как «забота о детях», ликвидация беспризорности и неграмотности, а также создание условий, при которых «дети были организованы»¹⁴.

Именно организация детского досуга (занятия в кружках, детских спортивных секциях; поездки в летние трудовые лагеря и в пионерлагеря), а также атмосфера товарищества и взаимовыручки являются основными составляющими ностальгических настроений значительной части современного общества. Вот лишь несколько наиболее типичных цитат о «счастлимом советском детстве», которыми переполнено интернет-пространство: *«Досуг советских людей формировался какими-то более настоящими*

¹³ Описание ужасов тоталитарного детства дошло до такой стадии, что породило новый жанр публицистики — пародию на разоблачение советского детства: от язвительно-ироничной (как, например, текст Михаила Григорьева: *«В тоталитарном детстве у советских детей, как известно, не было никаких радостей. Свободы личности не было вообще: к примеру, детей принудительно, сильно заставляли ходить в школу, взрослых, которые этому препятствовали, сажали в ГУЛАГ [...] Невозможно было достать наркотики [...], не достать было порнографии [...] Словом, тоталитарный ад»*) до откровенно насмешливой (*«Детские коляски в Советском Союзе были исключительно красного цвета. Будущий оккупант и держиморда с детства должен был привыкать к цвету крови порабождённых народов»*; *«Общезвестно, что с раннего детства у советских поджигателей войны не было нормальной одежды. Вместо этого все они носили военную форму и обращались друг к другу исключительно по воинскому званию»* (см.: <http://nashenasledie.livejournal.com/302450.html>; <http://vzapase.ru/?p=1323>).

¹⁴ Петрова А. Что сделал Ленин? [Электронный ресурс] http://bd.fom.ru/report/cat/societas/image/istoriya_rossii/lenin_v_i_/of041406

фрагментами; было больше настоящего общения, осмысленных выражений и поступков. А уж в отношении детского досуга советская эпоха представляет собой тот уникальный пример в истории, как надо делать детство счастливым»; «Годы, проведенные в советской школе — это было нечто! Нас действительно учили и воспитывали. В наши головы вкладывали только положительную информацию, и мы не представляли, что можно просто прогуливать школу и не хотеть учиться, говорить родителям, что мне все равно, какие будут оценки, и все равно, каким будет будущее, а ведь именно это чаще всего теперь говорят своим “предкам” современные детишки»; «Книги читали все — обсуждали, брали почитать. Но детская энергия брала свое — и мы летели во двор. Игр во дворе было много — отдельные для девочек и для мальчишек. Я не сторонник того, чтобы перехваливать СССР, но от этих игр во дворе дети были здоровее, дружнее, быстрее развивались. Ностальгия по таким играм бессмысленна, но почему-то кажется, что сейчас дети чем-то обделены»; «Не надо ничего перекраивать из нашего прошлого, как помним, так и любим, и пионерия нам дала много, и Ленина мы искренне чтим, и в идеалы коммунизма верили... А во что верит поколение теперешних ребят и девочек, мне понять сложно... Видимо, в деньги и власть... Так это всего лишь деньги и власть, а не любовь и жизнь...»¹⁵.

На сайте виртуального «Музея СССР» ««20-й век”. Ретро, воспоминания, ностальгия» на вопрос, какое детство лучше, советское или современное, 77% респондентов высказались за советское¹⁶. Очевидно, что большинство участников опроса голосовали за свои детские годы, а отнюдь не за советскую социально-политическую систему. Однако, среди тех, кто убежден, что в СССР «забота о детях не была пустым звуком», немало и представителей нового поколения, родившегося уже в постсоветской России. «Очень жаль, что не жил в то время, что не был октябреньком, не был пионером, комсомольцем, — пишет, например, молодой человек по имени Антон в мае 2013 г. — Жаль, что не могу сказать “Я — гражданин Советского Союза”. Деньги и власть — не мои идеалы, хоть я и из “теперешнего” поколения»¹⁷.

¹⁵ См., например: <http://20th.su/2014/04/08/dvorovye-igry-malchishek/#more-9525>; <http://20th.su/2012/02/23/pionerskaya-kasha-v-lesu/#more-5654>; <http://20th.su/2013/05/27/trudovye-lagerya-shkolnikov/#more-8363>

¹⁶ <http://vsssr.su/viewtopic.php?f=9&t=11&view=unread#unread>; <http://20th.su/page/2/>

¹⁷ <http://20th.su/2013/05/27/trudovye-lagerya-shkolnikov/#more-8363>; <http://yanemchaninov.ru/node/77>

Наблюдается что-то вроде моды на советское детство. На «последний звонок» девочки все чаще надевают костюмы, стилизованные под советскую школьную форму; большой популярностью пользуются предметы быта и игрушки, оформленные в советском стиле или имеющие советскую символику. По всей стране открываются выставки и музеи советского детства, советских диафильмов, детских дворовых игр и т.п.¹⁸

Столь противоречивое отношение к советскому детству, угасающий интерес к нему со стороны широких слоев населения свидетельствуют о необходимости его глубокого всестороннего исследования, свободного от идеологической предвзятости. На наш взгляд, в сфере защиты материнства и детства, а также тесно связанной с ней молодежной политикой, как нигде очевидна непродуктивность огульного отказа от всего советского наследия по политическим причинам, что, к сожалению, и сейчас еще нередко имеет место не только в публицистике, но и в ряде исторических исследований. Сегодняшние попытки обозначить наиболее острые проблемы детства и общественные дискуссии по поводу способов их решения во многом созвучны ситуации послереволюционных и послевоенных лет. Опыт первого десятилетия XXI века наглядно показал, как незнание собственной истории приводит к повторению одних и тех же ошибок, за которые приходится платить искаженными детскими жизнями.

---

¹⁸ Так, например, в 2010 г. Музей советского детства открылся в Севастополе в экопарке «Лукоморье»; в 2011 г. в Симбирске в Музее-мемориале В.И. Ленина была подготовлена выставка «Все мы родом из детства»; в 2012 г. в Музее истории печати Санкт-Петербурга открылась интерактивная выставка «Лукоморье. Мир советского детства»; советскому детству посвящена значительная часть экспозиции Музея индустриальной культуры в Москве; 27 ноября 2014 г. в Провиантских складах Москвы открылась выставка «Мир советского детства», и т.д. Большой популярностью пользуются подарочные иллюстрированные издания о символах советской эпохи (см., например: Сделано в СССР. Символы советской эпохи / Фотографы: И. Константинов, С. Чистобаев, Н. Кудрявцева, Е. Каркачева, Е. Сучкова, И. Утехин / Под ред. В. Озкан. М.: Мир энциклопедий Аванта+, Астрель, 2012; Советский стиль. Время и вещи / Под ред. В. Зусевой, Т. Евсевой. М.: Аванта+, Астрель, 2011; *Хорошевский А. 100 знаменитых символов советской эпохи. М.: Фолио, 2006, и др.*)

Российское детство в XX веке: Основные тенденции историографии, достижения и новые вопросы

Несмотря на то, что детство как специфическая демографическая категория долгое время не было предметом специальных исследований отечественной исторической науки¹⁹, тем не менее изучение проблемы охраны материнства и детства как в целом, так и отдельных ее аспектов в отечественной историографии имеет давние традиции. Историография различных аспектов проблемы детства как социального явления и детей как специфической демографической категории чрезвычайно обширна.

Всю отечественную историографию данной проблемы можно разделить на три наиболее значимых этапа, каждый из которых имеет свою внутреннюю структуру:

1. Советская историография.

2. Период пересмотра советской историографии, переоценки прошлого и разоблачения мифа о «счастливом советском детстве». Этот период, начавшийся в конце 1980-х годов, до сих пор еще находит отголоски в работах некоторых историков, политиков и публицистов, продолжающих бороться с многократно разоблаченными советскими мифами и создающих новые мифы. Расцвет данной историографической тенденции приходится на 1990-е годы.

3. С начала 2000-х годов, в особенности со второго десятилетия XXI века, в отечественной историографии истории детства над пафосом разоблачения советских идеологических постулатов постепенно начинает преобладать стремление к объективному профессиональному анализу проблемы. В то же время тенденция борьбы с мифом о «счастливом советском детстве» полностью не изжита, напротив, в рамках этой историографической тенденции на смену мифам разоблаченным создаются новые историографические мифы, также основанные на идеологизированном восприятии прошлого, но с иными политическими оценками.

¹⁹ В частности, в изданном в 1991 г. в Лондоне историографическом обзоре «Children in Historical and Comparative Perspective. An international handbook and research guide» глава, посвященная российской историографии, начинается словами: «в России не существует истории детства». Дети и детство затрагиваются в исторических исследованиях не в качестве самостоятельного предмета исследования, а лишь мимоходом. (Children in Historical and Comparative Perspective. An international handbook and research guide / Ed. by Joseph M. Hawes and N. Ray Hiner. N.Y.; Westport; Connecticut; London, 1991. P. 471.)

СССР — Родина счастливого детства?

Безусловно, советская историография на протяжении всех семидесяти с лишним лет советской власти не была единой, различные ее периоды имеют свою специфику²⁰. В частности, особое место в ней занимает так называемая синхронная литература, то есть работы, написанные непосредственно в изучаемые годы и являющиеся одновременно и научной литературой, и источниками по истории детства²¹.

Основное содержание советской историографии, посвященной проблемам детства в СССР, так или иначе строилось на постулате «СССР — Родина счастливого детства». Данная идеологическая установка определила идеологический ракурс исследований, в которых акцент делался на достижениях советской власти в сфере охраны материнства и детства и смягчение (либо полное игнорирование) наиболее острых проблем и «болезненных» вопросов, таких, как положение детей «лишенцев» и жизнь детей в ГУЛАГе; влияние на численность беспризорных детей кампании по раскулачиванию, коллективизации и паспортизации населения; голод 1921 г. и чрезвычайно высокая смертность детей в ходе эвакуации их из голодных губерний; тяжелое положение чувашских, башкирских и татарских детей в украинских и русских патронатных семьях; высокий уровень хищений и злоупотреблений в советских детских домах; крайне тяжелое положение так называемых «морально-дефективных детей» и т.п. Значительное место в советской историографии по тем или иным аспектам истории детства традиционно занимала тема руководящей роли Коммунистической партии²², в то время как реальное

²⁰ Обширная советская историография проблемы изучена достаточно хорошо. В данной работе основное внимание будет уделено преимущественно историографическим тенденциям и историографическим проблемам последних десятилетий.

²¹ В данной монографии эти работы рассматривались преимущественно как источники. Это, прежде всего, издания Деткомиссии ВЦИК и местных деткомиссий (На помощь ребенку. Пг.; М., 1923; Друг детей. М., 1925; На помощь детям. М., 1926; На помощь детям. Симбирск, 1926; XV лет работы по улучшению жизни детей. М., 1936); работы А.Д. Калининой, Н.А.Семашко, Е.П. Радиной, Н.А. Рыбникова, К.Н. Корнилова и др.

²² См., например: *Злобина В.М.* Партийное руководство профессионально-техническим образованием в СССР (1921—1925 гг.). М., 1968; *Софинов П.Г.* Из истории борьбы с детской беспризорностью // Вопросы истории КПСС. 1966. № 8. «Забота КПСС» о детях была в 1950—1970-х гг. одной из приоритетных тем диссертационных исследований (*Арнаутов Г.А.* Забота Коммунистической партии и Советского правительства об охране детей и строительство детских домов в РСФСР в период 1917—1925 гг. Дис. ... канд. педагог. наук. М., 1952; *Герасимова Г.Г.* Борьба КПСС и Советского правительства с детской беспризорностью в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.). (На материа-

положение детей нередко оставалось за рамками исследований. Тем не менее, несмотря на всю специфику советской историографии детства, обусловленную ее идеологической предвзятостью и ограниченностью предмета исследования, работы этого периода заслуживают серьезного внимания современных исследователей.

Неоспоримым достоинством советской историографии, в частности, является тщательная проработка нормативно-правовых актов и прессы исследуемого периода, а также трудов руководства коммунистической партии и лидеров Советского правительства, имеющих непосредственное отношение к формированию «детской политики». Так, например, советский педиатр и историк медицины Эсфирь Мироновна Конюс в своих работах тщательно проанализировала все этапы формирования советской системы охраны материнства и младенчества²³; формирование правовых норм, регулирующих взаимоотношения родителей и детей, проанализировал в своих работах доктор юридических наук Григорий Маркович Свердлов²⁴. Важное место в советской историографии детства занимала история советской школы, достижений СССР в сфере образования и культурного строительства²⁵.

Воссоздавая и анализируя «детскую политику» молодого большевистского правительства, советская историография опиралась преимущественно на его законотворческую деятельность, делая акцент на декларируемые принципы и забывая о проблеме воплощения этих принципов в жизнь. В центре внимания исследователей были распоряжения центральной власти, такие как Декрет СНК от 14 января 1918 г. «О замене судов для малолетних и несовершеннолетних особыми комиссиями»; декрет от 4 февраля 1919 г. «О создании Совета Защиты Детей», пункт 4-й которого объявил «дело снабжения детей пищею, одеждой, помещением, топливом и меди-

---

лах Московской и Ленинградской губерний.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1971; Чех С.М. Мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства по борьбе с детской беспризорностью в период 1917—1925 гг. Дис. ... канд. педагог. наук. Киев, 1953; и многие другие).

²³ Конюс Э.М. Общественная и культурно-просветительная работа медицинского персонала. М., 1928; *Ее же*. Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917—1940). М., 1954.

²⁴ Свердлов Г.М. Материнство, брак, семья. Сталинград, 1946; *Его же*. Усыновление по советскому семейному праву. М., 1951; *Его же*. Охрана интересов детей в советском гражданском и семейном праве. М., 1952; и др.

²⁵ См., например: Константинов Н.А., Мединский Е.Н. Очерки по истории советской школы за 30 лет. М., 1948; Королев Ф.Ф. Корнейчук Г.Д., Райкин З.И. Очерки по истории советской школы и педагогики (1921—1931гг). М., 1961.

цинскую помощью одной из важнейших государственных задач»²⁶, и т.п. При этом «в тени» оставалась реальная повседневная жизнь детей: где они жили, чем питались, как одевались, во что играли, о чем мечтали, что в действительности представляли собой советские послереволюционные детские дома, как складывались взаимоотношения между детьми различных социальных групп и т.п. Этот информационный пробел частично восполняется богатым и получившим в последние годы широкую известность фольклором беспризорников и воспитанников детских учреждений, художественной литературой и кинофильмами тех лет, созданными при участии людей, знакомых с данной проблемой из личного опыта²⁷. Подобные источники, безусловно, обогащают наши знания яркими иллюстрациями из реальной жизни, но не дают целостного представления о многогранной и противоречивой действительности.

СССР — «государство неизбывного сиротства»

С конца 1980-х гг., в связи с изменившимися идеологическими ориентирами и переосмыслением истории России в целом, изменилась и оценка политики советского государства в области охраны детства. Советская детская и молодежная политика подвергалась жесткой критике в рамках общей тенденции огульного отрицания советского прошлого. Много писали, в частности, о фрагментарном решении проблем детства в СССР по принципу остаточного, а не приоритетного внимания, об отсутствии гарантий исполнения законов, о «превращении приоритетов детства в декларацию, не подтвержденную практическими действиями и ответственностью законодательных и исполнительных властей», и т.п. Крайне резко осудил советскую детскую политику председатель Советского, а затем и Российского детского фонда (СДФ/РДФ), директор НИИ детства А.А. Лиханов. По его словам, в Советской России «счастливое детство» было «не правдой, а политической фразой, технологическим аргументом в политическом самоутверждении»²⁸. В противовес широко распропагандированному в

²⁶ СУ-РКП. 1919. № 3.

²⁷ См. произведения А.С. Макаренко («Педагогическая поэма» о колонии им. М. Горького; «Марш 30-го года» и «Флаги на башнях» о Харьковской коммуны им. Ф.Э. Дзержинского), А.А. Маринова (автобиографические произведения «Государственные дети» и «Детский дом»), А.С. Неверова («Ташкент — город хлебный»); фильм реж. Н.В. Экка «Путевка в жизнь» (при работе над фильмом был использован опыт Большевской трудовой коммуны) и т.д.

²⁸ Положение детей в СССР. 1990 год. Состояние. Проблемы. Перспектива. М., 1990. С. 6; Актуальные проблемы современного детства. Вып. I—V.

советские годы клише «СССР — Родина счастливого детства» в популярной литературе 1990-х годов Советский Союз стали именовать «Государством Неизбывного Сиротства»²⁹.

В значительной степени эта критика была справедливой и полезной, даже необходимой, так как способствовала привлечению внимания общественности и власти к проблемам детства, а также поиску наиболее эффективных методов их решения. Авторы сознательно акцентировали внимание на наиболее острых сюжетах (младенческая смертность, детская преступность, проституция, наркомания и т.п.), использовали преимущественно темные краски и подчеркнуто мрачные эпитеты («убитое детство», «детство страдающее», «ненужное детство», «не рожденное детство» и т.п.) — своеобразная шоковая терапия. Все это было сделано, как подчеркивает А.А. Лиханов, чтобы *«те, кто проблемы детства видят в розовых очках, в этот раз не ошиблись в реальных оценках»*³⁰.

В то же время, увлекшись вполне своевременной и во многом обоснованной критикой, авторы зачастую игнорировали конкретно-историческую ситуацию, объясняя наиболее трагические моменты в истории советского детства исключительно порочностью самой советской системы, некой «злой волей» облеченных властью лиц. В публицистическом запале дети были названы «самой беззащитной и бесправной социально-демографической категорией» советского населения, а популярные в СССР лозунги в защиту детей («дети — наше будущее», «все лучшее — детям» и т.п.) объявлялись не более чем атрибутом коммунистической идеологической и пропагандистской риторики.

Таким образом, следует с сожалением признать, что подмена научно-исторического анализа эмоционально-публицистическим «плачем о детстве» в литературе конца 1980-х — начала 1990-х гг. привела к необоснованному отрицанию накопленного положительного опыта советской системы охраны детства и, как результат, — к отказу от ряда значимых достижений в этой сфере.

Тем не менее, невзирая на ряд грубых исторических ошибок и чрезмерное увлечение пафосом разоблачительства, работы этого периода имеют огромное общественно-историческое значение. В них собран и обобщен статистический материал того периода,

²⁹ См.: Положение детей в СССР. 1990 год. Состояние. Проблемы. Перспектива. М., 1990. С. 88.

³⁰ Положение детей в России. Социальный портрет... С. 8.

данные анкетных опросов, выборочных обследований³¹. Все это позволило создать объективную картину жизни детей в период трансформации общества, выявить наиболее уязвимые места в государственной системе охраны материнства и детства, определить насущные задачи общества в этой сфере³².

Не менее значим и содержащийся в работах этого периода настоятельный призыв к обществу принять активное участие в решении проблем детства. *«...Как бы там ни было, даже самые сложные проблемы могут еще чуть-чуть подождать, а дети ждать не могут! Ребенку нельзя постоянно говорить (как это было долгое время) “Завтра, послезавтра, через неделю”, ибо его имя: “Сегодня. Сейчас. Сию минуту!” [...] Дети ждут. Им нужна срочная социальная, нравственная, юридическая, медицинская, педагогическая, просто человеческая, но искренняя и реальная помощь...»*³³, — эти слова А. Лиханова можно назвать лейтмотивом литературы раннего периода трансформации советского общества.

Интернет-пространство, газеты и журналы, радио и телевидение захлестнула волна публикаций, документальных фильмов, разно-

³¹ Так, например, в первом квартале 1991 г. Госкомстатом СССР (с 1992 — Информцентр) совместно с НИИ детства было проведено единовременное выборочное обследование образа жизни подростков в возрасте от 12 до 16 лет в 43-х территориях России. В августе 1990 г. в ходе Всесоюзной встречи бывших воспитанников детских домов в г. Днепропетровске был проведен опрос с целью выявления основных причин современного сиротства. В середине 1991 г. лабораторией проблем социального сиротства НИИ было проведено анкетное обследование трехсот детских домов семейного типа. (См.: *Арошенко М.М., Илдеркина В.С.* Источники современного сиротства по результатам экспертного опроса // Социальные проблемы сиротства. М., 1992. С. 43—48; Образ жизни детей и подростков Российской Федерации. М., 1992; Положение детей в России. Социальный портрет... С. 23—26, 31—35, 55—64.)

³² Особо следует отметить исследовательскую деятельность НИИ детства Советского (Российского) детского фонда (СДФ/РДФ). В 1990 г. НИИ впервые подготовил государственный доклад «Положение детей в СССР», открывший серию аналогичных публикаций в последующие периоды. Результатом исследовательской работы НИИ стали также публикации: Актуальные проблемы современного детства. Вып. I—V. М., 1992—1998; серия брошюр «Проблемы детства: наука и практика» и др. Изучением различных аспектов детства активно занимались в этот период Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Институт молодежи совместно с Комитетом Российской Федерации по правам молодежи, ряд региональных научно-исследовательских и учебных заведений (только в Курганской области в 1993 г. было опубликовано 60 работ, так или иначе затрагивающих проблемы современного детства). Подробнее см.: Исследования социальных проблем положения детей // Положение детей в Российской Федерации... С. 71—75; *Кузнецова Л.В.* Исследования в защиту детства // Актуальные проблемы детства. Вып. III. М., 1994. С. 34—43 и др.

³³ Положение детей в СССР.. С. 3, 5.

образных ток-шоу, посвященных различным проблемам детства. Основное внимание неизменно акцентировалось на наиболее мрачных аспектах постсоветского российского детства (нарушение прав детей и жестокое отношение к ним, рост беспризорности и безнадзорности, распространение среди детей алкоголизма и наркомании, ВИЧ-инфекции и т.д.³⁴). К концу 1990-х гг. российская общественность все настойчивее призывала новую власть к активизации деятельности в сфере защиты детства. Ухудшение положения детей по всем системным показателям ежегодно фиксировалось статистикой и независимыми отечественными и зарубежными экспертами³⁵.

Развернувшееся общественное движение в свою очередь стимулировало развитие научных дисциплин, объектом внимания которых являются различные аспекты детства как социального явления и детей как специфической демографической категории (в некоторой степени этому способствовала утвержденная постановлением СМ РСФСР от 9.09.1993 г. федеральная программа «Дети России»). В литературе того периода прямо говорится, что *«назрела необходимость участия ученых не только в анализе социальных проблем детства, но и в определении концептуальных основ государственной социальной политики в интересах детей, привлечении внимания научного сообщества к задачам ее совершенствования»*³⁶.

Наибольшую активность в изучении экономических, социально-правовых и нравственно-этических проблем материнства и детства проявили в эти годы педагоги, социальные работники, юристы, культурологи, социологи, детские психологи и врачи. Так, например, об истории института усыновления в России писали в основном юристы, специалисты в области гражданского и семейного права³⁷. О патронировании до недавнего времени писали пре-

³⁴ Так, например, большой общественный резонанс вызвали документальные фильмы о детях-отказниках, о жестоком обращении с детьми в интернатах, больницах и детских домах («Казенные дети», реж. А. Лошак; «Дети коридоров», из цикла «Русские сенсации»; и др.).

³⁵ См., например: Буданова Г.П., Перевалов В.В. Российская пресса о детских проблемах // Актуальные проблемы современного детства. Вып. V. М., 1998. С. 96.

³⁶ Рыбинский Е.М. Кузнецова Л.В., Несмеянова М.И. Проблемы формирования российской государственной социальной политики в интересах детей // Актуальные проблемы современного детства. Вып. V. М., 1998. С. 25.

³⁷ См., например: Кустова В.В. Актуальные проблемы установления усыновления в российском праве // Журнал российского права. М. 2002. № 7. С. 81–87; Шохина Л.Н. Правовые основы государственной поддержки детей-сирот // Гражданин и право. М., 2002. С. 63–78; Волкова Н.Д. Состояние законности при усыновлении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Рос-

имущественно педагоги, социальные работники и сами патронатные родители³⁸. В результате в центре внимания исследователей оказалось изучение развития законодательства, изменений юридических норм в сфере усыновления, опекуновства и прочих альтернативных форм устройства детей-сирот; обмен опытом между педагогами и социальными работниками; анализ работы отдельных социальных структур и учреждений опеки и попечительства либо достижений отдельных регионов в деле борьбы с сиротством и т.д.

сийской Федерации (анализ практики прокурорского надзора) // Прокурорская и следственная практика: Орган генеральных прокуроров стран СНГ. М., 2000; 2003—2004. С. 73—82; и др.

³⁸ Вплоть до начала нынешнего столетия история патронирования и института усыновления в послереволюционной России изучалась преимущественно зарубежными исследователями, работы которых не были переведены на русский язык. (См., например: *Bernstein L. Fostering the Next Generation of Socialists. Patronirovanie in the Fledgling Soviet State* // *Journal of Family History*. 2001. Vol. XXVI. № 1. P. 66—89; *Bernstein L. The Evolution of Soviet Adoption Law* // *Journal of Family History*. 1997. Vol. XXII. № 1. P. 204—226; *Ball A.M. The Roots of Besprizornost' in Soviet Russia's First Decade* // *Slavic Review*. 1992. Vol. 51 № 2; *Ball A.M. And Now My Soul is Hardened. Abandoned Children in Soviet Russia, 1918—1930*. Berkeley: University of California Press, 1994; *Goldman W. Women, the state and revolution: Soviet family policy and social life, 1917—1936*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 97—99, 307—308.) В отечественной литературе ряд любопытных статей на тему патронатного воспитания вышел непосредственно в период изучаемых событий, т.е. в 1920—1930-х и в конце 1940-х гг. (*Назаров Д. Опыт размещения детей и подростков из детдомов по крестьянским семьям* // *На помощь детям*. М., 1926. С. 16—17; *Орловский Б., Окуньков А. О патронировании (передача воспитанников детских домов в трудовые семьи)* // *Школа и жизнь*. 1926. № 6—7. С. 28—31; *Павловский В.А. Опыт отдачи детей в патронат в городе Москве* // *Охрана материнства и младенчества*, 1925 № 2 С. 118—124; *Попов М. Детская беспризорность и патронирование*. Иваново, 1929; *Родман В.П. Задачи патроната* // *Вопросы материнства и младенчества*. 1939. № 2—3; *Серебряный М.С. Льготы крестьянам за воспитание беспризорных*. М.; Л., 1927; *Свердлов Г.М. Война и правовая охрана детей в СССР*. Ташкент, 1943; и др.) С конца прошлого века патронирование в Советской России становится объектом пристального изучения педагогов и социальных работников. (См., например, работы М.Ф. Терновской, одного из крупнейших современных практиков и теоретиков патронатного воспитания: *Терновская М.Ф. Патронат как механизм реализации права ребенка жить и воспитываться в семье* // *Сироты России: Право ребенка на семью*. М., 2001. *Ее же. Реабилитационный детский дом и служба патронатного воспитания детей-сирот и детей из неблагополучных семей* // *Защити меня*. М., 1998. С. 12—13; *Терновская М.Ф., Бухман Е.В., Власова Е.В., Зайцев С.В. и др. Работа детского дома № 19 г. Москвы как уполномоченной службы органов опеки и попечительства*. М., 2001; *Терновская М.Ф., Иванова Н.П. Развитие патронатного воспитания в регионах России*. М., 2002; *Терновская М.Ф. и др. Отчет о мониторинге и оценке деятельности опытно-экспериментальных площадок по устройству детей на воспитание в семью*. Ч. 1, 2. М., 2003; и др.). На новый уровень исследование этой темы выходит лишь в 2000-х годах.

Среди исторических работ рубежа XX—XXI веков особо следует отметить публикации в ежегодниках по социальной истории³⁹; работы А.М. Нечаевой, М.Р. Зезиной и Е.Б. Бреевой⁴⁰, отличающиеся высоким профессионализмом, взвешенным, объективным анализом, свободным от идеологической предвзятости.

Поиски новых подходов, перспективы исследований

На рубеже XX—XXI веков история материнства и детства, социальной работы и благотворительности попала в число приоритетных направлений исторических и социологических исследований. Историография этих проблем чрезвычайно обширна, насчитывает десятки тысяч наименований, не говоря уже о сотнях тысяч публикаций в СМИ⁴¹. Спектр изучаемых проблем истории детства в эти годы был

³⁹ См., например: *Журавлев С.В., Соколов А.К.* «Счастливое детство» // Социальная история. Ежегодник. 1997. М.: РОССПЭН, 1998. С. 159—204; *Кошелева О.Е.* Дети как наследники в русском праве с древнейших времен до петровского времени // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М.: РОССПЭН, 1999. С. 177—204; *Сальникова А.А.* Школьные сочинения детей русской эмиграции как источник по социальной истории России, 1917—1920 гг. // Социальная история. Ежегодник. 2001—2002. М.: РОССПЭН, 2004. С. 324—354; *Смирнова Т.М.* Дети Советской России (по материалам Деткомиссии ВЦИК. 1921—1924 гг.) // Социальная история. Ежегодник. 2001—2002. М.: РОССПЭН, 2004. С. 486—528.

⁴⁰ *Бреева Е.Б.* Дети в современном обществе. М., 1999; *Ее же.* Детская беспризорность: современная ситуация, возможные стратегии // Дети и молодежь — будущее России: Материалы Российской научно-практической конференции, г. Вологда, 27—29 июня 2002 г. Вологда, 2002; *Зезина М.Р.* Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945—1955) // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 127—136; *Ее же.* Система социальной защиты детей-сирот в СССР // Педагогика. 2000. № 3; *Нечаева А.М.* Россия и ее дети (ребенок, закон, государство) / Институт государства и права РАН. М., 2000; *Ее же.* Охрана детей-сирот в России (История и современность). М., 1994; *Ее же.* Ребенок под опекой. М., 1993.

⁴¹ См., например: *Арефьев А.Л.* Беспризорные дети России // Социологические исследования. 2003. № 9. С. 61—72; *Безленкина Л.Ф.* Семья нуждается в поддержке // Семья и школа. 1995. № 6. С. 10—11; *Брутман В.И.* Раннее социальное сиротство. М., 1994; *Василькова Ю.Т., Василькова Т.А.* Социальная педагогика. М., 1999; Дети в меняющемся мире...; Дети и молодежь — будущее России...; Дети России. М., 2003; Детская безнадзорность и преступность: взгляд с разных сторон. Н.-Новгород, 2002; *Исупова О.Г.* Социальный смысл материнства в современной России: «Ваш ребенок нужен только Вам» // Социологические исследования. 2000. № 11; Материнство и детство в России XVIII—XXI вв.: Сборник научных статей. В 2 ч. Ч. II. М., 2006; Нужда и порядок: История социальной работы в России, XX в.: Сб. науч. статей. Саратов, 2005; *Орешкина С.Г.* Особенности социального положения детей в условиях реформирования российского общества (на материалах Иркутской области). Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Улан-Удэ, 2004; Теория и практика социальной работы. Актуальные проблемы социального сиротства. Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1995;

чрезвычайно широк. На сегодняшний день практически не осталось запретных тем. Активно изучаются проблемы, которые ранее по тем или иным причинам не привлекали внимание исследователей — историков, социологов, культурологов, этнографов, педагогов, психологов. Так, еще недавно практически не изученными оставались такие темы, как положение в России так называемых «дефективных» детей и «детей ГУЛАГа», судьбы детей представителей «социально чуждых» слоев после революции, повседневный досуг советских детей в семьях и детских домах, проблемы усыновления и патронатного воспитания и многие другие. Сейчас эти вопросы активно изучаются⁴².

Появляются интересные работы на региональном уровне⁴³. В научный оборот вводятся новые источники (в частности, большое внимание уделяется так называемым детским текстам и визуальным источникам⁴⁴). Существенное развитие получила и иссле-

---

Учреждения социальной защиты / Сост. Н. Сергунькин, М., 2000; Энциклопедия социальной работы. В 3 т. / Пер. с англ. М., 1994; и др.

⁴² См., например: Дети ГУЛАГа. 1918—1956 / Под ред. А.Н. Яковлева; сост. С.С. Виленский и др. М., 2002; *Рыбакова Т.М.* Украденное детство (репрессированные дети и дети репрессированных родителей в 1930—1940-е годы) // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала — история и современность Глазов, 1999; *Рябинина Н.В.* «Морально-дефективные» — кто они? К истории детской беспризорности и преступности в 1920-е годы // Век нынешний, век минувший... Исторический альманах. Ярославль, 1999. С. 56—65; *Салова Ю.Г.* Детский досуг в Советской России (1920-е годы). Ярославль, 2000; *Смирнова Т.М.* Дети лихолетья: Повседневная жизнь советских детдомовцев. 1917 — начало 1920-х гг. // Материнство и детство в России XVIII—XXI вв. Ч. I. М., 2006. С. 255—299; *Ее же.* «Любимые дети Советской республики»: история патронирования детей в Советской России. 1918—1930-е гг. // Вестник РУДН. 2007. № 2. С. 25—37; *Ее же.* Опыт патронатного воспитания детей в Советской России и современность // Какорея. Из истории детства в России и других странах: сб. статей и материалов. Труды семинара РГГУ «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 1. М.; Тверь, 2008. С. 174—196; *Шуткова Е.Ю.* Проблемы изучения истории репрессий в отношении несовершеннолетних граждан в период Советской власти // Вестник Удмуртского университета. 2002. № 4. С. 59—64; и др.

⁴³ См., например: *Лаврова И.А.* Борьба с беспризорностью на Урале в 1929—1941 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2009; *Реутова А.Д.* Ликвидация массовой детской беспризорности в 1921—1935 годах (На материалах Верхневолжья). Дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2004; *Федотова А.Ю.* Помощь голодающему населению ТАССР советскими и иностранными организациями в 1921—1923 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011; и др.

⁴⁴ См., например: *Градскова Ю.* «Нигде так не берегают детство, как в нашей стране»: дошкольные учреждения в советском документальном кино, 1946—1960-е годы // Визуальная антропология: Режим видимости при социализме. М., 2009. С. 359—370; *Минина М.* Образ сироты в советском плакате 1920—1930-х годов // Визуальная Антропология: Режим видимости при социализме. М., 2009. С. 272—288; *Нарский Н.* Фотокарточка на память: семейные истории,

довательская работа. В частности, активно применяются новые методы социальной истории, устной истории и истории повседневности, гендерного анализа, этнопедагогики и др.

Отечественная историография истории советского детства, долгое время развивавшаяся изолированно, становится в этот период неотъемлемой частью мировой исторической науки. Российскими исследователями был освоен накопленный к началу нынешнего столетия значительный объем иностранной литературы, посвященной различным аспектам истории детства⁴⁵; начали появляться совместные исследовательские проекты и постоянно действующие международные научные семинары⁴⁶. Не вызывает сомнений значительный вклад в изучение истории российского/советского детства зарубежных исследователей⁴⁷.

фотографические послания и советское детство (Автобио-историко-графический роман). Челябинск, 2008; Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань, 2007.

⁴⁵ См., например: Ball A.M. The Roots of Besprizornost' in Soviet Russia's First Decade // *Slavic Review*. 1992. Vol. 51. № 2; Ball A.M. And Now My Soul is Hardened. Abandoned Children in Soviet Russia, 1918—1930. Berkeley: University of California Press, 1994; Bernstein L. Fostering the Next Generation of Socialists. Patronirovanie in the Fledgling Soviet State // *Journal of Family History*. 2001. Vol. XXVI. № 1. P. 66—89; Bernstein L. The Evolution of Soviet Adoption Law // *Journal of Family History*. 1997. Vol. XXII. № 1. P. 204—226; Bernstein L. Communist Custodial Contests: Adoption Rulings in the USSR after the Second World War // *Journal of Social History* (Summer 2001). P. 843—861; Chao P. Women under communism: Family in Russia and China / Bayside. N.Y.: General Hall, 1977; Goldman W. Women, the state and revolution: Soviet family policy and social life, 1917—1936. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 97—99, 307—308; Ransel D.L. Mothers of Mystery: Child Abandonment in Russia. Princeton, 1988; Lindenmeyr A. Maternalism and Child Welfare in Late Imperial Russia // *Journal of Women's History*. Fall 1993. Vol. 2; и многие другие. Подробнее см.: Children in Historical and Comparative Perspective. An international handbook and research guide / Ed. by J.M. Hawes and N. Ray Hiner. N.Y.; Westport; Connecticut; London, 1991; Childhood Studies. A Reader in Perspectives of Childhood / Ed. by Mills J. and Mills R. London; N.Y.: Routledge, 2000.

⁴⁶ См., например: Sowietjugend. 1917—1941: Generation zwischen Revolution und Resignation / C. Kuhr-Korolev, S. Plaggenborg, M. Wellman. 1. Aufl. Essen: Klartext, 2001; Russian Studies in History. Vol. 48. № 4. Children on the Margins in Soviet Russia / Guest editor: S. Zhuravlev. N.Y.: M. E. Sharpe, 2010; и др. Постоянными участниками организованного при РГГУ семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики» наряду с отечественными исследователями являются и зарубежные историки (Катриона Келли, Жаклин Олич, Лари Холмс и многие другие).

⁴⁷ См., например: Caroli D. L'Enfance abandonnée et délinquante dans la Russie soviétique (1917—1937). Paris: L'Harmattan, 2004; "Homeless Children". Encyclopedia of Russian History. N.Y.: Macmillan Reference USA, 2003; Kelly C. Children's World: Growing Up in Russia, 1890—1991. New Haven; London: Yale University Press, 2007; Kelly C. Comrade Pavlik. The Rise and Fall of a Soviet Boy Hero. London: Granta Books, 2005; Kelly C. "The School Waltz": The Everyday Life of the Post-Stalinist So-

О необычайном всплеске интереса к самым различным проблемам детства в последние два десятилетия свидетельствует и количество защищенных в эти годы диссертаций (как кандидатских, так и докторских) по данной проблематике. В частности, электронный каталог диссертаций и авторефератов disserCat на запрос «Советское детство» моментально выдал почти 19 тыс. документов, на запрос «борьба с детской беспризорностью» — 1248 документов; и на запрос «советское послереволюционное детство» — 534 документа.

Однако популярность темы, ее политическая востребованность имеют и обратную сторону — неизбежный «побочный эффект» в виде появления работ-скороспелок «на злобу дня». Стремясь не упустить момент, некоторые исследователи торопятся сделать громкое заявления об изучении ими новой темы, не потрудившись предварительно должным образом изучить историографию проблемы и весьма поверхностно изучив источники. Слабое знание источниковой базы нередко компенсируется откровенным плагиатом и недобросовестным цитированием, фактически являющимся скрытой формой плагиата⁴⁸.

Наиболее болезненные страницы истории советского детства, например борьба с беспризорностью в послереволюционной России, становятся объектами не столько исторического изучения, сколько политических спекуляций. Ярким примером может служить вышедший в 2009 г. под редакцией профессора МГИМО А.Б. Зубова двухтомник «История России. XX век», получивший массу диаметрально противоположных откликов — от восторженных до обличительных⁴⁹. Из почти двух тысяч страниц первого тома проблеме детской беспризорности в послереволюционной России

---

viet Classroom // Forum for Anthropology and Culture. № 1. 2004; Kelly C. "Thank You for the Wonderful Book": Soviet Child Readers and the Management of Children's Reading, 1950—1975". *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 6. 4 (Fall 2005); *Kuhr-Korolev C.* «Gezähmte Helden». Die Formierung der Sowjetjugend 1917—1932. Essen: Klartext Verlag, 2005; и многие другие.

⁴⁸ Так, например, главный редактор журнала «Русское слово» А. Хлебина опубликовала в Чехии статью «Лишенные детства. Советские дети в Чехословакии, 1921—1929» (Русское слово [Электронный ресурс]: 10/2011 <http://www.ruslo.cz/articles/708/>), в которой дважды упоминается статья автора данной монографии «Эвакуация голодающих детей Советской России за границу, 1921 год» (*The Soviet and Post-Soviet Review*, 33, Vol. 2—3 (2006), Charles Schlacks, Publisher Idyllwild, California, USA, 2007. P. 251—288), после чего фактический материал из этой статьи, а также статистические данные, подсчитанные автором на основе архивных материалов, используются Хлебиной без каких-либо ссылок.

⁴⁹ См., например: *Samuelson L.* Reflections on the historiography of a reactionary era // *Baltic Worlds*. June 2010. Vol III: 2. P. 52—59; *Галеев К.* Краткий курс профессора Удо Крафта или Некоторые новые старые тенденции в отечественной историографии

и борьбе с ней авторы посвятили менее двух страниц, содержание которых сводится к тому, что главным методом борьбы с беспризорностью в послереволюционной России были репрессии. Сопоставляя данные о численности беспризорных в 1922 и 1930-х гг. (соответственно 9 и 2—2,5 млн.), авторы исследования приходят к следующему утверждению: «Беспризорники в большинстве своем погибли в результате репрессий и от голода 1932—1933 гг. Так сталинский режим покончил с беспризорностью»⁵⁰. С этим согласна и Е. Шуткова, утверждающая в своей диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, что в Советской России «насилие, произвол, террор были возведены правящим режимом в ранг государственной политики», в том числе и «детской»⁵¹.

Эти идеи тиражируются расплодившейся в последние годы околоисторической популярной литературой, авторы которой в угоду политической конъюнктуре не брезгают и откровенной фальсификацией. Интернет-пространство заполнено бесконечным количеством претендующих на научность статей о советском детстве, но при этом не содержащих никаких ссылок на источники. Авторы этих статей ссылаются на статистические данные неизвестного происхождения и делают на их основании глобальные исторические выводы. О качестве этих работ можно судить и по тому факту, что весьма распространенным явлением стало почти дословное совпадение целых абзацев текстов в статьях различных авторов⁵².

на примере книги «История России. XX век» под редакцией профессора МГИМО А.Б. Зубова [Электронный ресурс] http://scepsis.net/library/id_3089.html.

⁵⁰ История России. XX век: 1894—1939 / под редакцией А.Б. Зубова. М.: Астрель, 2009 С. 928.

⁵¹ Шуткова Е.Ю. Советские политические репрессии в отношении несовершеннолетних (1917—1953 гг.) // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ижевск, 2003 [Электронный ресурс] [//www.elenashutkova.ru/pupl/ap5.htm](http://www.elenashutkova.ru/pupl/ap5.htm).

⁵² Сравни, например, следующие тексты разных авторов: «С первых лет Советской власти вся работа по защите прав детей, включая и борьбу с беспризорностью, была возложена на Совет защиты детей при Народном комиссариате просвещения, созданный 30 января 1919 года Постановлением СНК. В него входят представители наркоматов труда, социальной защиты и продовольствия. Однако Совет защиты детей сколько-нибудь реальными силами и возможностями. Единственной действовавшей в те годы организацией была созданная силами общественных деятелей, учителей и кооператоров Лига спасения детей. [...] К 20-му году рост беспризорности достигает апогея и приостанавливается. К этому времени сироты среди беспризорных составляют уже более 60%, но точных данных по-прежнему нет, так как не ведется даже грубого учета. Однако ситуация уже осознана, и предпринимаются первые попытки регулярной борьбы с беспризорностью силами государства, но пока они больше похо-

Складывается ситуация, когда сделанные кем-то ошибочные выводы (либо чья-то сознательная фальсификация) переходят из одной статьи в другую, тиражируются недобросовестными авторами с помощью интернет-ресурсов и выдаются за некое новое «историческое знание». В результате, вместо ожидаемых ответов на вопросы мы получаем бесчисленное множество новых вопросов.

***

Несмотря на значительные успехи, достигнутые в последнее десятилетие отечественной и зарубежной историографией в сфере изучения детства и материнства в послереволюционной России, тема эта не теряет своей актуальности. По мере изучения проблемы выявляются все новые и новые ее аспекты, не нашедшие должного отражения в исследованиях, открывается доступ к засекреченным ранее фондам, соответственно, растет и количество вопросов, обнаруживаются допущенные ранее ошибки и неточности. В частности, практически не изучена проблема развития в Советской России института усыновления (а точнее, причины его неразвитости); слабо изучена практика патронирования и передачи детей на коллективную опеку колхозам, совхозам или рабочим бригадам. Не получила должной оценки роль Общества «Друг детей»⁵³. До сих

жи на борьбу не с беспризорностью, а с беспризорниками». (Рудов А. Беспризорная Россия // Индекс. 2002. № 17 [Электронный ресурс] <http://index.org.ru/journal/17/rudov.html>) И: «С первых лет Советской власти вся работа по защите прав детей, включая и борьбу с беспризорностью, была возложена на Совет защиты детей при Народном комиссариате просвещения, созданный 30 января 1919 года Постановлением СНК. В него входят представители наркоматов труда, социальной защиты и продовольствия. Однако Совет защиты детей Наркомпроса в эти годы — скорее номинальная организация, не располагающая сколько-нибудь реальными силами и возможностями. Единственной действовавшей в те годы организацией была, созданная в октябре 1918 года по инициативе Владимира Галактионовича Короленко силами общественных деятелей, учителей и кооператоров, Лига спасения детей (действовала до 1926 года) [...] В условиях Гражданской войны, к 20-му году, рост беспризорности достигает апогея и приостанавливается. К этому времени сироты среди беспризорных составляют уже более 60%, но точных данных по-прежнему нет, так как не ведется даже грубого учёта. Однако ситуация уже осознана, и предпринимаются первые попытки регулярной борьбы с беспризорностью силами государства, но пока они больше похожи на борьбу не с беспризорностью, а с беспризорниками.». (Кулаков К.В. Права ребенка как категория правовая и педагогическая: история вопроса [Электронный ресурс]: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=915)

⁵³ Так, например, исследовавшие деятельность ОДД Т.П. Бибанов и А.Н. Чистиков (см.: Бибанов Т.П. Комсомол и общество «Друг детей» // Позывные истории. Вып. 8. М., 1985. С. 176—185; Его же. Общество «Друг детей» // Вопросы истории. 1985. № 12. С. 166—168; Чистиков А.Н. Из истории Ленинградского

пор нет адекватной комплексной реконструкции повседневной жизни воспитанников советских послереволюционных детдомов, есть много вопросов относительно воспитания так называемых «дефективных» и «морально-дефективных» детей и т.п.

К сожалению, широко распространенная в 90-е годы прошлого века тенденция прямого противопоставления детства «идеального» (т.е. созданных советской пропагандой стереотипов о «счастливом детстве») и детства реального нашла свою нишу и в современной отечественной историографии. Работ подобного рода в последние два десятилетия было написано немало. Чрезмерная концентрация на разоблачении «мифа о счастливом советском детстве» мешает исследователям увидеть ситуацию во всей ее многогранности, в том числе оценить положительные моменты в советской системе охраны материнства и детства, закономерности в развитии этой системы, понять ситуацию в контексте общемировых тенденций в данной области.

Общее состояние историографии таково, что имеются разрозненные исследования, нацеленные преимущественно на ликвидацию тех или иных «лакун» в изучении истории российского/советского детства: детально разрабатываются те или иные аспекты этой многогранной темы; изучается региональная специфика проблемы; реконструируется внутренний мир детей различных возрастных групп и т.д. Как справедливо отметила американский специалист в области истории детства XX в. Жаклин Олич, российская историография истории детства на данный момент приближается к «критической массе», что выдвигает на повестку дня задачи перехода из количества в качество — к более интегрированному и

отделения общества «Друг детей» // Добровольные общества в Петрограде-Ленинграде в 1917—1937 гг.: Сб. ст. Л.: Наука, 1989. С. 35—56) утверждают, что Общество «Друг детей» было распушено «как выполнившее свою миссию» («выполнившее главные задачи»). (Бибанов Т.П. Общество «Друг детей»... С. 168; Чистиков А.Н. Указ. соч. С. 53—54.) Однако истинные причины ликвидации общества заключались прежде всего в многочисленных злоупотреблениях его руководства. В частности, в течение последних двух лет существования ОДД в деятельности его подсобных предприятий органами Партсовконтроля, НК РКИ и прокуратуры был вскрыт ряд деяний «преступного характера». Руководство ряда региональных подразделений ОДД, прикрываясь необходимостью сбора средств, открывало на собранные деньги «игорные дома» и прочие «притоны». (См.: ГА РФ. Ф. А-393. Оп. 1. Д. 218. Л. 1, 6; ГА РФ. Ф. А-393. Оп. 1. Д. 223. Л. 14—15; Кондурушкин И.С. Частный капитал перед советским судом. М.; Л., 1927. С. 40; Задачи общества «Друг детей» в реконструктивный период: По материалам I Всероссийского съезда ОДД 21—25 мая 1931 г. М.; Л., 1931. С. 9). 25 мая 1934 г. Президиум ВЦИК специальным постановлением признал работу ОДД неудовлетворительной, а 1 июня 1935 г. ОДД было ликвидировано.

«тонкому» пониманию проблемы⁵⁴. На данном этапе крайне важно понять и оценить основные достижения и утраты в сфере российского/советского детства в периоды социальных потрясений и противоречивых преобразований минувшего столетия, осознать, в какой степени отечественный опыт был уникален (либо, напротив, являлся частью общемировых процессов) и почему и т.д.

Данная монография не претендует на исчерпывающее исследование советского послереволюционного детства во всей полноте этого многогранного противоречивого явления. Попытка изучить все аспекты мира советского детства и системы охраны материнства и детства в послереволюционной России неизбежно приведет к поверхностности исследования, созданию схематичной картины реальности, что называется «с высоты птичьего полета», т.е. к повторению общеизвестных фактов. Автор монографии предпочла сконцентрировать внимание на отдельных, наиболее «больных», а также наименее изученных (либо наиболее дискуссионных) проблемах истории советского детства, вписав их в общеисторический контекст.

Среди них — непростой путь формирования детской и молодежной политики, данный в динамике с выделением наиболее значимых, переломных периодов. Воссоздавая и анализируя в первой главе монографии болезненный процесс формирования советской детской политики, автор стремилась избегать идеологических и политических оценок, акцентировать внимание на сопоставлении декларируемых властью принципов и практическом воплощении их в жизнь на местах, выявлению причин их разительного несоответствия.

Отдельно рассматривается вопрос о соотношении в решении проблем детства роли государства и общества, общества и личности. Интерес к данной теме обусловлен не только научной актуальностью проблемы, но и личной заинтересованностью автора как матери, желанием проанализировать советский опыт в сфере охраны и защиты детства, чтобы понять истоки современных наиболее острых проблем в этой сфере, выявить положительные и негативные составляющие этого опыта, отделить перспективные пути решения современных проблем детства от опасных и тупиковых. Этим вопросам посвящена вторая глава.

В центре внимания третьей главы находится одна из наиболее трагических страниц истории советского детства — голод 1921—1922 гг. и неудача кампании эвакуации детей из голодающих губер-

---

⁵⁴ Olich J.M. Review Essay: The Russianists Love Their Children, Too // Journal of the History of Childhood and Youth. Fall 2008. Vol. 1. № 3.

ний. Будучи одной из «болевых точек» советского прошлого, эта тема неизменно находится в центре разнообразных политических спекуляций журналистов и псевдоисториков. «Один сплошной кошмарный ужас»⁵⁵, — эти слова председателя Самарской губернской ДТК Дружницкого из отправленной им в январе 1922 г. в ЦК Помгол телеграммы как нельзя лучше отражают повседневные реалии тех лет. Можно привести еще с десяток аналогичных цитат из источников, взятых без учета исторической конъюнктуры, и на этом основании сделать вывод о гнусности и жестокости советской власти, повинной в гибели миллионов детей. Именно так и сделал, например, господин Абаринов, напичкавший свой текст многочисленными мрачными цитатами из документов (взятыми, кстати, из статей автора данной монографии)⁵⁶. Подобные идеи активно пропагандируются с помощью интернет-пространства, в том числе и через чрезвычайно популярные у современной молодежи социальные сети⁵⁷. Таким образом фальсифицированные исторические знания формируются на базе реальных, но тенденциозно подобранных исторических фактов и источников. Будучи невольно вовлеченной в этот процесс, автор не могла обойти вниманием тему голода и эвакуации (как внутренней, так и за границу) детей из голодающих губерний.

Аналогичная ситуация складывается и в отношении реконструкции повседневной жизни воспитанников детских учреждений закрытого типа (детдомов, приемников, колоний). Практически не изучен вопрос о системе финансирования этих учреждений (в том числе целевого финансирования досуга), подборе и качестве кадров (в том числе медицинских), действенности социальных лифтов выпускников детдомов, эффективности общественного и партийного контроля за жизнью детей. Все это стало предметом рассмотрения в четвертой главе.

Последняя глава посвящена исследованию многогранной (и на данный момент слабоизученной) проблемы развития в СССР семейных форм воспитания сирот. Актуальность и практическая значимость данной проблемы сегодня чрезвычайно высока в свете взятого страной курса на массовое сокращение детских домов и развитие семейных форм воспитания сирот.

Таким образом, за рамками исследования осталось множество значимых проблем истории детства, таких как развитие системы начального и среднего образования и новации в образовательной програм-

⁵⁵ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 141. Л. 2.

⁵⁶ <http://grani.ru/opinion/abarinov/m.212092.html>

⁵⁷ См., например: http://vk.com/history_white.

ме; особенности развития в России педологии; система воспитания дошкольников в детских садах; борьба с беспризорностью и многие другие⁵⁸. Все эти вопросы затрагиваются в рамках решения поставленных исследовательских задач лишь по мере необходимости.

Таким образом, автор сознательно уходит от традиционного хронологического принципа построения книги. В работе нет сплошной периодизации, каждая глава представляет собой самостоятельный очерк, имеющий свою внутреннюю периодизацию. Такое построение материала обусловлено выбранными исследовательскими задачами. История детства — тема чрезвычайно широкая, различные ее аспекты изучены неравномерно. Разделение монографии не на классические главы, а на главы-очерки, представляющие собой отдельные самостоятельные тематические блоки, позволило автору более глубоко проанализировать выбранные аспекты исследуемой темы, избежав при этом повторения общеизвестных фактов и наиболее изученного материала.

Комплексный подход к источникам и методам исторического исследования — «всеядность» или профессионализм?

Источниковедческая база — основополагающий вопрос для любого исследователя. Адекватная реконструкция прошлого должна основываться на комплексном источниковедческом подходе, предпола-

⁵⁸ Тема борьбы с беспризорностью в послереволюционной России является одной из наиболее актуальных и дискуссионных в рамках истории советского детства. Несмотря на значительный объем историографии (подробнее об этом см.: *Егорькова И.А.* Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в 1918–1935 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2011; *Мамеева Т.Н.* Социально-культурная деятельность государственных и общественных организаций по ликвидации детской беспризорности в Москве в 20-х — начале 30-х гг. XX века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; и др.), данная проблема по-прежнему нуждается в отдельном специальном исследовании, так как в силу своей политической остроты неизменно находится в центре дискуссий и всякого рода псевдоисторических спекуляций. Тема борьбы с беспризорностью — это не только проблема истории детства, но и проблема социальной политики в целом, борьбы с преступностью, государственной безопасности. В этом отношении нельзя не вспомнить слова Н.К. Крупской, считавшей необходимым выделить задачи борьбы с беспризорностью в качестве особого направления деятельности государственной власти: *«Нужно создать в Главоцвесе орган охраны детства. Он не должен сливаться с органом, работающим над ликвидацией беспризорности. Хотя охрана детства тесно связана с беспризорностью, служит одним из самых надежных средств предупреждения ее, однако смешивать в одном органе эти два дела не следует. Беспризорность — такое большое дело, требует так много заботы, что охрана детства невольно будет оттесняться на задний план»* (*Крупская Н.К.* «Охрана детства» // Правда 7 марта 1926 г. № 55 (3284). С. 1)

гающем использование широкого круга источников разных видов, исходящих из различных ведомств, созданных представителями различных социальных групп и разных политических убеждений (и прежде всего — так называемых «рядовых обывателей»), обеспечивающих взаимную перепроверку информации за счет получения данных об одном и том же событии из разных источников и под разными ракурсами, а также обеспечивать возможность достижения более детальной исторической реконструкции и реализации необходимых приемов источниковедческой критики для решения вопросов достоверности сведений. Мысль эта далеко не нова и на первый взгляд кажется прописной истиной. Однако в свете последних настораживающих тенденций хотелось бы уделить этому вопросу особое внимание.

Комплексный подход к источникам, который еще недавно казался незыблемым принципом методологии истории, в последние годы стал подвергаться в России неожиданной ревизии. В частности, Н.В. Елина и Т.В. Знаменщикова в одной из своих рецензий скептически называют его «всеядностью», ведущей к излишней «сложности в интерпретации источников»⁵⁹. А между тем, именно эта «сложность» — необходимая составляющая создания репрезентативной базы источников и оценки достоверности получаемой информации, являющейся, в свою очередь, фундаментом адекватной реконструкции прошлого.

Любые попытки найти наиболее значимую, наиболее «объективную» группу источников, абсолютизация того или иного документального комплекса, якобы содержащего историческую «правду» во всей ее полноте, неизбежно приводят к одностороннему отражению прошлого, его фальсификации. Так, закономерное разочарование распространенной в советской историографии традиции выделять в качестве «основных» источников законы и нормативно-распорядительную документацию, отражающую не столько историческую практику и реальную жизнь общества, сколько декларируемую властью политику, привело в 1990-е годы к другому перекосу — чрезмерному увлечению недоступными ранее исследователям материалами советских карательных органов. В результате тема насилия со стороны власти («красного террора», сталинских репрессий и т.п.) стала одной из приоритетных в современной отечественной историографии, а история ГУЛАГа порой объявлялась главным сюжетом и квинтэссенцией советского прошлого. Сводки ВЧК-ГПУ-НКВД, представляющие картину с одной стороны, нередко провозглашаются наиболее надежным и объек-

---

⁵⁹ Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5. № 4. С. 562.

тивным источником и потому не подвергаются серьезному источниковедческому анализу. Нам ближе точка зрения исследователей, считающих, что, несмотря на «кажущуюся точность, достоверность и доказательность», «одна из наиболее ярких характеристик сводок — субъективизм, приобретающий особую значимость в условиях принадлежности документа к столь “серьезной” организации, как ОГПУ»⁶⁰. Нельзя не согласиться с Т. Мартином, утверждающим, что ОГПУ сосредотачивало свое внимание преимущественно на негативной информации, которая к тому же «пропускалась через искаженную призму существовавшей при советском режиме “марксистской” системы деления общества на классы»⁶¹. Следует отметить, что, в отличие от тех исследователей, которые склонны чрезмерно доверять информационным материалам спецслужб, само руководство ВЧК-ОГПУ относилось к сводкам, составляемым подведомственными им службами, с большой осторожностью. «Присылаемые с мест материалы, — говорилось, в частности, в одном из циркулярно-информационных писем Секретного отдела ВЧК в 1919 г., — *страдают отсутствием элементарной вдумчивости и понимания окружающей жизни — в большинстве содержат в себе подробные описания нехарактерных эпизодов, по которым совершенно невозможно составить выпуклой картины общего состояния губернии и совсем не отражают текущей жизни*»⁶².

Не менее опасной является и наметившаяся в современной историографии абсолютизация источников личного происхождения и материалов «устной истории». Справедливое утверждение об особой значимости для социальной истории и истории повседневности этой группы источников, недооценивавшихся ранее в силу их очевидной «субъективности», оказалось воспринято некоторыми исследователями как возможность реконструировать прошлое, опираясь преимущественно (или даже исключительно) на источники личного происхождения или на материалы интервью⁶³.

⁶⁰ Об особенностях источниковедческого анализа сводок см.: Журавлев С.В. Документальная история «четвертой российской революции» // Рязанская деревня в 1929—1930 гг.: Хроника головокружения. Документы и материалы / Отв. ред.-сост. Л. Виола, С. Журавлев и др. М.; Торонто, 1998. С. VI—XXI.

⁶¹ Мартин Т. Обзоры ОГПУ и советские историки // «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.). Т. 1. Ч. 1. М., 2001. С. 22, 23—24.

⁶² Цит. по: «Совершенно секретно»... С. 35, 58.

⁶³ Так, например, А. Сальникова не только считает допустимым строить преимущественно на базе «детских» текстов выводы, относящиеся к более общим проблемам советского детства, но и признает «возможность привлечения детей в качестве основных, а подчас и единственных информантов о прошлом». (Саль-

В 1990-е гг. получили распространение историко-социологические исследования, в которых выводы, полученные на основании всего лишь нескольких интервью, отдельных письменных воспоминаний, детских текстов или даже устных семейных легенд, без тщательной источниковедческой критики принимались на веру и с легкостью экстраполировались на весь социум или проблему⁶⁴.

Наряду с игнорированием вопросов репрезентативности источников, появилась опасная тенденция смешения источников с литературой. Путаницу в понятиях «источники» и «литература» можно видеть в подавляющем большинстве списков использованных источников и литературы как в монографиях, так и в квалификационных научных работах — диссертациях на соискание ученой степени кандидата и даже доктора исторических наук. Встречаются и работы, полностью построенные на непонимании самой сути исторического источника как такового. Так, например, статья Е. Червоненко «Система защиты детей и элементы патронирования в Советской России» обещает читателю предоставить «анализ нескольких иностранных источников о развитии системы защиты детей и патронатного воспитания в Советском Союзе»⁶⁵. Одна-

---

никова А.А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань, 2007. С. 72).

⁶⁴ Так, например, Е. Фотеева реконструировала истории семей Земляниных и Малаховых на основе рассказов внучек, знакомых с событиями лишь по воспоминаниям бабушек (Фотеева Е. Социальная адаптация после 1917 года. Жизненный опыт состоятельных семей // Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования. С. 247, 250). Реконструкция биографии семьи Бурлаковых (начиная с середины XIX в.) осуществляется на основе рассказов двух представителей семьи — 1934 и 1966 гг. рождения. (Бигуа В. Путь в номенклатуру: случай Бурлаковых // Судьбы людей.... С. 92—121). А. Сальникова полагает достоверной реконструкцию восприятия российскими детьми революции на основе анализа школьных сочинений детей русской послереволюционной эмиграции (Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань, 2007. С. 105—209; *Ее же*. Школьные сочинения детей русской эмиграции как источник по социальной истории России, 1917—1920 гг. // Социальная история: Ежегодник, 2001/2002. М., 2004. С. 324—352), а реконструкцию «мира детства» 1990-х годов — на основании анализа ста сочинений учащихся одной из элитных казанских школ на тему: «Я, моя семья, моя страна в 1990-е гг.». Автор убеждена, что эти сочинения, написанные в ноябре 2000 г. 11—12-летними детьми, передающими свои смутные воспоминания о событиях, происходивших, когда они были в дошкольном и младшем школьном возрасте, «предоставляют достаточные возможности для построения просопографии — коллективной биографии «внуков Советской Империи»». (Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань, 2007. С. 225).

⁶⁵ Червоненко Е.Ю. Система защиты детей и элементы патронирования в Советской России // Нужда и порядок: История социальной работы в России, XX в. Саратов, 2005. С. 342.

ко, заинтересованный этим многообещающим началом читатель будет весьма разочарован — никакие источники, ни зарубежные, ни отечественные, в статье не анализируются. Под «зарубежными источниками» автор, как выясняется, имел в виду исследования зарубежных авторов Л. Бернштейна, В. Голдмана и П. Чао. На основании краткого пересказа трех работ указанных зарубежных исследователей автор делает глобальные и зачастую весьма сомнительные выводы.

Данная монография опирается на комплексный подход к источникам. В ней использованы как опубликованные, так и не опубликованные ранее материалы центральных и местных советских и партийных органов, отдельных организаций, обществ, предприятий и учреждений, частных лиц различного социального происхождения и разных политических убеждений. Использованные комплексы источников объединяют документы, отражающие как «официальную» трактовку событий сухим языком нормативно-распорядительной документации, так и эмоциональное восприятие тех же событий их «рядовыми» участниками — «простыми людьми». Таким образом, исследователь и читатель получают возможность сопоставить результаты реконструкции прошлого как «снизу», так и «сверху». Широко используются разнообразные документы, отражающие взаимоотношения людей с властью (так называемые «письма во власть»: прошения, жалобы и т.п.; отчеты и сводки местных партийных и государственных органов, прежде всего уполномоченных Деткомиссии ВЦИК и работников органов народного образования). Подавляющая часть этих документов впервые вводится в научный оборот. Особое место занимают источники, созданные детьми, чьи судьбы находятся в центре данного исследования. Это письма воспитанников детских домов, их жалобы в органы печати и руководству страны, детские сочинения, написанные на уроках в школе, а также для разнообразных юбилейных сборников.

Основной массив материалов, составивших фундамент данной работы, отложился в фондах федеральных архивов и прежде всего в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). К сожалению, подавляющая часть этих материалов освещает историю так называемой «детской» политики, а также государственных органов и учреждений, занимавшихся разработкой и реализацией этой политики. Повседневная жизнь детей «снизу», глазами самих детей, их родителей и тех, кто непосредственно с ними работал (воспитателей детских домов и детских садов, работников школ, клубов, домов пионеров и т.п.), отражена фрагментарно. Документы, представляющие

«поведенческую историю», рассказывающие о реальных поступках, чувствах, жизненных ценностях детей и подростков, а также об отношении к ним в обществе, «разбросаны» по многочисленным фондам, выявление их требует большой эвристической работы.

Так, например, в фондах Деткомиссии ВЦИК, Главсоцвоса, Наркомпроса РСФСР, отдела детских учреждений ВЦИК и др. сохранился обширный материал, посвященный проблемам разработки норм детского питания и реального снабжения детских учреждений, принципам прикрепления детей к детским столовым для получения бесплатного питания, качеству пищи, приготавливаемой в детских учреждениях и т.п. Сохранились как примерные «меню», типичные для данного конкретного детского учреждения или конкретного региона, так и датированные «меню» завтрака, обеда и ужина с указанием времени их подачи. Таким образом, сохранившийся в центральных архивах материал позволяет осуществить сопоставление пайка, действительно получаемого детьми, с разработанными и утвержденными государством нормами детского пайка, сравнить качество питания в детских учреждениях различных регионов и различного ведомственного подчинения, показать динамику продовольственного обеспечения воспитанников детских учреждений закрытого типа.

Одним из наиболее содержательных с точки зрения решения исследовательских задач данной монографии является фонд *Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК (Деткомиссии ВЦИК)* (ГА РФ. Ф. Р-5207, 3 описи, 2085 ед. хр. за 1921—1938 гг.). Наряду с обширным комплексом законодательных и директивно-распорядительных материалов (декреты и постановления по вопросам улучшения жизни детей, протоколы заседаний Президиума Деткомиссии, распоряжения, планы, инструкции и т.п.), в фонде Деткомиссии ВЦИК отложился значительный комплекс региональных материалов и материалов низового звена: переписка с губернскими Деткомиссиями, местными уполномоченными и отделами народного образования, отчеты с мест, материалы обследований детских учреждений, письма воспитанников и сотрудников детских домов и т.д. Следует подчеркнуть, что материалы обследований данного периода отличаются высокой степенью достоверности, откровенным отражением негативных явлений в жизни детей и в области «детской» политики.

Наряду с особенностями продовольственного обеспечения детских учреждений (домов ребенка, яслей, детских садов, школ, детских домов, больниц и т.д.), о чем уже говорилось выше, материалы фонда позволяют выявить степень обеспеченности детских

учреждений закрытого типа (детских домов, колоний, приемников-распределителей) помещениями, мебелью, кухонным и столовым инвентарем, постельными принадлежностями, одеждой, школьно-письменными принадлежностями; воссоздать основные приемы воспитания, взаимоотношения детей друг с другом и с воспитателями, основные занятия детей, качество их общеобразовательной и профессиональной подготовки; оценить качество медицинского обслуживания воспитанников детских домов.

Материалы 1921—1923 гг. также отражают положение детей голодающих губерний, меры, предпринятые государством для их спасения (организация врачебно-питательных поездов, детских столовых; эвакуация детей в плодородные губернии, проведение кампании массового патронирования), а также результативность этих мер.

В комплексе с материалами фондов *Центральной комиссии помощи голодающим (ЦК Помгол) (ГА РФ, Р-1064)* и *Центральной комиссии по борьбе с последствиями голода (ЦК Последгол) (ГА РФ, Р-1065)*⁶⁶ материалы фонда Деткомиссии помогают решить многие дискуссионные вопросы, связанные с иностранной помощью России в голодные годы, включая эвакуацию детей за границу в 1921 г. и их последующую реэвакуацию. В указанных фондах сохранилось около сотни актов обследования санитарных поездов, в которых перевозили эвакуированных детей, с описанием самого процесса посадки детей на поезд, их положения в пути (питание, бытовые условия, заболеваемость, смертность, бегство по дороге и т.п.), а иногда и условий жизни в эвакуации.

Один из самых значительных по своим объемам фондов, отражающих вопросы «детской» политики и повседневной жизни детей, — фонд *Наркомата Просвещения РСФСР* (А-2306. 80 описей, 76 474 ед. хр.). Наиболее полно в этом фонде представлена документация, отражающая становление и развитие советской политики в области просвещения и вопросы школьного строительства. Это, прежде всего, материалы соответствующих структурных подразделений: отделы единой школы (1917—1925, 1925—1927 гг.) (оп. 4), средней школы (1917—1925) (оп. 5), реформы школы (1917—1919) (оп. 6), реформы профессионального образования (1918—1921) (оп. 7), профессионально-технического образования (1917—1923, 1928) (оп. 8) и школьной политики (1918—1919) (оп. 11), а также управ-

⁶⁶ В этих фондах материалы о помощи детям не выделены в отдельный комплекс, а идут в общей массе материалов помощи голодающему населению.

ление начальной и средней школы (1934—1935 гг.), управление начальных школ (1936—1940) и главное управление школ (1940—1959, 1961—1975) (оп. 70, 71, 72, 75, 76). Наряду с обширной организационно-распорядительной документацией, здесь представлены материалы о развитии школьной сети, об изменении учебных планов и программ. В плане социально-исторической проблематики наибольший интерес в данной группе материалов представляют справки и отчеты об охране здоровья школьников, о спортивной работе в школах, о контингенте учащихся, доклады о чрезвычайных происшествиях в школах, о работе специализированных школ (для слепых и глухонемых), в том числе справки об учителях и воспитанниках спецшкол, о создании школ-интернатов для кочующих народностей и школ для северных народов, о работе национальных школ и др.

История становления советской политики в области просвещения отражена также и в материалах коллегии Наркомпроса РСФСР о деятельности в 1920—1930-е гг. различных научно-исследовательских институтов (Институт детского чтения, Институт нацмен педагогики, НИИ научной педологии II МГУ, НИИ трудового воспитания, Дом изучения ребенка и др.), а также многочисленных детских клубов, уголков и т.п. (оп. 1, 69).

С точки зрения решения выбранных исследовательских задач для автора данной монографии наибольший интерес представляет отложившийся в фонде Наркомпроса обширный комплекс материалов так называемых детских учреждений закрытого типа — детских домов, приемников, городков, коммун и колоний. Прежде всего, это документы отдела детских домов (1923—1934), управления детскими домами (1935—1960) (оп. 70), а также протоколы коллегии Наркомпроса (оп. 1, 69). В составе указанных материалов помимо обширной организационно-распорядительной документации сохранились также списки детских учреждений закрытого типа, статистические сводки, материалы обследований, справки о контингенте детских домов и колоний, докладные записки о причинах бегства детей из детдомов, отчеты о трудовом устройстве выпускников детдомов и т.п.

Вопросы развития дошкольного воспитания и внешкольного образования отражены в документах следующих подразделений: отдела внешкольного образования (1917—1924) (оп. 15), отдела дошкольного воспитания (1918—1922) (оп. 12), отдела охраны детства (1918—1923, 1928) (оп. 13), детского обеспечения (1919—1921) (оп. 14) и управления изб-читален, домов культуры и культмассовой работы (1930, 1934—1941) (оп. 39).

Исключительную значимость с точки зрения изучения советской «детской» политики и реального положения детей имеют также материалы фонда *Главного управления социального воспитания и политехнического образования детей (Главсоцвос) Наркомата просвещения РСФСР* (Ф. А.-1575. 10 описей, 3993 ед. хр. за 1921—1930 гг.). В Главсоцвосе отложились материалы по самым различным проблемам истории детства: борьба с беспризорностью, безнадзорностью и детской преступностью; дошкольное воспитание, развитие сети опытно-показательных детских учреждений, общеобразовательных и профессионально-технических учебных заведений, в том числе учебные планы и программы для школ и опытно-показательных учреждений, рукописи учебников, рецензии на учебные и детские книги; переписка о разработке программы обучения для нацменьшинств, и т.д. Наибольший интерес с точки зрения социальной истории представляют, на наш взгляд, материалы отдела социально-правовой охраны несовершеннолетних (СПОН), не имеющие аналогов по своей информационной ценности.

Наряду с вопросами культурно-просветительной работы среди детей, материалы фонда позволяют осветить некоторые значимые аспекты таких малоизученных проблем истории советского детства как воспитание и обучение так называемых «морально-дефективных» и «дефективных» (включая слепых и глухонемых) детей, состояние учреждений принудительного воспитания и мест заключения малолетних преступников, развитие сети частных школ и школ для сектантов.

Материалы обследований детских учреждений, отложившиеся в фондах Деткомиссии ВЦИК, Наркомпроса РФ и Главсоцвоса, органично дополняют материалы ревизий РКИ, отложившиеся в фонде *НК РКИ РСФСР* (ГА РФ, Ф. Р-4085, оп. 12, 12а): планы проверок, доклады, акты, отчеты, переписка. Главная особенность материалов РКИ заключается в том, что они отражают не декларируемую политику, а реальную практику на местах, что делает эти материалы чрезвычайно интересными с точки зрения социальной истории и истории повседневной жизни.

Значительно меньший интерес представляют материалы фонда *Всероссийского общества «Друг детей»* (Ф. А-393. 1 оп., 338 ед. хр. за 1929—1935 гг.). В этом фонде отложилась преимущественно организационно-распорядительная документация: уставы, стенограммы, протоколы заседаний республиканских, краевых, областных советов, съездов, постановления, резолюции, планы. Значительную долю составляют материалы, отражающие разработку тео-

ретической базы деятельности общества, в том числе программы курсов повышения квалификации ответственных секретарей общества, отражающие основные принципы работы с детьми. Основная деятельность общества была направлена на изыскание средств для помощи детям, чем и определяется специфика отложившихся в фонде материалов. В плане изучения социально-исторической проблематики наибольший интерес представляют отчеты (в том числе о внешкольной и пионерской работе, о борьбе с беспризорностью, об организации комнат-приемников на железных дорогах, об оздоровительной работе, о борьбе с детской преступностью и т.д.) и материалы обследований детских учреждений. Интересны также материалы популярных в 1930-х гг. так называемых «сталинских эстафет»: в 1932 г. — «За политехнизацию школы»; в 1934 г. — «За реализацию шести условий в дошкольном строительстве».

В начале 1920-х гг. из ведения Деткомиссии ВЦИК были изъяты детские учреждения, обслуживающие семьи нарождающейся советской номенклатуры. 1 июня 1922 г. при ВЦИК был создан специальный *отдел детских учреждений, занимающийся «обслуживанием работников центральных правительственных учреждений детскими садами, яслями и санаторией»*. Материалы этого отдела (ГА РФ, ф. Р-1235, оп. 117) позволяют проследить как на практике осуществлялся принцип «равенства» всех детей Республики. На основании декрета СНК от 23.06.1921 г., а также ряда постановлений и инструкций, детские учреждения, обслуживающие работников «верхушки» госаппарата, подчинялись непосредственно ВЦИК и имели двойное обеспечение: снабжались государством на общих основаниях и дополнительно — на средства, выделяемые ВЦИК.

В фонде *Комиссии ВЦИК по обследованию Наркоматов РСФСР* (Ф. Р-1250) сохранились 196 анкет служащих Единой трудовой школы и дошкольных учреждений Наркомпроса РСФСР за 1920 г. (оп. 1, д. 81). Эти материалы представляют большой интерес с точки зрения изучения кадрового состава детских учреждений.

В фондах *Главного управления профессионального образования (Главпрофобр) Наркомпроса РСФСР* (Ф. А-1565, 19 описей, 7 441 ед. хр. за 1918—1929 гг.), отложились наиболее значимые документы о развитии в Советской России системы профтехобразования, в том числе о развитии сети массовых школ профобра, о работе ремесленных училищ и учебных мастерских; списки и отчеты школ рабочих подростков.

В фонде *Всероссийского Совета защиты детей при Наркомате просвещения РСФСР* (Ф. А-1574, 1 опись, 244 ед. хр. за 1918—

1921 г.) преобладает документация, отражающая особенности функционирования самого Совета. Реальное положение детей и состояние детских учреждений отражается либо косвенно, либо фрагментарно. В качестве наиболее значимых с точки зрения социальной истории можно выделить материалы обследований детских учреждений, материалы различных кампаний и организаций по защите детства («Неделя защиты детей»; «Общество охраны здоровья еврейского населения»), а также значительный комплекс дел по организации летних колоний для больных детей.

В фонде *Секретариата Н.К. Крупской* (А-7279, 18 описей, 1 183 ед. хр. за 1922—1939 гг.) хранится несколько сотен детских писем с подробными рассказами о жизни, учебе, о «наболевших» проблемах, о достижениях (в том числе образцы поэтического творчества) и по другим вопросам. К сожалению, письма детей не выделены в отдельный комплекс, а находятся в общей массе писем трудящихся по самым разным вопросам, что существенно затрудняет их поиск⁶⁷.

В *Московском музее образования* сохранилась весьма значительная по объему *Коллекция материалов по истории Московской опытно-показательной школы-коммуны им. П.Н. Лепешинского (МОПШК)*, включающая, как обширный фотоматериал, так и написанные в разные годы воспоминания бывших учащихся школы-коммуны. Несмотря на то, что фонд коллекции не обработан и находится в россыпи, материалы были любезно предоставлены автору руководством музея по просьбе бывших выпускников МОПШК, к числу которых относятся родная и две двоюродные бабушки автора.

Наряду с неопубликованными источниками при работе над монографией были изучены опубликованные статьи и выступления советских и партийных лидеров разного уровня, материалы периодической печати, синхронная литература, сборники документов⁶⁸. Таким образом, предлагаемое исследование базируется на обширном комплексе репрезентативных источников, что обеспечивает полноту решения поставленных задач.

⁶⁷ Материалы секретариата Н.К. Крупской ранее широко использовались для публикаций, однако использование это носило преимущественно агитационно-пропагандистский характер, что привело к тенденциозному, одностороннему отражению содержания фонда в публикациях. В частности, по документам фонда сотрудниками архива был подготовлен сборник «Друг большой, заботливый (переписка Н.К. Крупской с пионерами. 1924—1939 гг.)», публиковавшийся в издательстве «Молодая гвардия» в 1969, 1979 и 1987 гг.

⁶⁸ Подробнее см. список использованных источников в приложении.

1. «Забота о ребенке – прямая забота государства»:

Особенности формирования советской системы
защиты детства (1917 – начало 1920-х гг.)

Первые шаги на пути создания советской системы охраны материнства и детства: «Пригоршнями бросали лозунги в массу, ставили задания себе и торопливо, стремительно строили...».

Революция и гражданская война, как и любые социальные катаклизмы, наиболее сильно ударили по самой социально незащищенной категории населения — детям, не разбирая их социального происхождения. Понимая это, Советская власть среди приоритетов государственной политики назвала и заботу о детях. Были провозглашены громкие лозунги: «Дети — наше будущее», «Охрана детства — лозунг Советской власти», «Дети — надежда Советской России. Берегите детей» и т.п. В эйфории от декларируемых властью преобразований в сфере защиты материнства и детства многие современники, в том числе известные общественные деятели, педагоги и социальные работники, весьма высоко оценили первые меры, предпринятые новой властью для спасения детей и улучшения их жизни. *«В этот период освобождения ребят от рабства в приюте, в семье, от томления в общих судах и тюрьмах — дети были провозглашены “цветами жизни”, “надеждой государства”.* Лозунг “дети — цветы жизни” определял и весь характер реорганизации старых приютов и организации новых учреждений для детей»; *«Советская власть с самого начала Революции поставила очень широкие заботы о детях, стремясь дать подрастающему поколению наилучшие условия, содействовать всеми способами и силами их нормальному и здоровому развитию, как в физическом, так и в духовном отношении»; «Охрана здоровья детей — задача советская, задача пролетарская и до завоевания пролетариатом она не играла существенной роли в жизни государства. Сынков и дочек дворянских и купеческих охраняли их отцы своей толстой мошной, а детьми рабочих государство очень мало интересовалось»; «Революционная власть признала всех детей детьми Республики, а заботу о ребенке прямой обязанностью государства»; «Из пасынка царского и кадетско-эсеровско-меньшевистского правительства ребенок и подросток становится*

ся вполне полноправным, привлечшим внимание к своим нуждам юным гражданином РСФСР»¹. Можно вспомнить еще много аналогичных восторженных высказываний современников относительно после-революционных преобразований в «детской политике» России.

В последние годы подобные высказывания принято считать не более чем агитационно-пропагандистской демагогией новой власти. Между тем, цитируемые выше общественные деятели были вполне искренними как в своих стремлениях улучшить жизнь детей, так и в оценках новой формирующейся системы защиты детства. Первые восторженные оценки послереволюционной «детской» политики основывались не столько на делах и достижениях новой власти (об этом судить было еще рано), сколько на антитезе декларируемых новой властью принципов и обещаний в сфере защиты детства и системы охраны материнства и детства предшествующего периода. Превалировало чувство удовлетворения от самого факта признания новой властью необходимости радикальных улучшений в сфере государственной системы охраны материнства и детства, а также ожидание этих улучшений.

Однако уже вскоре стало очевидно, что на практике забота о детях нередко ограничивалась декларацией красивых лозунгов и принятием соответствующих законов, не подкрепленных механизмом их практического исполнения. В частности, был принят ряд декретов, направленных на обеспечение детей питанием и медицинским обслуживанием, на организацию всеобщего начального образования, охрану труда подростков, развитие сети специализированных детских учреждений для глухонемых, слепых и умственно отсталых детей и т.п.² Для реализации принятых законов и воплощения

---

¹ *Радин Е.П.* Как создает Советская Республика из детей поколение людей-великанов духа // *Радин Е.П., Узданский А.В.* Ко второй годовщине Октябрьской революции: Издание Комитета памяти В.М. Бонч-Бруевич (Величкиной). М., 1919. С. 8—9; *Его же.* Охрана здоровья детей и подростков // На помощь ребенку: Сборник, издаваемый ЦК, по организации «Недели беспризорного и больного ребенка», состоящей при Комиссии ВЦИК по улучшению жизни детей. Пг.; М., 1923. С. 10; *Хазанова Е.* Рост детской беспризорности и организация борьбы с нею // На помощь ребенку... С. 47—48; *Калинина А.Д.* Десять лет работы по борьбе с детской беспризорностью. М.; Л., 1928. С. 22—23, 26. и др.

² Так, например, 14.09.1918 был принят декрет СНК об «усилении детского питания», 26.09.1918 — о создании специального продовольственного фонда для детей. Декретом от 17.05.1919 в столицах и промышленных районах было введено бесплатное питание для всех детей до 14 (а постановлением СНК от 12.06.1919 — до 16) лет, независимо от социального происхождения. Позже бесплатное питание для детей было распространено на всю территорию России. «Положение о единой трудовой школе РСФСР», утвержденное ВЦИК 16 октября 1918 г.,

в жизнь провозглашенных лозунгов был необходим соответствующий государственный механизм, а для налаживания его работы — опытные кадры, средства, время и наличие жесткой системы контроля исполнения принятых центром решений на местах.

Между тем, новая система охраны детства формировалась наспех, подчас методом проб и ошибок. С первых же дней детский вопрос оказался в самом центре разнообразных теоретических изысканий, в большинстве своем совершенно оторванных от реальной жизни и тесно связанных с революционным пониманием роли семьи, материнства и эмансипации³. По меткому выражению В.П. Лебедевой, возглавлявшей в те годы отдел охраны материнства и младенчества Наркомздрава РСФСР, это было время, когда представители власти *«пригоршнями бросали лозунги в массу, ставили задания себе и торопили, стремительно строили»*⁴. Строили не только «торопливо», но и совершенно беспорядочно, бессистемно, необдуманно. Представители местной власти реализовывали декларируемые центром принципы в меру своего понимания и по собственному усмотрению⁵.

предусматривало введение обязательного и бесплатного обучения всех детей школьного возраста в школах 1-й и 2-й ступени, проведение учета детей школьного возраста от 6 до 17 лет, организацию питания для учащихся, снабжение их обувью, одеждой и учебными пособиями. Для переростков намечалась организация особых занятий при школах. 26 декабря 1919 г. был подписан декрет, обязывающий обучаться грамоте на родном или русском языке всё население страны в возрасте от 8 до 50 лет, не умевшее читать или писать. Декрет ВЦИК от 7.03.1918 г. «О суде» (СУ 1918 г. № 26, ст. 347.) подтверждал отмену судов и тюремного заключения для всех лиц моложе 17 лет, вне зависимости от тяжести преступления. Декретом СНК РСФСР от 13.10.1922 г. для всех работающих подростков вводилось обязательное врачебное освидетельствование для выявления случаев «несоответствия между состоянием здоровья и тяжестью исполняемой работы» (СУ № 65. С.842). Подробно о становлении правовой системы охраны детства см.: Нечаева А.М. Охрана детства в СССР. М., 1987. С. 18—35.

³ В первые годы Советской власти регулярно проводились съезды по охране материнства и младенчества, педиатрические съезды, многочисленные общероссийские и региональные конференции, совещания и консультации, посвященные различным проблемам воспитания, обучения, оздоровления и общего развития детей. (См., например: Современный ребенок / Под ред. К.Н. Корнилова и Н.А. Рыбникова. М., 1923; Дурново А.С., Радин Е.П. Вопросы педологии в работе Наркомздрава по охране здоровья детей и подростков. М., 1928; Дурново А.С. Этапы развития педологии и педагогики раннего детского возраста (в связи с обзором русской литературы за 1917—1927 гг.). М., 1928; и др.)

⁴ Цит. по: Конюс Э.М. Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917—1940). М., 1954. С. 123.

⁵ Подробнее о господствовавшем в этот период «многовластии» и его причинах см.: Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917—1936 годы. М., 2003. С. 62—66.

Результат такого «торопливого» и хаотичного «строительства» зачастую не нравился и самим «строителям», которые нередко принимали противоречивые постановления и инструкции, отменяли и вновь принимали собственные решения⁶.

Создание государственного аппарата охраны материнства и детства: «У семи нянек – дитя без глазу».

Практическое осуществление задач охраны жизни и здоровья детей после октября 1917 г. было возложено на несколько государственных органов: *Наркомсобес РСФСР, Наркомпрос РСФСР, Наркомздрав РСФСР*, а с февраля 1919 г. к ним добавился *Совет Защиты детей (СЗД, 4.02.1919 — 25.03.1921 г.)*. Четкого разделения функций между ними не было ни на практике, ни в теории. Действовали они несогласованно, зачастую не столько помогая, сколько мешая друг другу.

Относительный порядок существовал лишь в вопросах *охраны материнства и младенчества*. В декабре 1917 г. по решению коллегии Народного комиссариата государственного призрения был создан Отдел охраны материнства и младенчества (позже передан в Наркомат здравоохранения). По декрету Наркомата государственного призрения от 30.01.1918 г. в ведение этого отдела были переданы все учреждения, занимающиеся обслуживанием матери и ребенка. 11 июля того же года декретом СНК РСФСР был создан Народный комиссариат здравоохранения РСФСР, в ведение которого, в свою очередь были переданы все детские учреждения для грудных детей и детей в возрасте до 3-х лет, а также созданный в конце 1917 г. при Наркомпросе отдел школьной санитарии и гигиены. Таким образом учреждения, в задачу которых входила охрана материнства и младенчества, оказались искусственно разделены между двумя ведомствами. В целях ликвидации параллелизма и

⁶ Так, например, одним из первых шагов новой власти в сфере охраны детства стал запрет усыновления (ст. 183 Кодекса законов о браке, семье и опекунстве 1918 г.). Однако вскоре эта мера была признана ошибочной, и в 1926 г. институт усыновления был восстановлен. Подробнее об этом см.: *Смирнова Т.М. Особенности развития семейных форм воспитания детей-сирот в Советской послереволюционной России. 1920—1930-е годы // Труды Института российской истории. Вып. 10. М., 2012. С. 261—263; Ее же. «Дети — наше будущее»: власть и общество в решении проблем детства. 1917 — начало 2000-х годов // «Советское наследство». Отражение прошлого в социальных и экономических практиках современной России / Под ред. Л.И. Бородкина, Х. Кесслера, А.К. Соколова. М., 2010. С. 121.*

распыления кадров их решено было объединить в системе органов Наркомата здравоохранения, в ведение которого в марте 1920 г. передали Отдел охраны материнства и младенчества, на тот момент подведомственный Наркомату соцобеспечения. На базе объединения этого отдела со Школьно-гигиеническим отделом был создан единый Отдел охраны здоровья детей и подростков (Оздравдет). Однако, соединить в рамках одного ведомства все учреждения охраны материнства и младенчества так и не удалось. Будучи еще в ведении Наркомата соцобеспечения, Отдел охраны материнства и младенчества под руководством В.П. Лебедевой развернул широкую работу по организации домов младенца, детских больниц, приютов для грудных детей и детей в возрасте до 3-х лет⁷. В результате на местах возникла путаница. Какие-то из созданных ранее учреждений для детей младше 3-х лет были переданы в ведение Наркомздрава, а какие-то остались в подчинении местных отделов соцобеспечения⁸. Тем не менее, «основным» ведомством, защищающим интересы грудных детей и детей в возрасте до трех лет считался Наркомат здравоохранения РСФСР. В отношении защиты интересов детей более старших возрастов и охраны детства в целом главным ведомством формально был признан Народный комиссариат по делам просвещения РСФСР.

В ведении Наркомпроса РСФСР, помимо учреждений системы образования и внешкольного воспитания, находилось подавляющее

⁷ В частности, активную работу в сфере охраны материнства и младенчества проводил Московский отдел социального обеспечения. По решению Мосотсобеа с 1918 г. беременным и кормящим выдавался дополнительный паек: $\frac{1}{2}$ фунта хлеба в день и $\frac{1}{2}$ фунта масла и крупы в месяц. Громоздкие воспитательные дома были реорганизованы в небольшие (на 25—30 детей) Дома младенца, а для подготовки квалифицированного персонала по уходу за детьми были открыты краткосрочные трехмесячные курсы. Большое внимание уделялось пропаганде правильного ухода за детьми. В 1919 г. в столице открылись первые курсы инструкторов-организаторов охраны материнства и младенчества; в составе отдела охраны материнства и младенчества был создан п/о по борьбе с туберкулезом у грудных детей.

⁸ Подробнее об истории создания в Советской России системы охраны здоровья матери и ребенка см.: *Авдеев А.* Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография: Сборник статей. Демографические исследования. Вып. 14 / Под ред. Денисенко М.Б., Троицкой И.А. 2-е изд. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 13—72; *Журавлева В.А., Ковалева Л.А., Петряшова Е.В.* Некоторые аспекты государственно-правового регулирования охраны материнства и детства в 20—30-е годы XX века // Актуальные проблемы права России и стран СНГ-2007: материалы IX международной научно-практической конференции 29—30 марта 2007 г. Челябинск: Цицеро, 2007. Ч. 1. С. 116—118; *Ростова О.С.* Правовая охрана материнства и детства в Советском государстве. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2007 и др.

большинство детских домов, детских городков, приютов, распределителей и прочих детских учреждений закрытого типа с воспитанниками старше трех лет, разнообразные опытно-показательные детские учреждения («Опытный дом» Государственного психоневрологического института Наркомпроса РСФСР, Малаховская 4-я опытно-показательная станция Наркомпроса РСФСР и др.), детские дома для детей политэмигрантов, для испанских детей⁹, детей III Коминтерна. В соответствии с декретом СНК РСФСР от 2 декабря 1920 г. «Об изъятии опеки из ведения Народного Комиссариата социального обеспечения»¹⁰, вопросы опеки и попечительства были переданы в ведение отдела охраны детства (позже — отдел социально-правовой охраны несовершеннолетних, СПОН) Наркомпроса.

В отношении ведомственной принадлежности специальных детских учреждений для слепых, глухонемых и так называемых морально-дефективных детей определенности не было¹¹. Поначалу они находились в ведении Наркомата государственного призрения (с 1918 г. — Наркомата социального обеспечения), структура которого была нестабильна и подвергалась постоянным реорганизациям. После передачи всей сети детских учреждений для так называемых морально-дефективных детей в ведение Наркомпроса РСФСР в ряде местных отделов социального обеспечения (Мосотсобез и др.), тем не менее, продолжали функционировать созданные ранее подотделы социального обеспечения «дефективных» несовершеннолетних, а порой и создавались новые. Характер сложившейся в первые годы советской власти системы разделения функций между органами социального обеспечения и народного образования наглядно отражают слова из изданного в 1920 г. отчетного сборника Московского Совета Рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов: «... *Работа Отсобеза по борьбе с детской спекуляцией ограниче-*

⁹ В 1936 г. в Управлении детскими домами Наркомпроса РСФСР был создан специальный отдел детских домов для испанских детей (ликвидирован в 1951 г.).

¹⁰ СУ 1920. № 93. Ст. 506.

¹¹ Введение в практику весьма сомнительного определения детей как «морально-дефективных» вызвало неодобрение и горячий протест наиболее прогрессивных педагогов, детских психологов, социальных работников и общественных деятелей. В частности, активными противниками теории моральной дефективности были Н.К. Крупская и П.П. Блонский, психолог, педагог и общественный деятель. «Позорный термин “морально-дефективный”, развязывающий руки бессовестной и бессознательной части педагогов, должен быть “изгнан” из употребления [...] Беспризорные, брошенные, больные ребята должны стать родными, любимыми детьми Советской республики», — писала Н.К. Крупская в 1923 г. (Крупская Н.К. Пед. соч. Т. 2. С. 153).

на узким кругом подопечных; борьба же с детской спекуляцией в целом ведется МОНО»¹². Никаких пояснений о том, что это за «узкий круг подопечных» и каким образом координируется работа Мосотсобеа и МОНО по «борьбе с детской спекуляцией в целом», в тексте нет.

Не менее сложным оказался и вопрос о ведомственной принадлежности детских исправительных учреждений. Формально все детские исправительные учреждения (закрытые детские колонии и трудкоммуны), а также возникшие во второй половине 1930-х гг. детдома для спецпоселенцев должны были находиться в ведении НКВД РСФСР. Однако реальная система исправительных детских учреждений была достаточно запутанной и не имела единой ведомственной принадлежности. Единство подведомственности исправительных учреждений для детей было в принципе невозможным, поскольку задачи организации борьбы с детской преступностью изначально возлагались одновременно на три Наркомата: просвещения, внутренних дел и соцобеспечения. В частности, в ведении Наркомпроса находилась сеть детских учреждений для так называемых «трудновоспитуемых» детей. Контингент этих учреждений зачастую не отличался от контингента исправительных детских заведений НКВД. Исправительные учреждения были созданы и в системе детских учреждений, подведомственных Наркомату социального обеспечения. В 1918—1919 гг. при Наркомате социального обеспечения действовала специальная Комиссия несовершеннолетних (с сетью региональных комиссий на местах), занимавшаяся организацией борьбы с детской преступностью. В соответствии с Декретом СНК РСФСР от 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних», этим комиссиям передавались все дела несовершеннолетних правонарушителей (судебное разбирательство и тюремное заключение для несовершеннолетних до 17 лет было упразднено). В их компетенции было решение: освободить подростка в случае признания его проступка незначительным либо, напротив, направить его для исправления в соответствующие учреждения Наркомата соцобеспечения¹³.

Ситуация осложнялась еще и тем, что в качестве исправительных учреждений в те годы нередко использовали детские дома для так называемых морально-дефективных детей, часть из которых продолжала контролироваться местными органами соцобеспечения. При этом

¹² Красная Москва, 1917—1920 гг. М., 1920. Ст. 452.

¹³ СУ 1918 г. №16. Ст. 227.

единых критериев идентификации «дефективных» и «морально-дефективных» детей не было. На практике данные понятия нередко использовали как синонимы. В результате дети с отставанием в развитии (а к ним могли быть отнесены практически все беспризорные дети, ведущие полуголодное существование) фактически оказались объединены в одну группу с социально опасными, так называемыми «испорченными», «преступными» детьми. В частности, в соответствии с классификацией, разработанной подотделом дефективных несовершеннолетних Мосотсобеа, «дефективные» дети, подразделялись на три группы: умственно-отсталых, морально-дефективных и промежуточная группа детей, «сочетавших в себе умственную отсталость с моральной испорченностью». Морально-дефективные дети, в свою очередь, подразделялись по «степени дефективности» на 3 основные ступени. К первой ступени были отнесены дети «испорченные» («вороватые, лживые, жестокие и драчуны»), но «доступные исправлению»; ко второй ступени — «общественно-опасные» (ранее уличенные в совершении преступления), но все же «исправляемые» несовершеннолетние; к третьей — «преступные», «совершенно не исправляемые»¹⁴. Таким образом, дети, совершившие уголовные преступления, автоматически попадали в категорию несовершеннолетних 2-й и 3-й ступеней «моральной дефективности».

Как показывают документы, работники органов Наркомпроса и местные власти нередко не делали разницы между детьми с отставанием в развитии, трудновоспитуемыми детьми и несовершеннолетними правонарушителями: все они так или иначе относились к «дефективным». К этой расплывчатой категории фактически можно было отнести любого ребенка, вынужденного искать способы выживания в экстремальной ситуации послереволюционных лет и не имевшего возможности нормально развиваться в силу недоедания, болезней и отсутствия нормального воспитания. В результате здоровые дети, совершившие какие-либо правонарушения в поисках пропитания, зачастую оказывались в детских домах для умственно-отсталых детей, а дети с реальным отставанием в развитии или с ограниченными физическими возможностями, в свою очередь, могли быть направлены в исправительные детские учреждения. Так, например, в Институте трудового воспитания «Новая жизнь», созданном специально для перевоспитания девочек-правонарушительниц, в 1930-е гг. помимо девочек, совершивших правонарушения, «вступивших в раннюю половую связь и

---

¹⁴ Красная Москва, 1917—1920 гг. М., 1920. Ст. 433.

оторвавшихся от школы и трудовой жизни», проживали также «физически-дефективные и умственно-отсталые девочки», не совершавшие никаких правонарушений¹⁵. Очевидно, что положение последних в данном учреждении было не просто тяжелым, а зачастую невыносимым. Девочки с нарушением развития подвергались наказаниям со стороны воспитателей и одновременно — эксплуатации и жестоким издевательствам со стороны воспитанниц с уголовным прошлым.

Отсутствие четкого разделения функций, параллелизм, распыление опытных кадров и денежных средств не способствовали успеху в работе, осложнявшейся войной, экономической разрухой, голодом. Советские работники, на практике занимавшиеся проблемами детей, были вынуждены признать, что *«провозглашенные в первые годы революции высокие идеи, определявшие новое положение ребенка в обществе и государстве, встретили при своем проведении в жизнь огромные препятствия»*¹⁶. Главный «детский» Наркомат, Наркомпрос РСФСР, не слишком удачно справлялся с этими «препятствиями». Анализируя его работу, заместитель председателя Деткомиссии В.С. Корнев 5 марта 1921 г. подчеркнул, что *Наркомпрос не ведет и не вел никакой практической работы по защите детей, «аппарат его не налажен, что не только сила объективных условий, но и в силу этой неналаженности, отсутствия работников, Наркомпрос до сих пор не мог создать ничего нового, здорового»*¹⁷.

Не более успешной была деятельность Наркоматов здравоохранения и соцобеспечения. Ситуацию усугубляли бесконечные реструктуризации, передача тех или иных функций от одного ведомства другому, текучка кадров.

Навести порядок в сложной, многоступенчатой и нестабильной системе защиты детей был призван созданный 4 февраля 1919 г. в качестве междуправительственного органа Совет защиты детей (СЗД). Совет имел широкие полномочия вплоть до veto на распоряжения различных наркоматов. Однако за два года своей деятельности Совет так и не смог наладить систематическую работу: не были созданы местные органы СЗД, отсутствовали четкие инструкции и циркуляры для работы на местах, да и связь с губерниями и уездами была нерегулярной, носила случайный характер. В докладе созданной Деткомиссией специальной Комиссии по ликвидации

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 1634. Л. 4.

¹⁶ Калинина А.Д. Десять лет работы по борьбе с детской беспризорностью. М.: Л., 1928. С. 33.

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 8. Л. 10 об.

СЗД от 25 марта 1921 г., подчеркивается, что Совет «*фактически как междудеPARTMENTальный Всероссийский орган работы не вел и предоставленных ему прав и полномочий не использовал*»¹⁸.

Фактически реальное положение детей молодой Республики соответствовало известной поговорке: «у семи нянек — дитя без глазу». К 1921 г. в Советской России не были известны не только численность детей, нуждавшихся в устройстве на государственное обеспечение (прежде всего, беспризорных и безнадзорных детей), подсчет которых в принципе весьма затруднителен¹⁹, но и численность детского населения в стране в целом. Не было данных даже о численности в стране детских домов, школ и прочих детских учреждений, а также о численности их воспитанников. Соответственно и снабжение детских учреждений носило случайный характер (забегая вперед, следует отметить, что начала плановости в снабжение детских учреждений были внесены лишь после создания Деткомиссии ВЦИК).

Таким образом, первые послереволюционные годы характеризуются не столько созданием основ новой советской системы защиты материнства и детства, сколько ликвидацией старой дореволюционной системы. Созидательная же деятельность разворачивалась преимущественно в сфере разнообразных (и, надо отдать должное, довольно интенсивных, хотя зачастую и довольно абсурдных) теоретических изысканий.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 8. Л. 14.

¹⁹ Следует отметить, что более-менее точных данных о численности так называемых «беснадзорных» детей, являющихся потенциальными беспризорными, в России не было никогда; нет их и сейчас. В частности, в начале 2000-х гг. «вилка» в оценке численности в России «беснадзорных» детей достигала 4 миллионов (от 2 млн по данным Генпрокуратуры до 6 млн по подсчетам некоторых независимых экспертов). (Барзгов К.Б., Смирнов Ю.А. Возможна ли статистическая оценка детской беспризорности? // Вопросы статистики. 2000. № 4. С. 19; Бреева Е.Б. Детская беспризорность: современная ситуация, возможные стратегии // Дети и молодежь — будущее России: Материалы Российской научно-практической конференции, г. Вологда, 27—29 июня 2002 г. Вологда, 2002. С. 178; Женщины России в экстремальных условиях: исторический опыт, проблемы, пути решения. М., 2006. С. 223; Лебедев О.Е., Чепурных Е.Е., Майоров А.Н., Золотухина В.И. Дети улицы. Образование и социальная адаптация безнадзорных детей. М., 2001. С. 16—19; Озерова М. «Беспризорная» статистика // Московский комсомолец. 2002. 21 февр. С. 2; Сколько в России беспризорных? // Комсомольская правда. 2002. 24 янв. С. 9; Телевизионная программа «Русский взгляд», выпуск «Беспризорники» (телеэфир на ТВЦ 20 мая 2007). Полную версию телепередачи см.: <http://www.foma.ru/articles/fomaonline/21.>) Подробнее об этом см.: Смирнова Т.М. Государство или общественная инициатива? Опыт решения «детских проблем» в 1917—1930-е гг. для современной России // Социальная история. Ежегодник 2009. М., 2009. С. 296—298.

В 1920-е годы регулярно проводились съезды по охране материнства и младенчества, педиатрические съезды, многочисленные общероссийские и региональные конференции, совещания и консультации, посвященные различным проблемам воспитания, обучения, оздоровления и общего развития детей. Для систематической разработки этих вопросов были созданы Дом Изучения ребенка (1918 г.) с уникальным Музеем детской дефектологии²⁰, Институт детского чтения (1920 г.)²¹, Московский институт по изучению детской дефективности²², Центральный педологический институт под руководством Н.А. Рыбникова²³, Научно-педагогический институт методов школьной работы Наркомпроса РСФСР²⁴ и многие другие научно-исследовательские учреждения²⁵. Результатом их деятельности стали, например, разработка норм питания и правил здорового образа жизни, антропометрических таблиц и так называемых поведенческих норм

²⁰ Дом изучения ребенка создан в 1918 г. на базе школы-санатории В.П. Кашенко для дефективных детей. В дальнейшем был преобразован в Медико-педагогическую опытную станцию, которой руководил В.П. Кашенко.

²¹ Институт детского чтения был создан при Наркомпросе РСФСР в 1920 г.; в 1923 г. реорганизован в отдел детского чтения Института методов внешкольной работы (ИМВР); с 1931 по 1933 г. — Институт детской литературы и детского чтения (ИДЛ и ДЧ). Подробнее см.: *Безрогов В., Иванченко Г.* Детское чтение: от начала к концу XX века // НЛЮ. 2010. № 102; *Калужская Ю.А.* Становление и развитие отечественной педагогики детского чтения в первой трети XX века на примере деятельности Научно-исследовательского института детского чтения. Дис. ... канд. педагог. наук. М., 2004.

²² Московский институт по изучению детской дефективности создан в 1919 г. в ведении Наркомздрава РСФСР; в 1921 г. преобразован в Медико-педологический институт; в 1924 г. передан в ведение Главпрофобра в качестве Московского института педологии и дефектологии; в 1925 г. объединен с педфаком 2-го МГУ.

²³ Первое организационное собрание будущего Педологического института состоялось 20 июля 1920 г. Фактически институт был создан в 1921 г. Вслед за педологическим институтом создается разветвленная педолого-педагогическая служба, включавшая Межведомственную педологическую комиссию при Наркомпросе; методические центры (лаборатории, кабинеты) при областных и районных отделах образования; педологические кабинеты в пединститутах и школах. В 1925 г. Педологический институт был слит с Институтом методов школьной работы (ИМШР, в 1930 г. переименован в Институт марксистско-ленинской педагогики).

²⁴ Научно-педагогический институт методов школьной работы Наркомпроса РСФСР создан в 1922 г. Неоднократно подвергался реорганизациям и переименованиям. С 1995 г. — Институт содержания и методов обучения Российской академии образования.

²⁵ См., например: *Современный ребенок* // Под ред. К.Н. Корнилова и Н.А. Рыбникова. М., 1923; *Дурново А.С., Радин Е.П.* Вопросы педологии в работе Наркомздрава по охране здоровья детей и подростков. М., 1928; *Дурново А.С.* Этапы развития педологии и педагогики раннего детского возраста (в связи с обзором русской литературы за 1917—1927 гг.). М., 1928; и др.

развития ребенка; издание многочисленных санитарно-гигиенических инструкций и правил. В 1923 г. при Центральном научно-исследовательском институте охраны материнства и младенчества была организована показательная выставка по уходу за ребенком. Подобные выставки в то время были лишь в Дрездене и Филадельфии.

Вопрос о соотношении пользы и вреда тех или иных педагогических и педологических разработок, разнообразных исследований в области детской «психологии и психопатологии» нуждается в отдельном детальном изучении. Однако следует отметить, что в целом послереволюционные советские теоретические разработки в области защиты прав ребенка находились в русле общемировых тенденций того времени. Напомним, что начало XX века в Европе характеризовалось необычайным ростом внимания к проблемам материнства и детства, что дало основание шведской писательнице, педагогу и общественному деятелю Эллен Кей назвать XX век «веком ребенка»²⁶. Несколько позже, в 1921 г., один из создателей Педологического института в Москве Н. Рыбников, продолжая эту идею, назвал современную ему эпоху «веком интереса к ребенку», веком «искания правильных путей, путей к неведомому пока душевному миру ребенка»²⁷.

С другой стороны, развернувшийся в послереволюционной России интенсивный процесс «искания правильных путей» к миру ребенка не только сопровождался неизбежными ошибками, но очень часто был крайне далек от реальной жизни. Так, например, в условиях голода и стремительного роста детской беспризорности, преступности и смертности на базе Московского детского дома-лаборатории «Международная солидарность» (1921—1925 гг.) осуществлялись исследования по детскому психоанализу и «психоанализу бессознательного». Задачей дома-лаборатории, по определению одной из его создательниц В.Ф. Шмидт, был «поиск новых путей воспитания на основе психоаналитических знаний»²⁸. Среди основных направ-

---

²⁶ Один из главных трудов Эллен Кей, активистки движения за эмансипацию женщин, призывавшей общественность к борьбе за признание социальной значимости материнских функций и государственной поддержке материнства, назывался «Век ребёнка» (1900 г.). Работа выдержала множество публикаций на европейских языках, русский перевод вышел в 1905 г. Название «век ребенка» было подхвачено общественностью и впоследствии закрепилось за XX столетием.

²⁷ Рыбников Н. Введение в изучение ребенка. Минск, 1921. С. 5.

²⁸ Шмидт В.Ф. Психоаналитическое воспитание в Советской России: Доклад о Детском доме-лаборатории в Москве. М., 2011. С. 13; *Ее же*. Дневник матери: первый год жизни: Психоаналитические и педагогические труды В.Ф. Шмидт. Т. 1. М., 2009; *Ее же*. Дневник матери. Второй и третий годы жизни: Психоаналитические и педагогические труды В.Ф. Шмидт. Т. 2. М., 2010.

лений исследований дома-лаборатории были, например, такие, как сексуальные стремления детского возраста, проявление инфантильной сексуальности, пути ее сублимации и преобразования во взрослую сексуальность; детерминированность всех внешних проявлений человека, кажущихся случайными, бессознательными процессами; «овладение процессами выделения» и замена удовольствий от процесса выделения «другими, более высоко оцениваемыми в социальном и культурном планах»²⁹; прочие проблемы, актуальность которых в условиях экономической разрухи и социально-политической нестабильности послереволюционной России представляется весьма сомнительной. Следует отметить, что для проживания поначалу тридцати, а затем лишь двенадцати воспитанников этому экспериментальному учреждению был выделен особняк С.Я. Рябушинского (Москва, ул. М. Никитская д. 6). Численность сотрудников превышала численность воспитанников (после сокращения штата сотрудников в 1922 г. почти вдвое их численность составила 18 человек). В отличие от воспитанников обычных детских домов, воспитанники дома-лаборатории всегда были обеспечены чистым постельным и нательным бельем, регулярным питанием³⁰.

В годы тотального дефицита, отсутствия в детских учреждениях элементарной медицинской помощи квалифицированные кадры были заняты исследованиями в области антропометрии, целью которых было «нахождение индексов, при посредстве которых было бы возможно без особо сложных измерений и вычислений выделить из масс школьного населения детей, заведомо неблагонадежных в физическом отношении»³¹.

Нормы питания и здорового образа жизни совершенно игнорировали исторические реалии и существовали только на бумаге. В частности, санитарно-гигиенические инструкции и правила тех лет рекомендовали детям «не укутываться слишком тепло» на ночь

²⁹ Шмидт В.Ф. Психоаналитическое воспитание в Советской России... С. 20—29.

³⁰ Справедливости ради следует отметить, что Детский дом-лаборатория не всегда находился на государственном обеспечении. Отношение к дому-лаборатории и его исследованиям со стороны Наркомпроса и НК РКИ было довольно настроенным, и в 1922 г. Наркомпрос отказался далее содержать вызывавшее сомнительные слухи учреждение. В дальнейшем дом-лаборатория существовал на средства профсоюза русских горняков и профсоюза немецких горняков «Унион». Именно по предложению немецких шефов дом-лаборатория был переименован в Детский дом «Международная солидарность».

³¹ См.: Дурново А.С. Антропометрия в практике врача и педолога. М., 1928. С. 5; Антропометрические измерения детей (унификация методики массовых исследований детей и подростков) / Сб. ст. под ред. А.С. Дурново. М., 1923. С. 71.

(в то время, как в детских спальнях по ночам температура опускалась до — 4°С, а в углах комнат лежали снежные сугробы³²), «за столом чрезмерно не наедаться». Специальным санитарным комиссиям в школах вменялось в обязанность следить за чистотой школьных зданий (подавляющее большинство которых нуждалось в капитальном ремонте и не имело канализации), контролировать состояние не существовавших в большинстве школьных зданий уборных и вентиляции, а также следить за личной гигиеной учащихся, проверять чистоту белья и чулок, которых у большинства просто не было³³.

Для воплощения в жизнь провозглашенной политики и ряда прогрессивных научных разработок того периода в сфере воспитания, образования и медицинского обслуживания детей необходимы были средства, время, кадры и опыт, которых у молодой Советской республики не было. В условиях военного времени, разрушенной инфраструктуры, социально-политической нестабильности и экономической разрухи реальная забота о детях нередко ограничивалась принятием формальных юридических норм и декларацией громких лозунгов. Даже в столице, по признанию современников, «детский вопрос» был «в загоне», а лозунги «Дети — наше будущее», «Дорогу ребенку» и т.п. оставались не более чем «цветистыми фразами», украшавшими громкие правительственные декларации и «митинговые выступления». *«Вся огромная сущность этих слов, — подчеркивается, в частности, в отчете о проведенном в 1921 г. обследовании детских учреждений Московской губернии, — скользит только по поверхности сознания наших больших и маленьких Советских и Политических работников»*³⁴.

В результате, несмотря на отдельные весьма значимые достижения в вопросах охраны детства (борьба с безграмотностью и начало строительства системы всеобщего начального образования, первые

³² См., например: ГАРФ. Ф. Р-5207. Д. 8. Л. 158; Д. 48. Л. 9.

³³ Так, например, инструкцией от 26 марта 1920 г. школьным санитарным комиссиям было рекомендовано иметь в своем составе не менее 4 дежурных: I дежурный — «школдан», его обязанность — следить за чистотой школьного здания; II — «чистуб», ответственный за состояние уборных; III — «вентоп», ответственный за несуществующие в реальной жизни отопление и вентиляцию; IV — «личчист», ответственный за личную гигиену учащихся. «Личчисту» полагалось дважды в неделю, по понедельникам и средам, осматривать руки, лицо и шею учащихся, а также проверять чистоту их белья и чулок. См.: Радин Е.П. Что делает Советская власть для охраны здоровья детей. Вятка, 1921. С. 33—34; Узданский А.В. Без фундамента не может держаться вершина // Радин Е.П. Узданский А.В. Ко второй годовщине Октябрьской революции. М., 1919. С. 20—22.

³⁴ ГАРФ. Р-5207. Оп. 1. Д. 48. Л. 5; См. также: Там же. Д. 8. Л. 29.

попытки формирования государственной системы профилактики детских заболеваний и обучение детей элементарным правилам личной гигиены, первые шаги к созданию сети детских дошкольных и досуговых учреждений, начало строительства сети женских консультаций, снижение материнской и младенческой смертности, увеличение декретного отпуска с 2 недель до 16 (8 недель до и 8 недель после родов с сохранением полного заработка) и сокращение до 6 часов рабочего дня для кормящих матерей, создание специализированных детских учреждений для слепых и глухонемых детей, поиски путей их социализации и др.), положение детей послереволюционной России в целом было катастрофическим, вплоть до возникновения в 1920 г. в некоторых губерниях реальной угрозы вымирания детей в возрасте до 3 лет³⁵.

Создание чрезвычайной комиссии по спасению детей

К концу 1920 г. ситуация приняла критический характер, стала очевидной угроза вымирания детей. В этих условиях было решено создать единый чрезвычайный орган по спасению жизни детей, берущий на себя все полномочия по вопросам их обеспечения, воспитания и защиты их интересов в государственном масштабе. Таким органом стала созданная в феврале 1921 г. при ВЦИК Чрезвычайная Комиссия по улучшению жизни детей (Деткомиссия)³⁶. Судя по воспоминаниям А.Д. Калининой, Деткомиссия была создана по инициативе и «в результате энергичных действий»

³⁵ Подробнее см.: *Смирнова Т.М.* «Лучше вывести и расстрелять»: Советская власть и голодные дети (1917—1923 гг.) // Ежегодник историко-антропологических исследований, 2003. М., 2003. С. 231—233; *Ее же.* Дети Советской России (по материалам Деткомиссии ВЦИК. 1921—1924 гг.) // Социальная история. Ежегодник. 2001/2002. М., 2004. С. 493—494.

³⁶ Интересно, что в конце XX века в России был вновь поднят вопрос о необходимости создания аналогичного чрезвычайного междуведомственного органа: в 1993 г. Комитет ООН по правам ребенка в своем Заключении по Отчету РФ предложил правительству России рассмотреть вопрос о создании специального государственного комитета для координации мероприятий по осуществлению Конвенции ООН о правах ребенка и контроля за их выполнением. В том же году было принято решение о создании Комиссии по координации работ, связанных с выполнением Конвенции ООН о правах ребенка и Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей в Российской Федерации (постановление Правительства РФ от 23.08.1993 № 848; см. также постановления Правительства РФ от 8.10.1998 № 1774 и от 2.02.2001 г. № 83).

Ф.Э. Дзержинского³⁷. Сам Дзержинский позже так пояснил необходимость создания Деткомиссии: *«Ведь когда смотришь на детей, так не можешь не думать — все для них! Плоды революции — не нам, а им! А между тем сколько их искалечено борьбой и нуждой! Тут надо прямо-таки броситься на помощь, как если бы мы видели утопающих детей. Одному Наркомпросу справиться не под силу. Нужна широкая помощь всей советской общественности. Нужно создать при ВЦИК широкую комиссию, куда бы вошли все ведомства и все организации, могущие быть полезными в этом деле»*³⁸.

В соответствии с Положением о Деткомиссии, должность ее председателя должен был совмещать председатель ВЧК (первый председатель — Ф.Э. Дзержинский), его заместителем назначался также представитель ВЧК (первый заместитель — В.С. Корнев). Кроме того, в комиссию должны были войти представители ВЦСПС (Ф.М. Сенюшкин), РКИ (М.К. Ветошкин) и наркоматов просвещения (М.И. Васильев, вскоре его сменил З.Г. Гринберг), здравоохранения (Е.П. Радин) и продовольствия. С правом совещательного голоса в состав комиссии включили представителей Женотдела ЦК РКП, Отдела правовой защиты детей и ЦК РКСМ. Таким образом, в дело охраны детей были вовлечены практически все основные ведомства и общественные организации. Особая роль отводилась ВЧК, председатель которой совмещал должность председателя комиссии. Это подчеркивало значимость так называемого «детского вопроса» и предоставляло Деткомиссии возможность использовать мощь ВЧК в своей практической деятельности³⁹. *«Я хотел бы сам встать во главе этой комиссии; я хочу реально включить в работу аппарат ВЧК, — пояснял Ф.Э. Дзержинский свое желание возглавить Деткомиссию ВЦИК. — К этому меня побуждают следующие соображения: я думаю, что наш аппарат — один из наиболее четко работающих. Его разветвления есть повсюду. С ним считаются, его побаиваются [...] Я и думаю: отчего не использовать наш боевой аппарат для борьбы с такой*

³⁷ Калинина А.Д. Указ. соч. С. 57. Подробнее о создании Деткомиссии ВЦИК см.: Смирнова Т.М. Дети Советской России (по материалам Деткомиссии ВЦИК. 1921—1924 гг.) // Социальная история. Ежегодник 2001/2002. М.: РОССПЭН, 2004. С. 486—528.

³⁸ Рыцарь революции. Воспоминания современников о Ф.Э. Дзержинском. М., 1967. С. 278—279.

³⁹ Данный факт опровергает распространенное в последнее десятилетие прошлого века утверждение о том, что «детский вопрос» якобы всегда поручался «второстепенным лицам в аппаратах управления» (см., например: Актуальные проблемы детства. Вып. IV. М., 1994. С. 6).

бедой, как беспризорность?»⁴⁰ Приказом от 16 марта 1921 г. перед войсками ВЧК была поставлена задача создать детям «Советской Пролетарской страны» «наилучшие условия жизни»⁴¹.

Местный аппарат Деткомиссии поначалу было решено не создавать, поскольку предполагалось, что в своей работе она будет опираться на исполкомы и местные органы Наркомпроса, а контролировать и координировать эту работу должны будут специальные уполномоченные Деткомиссии (позже были созданы губернские, а в некоторых губерниях и уездные Деткомиссии). Специальные инструкции и циркуляры обязали местные исполкомы, парткомы, продкомы и профсоюзы оказывать всевозможную помощь в работе по улучшению жизни детей. В первые же дни работы комиссия признала, что *положение детей катастрофическое и «дальше молчать о нем — преступление. Принимать по отношению к нему паллиативы, кустарничать и класть заплатки на зияющих прорехах — нельзя. Нужно вопрос поставить ребром и бросить в него все, что есть, чтобы спасти подрастающее поколение от вымирания, еще раз подчеркивается, что речь идет не о каких-либо улучшениях, предоставлении благ, а о спасении»*⁴².

Руководство Деткомиссии ВЦИК, курировавшей все детские учреждения независимо от их ведомственной подчиненности, попыталось внести плановые начала и единый общегосударственный порядок в хаотичный и весьма нерезультативный процесс создания в послереволюционной России государственной системы охраны материнства и детства. Первым шагом на пути внедрения плановых начал стало предпринятое по распоряжению комиссии в 1921 г. общереспубликанское обследование детских учреждений *«в целях всестороннего конкретного выявления и изучения всех дефектов и нужд в области жизни и здоровья детей, а также практического их устранения»*. В соответствии с разработанным Деткомиссией ВЦИК и НК РК РСФСР планом (следует подчеркнуть, что Деткомиссия ВЦИК на протяжении всего своего существования работала в тесном контакте с НК РК) обследование должно было охватить как *«детские учреждения всех типов»*, существовавших в РСФСР (детские дома, коммуны, колонии, трудовые школы, сады, ясли, очаги, приемники, коллекторы, детские площадки, столовые, клубы и т.д.), так и все центральные и местные органы власти *«ведующие детскими уч-*

⁴⁰ Рыцарь революции. Воспоминания современников о Ф.Э. Дзержинском. М., 1967. С. 278—279.

⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп.1. Д. 7. Л. 39.

⁴² Там же. Д. 8. Л. 20.

реждениями»⁴³. «Это обследование, — говорилось в специальном документе, подписанном председателями Деткомиссии ВЦИК и НК РКИ, — должно дать полную картину того, в каком положении находятся у нас многочисленные детские учреждения, в чем они более всего остро нуждаются, какие причины главным образом препятствуют снабжению и оборудованию детских учреждений всем необходимым для них и т.п.»⁴⁴. Учитывая критическую ситуацию, обследование предполагалось провести в крайне сжатые сроки и закончить к 15 апреля 1921 г.: «Тут дорог каждый день, ибо каждый день нужда уносит в могилу десятки и сотни детей [...] острая нужда не дает несчастным детям никакого срока, она их косит каждый день»⁴⁵. Поначалу планировалось закончить обследование к 31 марта, но учитывая объем предстоящей работы, совместным решением Деткомиссии и Рабкринату дату передвинули вперед на 2 недели.

Программа обследования детских учреждений была тщательно продумана. В соответствии с разработанным Деткомиссией планом обследования, в числе обязательных вопросов, помимо прочих, были и следующие: помещение, питание, снабжение одеждой, бельем, обувью, санитарно-гигиенические условия, наличие и качество медицинского обслуживания, «детское самообслуживание» (имелось ввиду, «не обслуживают ли дети учителей и служебный персонал, не выполняют ли явно непосильную для них работу»); степень укомплектованности служебного и педагогического персонала. его профпригодность, отношение к детям, основные приемы воспитания⁴⁶. Обследование помещений помимо основных вопросов (площадь, необходимость капремонта, наличие и состояние водоснабжения, освещения, отопления и т.п.) включало и такие вопросы, как высота потолка, материал и прочность лестниц и «в особенности», как подчеркивалось в программе, — прочность лестничных перил. Обследование «санитарно-гигиенических условий» и качества медицинского обслуживания наряду с общими вопросами (обеспеченность санитарно-гигиеническими средствами, владение детьми элементарными навыками личной гигиены, наличие медработников, частота осмотра детей медработниками и т.п.) включало и такие вопросы как уровень детской смертности в учреждении, ее причины, наличие у детей профилактических прививок⁴⁷.

⁴³ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп.1. Д. 17. Л. 1—16.

⁴⁴ Там же. Л. 5.

⁴⁵ Там же. Л. 6.

⁴⁶ Там же. Л. 8—9.

⁴⁷ Там же. Л. 10—16.

В программу обследования было также включено материальное положение учителей и воспитателей.

Такие проверки должны были стать регулярными. Проведенные в начале 1920-х годов обследования детучреждений, безусловно, не могли реализовать в полном объеме разработанную для них программу. Зачастую в ходе обследований решалось менее половины поставленных задач, что было обусловлено рядом как объективных, так и субъективных причин. Тем не менее, забегая вперед, следует отметить, что проверки Деткомиссии сыграли крайне важную роль в налаживании планового снабжения и организации работы детских учреждений в 1920—1930-е годы.

Проанализировав на основе полученных материалов состояние детучреждений и работу своих предшественников, Деткомиссия пришла к выводу, что *«детский вопрос до сих пор еще не был ударным. Аппараты органов, непосредственно ведающих делом обеспечения и воспитания детей — слабы»*. В последующем Деткомиссия будет систематически принимать различные решения и постановления о необходимости *«срочно принять меры к фактическому проведению в жизнь принципа ударности вопроса»*⁴⁸, однако в чем именно заключался «принцип ударности» и главное, — каким должен был быть механизм его реализации на практике, — осталось не ясным не только для современных исследователей, но и для тех современников, кто должен был воплощать данный принцип в жизнь. В общих словах суть «принципа ударности» отражена в изданном 27 января 1921 г. приказе ВЧК № 23, в котором Дзержинский подчеркнул, что *«настало наконец время, когда мы можем и должны заботу о детях поставить первоочередной неотложной задачей, использовать все, что возможно, вовлечь в работу возможно больше сил, чтобы улучшить их положение»*⁴⁹.

Выполняя это решение и опираясь на данные проведенного обследования, Деткомиссия попыталась развернуть широкомасштабную деятельность по многим направлениям: обеспечение детей одеждой и продовольствием (государственные пайки, врачебно-питательные поезда и т. п.); организация работы органов системы народного образования, расширение сети детских учреждений, в том числе специальных (для слепых и глухонемых детей); воспитание подрастающего поколения «в духе коммунизма», агитационно-пропагандистская деятельность (организация митингов, собраний,

⁴⁸ См., например: ГА РФ. Ф. Р-5207, Оп. 1. Д. 5. Л. 61.

⁴⁹ Там же. Д. 8. Л. 17 об.

театральных постановок, концертов, распространение рекламных брошюр, плакатов и т.п.); борьба с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью; развитие сети досуговых учреждений для детей; обеспечение всех детей медицинской помощью; сбор средств для детских учреждений («кружечный сбор», сбор средств у населения и советских учреждений, организация лотерей, а позже и создание собственного производства); организация и координация иностранной помощи; эвакуация детей из голодающих губерний и т.д. «Чем только Деткомиссии не занимались», — вспоминал в 1936 г. председатель Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК И.И. Кутузов, подводя итоги ее пятнадцатилетней деятельности⁵⁰. Однако вскоре руководство Деткомиссии было вынуждено направить всю энергию на решение одной, но важнейшей, задачи — спасения жизни детей, умирающих от голода, холода и эпидемий.

Проведенное Деткомиссией сразу после ее создания обследование наглядно показало, что в данный момент основная задача заключалась не в улучшении жизни детей, а именно в их спасении: *«Положение таково, что дальше молчать о нем — преступление. Принимать по отношению к нему паллиативы, кустарничать и класть заплату на зияющих прорехах н е л ь з я [выделено в тексте. — Т.С.]»*. Нужно вопрос поставить ребром и бросить в него все, чтобы спасти подрастающее поколение от вымирания, еще раз подчеркивается, что речь идет не о каких-либо «улучшениях», предоставлении особых благ, а о спасении [подчеркнуто в тексте. — Т.С.]»⁵¹.

Руководство Деткомиссии было вынуждено отказаться от решения многих поставленных ранее задач, в течение нескольких лет сконцентрировав основные усилия «преимущественно в направлении спасения жизни ребенка». *«Вопросы же улучшения жизни детей, — как подчеркивалось в одном из отчетов Деткомиссии за 1923 г., — отходили на вторую очередь; к ним представилась возможность подойти вплотную лишь в последголовск. [так в тексте. — Т.С.] период, да и то в небольшом размере и ограниченном круге губерний»*⁵².

Главнейшей заботой Деткомиссии стала задача обеспечения детей нормальным питанием. Попытки решить эту проблему предпринимались с первых же дней после установления советской власти. Так, 14 сентября 1918 г. был принят декрет СНК об «усилении дет-

⁵⁰ XV лет работы по улучшению жизни детей. М., 1936. С. 33.

⁵¹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 8. Л. 20. См. также: Там же. Л. 74, 158; Д. 48. Л. 5 об, 9; Д. 82. Л. 13; Д. 168. Л. 126.

⁵² ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 168. Л. 126—126 об.

ского питания», а 26 сентября — о создании специального продовольственного фонда для детей; декретом от 17 мая 1919 г. в столицах и в промышленных районах было введено бесплатное питание для всех детей до 14 (а уже через месяц, постановлением СНК от 12 июня 1919 г. — до 16) лет, независимо от социального происхождения. Позже бесплатное питание для детей было распространено на всю территорию России. Специальными инструкциями и циркулярами наиболее ценные для детей продукты исключались из общего распределения. Однако в силу ряда причин, к моменту создания Деткомиссии снабжение детей продовольствием на практике так и не удалось организовать. Из отчетного доклада Президиуму ВЦИК за первые два месяца работы Деткомиссии следует, что к 1921 г. *«питание детей положительно нигде не налажено». «Дети ведут полуголодное существование, — уточнялось в докладе, — местами питаются только хлебом и капустой или мерзлым картофелем»*⁵³. Не была исключением и столица. Так, Мария Слотинцева, учившаяся в начале 1920-х годов в Московской опытно-показательной школе коммуне им. Лепешинского, позже вспоминала о Москве 1919 — начала 1920-х гг.: *«Кругом беспризорники, худые, почти голые, в рваной одежде, бледные, голодные. Ночуют в подвалах домов, в котлах из-под асфальта [...] Гибнут, замерзая в одноэтажных ветхих домах, да и просто на улице. Говорят, что в Александровском саду появляются “прыгунчики”»*⁵⁴.

21 марта 1921 г. специальным циркуляром Деткомиссии всем губернским продкомам «из общего распределения» были изъяты следующие продукты: сухофрукты, молочная мука «Нестле», овсяная крупа «Геркулес», шоколад, все фруктовые консервы, яйца и яичный порошок «Эгго», сгущенное молоко, мед, клюква и клюквенный экстракт, желатин, какао, рис, манная крупа, картофельная мука, домашняя птица и дичь⁵⁵. В соответствии с циркуляром, указанные продукты предназначались исключительно для детского и больничного питания. Очевидно, что для разумного и наиболее эффективного распределения этих продуктов необходимо было наладить плановое снабжение губерний детскими продовольственными пайками, что в свою очередь требовало хотя бы приблизительных данных о численности детей в целом по республике и по отдельным губерниям.

⁵³ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 8. Л. 19об.

⁵⁴ Слотинцева М.Н. Воспоминания о школьной коммуне Наркомпроса. М., б/д. С. 2—3. Из коллекции материалов МОПШК в Московском музее образования (в россыпи). Машинопись.

⁵⁵ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 7. Л. 53.

Первые статистические данные такого рода были получены в ходе упомянутого выше общереспубликанского обследования, проведенного Деткомиссией в начале 1921 г. С учетом установленной общей численности детей в республике Деткомиссия попыталась организовать регулярное обеспечение детучреждений соответствующим количеством пайков по специально установленной норме. Суточные нормы питания поначалу устанавливались в самих губерниях в зависимости от местных условий. В среднем по стране каждому воспитаннику закрытого детского учреждения в сутки полагалось 200—300 г хлеба, около 100 г мяса или рыбы и столько же крупы, 300—400 г картофеля, по 12 г соли и сахара. В некоторых губерниях в продовольственную норму включали также яйца (по 1 в день), молоко (по стакану в день) и овощи (около 200 г.). Вот, например, какие суточные нормы питания были утверждены в 1921 г. для детских учреждений Москвы и Московской губернии⁵⁶:

Таблица 1

**Суточные нормы питания (в золотниках⁵⁷) для детских учреждений
Москвы и Московской губернии, 1921 г.⁵⁸**

	Для детей от 3 до 8 лет	Для детей от 8 до 16 лет	Для «дефектив- ных» детей и в санаториях
Хлеб	72	96	72
Мясо или рыба	25,6	35,2	38,4
Жиры	6,4	6,4	7
Крупа	15	27,2	32
Овощи	9,6	1,5	4,8
Картофельная мука	0,8	3,2	3,2
Клюква или компот	3,2	3,2	12
Соль	3,2	3,2	3,2
Подправка	4	2	2
Приправа	3	3	3
Сахар	6,7	6,7	6,7
Кофе	1,2	1,2	1,6
Яйца	20 шт. в месяц	—	1 шт. в день
Молоко	-	—	1 стакан

⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 48. Л. 209.

⁵⁷ 1 золотник = 4,266 грамм

⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 48. Л. 209.

К сожалению, положенный по норме суточный паек на практике выдавали лишь в некоторых «показательных» детских учреждениях (например, в «Опытном доме» Государственного психоневрологического института Наркомпроса, в который принимали в основном «детей коммунистов и коммунисток», причем 25 мест было зарезервировано специально для «детей Коминтерна»⁵⁹). В большинстве же детских учреждений дети никогда не получали полный паек, овощи и белый хлеб не выдавали вообще, масло, мясо и сахар были большой редкостью. Снабжение продовольствием было крайне нестабильным. В Деткомиссию постоянно поступали сообщения о беспорядочности снабжения детей и самоуправстве местных продкомов. Например, в Екатеринбурге весной 1921 г. школы получили только 30% продовольственной нормы⁶⁰. Типичную в этом отношении картину отражает отчет областного отдела народного образования Ростова-на-Дону, направленный в Деткомиссию ВЦИК в августе 1921 г., в соответствии с которым, степень обеспеченности детских учреждений области продовольствием в 1921 г. была крайне низкой:

Таблица 2

**Степень обеспеченности продовольствием в % от нормы
утвержденного пайка⁶¹**

	Май	Июнь	Июль
Мясо или рыба	3	5	0
Крупа	11	41	24
Мука	6	23	23
Масло	11	44	46
Соль	17	77	0
Сахар	35	69	31
Кофе	71	100	6
Сушеные фрукты	19	6	4
Яйца	2	23	5

Продукты для детских учреждений, вопреки указаниям правительства, отпускались в последнюю очередь и часто были несвежи-

⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 48. Л. 200.

⁶⁰ Там же. Д. 36. Л. 1.

⁶¹ Там же. Д. 35. Л. 44.

ми. Исключение не составляли даже дома малютки, молочные кухни и ясли. Так, весной 1920 года в ходе проведенного МРКИ массового обследования детучреждений Москвы и Московской губернии выяснилось, что в столичные роддома, дома малютки, ясли и на «молочные кухни» регулярно поступали несвежее молоко и испорченные яйца⁶². Чтобы сохранить жизнь детям, работникам этих учреждений приходилось находить средства для покупки молока на рынке «по вольным ценам». В провинции положение было еще хуже. Комиссия РКИ, обследовавшая детские учреждения для грудных детей в Тверской губернии, пришла к страшным выводам: *«Дети вымирают от недостатка или недоброкачественного молока. Отмечены ясли со смертностью 80%»*⁶³. Особенно тяжело приходилось детям в детских домах, находящихся вдали от городов и продкомов. В таких домах, по признанию губуполномоченного Студитского, дети от государства *«буквально иногда ничего не получали, приходилось брать взаимобразно у местных крестьян муку, картофель и т.д.»*⁶⁴

Местные уполномоченные в своих отчетах и докладных записках постоянно жалуются на халатность или откровенные злоупотребления губернских и уездных продкомов, которые по несколько недель не отпускают продукты, а по истечении месяца просто аннулируют наряды⁶⁵. Так, например, зав. УОНО города Шостак Черниговской губернии сообщил в центр, что их *Упродком «детским учреждениям продуктов никогда не отпускает без скандала»*⁶⁶. Из-за бюрократизма и волокиты в аппарате губпродкома с большим опозданием получали продовольствие уездные детские учреждения Рязанской губернии⁶⁷. Не лучше обстояло дело и в других местах. В Брянске в ходе обследования детучреждений в начале 1921 г. был обнаружен следующий факт: *«дети питались полуголодным пайком, для изготовления им хлеба отпускались мука наполовину с отрубями, риса и подобных продуктов не было и в помине»*. В то же время проведенная проверка обнаружила на складах губпродкома 2 000 пудов риса и 450 пудов пшеничной муки, которые не выдавались для детских пайков⁶⁸. Обследование детучреждений, проведенное в декабре 1920 г. отделом летучих ревизий в связи с «неделей ребенка», показало, что в ряде

⁶² ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 17. Л. 46 об, 50 об.

⁶³ Там же. Д. 70. Л. 31. См. также: Там же. Д. 17. Л. 46 об, 50 об.

⁶⁴ Там же. Д. 82. Л. 25.

⁶⁵ Там же. Д. 48. Л. 294 об.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. Д. 138. Л. 11—11 об.

⁶⁸ Там же. Д. 8. Л. 21.

губерний продукты расхищались самими агентами снабжения ОНО, а также администрацией детских домов. В частности, в Уфимском уезде «упродком для детских учреждений сбывал гниющий мороженный картофель и порченные яйца» и т.п.⁶⁹ Губуполномоченный Воронежской губернии Пискарев в апреле 1921 г. был вынужден неоднократно телеграфировать Воронежскому губернскому продкому о систематических нарушениях в деле снабжения продовольствием детских учреждений: «*Снабжение детей, находящихся в учреждениях, крайне беспорядочно, нормы произвольно сокращаются, замена недостающего не производится, выдача продовольствия затягивается*»⁷⁰.

О повсеместном произвольном сокращении пайков «без всякой системы» регулярно сообщали в Деткомиссию и работники ВЦСПС⁷¹. Детские учреждения Екатеринбургской губернии получали продукты через местные кооперативы, которые с ноября 1920 г. начали высчитывать из и без того скудного детского пайка от 6% до 10% в качестве «платы за распределение»!⁷² (После соответствующего разбирательства Деткомиссия ВЦИК 21 декабря 1921 г., то есть по прошествии более года, приняла решение об отмене такого порядка распределения продуктов⁷³.) После перехода к НЭПу некоторые губпродкомы начали отпускать продукты детским учреждениям на общих основаниях только за наличный расчет. Местным губуполномоченным Деткомиссии стоило немалых усилий добиться возобновления отпуска продовольствия в кредит⁷⁴.

В самих детских учреждениях (за редким исключением) также процветало воровство, которому способствовало почти полное отсутствие контроля со стороны органов власти. По данным РКИ, инструкторы местных отделов народного образования практически не посещали школы и «совершенно не бывали» в детских домах; делопроизводство находилось в полном беспорядке, отчеты либо не составлялись вовсе, либо отправлялись с большим опозданием; финансовая документация постоянно пропадала⁷⁵. Записи в книгах «учета прихода и расхода» носили формальный характер, а зачастую и вовсе отсутствовали, «благодаря чему происходили система-

⁶⁹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д.17. Л.17 об.

⁷⁰ Там же. Д. 27. Л. 106; См. также: Там же. Л. 97—99, 108—110, 112, 114, 120, 150, 156, 161, 162, 170.

⁷¹ Там же. Д. 48. Л. 33.

⁷² Там же. Д. 36. Л. 14.

⁷³ Там же. Л. 31.

⁷⁴ Там же. Д. 138. Л. 26 об.

⁷⁵ Там же. Д. 102. Л. 27.

тические кражи, хищения и провесы»⁷⁶. Например, в московском детском доме № 4 «за 3 года существования не было сделано ни одной записи по приходу и расходу получаемого довольствия»⁷⁷.

Очевидно, что вдали от центра отчетность была поставлена еще хуже. Местные уполномоченные, принимая дела, сталкивались либо с полным отсутствием инвентарных книг, либо с бессистемными, хаотичными записями в этих книгах, не дающими возможность осуществлять реальный контроль за ведением хозяйства⁷⁸. В результате, по данным отчета Деткомиссии за первые 2 месяца работы, нередко были случаи, когда не только обслуживающий персонал детских учреждений, но и их родственники жили, как указывалось в отчетах, «только за счет детей». Так, проведенное в декабре 1920 г. обследование детских учреждений РСФСР установило, что в Рассказовском детском доме размер ежедневного пайка «зависел от усмотрения заведующего», а в московском приюте № 25 администрация систематически присваивала себе продукты, отпускаемые на детское питание («из манной крупы печет себе хлеб, снимает сливки с молока и т.п.»)⁷⁹. В отчетном докладе за 10 месяцев работы Деткомиссии мы видим ту же картину, несмотря на активное участие ВЧК в борьбе с хищениями продовольствия⁸⁰.

Постоянное недоедание вызывало слабость, малокровие, снижение иммунитета. По словам советского дефектолога В.П. Кашенко, *голод был «одним из существенных факторов вырождения, влекущих за собой такие явления, как малый рост детей, слабую сопротивляемость организма внешним влияниям и всеобщее запоздалое физическое развитие, а также и психические уклоны, как неуравновешенность, склонность к преступности и проституции, умственную отсталость»*⁸¹. Теоретические исследования подтверждают и наблюдения местных уполномоченных, и работников детских учреждений, неоднократно указывавших на снижение умственных способностей и развитие преступных наклонностей у голодающих детей. По свидетельству тамбовского губуполномоченного, еда стала смыслом жизни детей, их основной целью, в детских домах *ожидание обеда и ужина «составляли главное содержание жизни детей»*⁸².

⁷⁶ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 26. Л. 72.

⁷⁷ Там же. Д. 102. Л. 27. См, также: Там же. Д. 26. Л. 72; Д. 82. Л. 24; и др.

⁷⁸ Там же. Д. 82. Л. 24.

⁷⁹ Там же. Д. 17. Л. 17 об.

⁸⁰ Там же. Д. 8. Л. 20, 158.

⁸¹ Там же. Д. 14. Л. 45.

⁸² Там же. Д. 170. Л. 29 об.

После неурожая 1921 г. положение детей молодой Советской республики стало катастрофическим. Работа Деткомиссии ВЦИК в 1921—1922 гг. практически полностью сводилась к борьбе за жизнь голодающих детей: организация столовых и пунктов питания, эвакуация голодающих детей в более благополучные регионы, патронирование эвакуированных детей, распределение заграничной помощи и т.д.⁸³

Несмотря на хороший урожай 1922 г., положение детей в середине 1920-х годов мало изменилось. В отчетах местных уполномоченных за 1923 г. вновь подчеркивается, что *«вся работа Комиссии в целом шла под лозунгом спасения детей от голода. О культурно-моральном воспитании не могло быть и речи, ибо все были поглощены заботой прежде всего сохранить жизнь ребенка»*⁸⁴. В 1923—1924 гг. нормы детских продовольственных пайков практически не отличались от норм 1921—1922 гг., пайки по-прежнему выдавали нерегулярно и не полностью. Так, например, в детском доме-приемнике № 3 Царицынской губернии, по данным проведенного в ноябре 1923 г. обследования, кормили следующим образом:

*«Детям выдают в день на человека 1 ф⁸⁵ черного хлеба, 24 золотника фасоли, несколько золотников коровьего масла. Утром дают чай или какао, причем чай кипятят в том же котле, в котором варят так называемый обед, состоящий из соли с водой без жиров. Мяса выдавали за полтора месяца всего раз 5 по 1/4 ф на каждого. Кроме фасоли, черного хлеба и коровьего масла ничего больше нет»*⁸⁶.

Даже в наиболее благополучных губерниях, в детских учреждениях которых питание, по мнению местных Деткомиссий, было «сносным», такие продукты, как молоко, масло, яйца и многие другие, по-прежнему оставались роскошью⁸⁷.

Тяжелое положение детей в 1923—1924 гг. было вызвано помимо прочих причин переводом детских учреждений на финансирование из местного бюджета. Это стало причиной закрытия многих

⁸³ Спасение голодающих детей Советской России в начале 1920-х годов — тема не только крайне важная и «болезненная», но весьма сложная и многогранная. Многие аспекты этой темы получили неоднозначное освещение и требуют более детального исследования. В связи с этим, проблемам спасения голодающих детей в 1921—1923 годах посвящен отдельный очерк данного исследования «“Забота о голодных детях — впереди всего”: Борьба Советского правительства за спасение детей от голода. 1921—1923 годы».

⁸⁴ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 141. Л. 23.

⁸⁵ * 1 ф = 0,40951241 кг; 1 зол. = 4,266 г.

⁸⁶ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 157. Л. 3; см. также: Там же. Д. 141. Л. 212.

⁸⁷ Там же. Д. 190. Л. 65 об.

школ и вынужденного сокращения численности детей в детских учреждениях закрытого типа, точнее, по выражению современников, «выбрасывания» на улицу бывших воспитанников детских домов. Но даже «разгрузка» детдомов не спасла от необходимости сокращения пайков и ухудшения их качества⁸⁸.

Реальный паек, как и в самые неурожайные годы, был значительно меньше нормы не только из-за тяжелого экономического положения, отсутствия продуктов и постоянного притока детей. Как и прежде, сказывались плохая организация снабжения, транспортные проблемы, волокита и хищения, процветавшие на всех уровнях: от Снабупра Наркомпроса и продкомов до столовых самих детских учреждений.

Хищения в этот период, конечно, не были специфическим явлением, свойственным исключительно системе продовольственного обеспечения детей. По сообщению «Вестника агитации и пропаганды», в 1921 г. «хищения с государственных складов приняли почти эпидемический характер»⁸⁹. Отсутствие на рынке продовольствия и товаров широкого потребления, «запрещение свободной торговли усиливали унаследованную от прошлого страсть к легкой наживе, и к настоящему моменту мы имеем перед собою целый арсенал самых разнообразных способов и ухищрений, при помощи которых с необычайным цинизмом происходит разворовывание народного достояния»⁹⁰. Очевидно, что самыми беззащитными перед этим «арсеналом» оказались дети-сироты. Сама система продовольственного снабжения детских учреждений (а точнее ее отсутствие) способствовала процветанию воровства, неизбежного в условиях экономического кризиса и голода. Степень сохранности предназначенных детям продуктов зависела порой исключительно от порядочности тех, через чьи руки эти продукты проходили.

Воровали не только продовольствие. Воровали практически все, причем проявляли при этом исключительное бесстыдство и завидную изобретательность. Кроме традиционного хищения одежды, топлива, медикаментов и т. п.⁹¹ большой популярностью среди работников детдомов пользовались и более изощренные способы присвоения детского имущества, например, сдача в аренду помещений, кроватей или

⁸⁸ См., например: ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 191. Л. 15.

⁸⁹ О массовых хищениях на железных дорогах и на складах см. также: *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917—1922 гг. М., 2001. С. 474—477.

⁹⁰ *Левитин М.* О мерах борьбы с хищениями // Вестник агитации и пропаганды. 1921. № 18. С. 20.

⁹¹ См., например: ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 7. Л. 67; Д. 8, Л. 19об; Д. 17. Л. 18; Д. 26. Л. 72; Д. 41. Л. 20 об; Д. 48. Л. 70 и др.

матрасов. В результате дети спали или вповалку на голом полу, или, в лучшем случае, по 3—4 человека на одной кровати⁹². Так, например, местные власти Тамбовской губернии беззастенчиво грабили детей, прикрываясь резолюциями о том, что предназначенную детским учреждениям мануфактуру пришлось конфисковать «ввиду необходимости» «для снабжения пострадавших от бандитов»⁹³.

Большое распространение получила и такая завуалированная форма хищений, как поставки заведомо негодных продуктов и предметов потребления. Материалы обследований детских учреждений и доклады местных уполномоченных свидетельствуют о том, что получение детскими учреждениями испорченных продуктов, изношенной обуви, ветхой одежды и рваного белья было скорее нормой, чем исключением. В центре снабжение детей было чуть лучше, но и там детские дома получали теплую одежду «без рукавов», среди белья «часто попадалась ветошь»; присылаемую в детские учреждения обувь зачастую невозможно было носить⁹⁴. Особенно тяжелым было положение провинции и детских учреждений для «морально-дефективных» детей⁹⁵.

Таким было реальное положение детей молодой Республики в то время, а многочисленные конференции и совещания по педологии, бесчисленные рекламные плакаты и пропагандистские сборники сообщали о достижениях Советского государства в вопросах воспитания и обеспечения детей.

Организация работы по охране материнства и детства на местах

Несмотря на красивые слова и громкие обещания, молодое советское государство в силу ряда как объективных, так и субъективных причин оказалось не в состоянии выполнять взятые на себя обязательства по содержанию детей. В значительной степени обязанности по охране материнства и детства были переложены на плечи местных властей, от деятельности которых зависело благополучие, а зачастую и сама жизнь детей. Понимая это, руководство Деткомиссии призывало активнее проявлять «местную инициативу», так как «возлагать много надежд на центр нельзя»⁹⁶.

⁹² См., например: ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 8. Л. 158; Д. 17. Л. 17 об.

⁹³ Там же. Д. 15. Л. 64.

⁹⁴ См., например: Там же. Д. 38. Л. 8; Д. 102. Л. 26 об.

⁹⁵ См., например: Там же. Д. 27. Л. 148; Д. 48. Л. 68.

⁹⁶ Там же. Д. 8. Л. 28.

В зависимости от того, был ли данный призыв услышан на местах, ситуация в детских учреждениях соседних губерний (и даже уездов одной губернии) порой оказывалась совершенно различной. Большую заботу о детях проявил, например, Томский губисполком. По его инициативе 1 августа 1921 г. была организована Томская губернская чрезвычайная комиссия по улучшению жизни детей, работавшая в постоянном контакте с исполкомом. Благодаря поддержке местной власти, томской Деткомиссии удалось уже к концу 1923 г. добиться значительных результатов. Так, например, на 27 детучреждений Томска приходилось 20 ванн и бань; во всех детских домах города, кроме одного, дети регулярно мылись, причем в 11-ти детдомах — по 8 раз в месяц (то есть почти 2 раза в неделю), а в 19-ти — детям 4 раза в месяц меняли белье — случай уникальный для тех лет. Даже в Москве положение было значительно хуже⁹⁷. Стараниями Деткомиссии в губернии удалось организовать летние санаторные колонии для 400 детей. Томская Деткомиссия была одной из немногих, чья отчетность и финансовая документация находились почти в идеальном для того времени состоянии⁹⁸.

Вопреки равнодушию «снабжающих органов» и «преступно-небрежному отношению к детским учреждениям некоторых из местных властей», тульскому губуполномоченному совместно с городским отделом народного образования удалось в первые же три месяца работы (апрель—июнь 1921 г.) восстановить в Туле «норму детского питания до нормальных размеров»⁹⁹.

В Острогожском уезде Воронежской губернии в работе местных властей не было единства. В то время как местные продкомы проявляли «безразличное отношение к детям», уездный исполнительный комитет, деткомиссия и губчека, напротив, развернули активную работу по спасению детей. Осенью 1921 г. в уезде был проведен «двухнедельник помощи детям» с целью «встряхнуть все органы», «приказать им пойти действительно навстречу детям»¹⁰⁰. В результате двухнедельника все детские дома были снабжены топливом на 5 месяцев и керосином на 7 месяцев. За это время были отремонтированы все школы уезда; было открыто 5 новых детских домов; детские учреждения были обеспечены почти всем необходимым

⁹⁷ Подробнее об этом см. соответствующую главу данной монографии: «Детство строгого режима или повседневная жизнь «государственных детей» в Советской России. 1917—1930-е гг.»

⁹⁸ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 170. Л. 32—40.

⁹⁹ Там же. Д. 72. Л. 20 об — 21, 43.

¹⁰⁰ Там же. Д. 27. Л. 169.

минимумом, кроме теплой одежды. Значение проведенного мероприятия можно оценить, сравнив степень обеспеченности детских учреждений уезда до и после него (в %).

Таблица 3

**Степень обеспеченности детских учреждений Острогожского уезда
Воронежской губернии осенью 1921 г.¹⁰¹**

	До «двухнедельника помощи детям»	После «двухнедельника помощи детям»
Обувь	30	100
Нательное белье	30	100
Постельное белье	30	100
Головные уборы	30	100
Теплая одежда	25	35

Подобные «недели» и «двухнедельники» регулярно проводились как во всероссийском масштабе, так и в отдельных уездах, но далеко не всегда были столь результативны. Понимая, что двухнедельник — лишь временная мера, которая не решит всех проблем, а на государство рассчитывать бессмысленно, Острогожская уездная комиссия приступила к эксплуатации находящихся в уезде мелких богатств, чтобы на полученные средства содержать детей¹⁰².

В Ярославской губернии Деткомиссия оказалась полностью лишена поддержки местных властей. Тем не менее, благодаря энтузиазму и энергии уполномоченного Ярославской губернской Деткомиссии Студитского, за месяц работы все детские дома Ярославля, находившиеся в «ужасном состоянии», были приведены в «более или менее приличный вид»: детей «поприодели», наладили среди них «некоторую дисциплину»; а еще через два месяца в детских домах начались школьные занятия и жизнь детей «вошла в нормальную колею»; «значительно сократилось» воровство среди персонала. Студитскому, одному из немногих местных уполномоченных, удалось после трехмесячной борьбы добиться возвращения Наркомпросу трех зданий бывших детских учреждений. Вопреки «индифферентному» отношению к проблемам детей местных волисполкомов,

¹⁰¹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 27. Л. 170.

¹⁰² Там же. Д. 27. Л. 182.

уездные и волостные уполномоченные Ярославской губернии организовали снабжение детучреждений из местных крестьянских хозяйств. Анализируя свою работу и работу своих коллег, Студитский писал: «... Слишком много встречается всевозможных препятствий, но, надеюсь, что при упорной энергии эти препятствия, хотя бы они считались и невозможными, можно устранить». В своих отчетах Студитский неоднократно подчеркивал, что работа начинает налаживаться *«там, именно, где есть своя инициатива, свое творчество»*¹⁰³.

К сожалению, как свидетельствуют документы, работники Деткомиссии, ее местные уполномоченные, их добровольные помощники и руководители детских учреждений, которые искренне переживали за свое дело и не жалели сил на борьбу за спасение детей, зачастую оказывались в этой борьбе в одиночестве. Вопреки ожиданиям, они не только не встретили понимания и помощи, но нередко были вынуждены преодолевать открытое противодействие как местных властей, так и многих работников центрального аппарата, постоянно сталкиваясь с их равнодушным отношением к детям. Так, в детских домах Ковровского и Собинского уездов Владимирской губернии дети были «одеты и обуты» исключительно благодаря «особой энергии заведующих и воспитателей»¹⁰⁴. Уполномоченный Тверской губернии после двух месяцев работы пришел к выводу, что вызванное общей экономической разрухой тяжелое положение детских учреждений в значительной степени усугубляется *«бесхозяйственностью, чисто чиновническим и прямо злым отношением к детям»* со стороны местного губнаробра¹⁰⁵. Доклады уполномоченных Воронежской губернии в 1921 г. пестрят сообщениями о том, что *«отделы уисполкомов, партийные и профсоюзные организации еще слабо поняли всю важность работы по улучшению жизни детей и поэтому почти совершенно не принимают в ней никакого участия»*¹⁰⁶. Уполномоченный Тульской губернии Аладышкин работу своих коллег назвал «хождением по мытарствам», подчеркнув, что «хождения эти» в большинстве своем оказывались совершенно бесполезными: *«уполномоченные бегали, высуня язык, и видели, что размениваются на мелочи и делают не то, чтобы им должно делать»*, так как все силы уходили на борьбу с волокитой и грубостью.

¹⁰³ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 82. Л.Л. 24; 25; 26; 40; 40об, 53.

¹⁰⁴ Там же. Д. 115. Л. 10. Подробнее о значении инициативы на местах в деле обеспечения детских учреждений см. Смирнова Т.М. Дети Советской России (по материалам Деткомиссии ВЦИК. 1921—1924 гг.) // Социальная история. Ежегодник 2001—2002. М., 2003. С. 500—504.

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 70. Л. 18.

¹⁰⁶ Там же. Д. 27. Л. 88; см. также: Там же. Л. 169.

«Мытарствами» назвал работу Тульского городского отдела народного образования один из его сотрудников Кузьмин. По его словам, работникам отделов народного образования приходилось все необходимое для детских учреждений доставать своими силами, так как их запросы оставались неудовлетворенными, «к ним ЕПО было глухо, благоустройство хозяйственной жизни детских учреждений его мало интересовало, оно им чуждо». Отсутствие транспорта, например, приводило к тому, что дети получали продукты уже испорченными¹⁰⁷. В Ярославской губернии, напротив, именно работники отделов образования проявили, по свидетельству комиссии РКИ, преступное равнодушие к проблемам детей, оказавшись *«очень далеки от проведения в жизнь постановлений Центральной власти»*. *«Для них эти постановления, — говорилось в отчете РКИ о проверке деятельности органов народного образования Ярославской губернии, — не говоря уже о простом гуманном чувстве, совершенно оказались пустым звуком, и несчастные дети сиротки [...] предоставлены самим себе»*¹⁰⁸.

То же равнодушие к детям видим мы и в центре, который Е.П. Радин гордо называл «живой моделью для провинции», «лабораторией новой здоровой детской жизни»¹⁰⁹. Вот как описывают работу самого ядра этой «лаборатории» — Московского отдела народного образования — сотрудники РКИ, проводившие весной 1921 г. обследование детских учреждений Москвы и Московской губернии: *«На занятия являются поздно, работа идет вяло и апатично, лишь бы как-нибудь дотянуть до 4-х часов и поскорее идти домой. Это тем более недопустимо, что все сотрудники МОНО за малым исключением получают от колоний и детских домов пайки, для получения которых они приписаны к этим учреждениям под тем или иным наименованием»*¹¹⁰.

Аппарат МОНО, состоявший из 60 структурных подразделений, постоянно реконструировался, секции переезжали из комнаты в комнату, заведующие отделениями сменялись, не успевая даже войти в курс дела. Неудивительно, что отчетность была поставлена «ниже всякой критики». Проверяющие особо отметили плохую работу секции питания и систематическую пропажу продовольствия в пути. Не лучше обстояло дело и во второй столице и ее окрестностях. Петроградский губуполномоченный Попов жаловался в

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 72. Л. 20, 22 об.

¹⁰⁸ Там же. Д. 82. Л. 13.

¹⁰⁹ Радин Е.П. Что делает Советская власть для охраны здоровья детей. Вятка, 1921. С. 5.

¹¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 17. Л. 44 об.

Президиум губисполкома на волокиту, равнодушие к детям и «препятствия нормальной работе» со стороны практически всех представителей власти и учреждений. *«Чтобы попасть на прием к кому-либо, узнать три, четыре слова, приходится ждать очереди, убивать напрасно время»*, — писал Попов, добавив далее, что из-за отсутствия средств передвижения на поездки по инстанциям уходят сутки¹¹¹.

Проанализировав состояние различных детских учреждений, руководители Деткомиссии были вынуждены признать, что помимо объективных политических и экономических трудностей есть много «печальных штрихов, которые зависели только от злой воли отдельных лиц или групп»¹¹². В частности, в создании катастрофического положения (вплоть до «вымирания» грудных младенцев), по утверждению А.Д. Калининой, возглавлявшей в 1921 г. подкомиссию Московского совета по оказанию помощи голодающим детям, особенно велика была «роль местных властей, большинство из которых проявляли преступное равнодушие и непонимание значения проблемы»¹¹³.

«Объективные» трудности, как и «злая воля» и «преступное равнодушие» оставались неизменными и в последующие годы. Жалобы сотрудников Деткомиссии и ее уполномоченных на пренебрежительное отношение местных и центральных властей к интересам детей были неизменной составляющей отчетов и прочей делопроизводственной документации Деткомиссии в течение всего периода ее существования. Так, например, уполномоченный Воронежской губернии в своем отчете за первое полугодие 1923 г. сообщает:

*«Местные органы Соввласти и хозорганы далеко не всегда с достаточной чуткостью и внимательностью относятся к делу быта и воспитания детей. Целый ряд учреждений и организаций, несмотря на улучшающееся положение промышленности и общее состояние Государства, отказался от содержания детдомов (Губвоенком, Последгол, Губсовнархоз, ЕПО, союз Совработников и др.)»*¹¹⁴.

К сожалению, данный упрек уполномоченный Воронежской губдеткомиссии мог бы адресовать также и многим своим коллегам. Деятельность местных уполномоченных нередко сводилась к обследованию, составлению по их результатам отчетов, бесчисленных заявок и прошений, жалоб на отсутствие помощи и средств, выявлению и документальной фиксации различных на-

¹¹¹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 46. Л. 46.

¹¹² Там же. Д. 8. Л. 29.

¹¹³ Там же. Д. 48. Л. 14.

¹¹⁴ Там же. Д. 191. Л. 8.

рушений и злоупотреблений в детских учреждениях. Впрочем, и в этом случае забот у местных уполномоченных хватало. Практически ни одна проверка не обходилась без выявления различных нарушений: хищений, неправильного ведения отчетности (чаще ее отсутствия), небрежного хранения продуктов, несоблюдения санитарно-гигиенических норм, халатности, плохого ухода за детьми, грубого отношения к ним и даже физического насилия.

С другой стороны, можно привести и немало примеров самоотверженной работы сотрудников Деткомиссии или органов народного образования и их добровольных помощников, которые не жалели сил в борьбе за спасение детей. Большую заботу о детях проявили в годы голода Томский, Тверской и Царицынский губисполкомы, тульский и ярославский губуполномоченные Деткомиссии¹¹⁵ и многие другие.

В целом же состояние государственной работы по охране детства в начале 1920-х годов как нельзя лучше характеризует печальное признание заведующего ОНО Вотской автономной области: *«Много везде говорится об улучшении положения детей — нашего будущего поколения. К великому сожалению, слова наши остаются только словами. Реальных мер к улучшению жизни детей не принимается»*¹¹⁶.

***

Оценивая итоги и значение первых лет работы Деткомиссии и советской «детской политики» послереволюционных лет в целом, необходимо учитывать объективные трудности того периода, делающие решение многих поставленных задач просто невозможным. Нельзя забывать, что работа по созданию системы органов охраны и защиты детства была начата в крайне тяжелых условиях послевоенной разрухи, разрушения всей инфраструктуры системы охраны детства, экономического кризиса, социальной и политической нестабильности, при отсутствии опыта, средств, кадров. Объективные трудности усугублялись равнодушием к проблемам детских учреждений, проявляемым многими представителями власти, злоупотреблениями в самих детских учреждениях (жестокое обращение с воспитанниками, массовые хищения), бюрократизмом, халатностью.

В то же время нельзя не отметить, что в этот период охрана материнства и младенчества получили государственный статус, помощь

¹¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 48. Л. 14; Д. 70. Л. 9; Д. 72. Л. 20 об-21, 43; Д. 170. Л. 32—40.

¹¹⁶ Там же. Д. 29. Л. 3.

детям отныне не зависела от прихоти и воли богатых благотворителей, а стала неотъемлемой частью государственной политики. Институционально-политическая поддержка наиболее передовых идей в сфере охраны детства, витавших в российском обществе в последние десятилетия, обеспечила государственной «детской политике» поддержку этого общества (на первых порах) и дала мощный импульс общественному энтузиазму. Впервые в истории России были собраны и сведены воедино сведения о количестве и состоянии детских учреждений, о численности детей в них, о качестве их питания и степени обеспеченности одеждой и предметами ежедневного потребления, об образе жизни, распорядке дня, отношении к ним воспитателей и т.д. Пропаганда навыков личной гигиены и начало развития системы профилактической медицины снизили детскую заболеваемость, а благодаря развитию сети женских консультаций, специализированных учреждений родовспоможения, курсов по уходу за грудными детьми и молочных кухонь была снижена младенческая смертность. Многие дети получили возможность учиться, реализовывать свои способности.

Тем не менее, в целом приходится признать, что громкие фразы, красивые обещания, декларируемые властью, не выдержали столкновения с жизненной реальностью. *«Советская власть, — пишет Семашко, — с первых дней своего существования осознала одной из своих задач дело обеспечения и воспитания детей»*¹¹⁷. Была ли выполнена эта задача? Факты убедительно показывают, что не была. Сопоставление данных первых четырех лет работы Деткомиссии ВЦИК свидетельствует об отсутствии значительных положительных изменений; проблема беспризорности и охраны детства стояла все также остро, как и в год создания чрезвычайной комиссии по спасению детей. *«... У нас есть охрана материнства и младенчества, но у нас совершенно недостаточно развита охрана детства, — с сожалением констатировала в 1926 г. Н.К. Крупская. — Отчасти эту работу ведет орган соцвоса СПОН (социально-правовая охрана несовершеннолетних), отчасти общество «Друзья детей», отчасти Наркомздрав, но надо сказать прямо — по РСФСР эта работа носит недостаточно ударный и планомерный характер [...] Мы должны его [новое поколение — Т.С.] заботливо растить, а у нас это дело в забросе»*¹¹⁸. Для создания полноценной и эффективной системы охраны детства государству была необходима активная поддержка общества.

¹¹⁷ XV лет работы по улучшению жизни детей... С. 8

¹¹⁸ Крупская Н.К. Охрана детства // Правда. 1926 № 55 (3284). С. 1.

2. «Дети – наше будущее»:

Власть и общество в решении проблем детства.
1917–1930-е годы.

«Современная ситуация в России требует более активного вмешательства государства в область семейного воспитания»¹. Эти слова прозвучали не в далекие советские времена, как может показаться на первый взгляд, а спустя 13 лет после распада СССР на общероссийской конференции по вопросам защиты детей в современной России. Преподаватель В.Н. Герасимов в своем выступлении на конференции затронул одну из ключевых (и по сей день горячо дискутируемых) проблем — распределение ответственности за судьбу подрастающего поколения между семьей и государством, обществом и властью.

Данная тема не нова, имеет глубокие исторические корни и, безусловно, важна не только в теоретическом, но и прежде всего в практическом плане. В различные периоды отечественной истории вопрос о вовлеченности двух главных заинтересованных сторон — общества и власти — в решение проблем материнства и детства решался по-разному. Но как именно и почему?

Общественная инициатива и государственная власть: сотрудничество и противостояние. 1917 – начало 1920-х гг.

Для осуществления задачи охраны детства в объеме советских законодательных норм необходима колоссальная и весьма многогранная работа, которая должна быть планомерно распределена как между государственными органами, так и пролетарскими общественными организациями Республики.

*А.Д. Калинина «Детская инспекция
и пролетарская общественность»*

Первые послереволюционные годы характеризуются крайне противоречивым характером взаимодействия общества и власти в деле защиты детей: в одних вопросах они находили согласие и взаимопонимание, в других, напротив, вступали в конфронтацию.

¹ Герасимов В.Н. Семейно-правовые принципы воспитания и защиты детей // Защита прав ребенка в современной России: Материалы научно-практической конференции. М., 2004. С. 58.

В каких-то ситуациях население проявляло инициативу и настойчивость, в других же — полную апатию либо сознательное игнорирование инициатив власти. Неравномерным было и распределение социальной активности по различным регионам.

Основополагающей идеей, которую стремилась реализовать новая власть в области охраны детства, был принцип так называемого «*социального воспитания*», предполагавший приоритет общественного воспитания над частным, а также единство стандартов воспитания и образования в общегосударственном масштабе². В первые же дни существования Советской власти забота о детях была провозглашена «непосредственной обязанностью государства»³. Принцип ответственности государства за «всех детей Республики» был положен в основу практически всех первых законодательно-распорядительных документов новой власти в сфере социальной политики и здравоохранения. Так, 28 декабря 1917 г. Декрет Народного комиссариата госпризнания провозгласил «*прямой обязанностью*» государства «охрану и обеспечение» материнства и младенчества; декрет СНК от 31 декабря 1917 г. провозгласил государство «*другом и опекуном*» *всех детей Республики*, а «*заботу о ребенке — прямой заботой государства*»⁴.

Кодексом законов о браке, семье и опекунстве (КЗоБСО) 1918 г. было запрещено усыновление (ст. 183), что юридически закрепило приоритет социального воспитания. Как пояснялось во введении к Кодексу, усыновление было запрещено в первую очередь для защиты интересов детей из опасений их эксплуатации в крестьянских

² Теория социального воспитания и ее место в советской социальной практике — тема крайне интересная и актуальная, но выходящая за рамки данного исследования. Стоит лишь отметить, что идея социального воспитания отнюдь не является порождением большевистской идеологии. Советские теоретики государственного воспитания (А.М. Коллонтай, П.И. Стучка, Н.И. Бухарин и др.) апеллировали в том числе и к традиции русских дореволюционных и иностранных филантропов. Подробнее об этом см., например: *Тоттенборн З.* Родительские права в первом кодексе законов РСФСР // Пролетарская революция и право. М., 1919. № 1. С. 20—28; *Ее же.* Задачи опекунских учреждений по новому праву // Пролетарская революция и право. М., 1919. № 2—4. С. 64—73; *Нечаева А.М.* Россия и ее дети (ребенок, закон, государство). М., 2000. С. 88—104; *Lindenmeyr A.* Maternalism and Child Welfare in Late Imperial Russia // *Journal of Women's History*, Fall 1993, Vol. 2. P. 123 и др.

³ ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 8. Л. 93.

⁴ Подробнее об этом см.: *Калинина А.Д.* Десять лет работы по борьбе с детской беспризорностью. М.; Л., 1928. С. 22, 23, 29; *Конюс Э.М.* Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917—1940). М., 1954. С. 96—98, 149—154; Отчет по отделу охраны материнства и младенчества Народного комиссариата социального обеспечения с 1 мая 1918 г. по 1 мая 1919 г. М., 1919. С. 5; и др.

семьях. Следует подчеркнуть, что ссылка на заботу о детях, как главный побудительный мотив отмены института усыновления, отнюдь не является частью пропагандистской риторики, как это может показаться современным читателям. Высказанные во введении к Кодексу опасения имели весьма веские мотивы, что подтверждается и рядом современных исследователей⁵. Реальность данных опасений продемонстрировал и опыт патронирования 1920—1930-х годов⁶.

Несмотря на официально провозглашенный приоритет принципов социального воспитания, по утверждению современников, непосредственно занимавшихся решением задач охраны материнства и детства, общество не было отстранено от их практического воплощения в жизнь. Напротив, по утверждению современников, именно после октября 1917 г. широкие слои населения впервые в истории получили реальную возможность влиять на судьбы не только своих, но и всех детей, нуждающихся в их помощи. *«Трудящиеся России, — писала, в частности, А.Д. Калинина, большую часть своей жизни посвятившая борьбе с детской беспризорностью, — получили самые широкие возможности строить величайшее и прекраснейшее в мире здание охраны детства»*⁷. Принципиальным отличием общественной помощи детям в условиях Советской России стало отрицание принципа благотворительности, ставившего заботу о детях в зависимость от прихоти узкой группы состоятельных граждан, или, выражаясь словами современников, «каприза сытой барыни»⁸. В соответствии с идеологией новой власти, объем и характер заботы о детях должен был определяться государством⁹.

⁵ См., например: *Goldman W.* Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917—1936. Cambridge University Press, 1993. P. 52.

⁶ Подробнее об этом см. соответствующую главу данной монографии: «Дети-сироты — “дети народа”»: Особенности развития семейных форм воспитания детей-сирот в Советской послереволюционной России».

⁷ *Калинина А.Д.* Детская инспекция и пролетарская общественность // Вестник просвещения. 1923. № 4. С. 155. А.Д. Калинина много лет проработала в советских органах по борьбе с беспризорностью и защите детей, в том числе в руководящих должностях (комиссар Московского губернского отдела социального обеспечения, заместитель председателя Деткомиссии при ВЦИК). Забегая вперед, стоит отметить, что это утверждение Калининой не было лишь политической демагогией. Как показало исследование, общество действительно имело реальные механизмы воздействия на государственную «детскую» политику. Особенно наглядно это прослеживается на примере строительства и функционирования системы детских учреждений дошкольного воспитания.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 180. Л. 569.

⁹ Социальное обеспечение детей / Под ред. Я.А. Перель и А.А. Любимова. М.; Л., 1932. С. 4.

Добровольная же помощь со стороны граждан — материальная и моральная — рассматривалась как значимый и весьма желательный (а впоследствии и обязательный), но все же лишь как дополнительный фактор. Главная же ответственность ложилась на государство, что представляется вполне разумным.

Вот, например, как очертила сферу ответственности государства в отношении охраны детства Н.К. Крупская: *«Необходимо, чтобы кто-то заботился о том, чтобы ребята городской и деревенской бедноты не гибли от недостатка питания, чтобы они не дрогли и не простужались, чтобы могли дышать свежим воздухом. Надо какой-то государственный контроль за здоровьем всех ребят. Нужен контроль в отношении посылки в школу, и не только контроль, но и помощь. Нужна защита детей от жестокого обращения, спаивания и эксплуатации [орфография подлинника. — Т.С.]. Нужны площадки для зимних и летних игр. Нужны льготные билеты для поездки за город. Нужны детские купальни, детские столовки, школьные завтраки, детские клубы и очаги»*¹⁰. Все это, по замыслу новой власти, должно было гарантировать детям государство.

Однако, провозгласив полную ответственность государства за всех детей Республики, на практике власть не смогла обеспечить даже необходимый минимум для их элементарного выживания. В условиях военного времени, социально-политической нестабильности и экономической разрухи, отсутствии финансовых средств, опыта и квалифицированных кадров реальная забота о детях нередко ограничивалась принятием формальных юридических норм и декларацией громких лозунгов, одним из которых и стал лозунг о полной ответственности государства за судьбы всех детей.

В сложившихся экстремальных условиях большое значение приобрела позиция общества: его поддержка или противодействие проводимой государством «детской» политике, пассивность либо, напротив, активность населения в сфере защиты детства могли оказать существенное влияние на положение детей. Понимая это, государственные структуры сознательно делегировали обществу часть своих полномочий в области охраны детства (и в том числе в деле борьбы с беспризорностью), всячески подчеркивая ответственность *каждого* гражданина за успех этой работы. *«Тут надо прямо-таки броситься на помощь, как если бы мы видели утопающих детей. Одному Наркомпросу справиться не под силу. Нужна широкая помощь*

---

¹⁰ Крупская Н.К. Охрана детства // Правда. 1926. № 55 (3284). С. 1.

*всей советской общественности», — подчеркивал, в частности, Ф.Э. Дзержинский в 1920 г. в беседе с А.В. Луначарским о борьбе с детской беспризорностью¹¹. Эта же мысль звучала и в выступлениях других большевистских лидеров, в многочисленных статьях советских педагогов, работников органов народного образования: «*дети нуждаются в общественной помощи*», «*необходимо, чтобы в борьбе с этим злом [детской беспризорностью. — Т.С.] государству пришли на помощь широкие массы трудящихся*»; «*лозунгом на ближайший период работы должен быть клич “Все на борьбу с беспризорностью”*»; и т.д.¹²*

Создание «фундамента к постоянной общественной помощи» детям

Руководство государственной системы охраны материнства и детства стремилось максимально использовать в своей работе общественность, направляя ее активность в нужное русло, делая ее «плановой» и организованной. «*Для осуществления задачи охраны детства в объеме советских законодательных норм, — подчеркивала в связи с этим в 1923 г. А.Д. Калинина, — необходима колоссальная и весьма многогранная работа, которая должна быть планомерно распределена как между государственными органами, так и пролетарскими общественными организациями Республики*»¹³. Это «плановое распределение» работы по охране детства принимало самые разнообразные формы, имело как добровольный, так и принудительный характер, сочетая инициативы снизу с социальными практиками, иницируемые партией и правительством.

В первую очередь на повестку дня была поставлена задача спасения жизни детей от голода¹⁴. Поначалу в решение этой задачи охотно включились рабочие и красноармейцы. «... *Ввиду того, что в настоящее время, — писала группа красноармейцев-ком-*

¹¹ Цит. по: Рыбарь революции. Воспоминания современников о Ф.Э. Дзержинском. М., 1967. С. 278—279.

¹² См., например: Рабочий детям: О деятельности рабочего патроната “Красный молот” Московско-Нарвского района г. Ленинграда. Л., 1926. С. 8; Отчет райправления Общества Рабочий патронат “Друг детей” Центрального Городского района за 1925 г. Л., 1926. С. 10—11; и др.

¹³ Калинина А.Д. Детская инспекция ... С. 156.

¹⁴ О борьбе с голодом подробнее см. соответствующую главу данной монографии: «“Забота о голодных детях — впереди всего”: Борьба Советского правительства за спасение детей от голода. 1921—1923 годы.»

мунистов в ЦК РКП(б) в марте 1920 г., — благодаря блокаде мировой контрреволюции Советская власть, не глядя на все свои усилия не может выполнить все требования для удовлетворения всех нужд центральной губернии в продовольственном отношении, в особенности детей, и она должна прибегать к разным способам для выполнения этих задач. Одним из этих способов после долгого нашего размышления и совместного нашего обсуждения вылилось в следующей форме. Предложить ЦК РКП поставить на обсуждение следующее предложение: провести во Всероссийском масштабе неделю защиты детей (Центра) от голода [...] Мы уверенно можем сказать, что все красноармейцы (т.к. мы сами красноармейцы) не откажутся отчислить по одному пайку сахара, а также и муки, что в итоге составит громадное количество как сахара, так и муки. За исключением этого предлагаем ЦК поднять вопрос в Всероссийском Совете профессиональных союзов об отчислении для этой же цели одновременный заработок тоже во всероссийском масштабе, а ЦК партии принять меры, чтобы собранные деньги можно было реализовать в продовольственных органах на продукты»¹⁵.

Голод 1921 г. поначалу подстегнул инициативу жителей крупных городов и рабочих коллективов в сфере защиты детей. Так, сотрудники и читатели газеты «Рабочая Москва» в конце 1921 г. начали собирать средства для открытия в Москве детского дома имени сотрудников и читателей газеты. К 21 марта 1922 г. ими было собрано 421 082 632 рубля¹⁶. Рабочие промышленных предприятий, профсоюзы, отряды милиции брали на свое обеспечение целые детские дома или отдельные группы воспитанников. В частности, в местечке Черемхово Иркутской губернии был оборудован детдом для эвакуированных детей, который взял на свое иждивение трест «Черемховуголь»; иркутский детский дом «Молодые побеги» взяла на свое обеспечение местная губчека; 35-я дивизия 5-й Армии взяла на полное содержание 3 детских дома (250 детей)¹⁷. По данным Иркутской губернской Деткомиссии на 1 марта 1922 г., на иждивении военных и общественных организаций губернии находилось более тысячи эвакуированных из Поволжья детей¹⁸. Активную работу по обеспечению детдомов и борьбе с беспризорностью прово-

¹⁵ ГА РФ. Ф. А-1574. Оп. 1. Д. 201. Л. 7.

¹⁶ Рабочая Москва. 1922. 22 марта. С. 2.

¹⁷ Спасенные революцией. Борьба с беспризорностью в Иркутской губернии и округе (1920—1931 гг.). Иркутск, 1977. С. 33—34.

¹⁸ Там же. С. 42.

дили активистки отделов работниц (женотделов)¹⁹. *«Отдел работниц, не скупясь, оказывал помощь, и делегатки рассылались по всем учреждениям города. Они добывали мебель, кровати, белье, обувь для детей и детдомов, — сообщала иркутская газета «Власть труда» в марте 1921 г. — [...] Если всмотреться во внутреннюю работу каждого детского учреждения (во всех них есть делегатки женотдела), то здесь мы увидим, какую огромную роль выполняет делегатка-пролетарка [...] Она распределяет среди детей обед, увозит больных детей в больницы, делегатки моют, штопают, купают. Они устраивают воскресники по обшивке детей, они добывают продукты (добавочное питание) из отдела работниц, платье из социального обеспечения»*²⁰.

С конца 1922 г. рабочие крупных предприятий для оказания помощи детям начали объединяться в так называемые рабочие патронаты, занимавшиеся организацией лечения, питания и отдыха детей, созданием дошкольных детских учреждений, оборудованием детских площадок и т.п.²¹ Одной из главных целей рабочих патронатов было также «вовлечение трудящихся в дело строительства учреждений социального воспитания»²². Массовость рабочих патронатов обеспечивалась благодаря широкому распространению так называемого коллективного членства, когда членом общества становилось целое предприятие со всеми рабочими и служащими.

Сложнее была ситуация в сельской местности. Случай, когда крестьяне по собственной инициативе брали на свое содержание эвакуированных детей, были, скорее, исключением, чем массовым явлением. Так, 4 марта 1922 г. газета «Власть труда» поместила сообщение, что 7 деревень и сел Иркутской губернии постановили взять на воспитание 465 детей беженцев Поволжья²³. В целом же крестьяне, озабоченные поддержанием своего хозяйства и содержанием собственных детей, не проявляли особого желания заботиться о чужих. Положение здесь отчасти спасали крестьянские

¹⁹ В ноябре 1918 г. по инициативе «Комиссии по агитации и пропаганде среди работниц» при ЦК РКП(б) был созван I Всероссийский съезд работниц, на котором было решено создать при всех местных парткомах «Комиссии по агитации среди работниц» (с сентября 1919 г. — *отделы работниц*, более известные как *женотделы*).

²⁰ Цит. по: Спасенные революцией... С. 24—25.

²¹ Следует уточнить, что, несмотря на название этих рабочих организаций, устройство безнадзорных детей в семьи на патронатное воспитание не входило в число их основных целей. (См.: Отчет райправления общества... С. 9).

²² Рабочий детям... С. 18; см. также: Отчет рабочего патроната «Красный молот» Володарского района с 1 января по 31 декабря 1924. Л., 1925. С. 3—4, 8.

²³ Спасенные революцией... С. 34.

комитеты взаимопомощи и отдельные энтузиасты в лице добровольных помощников местных Деткомиссий.

По мере ухудшения ситуации в стране энтузиазм общественности становился все меньше, в то время как потребность в нем возрастала с каждым днем. Активность рабочих патронатов сконцентрировалась главным образом на обслуживании подведомственных им предприятий (устройство детей в ясли или санатории, снабжение дошкольников молоком, а школ — учебными пособиями, и т.п.). В остальных же вопросах «самодетельность и инициатива» низовых ячеек рабочих патронатов была, как отмечалось в отчетах, «чрезвычайно слаба»²⁴. Рабочие и красноармейские коллективы, взявшие поначалу на свое содержание голодающих детей, вскоре «устали» от собственной благотворительности и начали, как явствует из отчета Деткомиссии ВЦИК за сентябрь-декабрь 1922 г., «отказывать [в] своей помощи», то есть попросту бросили своих подшефных на произвол судьбы. С сентября 1922 г. в Москву (на адреса Деткомиссии ВЦИК, Наркомпроса РСФСР и Совнаркома РСФСР) одно за другим начали поступать постановления о расформировании детских домов, находившихся на содержании общественности. Авторы этих постановлений требовали немедленно принять у них детей из расформированных детдомов, после чего воспитанников начали привозить в Москву. Формально этих детей передавали на попечение Деткомиссии, а фактически же их просто выбрасывали на улицу, поскольку столичные детские дома были переполнены и отказывались принимать новых воспитанников. Одновременно в Москву стекался поток детей, находившихся ранее на воспитании в крестьянских семьях. Таким образом, в столице оказалась «целая армия беспризорных детей»²⁵. Для возвращения их на родину нужны были средства, да и не было смысла возвращать детей в родные места, так как местные детдома находились в еще более тяжелом положении, чем столичные.

Ситуация осложнялась и участвовавшими случаями передачи на попечение государства «родительских» детей, семьи которых оказались не в состоянии прокормить свое потомство. В условиях крайне нестабильной социально-экономической ситуации и массового голода пропаганда приоритета так называемого социального воспитания принесла свои плоды. Появился тип родителей, которые восприняли декларируемый принцип полной ответственности госу-

²⁴ Отчет райправления общества... С. 9.

²⁵ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 184. Л. 20.

дарства за всех детей Республики, как руководство к действию и, будучи не в состоянии самостоятельно обеспечить своих детей, просто подкидывали их в государственные детские учреждения (тайно или открыто), невзирая на крайне бедственное положение последних и отсутствие в них свободных мест. Государству и работникам детских учреждений, еще недавно пропагандировавшим преимущества общественного воспитания детей, теперь приходилось напоминать родителям об их обязанностях. В ходе периодически проводимых «разгрузок» детских учреждений работники детдомов разыскивали родителей и прочих родственников своих воспитанников, чтобы передать детей им на попечение. Однако найденные родственники нередко проявляли удивительную изобретательность, изыскивая причины, якобы не позволяющие им взять ребенка на свое содержание.

В этих тяжелых условиях были предприняты попытки придать «общественной» помощи плановый и организованный характер. В начале 1922 г. Деткомиссией ВЦИК была разработана «Инструкция о плановом прикреплении детских учреждений к советским учреждениям, профессиональным организациям, войсковым частям, промышленным и торговым предприятиям и т.п.»²⁶. В соответствии с этой инструкцией, предлагалось «в целях возможно лучшего снабжения детских учреждений и наибольшего содействия им в достижении поставленных им задач» не реже двух раз в месяц созывать на местах «конференции представителей фабзавкомов, месткомов, советских учреждений, ячеек РКП, КСМ, организаторов работы среди женщин, воинских частей и т.п.». Помимо прочих вопросов, на конференциях следовало «выяснять материальные возможности представленных учреждений, предприятий, организаций или воинских частей в деле содействия детучреждениям» и, исходя из этого, определять «способ и порядок оказываемого им содействия». Предусматривалось два вида помощи детским учреждениям: «всеобъемлющая помощь» или выполнение «определенных обязанностей». При этом решение, какое именно детское учреждение возьмет под свою опеку то или иное предприятие, скольким детям оно будет помогать, а также в какой форме и в каком объеме будет оказываться помощь, должно было принимать не руководство самого предприятия и не общее собрание его работников, а именно конференция. Таким образом, речь шла о принудительном прикреплении детей к предприятиям и организа-

---

²⁶ Авторы инструкции и точная дата ее написания неизвестны.

циям²⁷. Однако против этого выступил Главсоцвос, и инструкция не была принята²⁸.

В марте 1923 г. Деткомиссия ВЦИК была вынуждена констатировать, что *«размер общественной помощи сократился до минимума»*. Любопытно, что, по утверждению исследовательницы Н.В. Шишовой, именно с конца 1923 г. в Советской России *«началось новое массовое общественное движение»*²⁹. Видимо, говоря о росте общественной активности, Шишова имела в виду организованную государством в середине 1923 г. массовую агитационно-пропагандистскую *«детскую кампанию»*. Обеспокоенная резким падением социальной активности, особенно болезненно ощутимым в условиях тяжелых последствий голода, Деткомиссия ВЦИК пришла к выводу о необходимости *создать «фундамент к постоянной общественной помощи» детям*. С этой целью было решено провести специальную *«детскую кампанию»* по *«усилению внимания рабоче-крестьянских масс к детскому вопросу вообще»*, а также *«непосредственной помощи детям»*. К организации этой кампании, помимо Деткомиссии ВЦИК, были привлечены Наркомпрос, Наркомздрав, Женотдел и Агитотдел ЦК РКП, РКСМ, Главполитпросвет, ЦК Крестьянской Взаимопомощи, ЦК Последгол ВЦИК, ВЦСПС, Коминтерн, Профинтерн, Межрабпом и Красная Армия. На эти органы была возложена задача проведения *«самой интенсивной и всеобъемлющей агитации»*³⁰.

Активную агитационно-пропагандистскую работу проводило специальное *«Издательство охраны материнства и младенчества»*, систематически публиковавшее листовки и плакаты органов охраны материнства и младенчества (ОММ)³¹. В рамках *«детской кампании»* власть регулярно проводила такие агитационно-пропагандистские мероприятия, как *«недели беспризорного и больного ребенка»*, *«недели охраны материнства и младенчества»*, *«кружечный сбор»* в пользу голодающих детей, митинги, спортивно-гимнастические праздники и т.п. Такие *«общественные»* кампании, иницилируемые

²⁷ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 102. Л. 11—11 об.

²⁸ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 102. Л. 8—10.

²⁹ Шишова Н.В. Роль общественности в преодолении детской беспризорности на Северном Кавказе в 1920—1926 гг. Ростов-на-Дону, 1979. Деп. в ИНИОН № 4764 25.01.1980. С. 5.

³⁰ О помощи детям: Отчет Деткомиссии ВЦИК за март 1923 г. // После голода. Издание ЦК Последгол ВЦИК. М., 1923. № 3. С. 115—116; Калинина А.Д. Детская инспекция... С. 158.

³¹ Образцы агитационно-пропагандистской продукции ОММ см., например: Колюс Э.М. Указ. соч. С. 159, 165—171, 192—193, 201, 206, 213.

государственными структурами, стали специфической формой сотрудничества общества и государства в социальной сфере.

Благодаря массовой агитационно-пропагандистской кампании в деле общественной помощи вновь началось некоторое оживление. В частности, в конце 1923 г. при Московской губернской комиссии по улучшению жизни детей начали возникать группы «Друзья детей», объединявшие добровольных помощников Деткомиссии³². Уже в декабре того же года инициативу москвичей поддержали жители Ростова-на-Дону³³. Затем местные общества «Друг детей» (ОДД) были образованы по всей России. Они собирали средства для организации детских домов, яслей, школ, организовывали митинги, лекции, выставки по проблемам охраны детства, устраивали беспризорных детей и подростков в школу и на работу. Позже начали возникать также группы юных друзей ОДД. Несколько активизировалась деятельность рабочих патронатов. Так, например, рабочий патронат Московско-Нарвского района Ленинграда в 1924 г. полностью содержал 3 яслей, 1 детский очаг и 1 детскую площадку для детей больных туберкулезом³⁴. Для активизации инициативности каждого члена «рабочего патроната» в 1925 г. было решено все общества, формирующиеся на принципах коллективного членства, перевести на так называемое «добročленство», то есть на индивидуальное добровольное членство. Однако Такой переход неизбежно сопровождался сокращением численности членов общества, в связи с чем было решено параллельно с реорганизацией обществ рабочего патроната организовать специальную кампанию «по сохранению членства»³⁵. На все эти кампании уходило много сил и энергии наиболее инициативных членов общества.

Широкое распространение в детских учреждениях различного профиля получила поощряемая государством система *самообслуживания (самопомощи)* и так называемого *самоуправления* (школы-ком-

³² О создании и деятельности первых ячеек ОДД и Всероссийского общества «Друг детей» см.: *Бибанов Т.П.* Комсомол и общество «Друг детей» // *Позывные истории*. М., 1985. Вып. 8. С. 176—185; *Его же.* Общество «Друг детей» // *Вопросы истории*. 1985. № 12. С. 166—168; *Чистиков А.Н.* Из истории ленинградского отделения общества «Друг детей» // *Добровольные общества в Петрограде-Ленинграде в 1917—1937 гг.*: Сб. ст. Л., 1989. С. 35—56.

³³ О работе ростовского общества «Друг детей» см.: *Шишова Н.В.* Роль общественности в преодолении детской беспризорности на Северном Кавказе в 1920—1926 гг. Ростов-на-Дону, 1979. Деп. в ИНИОН № 4764. С. 6—10.

³⁴ Рабочий детям... С. 24—25.

³⁵ Отчет райправления общества... С. 1—8.

муны, детские городки и т.д.), позволявшая (в рамках установленного «сверху» регламента данного учреждения) развивать творческую инициативу детей и их родителей. Так, например, учащиеся школы-коммуны им. П.Н. Лепешинского в своих воспоминаниях очень высоко оценивали значение школьного учкома, мнение которого нередко оказывалось решающим в работе педсовета школы (по утверждению Евгении Кантор, именно учком был в школе «основной силой»). Бывшие воспитанники МОПШК тепло вспоминают учителей, предоставлявших детям «много свободы в проявлении инициативы», рассказывают об активном участии учащихся в общественной жизни как в стенах школы, так и вне ее: организация передвижной библиотеки в общежитии подшефной текстильной фабрики; создание детской комнаты, где рабочие могли оставить на вечер своих детей под присмотром учащихся коммуны; участие в работе общества «За пролетарское кино и фото» (ОЗПКФ); в рамках деятельности «фото-общественности Москвы» снимались стройки пятилетки, москвичам давались консультации по вопросам фотографии, организовывалось их обучение в собственной фотолаборатории³⁶.

Элементы самообслуживания были внедрены даже в органы родовспоможения и дома матери и ребенка³⁷. Популярная в после-революционные годы система самообслуживания может служить наглядным примером развития самостоятельности различных групп населения (воспитанников детдомов, учащихся, молодых мам и т.д.) в направлениях и границах, определенных соответствующими государственными структурами.

Таким образом, *стимулирование общественной инициативы в области охраны детства в середине 1920-х гг. становится неотъемлемой частью государственной «детской» политики*. Показательно, что руководство созданной при ВЦИК Чрезвычайной Комиссии по улучшению жизни детей называло этот орган, сосредоточивший в своих руках все полномочия по вопросам обеспечения, воспитания и защиты интересов детей в государственном масштабе, не госу-

³⁶ Исаева Д. Воспоминания. М., б/д. Машинопись. С. 5, 7—8. Из коллекции материалов по истории МОПШК (россыпь). Московский музей образования; См. также: Авербах В. Воспоминания. М., б/д. Машинопись. С. 2. Там же; Букалова С. Воспоминания. Машинопись. М., б/д. С. 2. Там же; Кантор (Рындич) Е. Воспоминания. М., б/д. Машинопись. С. 3. Там же; Слотинцева М.Н. Воспоминания. Машинопись. М., б/д. С. 12. Там же; Шишкова А.А. Воспоминания. Машинопись. М., б/д. С. 7. Там же.

³⁷ См., например: Gradska Y. Soviet People with Female Bodies: Performing Beauty and Maternity in Soviet Russia in the mid 1930—1960s. Stockholm University, 2007. P. 87.

дарственной, а именно «государственно-общественной организацией помощи детям»³⁸. Тем самым государство переложило на общество львиную долю взятых на себя обязательств в деле защиты детей.

Это можно наглядно проследить и на примере государственных органов социальной защиты и образования, работа которых во многом основывалась на общественных инициативах и энтузиазме наиболее преданных своей работе специалистов.

В экстремальных условиях послевоенной разрухи, при минимальном финансировании со стороны государства (а иногда и полном его отсутствии) выполнение элементарных профессиональных обязанностей требовало от рядовых сотрудников отделов народного образования и здравоохранения, местных уполномоченных Деткомиссии, учителей и воспитателей проявления энтузиазма и инициативы, далеко выходящих за рамки их служебного долга. Лишь единицы соглашались выполнять тяжелую и ответственную работу, связанную с практическим выполнением обязательств, взятых на себя государством в отношении детей. Недостающие кадры пытались восполнить за счет делегатов от женотделов и от комсомола. Однако, как следует из материалов НК РКИ, «делегаты от комсомолов высказывали желание занимать лишь ответственный пост, отказываясь от рядовой работы»³⁹. В результате органы соцзащиты были не в состоянии выполнить ту рутинную «черновую» работу, в которой особенно остро нуждались дети (борьба с беспризорностью и детской преступностью, работа с детьми-инвалидами, обеспечение детей нормальным питанием и медицинской помощью, поиск семей, способных и желающих взять на воспитание детей-сирот, регулярный контроль за положением ребенка в патронатной семье и т.д.).

Работа педагогов детских домов и приемников в те годы, по словам современников, «граничила с героизмом»⁴⁰. Заведующая Иркутским базановским приютом М.Л. Закожурникова позже вспоминала: «Мне пришлось искать энтузиастов. Я рассказала им о предстоящих трудностях. [...] А работа ожидала адская. [...] Ведь, например, для того, чтобы отучить детей мочиться по ночам в постель (а этим страдали почти поголовно все воспитанники), нам пришлось проститься с нормальным сном на несколько месяцев [...] Долго подбирала я воспитателей. Многие, проработав неделю-другую, не

³⁸ ГА РФ. Ф. Р-1057. Оп. 1. Д. 168. Л. 120.

³⁹ Там же. Д. 102. Л. 228.

⁴⁰ Черкезов Г. Московские учреждения для беспризорных детей // Вестник просвещения. 1923. № 4. С. 167.

выдерживали и уходили. И я не могла осуждать их — не каждый мог осилить тот кошмар: нужно было иметь крепкие нервы и твердую уверенность в необходимости своей работы [...] Мы начали работу с детьми с самыми лучшими намерениями и чувствами, но дети не верили нам, ненавидели нас так же, как и прежний персонал. Всякие мероприятия, направленные на установление какого-либо порядка, вызывали в детях озлобление и противодействие. Дети видели в нас врагов»⁴¹.

Не меньшее упорство приходилось порой проявлять работникам детских домов и во взаимоотношениях с местными властями. З.И. Тюрина, получившая в эти годы комсомольскую путевку на работу в детдом, вспоминала, что руководству детских учреждений приходилось буквально «выбивать» все необходимое детям, включая продовольствие: *«Несмотря на то, что детские учреждения, в частности, детдома, были поставлены специальным распоряжением Председателя Совнаркома В.И. Ленина в привилегированное положение — в первую очередь продукты питания, одежда, топливо должны были выделяться детям, — все равно острая нехватка во всем, последствия войны и разрухи делали свое дело, и надо было все-таки уметь проявить определенную настойчивость, чтобы вовремя обеспечить наш дом всем необходимым»*⁴².

Сотрудники отделов народного образования (ОНО) и местные уполномоченные Деткомиссии нередко называли свою работу «мытарствами», сетуя на равнодушие местных властей и продкомов, систематически не выполнявших их запросы. Работникам детдомов и домов ребенка нередко приходилось доставать все необходимое для детских учреждений «своими силами». *«Немало учреждений нужно было пройти, чтобы оборудовать всесторонне хотя бы один детдом, — обобщила весной 1921 г. опыт работы делегатов женотделов иркутская газета «Власть труда». — Чтобы добыть такую мелкую в хозяйстве вещь, как чайник, начав с первой ступени — губраспреда (откуда лишь через неделю добьешься подписи), нужно немало энергии, чтобы пройти по всем дальнейшим этапам и добиться цели»*⁴³. Особенно тяжело приходилось работникам детских домов, находящихся вдали от городов. В таких домах, по свидетельству местных уполномоченных Деткомиссии, *дети от государства*

⁴¹ Закожурникова М.Л. Новая жизнь начиналась так // Воспитание школьников. 1966. № 5. С. 8.

⁴² Детский дом: Уроки прошлого / Сост. Г.Л. Мыльникова. М., 1990. С. 21—22.

⁴³ См.: ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 27. Л. 88, 169; Там же. Д. 70. Л. 18; Там же. Д. 72. Л. 20, 22 об; Спасенные революцией... С. 24.

«буквально иногда ничего не получали», приходилось брать продукты взаимоотношенно у местных крестьян, либо на собственные средства покупать на рынке «по вольным ценам»⁴⁴.

Необходимы были колоссальное упорство и самопожертвование, чтобы в этих условиях «создать для ребенка радость», сделать так, чтобы коллектив детского дома стал «источником его радости, предметом его привязанности, влюбленности и почитания». Именно «детскую радость» считали основной целью своей работы педагоги-энтузиасты С.М. Ривес и Н.М. Шульман, организовавшие в 1921 г. на базе одесского приюта Первую опытную школу-коммуну. Благодаря инициативе, настойчивости и любви к детям им удалось сплотить детский коллектив, нейтрализовать негативное влияние улицы, увлечь вчерашних беспризорников творчеством, трудом. Так, даже в самые голодные дни воспитанники коммуны издавали газеты и журналы. *«Дети носят с бумажками и карандашами, — рассказывал в своем докладе на педагогическом семинаре С.М. Ривес, — мечутся из угла в угол в поисках тем и вдохновения. И при первом проблеске мысли тут же садятся и пишут»*⁴⁵. Учащаяся знаменитой МОПШК Евгения Кантор (Рындич), с теплотой вспоминая своих преподавателей, писала, что все они «без исключения были энтузиасты», «голодали и трудились наравне с детьми», а «некоторые из них из своего жалкого пайка ухитрялись нас подкармливать»⁴⁶. *«Если раньше мы боялись наших учителей, — поддерживает Евгению учащаяся той же коммуны Даша Исаева, — то здесь мы не чувствовали боязни, а только большое уважение и любовь [...] Одновременно мы чувствовали уважение к нам и со стороны наших руководителей»*⁴⁷.

Работа детских врачей и патронажных сестер также в значительной мере основывалась на их собственной инициативе. Детские консультации, организованные в начале 1920-х гг. на селе местными отделами ОММ, работали лишь благодаря энтузиазму медработников и содействию населения, создававшего при консультациях специальные советы социальной помощи. Впоследствии эта инициатива общественности была поддержана и «взята на воору-

⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 17. Л. 46 об, 50 об; Там же. Д. 82. Л. 25.

⁴⁵ Цит. по: *Кислинская Т.И.* Школа детской радости (школа-коммуна С.М. Ривеса и Н.М. Шульмана) // Гуманистические воспитательные системы вчера и сегодня (в описаниях их авторов и исследователей). М., 1998. С. 148—149; 153.

⁴⁶ *Кантор (Рындич) Е.* Воспоминания. Машинопись. М., б/д. С. 2. Из коллекции материалов по истории МОПШК (россыпь). Московский музей образования.

⁴⁷ *Исаева Д.* Воспоминания. М., б/д. С. 5. Из коллекции материалов по истории МОПШК (россыпь). Московский музей образования.

жение» государством — на базе советов начали создавать «Комиссии оздоровления труда и быта» («Котибы»). В состав этих комиссий, помимо работников ОММ, входили представители фабрик, заводов и общественных организаций района, обслуживаемого данной консультацией⁴⁸.

Очевидно, что только усилиями немногочисленных талантливых и преданных педагогов-воспитателей наладить работу во всех детских учреждениях страны было невозможно. Но даже в тех детских учреждениях, где титаническими усилиями удавалось это сделать, в годы НЭПа пришлось срочно перестраивать установившийся порядок. С началом НЭПа все детские учреждения были переведены на местный бюджет, что привело к резкому сокращению их финансирования и, как результат, — к «разгрузке» детских домов и значительно-му сокращению сети школ и детских учреждений дошкольного воспитания⁴⁹. В этих условиях жизнь детей фактически оказалась в руках местных властей. Если в ряде губерний (Воронежской, Томской, Ярославской и некоторых других) власти действительно проводили огромную работу, направленную на спасение детей, обеспечение детских учреждений всем необходимым, то подавляющее большинство местных властей, по признанию современников, «проявляло преступное равнодушие и непонимание проблемы». Руководство Деткомиссии ВЦИК неоднократно призывало своих уполномоченных активнее проявлять инициативу на местах, подчеркивая, что «возлагать много надежд на центр нельзя» и что результат работы зависит прежде всего от них самих, их энтузиазма и сноровки⁵⁰.

Общественные инициативы в сфере дошкольного воспитания и начального образования

Реализация такой сложной задачи, как создание системы всеобщего бесплатного начального, а затем и среднего образования была невозможна без широкой общественной поддержки.

Первая реакция населения на появление детских дошкольных учреждений была настороженной, особенно на селе, где создание детских садов и яслей нередко принималось за попытку власти ото-

⁴⁸ Подробнее см. *Конюс Э.М.* Указ соч. С. 189—193.

⁴⁹ О «разгрузке» детдомов, подробнее см.: *Смирнова Т.М.* «Лучше вывести и расстрелять»... С. 231—233.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 8. Л. 28; Д. 48. Л. 14; Д. 82. Л. 24—26, 40, 40 об, 53.

брать детей, «национализировать» их. *«Не нужны нам ваши ясли, не дадим наших детей», «штемпелевать наших детей пришли»*⁵¹, — эти высказывания крестьянок белорусских деревень отражают типичную реакцию сельских жителей на появление дошкольных детских учреждений. По свидетельству А.Д. Калининой, отделам соцобеспечения и народного образования приходилось в начале 1920-х гг. проводить большую агитационную работу, убеждая население отдавать детей в детские дома и детские сады, «потому что родители никак не могли понять, что это за учреждения»⁵². Однако вовлечение женщин на производство радикально изменило отношение населения к учреждениям детского дошкольного и внешкольного воспитания. Работавшие женщины, будучи лично заинтересованы в развитии сети детских учреждений, охотно помогали работе яслей, детских садов и школ, которые посещали их дети: убирали помещение, ездили за инвентарем, приносили еду и т.д. По свидетельству современников, «огромную инициативу» «взял в свои руки отдел работниц, претворяя в жизнь принцип: все для детей». Так, весной 1920 г. Иркутский отдел работниц принял решение о принятии делегатов женотдела в число служащих всех детских учреждений. *«Делегатки взяли на себя три четверти всей организационной работы в детских учреждениях, — сообщила газета «Власть труда» в марте 1921 г. — Там, где непартийный человек месяцами не мог добиться нужных результатов, делегатки-работницы смело и энергично “в два счета” добивались необходимого [...] Принимая во внимание, что все детские учреждения организовывались с весны и организуются до сего времени, можно с очевидностью понять, какую огромную работу взяли на свои плечи работницы-пролетарки для создания сети детских учреждений»*⁵³. Делегатка с фабрики военного обмундирования «Марс» Игошина вспоминала, что ее коллеги проводили большую работу по организации детских учреждений: подыскивали помещения, снабжали учреждения инвентарем, подыскивали персонал; только в 1920—1921 гг. с их помощью были открыты ясли на 80 человек⁵⁴. Активную поддержку детским садам и яслям оказывали и рабочие патронаты, активисты которых и сами нуждались в услугах детских учреждений. В частно-

⁵¹ Цит. по: Рудкин В.Г.: Деятельность органов советской власти и общественных организаций Белоруссии по предупреждению детской беспризорности (1921—1930). Минск, 1983. Деп. в ИНИОН, № 14431. С. 2.

⁵² Калинина А.Д. Десять лет работы ... С. 29, 30.

⁵³ Цит. по: Спасенные революцией... С. 24—25.

⁵⁴ Конюс Э.М. Указ. соч. С. 113—114.

сти, рабочий патронат Московско-Нарвского района г. Ленинграда «Красный молот» в 1923—1924 гг. полностью содержал ясли № 14 и выплачивал из своих средств зарплату работникам яслей № 11 (остальные расходы по содержанию яслей оплачивал шефствовавший над ними Трамвайный парк)⁵⁵.

Наиболее ярко общественная инициатива в сфере образования и дошкольного воспитания проявилась в годы нэпа, когда, в связи с переводом всех учреждений социальной сферы на местное финансирование, для сохранения детских учреждений необходимо было найти дополнительные средства. Единственным реальным источником этих средств могла стать помощь общественности.

По данным Наркомпроса на октябрь 1925 г., из имеющихся в тот момент в Московской губернии (без Москвы) 197 детских садов с 10 225 воспитанниками 35 детсадов с 1 313 воспитанниками (по другим данным — 33 детских сада с 1 213 воспитанниками) находились на содержании общественных организаций⁵⁶. В аналогичной ситуации оказались начальные и средние учебные заведения.

Голод 1921 г. нанес тяжелый удар по системе образования, находившейся в то время в зачаточном состоянии. В 1922 г. местные власти были вынуждены по своему усмотрению вводить плату за обучение в школе. В ряде регионов широкое распространение получила практика добровольного «школьного самообложения»⁵⁷. Практиковалось как «натуральное самообложение» (когда родители приносили в школы дрова и продукты, доплачивали продукцией своего приусадебного хозяйства учителям и т.п.), так и «самообложение» в денежной форме. Так, например, жители небольшого села Соловки Царицынского уезда собрали для школы 500 пудов хлеба, а жители одной из станиц того же уезда в сентябре 1922 г. по собственной инициативе обложили себя продовольственным налогом, который суммарно покрывал расходы на содержание 7 начальных школ, 1 высшей школы, народного театра, библиотеки, клуба и газетного зала⁵⁸. В некоторых регионах родители по собственной инициативе приносили в школы дрова и продукты⁵⁹. В Тюменском ре-

⁵⁵ Рабочий детям... С. 26.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. А- 2306. Д. 2306. Оп. 69. Д. 328. Л. 33, 61.

⁵⁷ В данной работе вопрос о «школьном самообложении» рассматривается исключительно в контексте анализа роли общественности в развитии образования в послереволюционной России.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 7. Д. 291. Л. 4.

⁵⁹ См., например: Там же. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 17. Л. 17 об; Д. 45. Л. 18.

гионе в 1922 г. на содержание населения было переведено 725 школ, в то время как на гособеспечении осталось всего 275⁶⁰.

Школьное «самообложение», как и любые формы общественной помощи государственным школам (участие родителей в ремонте школьных помещений, организация крестьянами подвод для развоза в школы детей соседних деревень и т.п.), встретило одобрение и поддержку власти в лице местных отделов народного образования, а затем и центральной власти. Вскоре эта поддержка переросла в государственный контроль, а инициатива населения превратилась в его обязанность. Несмотря на то, что в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 29.08.1924 самообложение населения «допускалось исключительно на началах добровольного соглашения граждан, понимаемого в самом узком смысле этого слова, т.е. сбор мог быть получен только с того, кто добровольно выразил на это свое согласие»⁶¹, в сельской местности все виды «самообложения», в том числе и школьное, все чаще принимали принудительный характер. В лучшем случае решение о «самообложении» принималось большинством схода и становилось обязательным для всех. В худшем случае оно навязывалось местными сельсоветами и проводилось в жизнь под их руководством, контролем и откровенным давлением⁶². Так, например, Дмитровский уездный съезд Советов в 1922 г. принял решение ежемесячно взимать на содержание школ с каждой «ревисской души» по 2,5 фунта ржи и 5 фунтов картофеля (малоимущим разрешалось вносить «школьный сбор» деньгами); в Московском уезде на эти цели собирали по 0,5 фунта ржи и 3 фунта картофеля⁶³. При этом раскладка сборов по «самообложению» обычно производилась местными властями на принципах уравнительности, в результате чего «самообложение», по утверждению современников, наиболее тяжело ударило по бедным хозяйствам⁶⁴.

Проведенное Наркомфином в 1924 г. выборочное обследование 5 тыс. крестьянских хозяйств показало, что к середине 1920-х годов так называемое «самообложение» приобрело массовый характер. Помимо школьных нужд, «самообложение» распространялось и на другие цели (на сельсоветы, на сельскую почту, на содержание милиции, на пожарный обоз, на содержание уполномоченных зе-

⁶⁰ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 6. Д. 291. Л. 4, 97.

⁶¹ Там же. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 608. Л. 2.

⁶² Там же. Л. 2—3.

⁶³ ГУМО ЦАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 1056. Л. 76—77.

⁶⁴ См.: ГА РФ. А-2306. Оп. 69. Д. 608. Л. 3; Там же. Д. 1884. Л. 33

мельных групп, на содержание секретарей этих групп, на их канцелярию, на наем помещений для общих собраний и т.п.). При этом, как показала проверка, «сельсоветы в большинстве случаев оказывали свое влияние как в смысле инициативы при установлении тех или иных самообложений, так и в смысле самого активного содействия при их взимании (вплоть до ареста)»⁶⁵. По приблизительным подсчетам РКИ общая сумма самообложений по РСФСР в 1925—1926 гг. составила 100 млн рублей; в 1927—1928 гг. — 65,9 млн⁶⁶.

Если школьное самообложение ложилось тяжким бременем на крестьян, то участие населения в ремонте и строительстве школьных зданий действительно носило преимущественно добровольный характер. Местные жители чем могли помогали школам, в которых учились их дети. Кто-то привозил дрова для отопления помещений, кто-то — молоко или овощи из своего хозяйства. Крестьяне, имевшие лошадей, подвозили необходимый школам инвентарь и учебные материалы⁶⁷.

Участники так называемого «школьного движения» вспоминали впоследствии, что между местным населением и школьными работниками нередко удавалось наладить тесную связь на взаимовыгодной основе. Так, например, в селе Павлиново Смоленской области учителя единственной школы-семилетки организовали для населения стол юридических консультаций, где выдавались различные справки, преимущественно по земельным и налоговым вопросам. Заведующий школой, учитель истории и литературы В.З. Смирнов впоследствии вспоминал:

«Мы писали заявления, посылали запросы вышестоящим организациям по тем делам, которые невозможно было решить на месте. Стол справок обслуживался не только учителями, но и учениками старших классов (под непосредственным руководством учителей). Должен сказать, что стол справок пользовался большим уважением среди населения. Был в селе один юрист, который за каждое пустячное заявление брал очень дорого — мукой или еще чем-нибудь. А наш стол справок делал все это бесплатно».

Работники школы помогали крестьянам в организации потребительских и сельскохозяйственных кооперативов, инициировали создание первого в селе ветеринарного пункта и наладили его работу. Население же, по словам Смирнова, относилось к школе «исключительно тепло», дорожило учителями и помогало им. В 1925 г. совместными усилиями учителей и местного населения школа

⁶⁵ ГА РФ. А-2306. Оп. 69. Д. 608. Л. 30—31.

⁶⁶ Там же. Л. 33; Д. 1884. Л. 31.

⁶⁷ Там же. Д. 2306; Д. 328. Л. 25.

была преобразована в девятилетку. Крестьяне по собственной инициативе отремонтировали и переоборудовали один амбар в «прекраснейшие светлые классы»⁶⁸. Подобные инициативы населения встретили горячую поддержку власти, широко пропагандировались прессой, как местной, так и центральной.

В то же время негативную реакцию власти вызывали малейшие попытки вторжения общества в содержание образовательного процесса. Тем не менее, репетиторство и частные школы, в том числе религиозные и национальные, получили в середине 1920-х гг. достаточно широкое распространение. Индивидуальные и групповые занятия с детьми проводили не только профессиональные педагоги, но и любые более-менее грамотные граждане, прежде всего, священнослужители. В 1923 г., обследовав положение на местах, Главсоцвос был вынужден констатировать, что, несмотря на «определенно отрицательные взгляды на частную школу» со стороны государства, частные услуги в сфере образования получили широкое распространение практически во всех регионах Республики⁶⁹. Так, частные школы были созданы в Петроградской, Гомельской, Пермской, Самарской, Смоленской, Тверской, Томской, Омской губерниях и в Башкирской республике. В ряде губерний (Калужской, Курской, Ярославской и др.) практиковались также частные индивидуальные и групповые школьные занятия. Местные власти за редким исключением старались ликвидировать любые формы частных образовательных услуг, а причастных к ним учителей привлекать к судебной ответственности. Однако под давлением населения в подавляющем большинстве регионов местным властям приходилось идти на уступки. Так, в Курской губернии разрешили давать частные уроки безработным учителям и учителям, не имеющим полной нагрузки; в Калужской и Алтайской губерниях частные уроки не запретили, а лишь взяли на учет соцвоса; в Пермской губернии три частные школы были преобразованы в общественные. Что же касается привлечения учителей к суду, то нарсуды просто отказывались рассматривать подобные дела⁷⁰.

Проявив заметную активность в сфере образования собственных детей и развития для них системы дошкольного воспитания, общество в то же время в подавляющем большинстве оказалось не готово к активному участию в судьбе сирот.

⁶⁸ Смирнов В.З. В сельской школе 20-х годов // Воспитание школьников. 1966. № 6. С. 9.

⁶⁹ ГА РФ. Ф. А-1575. Оп. 3. Д. 230. Л. 16.

⁷⁰ Там же. Л. 1, 3, 19, 21, 38.

Забота общества о сиротах или «подачка пятакков»

Как уже отмечалось выше, государство взяло на себя ответственность за материальное обеспечение, образование и духовно-нравственное развитие всех детей и, в первую очередь, тех, кто по тем или иным причинам был лишен родительской опеки. В соответствии с этим, в деле воспитания сирот основная ставка была сделана на государственные детские дома. После запрета усыновления альтернативами государственному воспитанию на некоторое время стали опека и патронирование.

Опека в соответствии с Семейным кодексом 1918 г. (ст. 184—246) должна была занять весьма значительное место в социалистической системе воспитания детей, лишенных родителей. Основу социалистической системы опекуинства составляла государственная опека в лице Народного Комиссариата соцобеспечения, а также отделов социального обеспечения при губернских советах. Допускалась и частная опека, которая из права граждан превращалась в их гражданский долг (ст. 195: «Каждый гражданин РСФСР не вправе отказываться от принятия на себя опеки»). Однако на практике частная опека в первые послереволюционные годы почти не применялась. По словам известного российского правоведа П.И. Люблинского, когда в конце 1920 г. органам Наркомпроса пришлось принимать от органов соцобеспечения дела об опеке, то «обнаружилось, что на протяжении почти всей республики опека явилась пустым местом»⁷¹.

Патронирование не регламентировалось Семейным кодексом 1918 г., так как с идеологической точки зрения частный патронат считался нежелательным и первоначально рассматривался не иначе как мера вынужденная и временная⁷². Тем не менее, по иронии судьбы именно патронат получил достаточно широкое распространение, поскольку инициировался властными структурами.

Первый опыт патронирования в Советской России относится уже к 1918 г., когда детей из бывших приютов и воспитательных домов пришлось временно (до открытия новых благоустроенных детдомов) раздать на воспитание крестьянам из подмосковных деревень. Одна-

⁷¹ Люблинский П.И. Опека и детская беспризорность // Вестник просвещения. 1923. № 4. С. 194.

⁷² В отличие от опекуинства, которое устанавливалось вплоть до совершеннолетия, патронат был временной формой устройства детей-сирот в семью для воспитания и профессионального обучения. Патронирование должно было осуществляться исключительно на добровольной основе и оформляться специальным договором между местными органами власти и семьей, берущей ребенка на воспитание.

ко вскоре крестьяне, которым и своих-то детей кормить было нечем, по словам А.Д. Калининой, начали «травить, как мышей, этих несчастных детей». Принимая во внимание «катастрофические» размеры смертности патронированных детей, их размещение в крестьянских семьях было признано ошибочным. Тем не менее, несмотря на этот неудачный опыт, патронатное воспитание в 1920-е годы достаточно широко распространилось. Причем немаловажно, что каждая новая волна патронирования инициировалась именно властью, а не обществом, и проходила в форме очередной кампании⁷³.

Помимо патронирования, важным направлением общественной помощи детям, лишенным родительской опеки, должно было стать **коллективное шефство** над детскими домами. Широкую пропагандистскую работу в этом направлении проводили женотделы и работники отделов ОММ. Они организовывали митинги и выставки под лозунгом «*Будь матерью не только своего ребенка, но и для всех детей рабочих и крестьян*», проводили «Недели ребенка». Так, в декабре 1920 г. в ходе «Недели ребенка» по всей стране были проведены специальные субботники помощи детям. Рабочие и служащие Государственной Братцевской фабрики тонких сукон 2 декабря приняли решение организовать сбор добровольных пожертвований в пользу детей-сирот Московско-Виндавской железной дороги и отработать по два часа сверхурочно в пользу «Недели ребенка». Широкое распространение получили также специальные женские субботники по пошиву детского белья, уборке детских учреждений и т.д.⁷⁴

Шефство, получив поначалу достаточно широкое распространение, по мере усиления внимания властных структур к этому общественному начинанию все более превращалось в нечто фор-

⁷³ Подробнее о развитии патронирования в Советской России см.: Смирнова Т.М. «Любимые дети Советской республики»: история патронирования детей в Советской России. 1918—1930-е гг. // Вестник РУДН. 2007. № 2. С. 25—37; *Ее же*. Опыт патронатного воспитания детей в Советской России и современность // Какоря. Из истории детства в России и других странах: сб. статей и материалов. (Труды семинара РГГУ «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 1. М.; Тверь, 2008. С. 174—196. *Ее же*. Особенности развития семейных форм воспитания детей-сирот в Советской послереволюционной России. 1920—1930-е годы // Труды Института российской истории. Вып. 10. М., 2012. С. 259—278. Bernstein L. Fostering the Next Generation of Socialists. Patronirovanie in the Fledgling Soviet State // Journal of Family History. January 2001. Vol. XXVI. № 1. P. 66—89. А также соответствующую главу данной монографии: «Дети-сироты — дети народа»: Особенности развития семейных форм воспитания детей-сирот в Советской послереволюционной России».

⁷⁴ Подробнее см.: Конюс Э.М. Указ. соч. С. 113, 123—126, 162—166; Коммунистические субботники в Москве и Московской губернии, 1919—1920 гг. М., 1950.

мальное, заключавшееся преимущественно в отчислении средств в пользу детских домов. «Подачкой пятачков» называло порой такую помощь детским домам руководство ОДД⁷⁵.

* * *

Таким образом, взаимоотношения государственной власти и общества в деле защиты детей носили в начале 1920-х гг. сложный, противоречивый характер. Всемерно развивая активность общества в вопросах материального обеспечения детей, их медицинского обслуживания и т.п., государство в то же время неохотно шло навстречу частным инициативам, нарушавшим государственную монополию в сферах, традиционно относимых к идеологическим, таким, как воспитание и образование. Тем не менее, как свидетельствуют источники, возможности для развития частной инициативы (общественной по своей сути, а не по названию) в этот период были достаточно широкие, надо было лишь умело ими пользоваться, проявлять настойчивость и энергию.

«Все казалось возможным и интересным»⁷⁶, — вспоминала о 20-х гг. прошлого века Т.Н. Несмеянова, бывшая в те годы учащейся знаменитой МОПШК — Московской Опытно-показательной школы-коммуны им. П.Н. Лепешинского. Такие идиллические настроения, вера в свои силы способствовали достаточно широкому распространению инициатив «снизу» в тех случаях, когда действовал фактор личной заинтересованности. В результате наибольшее развитие социальные инициативы получили в сфере помощи «семейным» детям: деятельность «рабочих патронатов», активистов обществ «Друг детей», женотделов, а также родителей, активно содействовавших организации работы дошкольных детских учреждений, школ, детских площадок и т.п. В то же время в деле помощи сиротам и брошенным детям социальная активность оказалась минимальной, выражаясь преимущественно в денежных пожертвованиях (отчисление суточного заработка, сборах пожертвований и т.п.), и носила к тому же не столько добровольный, сколько «добровольно-принудительный» характер. Такие формы общественной помощи сиротам, как патронирование или коллективное шефство над детскими домами

⁷⁵ Задачи общества «Друг детей» в реконструктивный период: По материалам I Всероссийского съезда ОДД 21—25 мая 1931 г. М.; Л., 1931. С. 21.

⁷⁶ Несмеянова Т.Н. Воспоминания. Машинопись. С. 10. Коллекция материалов по истории МОПШК (россыпь). Московский музей образования.

развивались главным образом под давлением государства, либо благодаря усилиями отдельных активистов-энтузиастов из числа педагогов и воспитателей детских домов, а также работников местных Деткомиссий и их добровольных помощников.

«Бурный подъем общественного внимания» под руководством государства: социальные инициативы в конце 1920 – 1930-е гг.

Охрана детства не может быть проведена лишь административным путем. Характер работы таков, что она может быть проведена лишь в общественном порядке...

Крупская Н.К. «Охрана детства»

В конце 1920-х гг. характер и формы проявления социальной инициативы претерпевают существенные изменения. На первый взгляд, можно говорить о всплеске общественной активности, проявлявшейся в заметном росте численности и масштаба разнообразных публичных акций в защиту прав детей. Однако, как выясняется при ближайшем рассмотрении, государство, порой, не просто поощряло общественное движение, а выступало непосредственным инициатором и руководителем тех или иных социальных акций. Так, деятельность формально общественной организации Всероссийского общества «Друг детей» направлялась специальными решениями ВЦИК и СНК; так называемые «общественные эстафеты» 1930-х гг. («За политехнизацию школы», «За реализацию шести условий в дошкольном строительстве» и др.) проводились по прямому указанию ЦК ВКП(б); промышленные предприятия, колхозы, совхозы, воинские подразделения и т.д. в массовом порядке брали в эти годы шефство над детскими учреждениями в соответствии с решением того же ЦК ВКП(б), а не по «зову сердца». По свидетельству современников, деятельность общественных организаций в этот период «обюрокрачивалась» и «заформализовывалась», а общественная работа зачастую превращалась в обязательный, но бессмысленный «привесок»⁷⁷.

⁷⁷ Бобкова А.Ф. Школа наша родная. (Воспоминания о школьной коммуне Наркомпроса). Машинопись. М., 1964 г. С. 74. Коллекция материалов по истории МОПШК (в россыпи). Московский музей образования.

Советская общественность в борьбе за «проведение в жизнь постановлений партии и правительства»

Широкомасштабная агитационно-пропагандистская кампания с целью вовлечения общественности в решение задач охраны детства была развернута и на страницах массовой печати. Эта кампания периодически подстегивалась соответствующими партийно-государственными распоряжениями, настоятельно рекомендующими прессе «уделить нужное внимание вопросу привлечения общественности» к различным проблемам детства⁷⁸. В выступлениях советских государственных деятелей, педагогов и юристов систематически подчеркивалась мысль о том, что защита детей и охрана их прав — дело всего советского народа: *«Необходимо, чтобы задача борьбы с беспризорностью стала в центре внимания широкой советской общественности»; «Такое огромное по своим размерам и по своему значению дело, как организация детдомов и создание из них учреждений общественного коммунистического воспитания, может увенчаться успехом только при участии в нем советской общественности»; «Беспризорность нельзя победить силами только соворганов. Необходимо участие всего населения»; «Охрана детства не может быть проведена лишь административным путем. Характер работы таков, что она может быть проведена лишь в общественном порядке...»; «советский народ является тем “мощным многоглазым рычагом”, который может и должен обеспечить выполнение принимаемых властью постановлений в области охраны материнства и детства»; «Опорные пункты советской общественности в деле охраны детства могут сыграть громадную роль. С этим делом надо спешить»; и т.д.⁷⁹*

По всей стране проводились региональные и всероссийские конкурсы на лучшую работу по охране детства, по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью; стремительно росло количество ячеек ОДД. К 1 октября 1926 г. общество «Друг детей» насчитывало около 1 млн членов⁸⁰. Для привлечения внимания (а также денежных средств) общества к решению проблем детства (и в первую

⁷⁸ См.: Детский дом / Под ред. Я.А. Перель и А.А. Любимова. Сост. Б.С. Утевский. М.; Л., 1932. Сб. док. С. 55; Детский дом и борьба... С. 60.

⁷⁹ См.: Крупская И.К. Охрана детства // Правда. 7 марта 1926. № 55 (3284). С. 1; Кишкин С. Детская беспризорность и институт усыновления // Революционная законность. М., 1926. № 3/4. С. 17; Детский дом... С. 53; Задачи общества «Друг детей» ... С. 64; Определение воспитанников детских домов и беспризорных детей в крестьянские семьи. (Постановления правительства и инструкции). Тамбов, 1927. С. 1; и др.

⁸⁰ Детский дом и борьба с беспризорностью. М., 1928. С. 59.

очередь к борьбе с беспризорностью) Деткомиссией при ВЦИК были организованы несколько лотерей: в 1925 г. с общим призовым фондом 250 тыс. руб. (главный выигрыш — 5 000 руб. при цене билета 25 коп.); в 1926 г. с призовым фондом 500 тыс. руб.; в 1927 г. — на 1 млн руб.; в 1929 г. — на 1,5 млн руб.; в 1932 г. — на 4,8 млн руб. Собственные лотереи проводили также и Деткомиссии союзных республик⁸¹. Распространение лотерейных билетов носило в основном добровольно-принудительный характер.

На состоявшейся в ноябре 1927 г. Всероссийской конференции работников детских домов отметили заметное усиление общественной активности в деле охраны детства. *«В этот же период, — говорилось, в частности, в резолюции конференции по докладу С.С. Гизанова «Организация, формы и методы участия советской общественности в работе по охране детства», — буквально каждая газета уделяла огромное внимание вопросам охраны детства, вопросам помощи непосредственно беспризорным детям. Не было почти ни одного номера газет, где бы этот вопрос не затрагивался»*⁸². Все это дало современникам основания говорить о начале «бурного подъема общественного внимания к вопросам борьбы с детской беспризорностью»⁸³. Однако «подъем» этот с каждым годом приобретал все более организованный и контролируемый характер.

В начале 1930-х гг. партией и правительством был принят целый ряд организационно-распорядительных документов, нацеленных на усиление роли общества в решении проблем детства, в том числе и о создании различных «общественных» организаций, деятельность и состав которых полностью контролировались соответствующими государственными структурами. Так, в июне 1932 г. с целью «привлечения широкой общественности к делу дошкольного воспитания» во всех дошкольных учреждениях были созданы специальные общественные советы. Однако состав этих советов, их структура и функции строго регламентировались Наркомпросом РСФСР, который собственно и был инициатором их создания. В соответствии с утвержденным Наркомпросом Положением, одной из главных задач создаваемых «общественных» структур было *содействие широким*

⁸¹ Подробнее см.: Ковтун Е. Азарт в стране Советов: В 3 т. Т. 2: Лотереи. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2012. С. 84—90.

⁸² Детский дом и борьба с беспризорностью. М., 1928. С. 60.

⁸³ См., например: Спасенные революцией... С. 96—97; Гизанов С.С. Организация, формы и методы участия советской общественности в работе по охране детства // Детский дом и борьба с беспризорностью ... С. 59—72.

слов населения «проведению в жизнь постановлений партии и правительства о дошкольном воспитании»⁸⁴. Такая же роль была уготована и прочим многочисленным «ячейкам советской общественности», таким, как школьные комитеты содействия (комсоды), общественные комитеты содействия при детдомах и в школах-интернатах, посты охраны детства при жилищно-арендных кооперативных товариществах (ЖАКТах) и в школах, советы по внешкольной работе при городских отделах народного образования, общественные инспекции по охране детства на предприятиях, в колхозах, МТС, в приемных пунктах на транспорте и при комиссиях по делам о несовершеннолетних (Комонес), детская общественная социальная инспекция «для систематического изъятия беспризорности, борьбы с детской торговлей и нищенством» и пр.⁸⁵ Школам вменялось в обязанность воспитывать у учеников «навык общественника, причем не общественника-единоличника, а общественника-коллективиста»⁸⁶.

Таким образом, *многочисленные общественные советы, комитеты и инспекции по замыслу властных структур призваны были выполнять задачу «проводников» господствующей идеологии в сфере детской политики, а не реализации инициатив «снизу».*

Тем не менее, было бы ошибкой полагать, что реальная общественная инициатива в сфере защиты детства в этот период отсутствовала, трансформировавшись в государственную политику. Государство не уничтожало полностью общественное движение «снизу». Оно осуществляло своеобразную цензуру общественных инициатив, «отфильтровывая» их, подавляя все, что с точки зрения власти считалось «вредным» и «опасным», и поддерживая все «полезное». Последнее бралось под государственную опеку, постепенно перераставшую в контроль, пропагандировалось и распространялось в масштабах всей страны и становилось неотъемлемой частью государственной политики. Тем самым *изначальная частная инициатива была трансформирована в часть государственной политики.*

Типичным примером противоречивого симбиоза общественной инициативы и «направляющей» роли партийно-государственных

⁸⁴ Бюллетень Народного Комиссариата по просвещению РСФСР. М., 1932. № 39. Ст. 496.

⁸⁵ См.: Бюллетень Народного Комиссариата... 1932. № 49. Ст. 642; Там же. № 53. Ст. 704; № 60. Ст. 793; Там же. № 69. Ст. 894; Там же. 1933. № 4. Ст. 62; Там же. № 6. Ст. 91. Детский дом... С. 55—56.

⁸⁶ Крупская Н.К. К вопросу об общественно-необходимых работах школы // Детское движение и школа. М.; Л.: Молодая гвардия, 1928. С. 40.

структур могла служить деятельность Всероссийского общества «Друг детей». Это общество было образовано в ноябре 1930 г. постановлением ВЦИК и СНК СССР на основе объединения добровольных обществ «Друг детей», стихийно возникших ранее на местах. Государственная власть поддержала общественную инициативу, взяла местные общества «Друг детей» под свою «опеку», а затем объединила их в единую структуру, формально общественную, но на самом деле полностью контролируруемую и подотчетную правительству. Контролировался даже состав ОДД (например, его членами не могли быть лишенцы)⁸⁷. Ответственные работники общества проходили подготовку на специальных курсах, организуемых ЦК ВКП(б), а основные мероприятия (рейды, эстафеты и т.д.) проводились по решению партии и правительства.

С начала 1930-х гг. членами ОДД становится подавляющее большинство советских рабочих и служащих, но это членство нередко было формальным, вызванным не велением сердца, а решением руководства предприятия, которому высокий процент участия в ОДД был необходим для отчета. Возникшие таким образом на предприятиях низовые ячейки ОДД, по свидетельству современников, зачастую ограничивались сбором членских взносов. Так, С. Смидович, курировавшая в ЦК РКП(б) работу с женщинами, с горечью писала о работе ОДД в 1926 г.:

«Это превратилось во что-то формальное, не удовлетворяющее. Пришлось встретиться с таким явлением: в одном советском учреждении лежит около 300 рублей членских взносов. Никто за ними не приходит, и тратить их нельзя. А ведь, пожалуй, на эти деньги можно было бы спасти от холода пару малышей на зимнее время»⁸⁸.

Следует также отметить, что значительная часть взносов расходовалась на содержание самого руководящего аппарата ОДД. В частности, огромные средства затрачивались на ежемесячные курсы по переподготовке ответственных работников областных (краевых) и городских советов ОДД, проводимые в Москве на базе Экспериментального дефектологического института Наркомпроса. В этом отношении небезынтересно ежедневное меню курсантов летом 1933 г., в период, когда страна переживала тяжелые времена, и сотни тысяч детей отчаянно нуждались в помощи:

⁸⁷ СУиП РСФСР, 1930. № 57. Ст. 685. См. также: Нечаева А.М. Охрана детей-сирот в России (История и современность). М., 1994. С. 15.

⁸⁸ Смидович С. Наболевшее // На помощь детям Издание Деткомиссии ВЦИК. М., 1926. С. 6. См. также: Детский дом... С. 53.

1-й завтрак: кофе с молоком, белый хлеб, 2 бутерброда с маслом и сыром (колбасой, икрой, рыбой и т.п.);

2-й завтрак: чай, каша молочная или картофель со сметаной;

обед: суп (щи, лапша, борщ, окрошка), бефстроганов (рагу, котлеты, рыба, сырники), компот (кисель), пирог;

ужин: котлеты, рыба, чай с печеньем⁸⁹.

В среднем, в местных ячейках оставалось около 10% собранных членских взносов, 90% передавали райсоветам ОДД, из них 70% оставалось в райсовете, а 30% перечисляли в областные и краевые советы⁹⁰. В соответствии с решением ЦО ОДД РСФСР, расходы на административно-хозяйственные нужды не должны были превышать 11,8% всех сборов. На практике же эти расходы в среднем по стране составляли почти треть всех сборов, а в некоторых регионах — 50% и более. Проведенное ЦКК и НК РКИ в 1933 г. обследование деятельности общества «Друг детей» показало, что на административно-хозяйственные нужды аппарата уходило от четверти до половины всех собранных средств⁹¹. Часть оставшихся средств направлялась в централизованный лечебный фонд, созданный при ЦС ОДД. Кроме того, по имеющимся у Центрального совета ОДД данным («не подлежащим оглашению»), помимо централизованного лечебного фонда, при некоторых местных советах были созданы собственные «специальные лечебные фонды, предназначенные для выдачи материальной поддержки основным руководящим работникам организаций ОДД в период отпусков, на лечение, закупку путевок в санатории и т.п.»⁹²

В то же время «оперативные бригады» и «пятерки» ОДД состояли из общественников-добровольцев, которые бескорыстно проводили большую и важную работу. Они устраивали для школьников экскурсии и культпоходы, организовывали бесплатные киносеансы, создавали передвижные библиотеки и радиоустановки, при жактах открывали кружки для детей, родители которых допоздна были заняты на производстве, организовывали летний отдых детей в загородных лагерях и на городских детских площадках, помогали найти работу и жилье бывшим детдомовцам и беспризорникам, контролировали качество питания в школах и детских садах и т.д. Особо следует отметить работу, проводимую местными

⁸⁹ ГА РФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 168. Л. 25—27.

⁹⁰ Там же. Д. 223. Л. 13.

⁹¹ Там же. Л. 13—15.

⁹² Там же. Л. 105.

ячейками общества среди сельского населения, где приходилось уделять большое внимание внедрению санитарных и гигиенических навыков, следить, чтобы не было отсева детей из школы из-за отсутствия обуви и одежды, из-за дальности школы или перегруженности детей сельскохозяйственной и домашней работой⁹³. Именно эти активисты-добровольцы, а отнюдь не руководство ОДД, проводили практическую работу на местах, и реально контролировать каждый их шаг было невозможно, что обусловило относительную самостоятельность их деятельности.

Тем не менее, деятельность общества в целом не оправдала возложенных на него надежд. В материалах РКИ, Деткомиссии и Наркомпроса все чаще отмечалось увлечение губернских и краевых организаций ОДД коммерцией. *«ОДД взяло курс на развертывание предприятий, — говорится, в частности, в акте проведенного в январе—мае 1931 г. обследования детдомов Нижегородской губернии, — увлеклось коммерцией, в погоне за прибылями, непосредственной же работы не ведут, а если она и есть, то сводится к формальному ревизорскому посещению детских учреждений и заседаний»*⁹⁴. Проведенное в 1933 г. ЦКК и НК РКИ обследование деятельности ОДД в общесоюзном масштабе показало, что к этому времени основным занятием общества стала коммерческая и производственная деятельность. При этом проверяющие отметили крайне низкое качество производимой на его предприятиях продукции и царившую на них «полную бесхозяйственность»⁹⁵. Массовый характер получило нецелевое расходование средств, а доходы от лотерей и вовсе распределялись абсолютно бесконтрольно⁹⁶. По итогам проведенного обследования ЦКК и НК РКИ констатировали, что общество «Друг детей» «совершенно не справилось с возложенной на него основной задачей, а именно: вовлечение широких слоев трудящихся в ряды общества и организация помощи органам Наркомпроса, бюро ДКО в деле коммунистического воспитания, охраны здоровья детей и контроля за детскими учреждениями»⁹⁷.

⁹³ См., например: ГА РФ. Ф. А-393. Оп. 1. Д. 121. Л. 2, 10, 21—25, 54; Д. 223. Л. 20—29. О работе низовых ячеек ОДД см. также: *Бибанов Т.П.* Комсомол и общество «Друг детей» ... С. 176—185; *Его же.* Общество «Друг детей» ... С. 166—168; *Чистиков А.Н.* Указ. соч. С. 35—56; *Рудкин В.Г.* Указ. соч. С. 3, 10—12.

⁹⁴ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5280. Л. 66.

⁹⁵ Там же. Ф. А-393. Оп. 1. Д. 223. Л. 14—15.

⁹⁶ Там же. Л. 14—15.

⁹⁷ Там же. Л. 13—15.

Роль общественности в развитии образования, дошкольного и внешкольного воспитания

С середины 1920-х гг. многие бывшие домохозяйки и няни пошли работать на фабрики и заводы. По данным органов ОММ, только в течение 1926 г. число женщин, занятых в промышленности, выросло более чем на миллион человек⁹⁸. Соответственно возрос и спрос общества на ясли и детские сады. Коллективизация и вовлечение женщин в колхозное строительство способствовали существенному росту потребности в дошкольных детских учреждениях также и на селе. По свидетельству современников, после преодоления предубеждения к детским садам и яслям, возникшего по началу в деревнях, крестьяне с удовольствием приводили своих детей в дошкольные детские учреждения, ставшие в то время чем-то вроде очагов культуры. Воспитатели старались прививать детям, которых обычно приводили в детские сады неумытыми, элементарные навыки личной гигиены: учили умываться, чистить зубы, пользоваться носовыми платками, индивидуальными полотенцами. *«На соответствующем месте висели плакаты, напоминающие детям о необходимости умываться, — вспоминала О.Б. Лепешинская о первых советских детских учреждениях, — не сидеть и не лежать днем на кроватях, не плевать на пол, сморкаться в носовой платок. Над умывальником, кроме точного указания, как следует умываться, висел еще плакатик с такой надписью: “Дети, умывайтесь чище, ваши полотенца скажут, кто плохо умывался”»*⁹⁹. Современники писали, что колхозницы «ценили детсады», с удовольствием приводили в них детей и «всегда шли навстречу их мероприятиям»¹⁰⁰.

Государство оказалось не в состоянии удовлетворить нарастающие потребности общества в детских дошкольных учреждениях, и родители были вынуждены самостоятельно искать выход из сложившейся ситуации. Так, в 1928 г. в Рязани группа домохозяек создала ячейку ОДД и организовала детский сад на 13 человек. Занимавший поначалу небольшое полуподвальное помещение этот сад вскоре переехал в помещение площадью 500 кв. м, к этому моменту его посе-

⁹⁸ IV Всесоюзный съезд по охране материнства... С. 41. См. также: Труд в СССР. Статистический справочник. М.: ЦУНХУ Госплана 1936. С. 10—11, 25. Подробнее о вовлечении женщин в производство см.: *Голдман В.З.* Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917—1937 гг.). М., РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010.

⁹⁹ *Лепешинская О.Б.* Первые всходы // Народное образование. 1959. № 5. С. 94.

¹⁰⁰ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 1211. Л. 7.

шали уже около сотни ребятишек¹⁰¹. Широкое распространение получили детские сады и ясли, организованные активистами «Рабочих патронатов». В условиях крайне низкого финансирования государственных детских дошкольных учреждений, как и прежде, огромное значение имели энтузиазм и инициативность их сотрудников, а также помощь общественности, в первую очередь, родителей. Так, например, в деревне Лезно Чудовской волости Новгородской губернии в 1926 г. мамы ежедневно относили в ясли по бутылке молока и одному яйцу, а также сдавали фунт масла на месяц¹⁰².

Замечательным примером инициативности и настойчивости общественности в деле организации дошкольного воспитания и досуга детей младшего школьного возраста может послужить организация и последующая работа детской площадки в деревне Сливино Смоленской губернии. В июне 1926 г. на собрании жителей деревни было принято решение открыть детскую площадку в доме бывшего помещика Дибоя. Для воплощения этого решения в жизнь была избрана комиссия из 8-ми человек. Работа комиссии была приостановлена в связи с тем, что окружавший дом помещика фруктовый сад был сдан в аренду, и арендаторы сада высказались категорически против открытия в доме детской площадки. Однако это не остановило жителей деревни. Новое собрание крестьян вынесло решение открыть в доме бывшего помещика детскую площадку «во что бы то ни стало». И это решение было выполнено. Совместными усилиями жителей помещения бывшего поместья было приведено в порядок, для детей сделали специальные столы и стулья и даже организовали осмотр всех детей (78 человек) врачом. По итогам осмотра врач предложил «сшить детям более приспособленную одежду» и обеспечить им усиленное питание для укрепления здоровья. В соответствии с рекомендациями врача местные жительницы сшили 50 костюмов и организовали детское питание (деньги на закупку материала и продуктов выделил уездный партийный комитет). На всю организационную работу ушло чуть более двух недель (первое собрание состоялось 5 июня, а 22 июня детская площадка уже начала работать). Первый месяц дети находились на площадке с девяти часов утра и до шести часов вечера: с 9 до 10 часов — сбор; с 10 до 11 — умывание на

---

¹⁰¹ Год решительной перестройки. По материалам Второго Московского съезда общества «Друг детей». М., 1931. С. 99.

¹⁰² Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—1932 г. / Отв. ред. А.К. Соколов. М., 1997. С. 166.

солнце; с 11 до 12 — гимнастика; с 12 до 13 — рисование, обучение счету и грамоте; с 13 до 14 — обед и уборка столов; с 14 до 16 — сон; с 16 до 17 — молоко; с 17 до 18 — «свободная игра». С середины июля из-за увеличения занятости крестьян на полевых работах детей начали приводить в 6 часов утра, а забирали домой около 9 вечера. Соответственно изменился и режим дня: с 6 до 7 — сбор; с 7 до 8 — «свободные игры»; с 8 до 9 — мытье детей; с 9 до 10 — гимнастика; с 10 до 11 — молоко; с 11 до 12 — рисование, обучение грамоте и счету; с 12 до 13 — вновь «свободные игры»; с 13 до 14 — обед и уборка столов; с 14 до 16 — сон; с 16 до 17 — молоко; с 17 до 21 — «свободные игры»¹⁰³.

На состоявшемся в июне 1929 г. IV Всесоюзном съезде охраны материнства и младенчества была поставлена задача «широкого и планового» привлечения средств родителей к содержанию детских садов и яслей «в порядке кооперативной самостоятельности». *«Создание яслей на кооперативных началах, участие родителей в содержании ребенка в домовых яслях и на ясельных площадках, — указывалось в резолюции съезда, — должно быть поставлено в порядок дня»*¹⁰⁴. Делегаты съезда поделились опытом работы детских дошкольных учреждений, созданных родительским активом при поддержке жилищных кооперативов и медицинских работников. Обычно при создании «домовых яслей» жилтоварищества выделяли необходимое помещение и оплачивали работу воспитательницы. Родители, в свою очередь, обеспечивали уборку помещения, по очереди выполняли обязанности помощницы воспитательницы, шили бельё, приносили посуду, игрушки, сами устанавливали размер ежемесячных денежных взносов на питание. В некоторых случаях удавалось договориться с врачами местной детской консультации о медицинском обслуживании «домовых яслей» на общественных началах. Все вопросы, связанные с работой яслей, решались на общем совещании родителей¹⁰⁵.

Плодом совместного творчества общественной инициативы и отделов ОММ в начале 1930-х гг. стали детские прогулочные группы при ЖАКТах: 5—8 детей из одного или нескольких домов ежедневно гуляли в определенное время под общим присмотром дежурной мамы. Так, в Москве в 1931 г. подобные прогулочные группы были организованы при 17 ЖАКТах. Первое время эти

¹⁰³ Дети и молодежь Смоленщины: 1920—1930-е годы: Сб. док-тов / Под ред. Е.В. Кодина. Смоленск, 2006. С. 92—93.

¹⁰⁴ IV Всесоюзный съезд по охране материнства... С. 42; Конюс Э.М. Указ. соч. С. 216.

¹⁰⁵ См.: IV Всесоюзный съезд по охране материнства... С. 47—49.

группы функционировали только 2—3 утренних часа, затем их работу продлили, было организовано общественное питание детей. В редких случаях удавалось добиться выделения домоуправлением специальной комнаты для организации столовой, но чаще детей кормили у одной из матерей. Через год работы в 8 московских домах прогулочные группы были реорганизованы в постоянные оздоровительные площадки¹⁰⁶.

В небольших городах и в сельской местности, где положительный опыт участия жилтовариществ и кооперации в организации работы детских дошкольных учреждений не получил должного развития, родителям все чаще приходилось прибегать к самообложению (как в денежной, так и в натуральной форме) в пользу детских садов и яслей, которые посещали их дети. Так, в Клину в 1930—1931 гг. на содержание ребенка в детском саду государство выделяло лишь 3 руб. 50 коп., в то время как реально питание каждого ребенка обходилось в 11 руб. Недостающие средства приходилось доплачивать родителям в порядке самообложения. Аналогичная ситуация сложилась и в Вышнем Волочке, и ряде других городов. По данным Деткомиссии ВЦИК на апрель 1934 г., за счет бюджета содержалось лишь 20% дошкольных учреждений, а 80% — за счет общественных средств. *«Население охотно откликается на призыв к организации внешкольного воспитания ребят»*¹⁰⁷, — пояснял такое положение Семашко в секретном донесении председателю ВЦИК М.И. Калинину 11 апреля 1934 г.

Оставляло желать лучшего снабжение ведомственных детских садов и даже опытных садов Наркомпроса. *«Питание бывает удовлетворительным временами, — говорится, в частности, в отчете о проверке опытного детского сада Наркомпроса «Ясная Поляна» в марте 1933 г. — С большими перебоями Райснаб утверждает паек. Часто неизвестно, по каким причинам происходят изменения. Один месяц по городскому снабжению, один—два месяца — по колхозному, а то и совсем снимут»*¹⁰⁸.

*«Живем исключительно на средства родителей»*¹⁰⁹, — эти слова, написанные в 1932 г. работницами Косинского фабричного детского сада (ст. Зуевка Пермской ж.д.) в письме Н.К. Крупской, отражают типичное для того времени положение детских дошкольных учреждений в небольших населенных пунктах. Впрочем, и на круп-

¹⁰⁶ Конюс Э.М. Указ. соч. С. 260—266.

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. Р- 5207. Оп. 3. Д. 29. Л. 4—5.

¹⁰⁸ Там же. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 1211. Л. 8 об.

¹⁰⁹ Там же. Ф. А-393. Оп. 1. Д. 121. Л. 1.

ных предприятиях, при которых были организованы собственные сады и ясли для детей сотрудников, в целом ситуация была сложной. Так, например, детский сад при фабрике «Красное знамя», где насчитывалось около 6 тысяч работниц, большинство из которых имели малолетних детей, был рассчитан всего на 120 мест¹¹⁰.

Не менее нуждались в помощи общественности и школы. Родители учащихся по-прежнему помогали школе «личным трудом» (ремонтировали помещение и мебель, убирали территорию и т.п.), привозили дрова, солому для вытирания обуви и т.п. В деревнях, не имеющих собственных школ, родители организовывали для учащихся специальные подводы¹¹¹. Широко практиковались так называемые целевые взносы родителей на закупку школьного оборудования, канцелярских принадлежностей. Однако, по свидетельству школьных работников, родительские взносы были лишь «каплей в море». На закупку самых необходимых школьных принадлежностей требовалась «масса средств», которых, по признанию учителей, невозможно было достать ни в отделах народного образования, ни у родителей. Школьным работникам приходилось проявлять инициативу и изобретательность, чтобы как-то компенсировать недостающие средства. Так, в 1928 г. учащиеся 65-й московской школы были обеспечены горячими завтраками благодаря организованному педагогическим персоналом концерту¹¹². Помимо родителей и школьных работников на селе, школам и дошкольным учреждениям оказывали поддержку и получившие здесь распространение крестьянские общества взаимопомощи, а также колхозные кассы общественной взаимопомощи.

В деле введения всеобщего обязательного образования особую роль власть отводила общественности. Пункт 11 постановления ВЦИК и СНК РСФСР 10 августа 1930 г. «О введении всеобщего обязательного начального обучения» гласил: *«К обеспечению всеобщего обучения широко привлекать общественность и общественные средства (специальные отчисления, помощь шефов, бесплатное трудовое участие, “культурные гектары” — коллективная запашка)»*¹¹³. Наркомпрос РСФСР настоятельно рекомендовал превратить введение системы всеобщего образования в «массовую обществен-

¹¹⁰ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2338. Л. 46.

¹¹¹ Дербуков Н. Школьный Совет и Комсод // Школа и жизнь. Нижний Новгород, 1926. № 10. С. 21; Коновалов В. Что говорят цифры // Школа и жизнь. 1926. № 10. С. 53.

¹¹² Детское движение... С. 115.

¹¹³ СУ № 39, ст. 479.

но-политическую кампанию, опирающуюся на инициативу и самодеятельность всей пролетарской общественности»¹¹⁴. Большие надежды возлагались также на самодеятельность самих учащихся. Государство ставило перед школьными учителями задачу развивать в детях умение «ставить общественные задачи» и «разрешать их коллективно». *«Нужна привычка подходить к каждому делу активно, — писала по этому поводу Н.К. Крупская. — Надо починить дорогу. Дорога плоха. Ребята понимают значение этого. Это их волнует. А следующий шаг таков: “что мы, школьный коллектив, можем сделать, чтобы этот беспорядок устранить?”»*¹¹⁵.

Поддержав отдельные формы помощи общественности детским учреждениям, власть затем поставила их под свой контроль. В частности, деятельность школьных постов охраны детства, объединявших общественников-активистов, регламентировалась утвержденным Наркомпросом «Типовым положением о постах охраны детства при школах» (13.07.1932)¹¹⁶. В соответствии с этим положением, общее руководство работой постов возлагалось на горono (или районо). Добровольные инициативы, такие как школьное «самообложение», отчисления из колхозных касс взаимопомощи, шефская помощь и др., постепенно превратились в обязательные плановые мероприятия, регулируемые властными структурами. Так, летом 1932 г. по решению Наркомпроса «добровольные» взносы родителей стали обязательной частью создаваемых при школах продовольственных фондов. В сентябре того же года специальным циркуляром Наркомпроса всем край- и облоно было поручено развернуть «массовую разъяснительную работу по самообложению»¹¹⁷. Организация школьного «самообложения» была также вменена в обязанность всем Комсодам. 14 января 1933 г. Наркопрос РСФСР принял решение «предложить» всем колхозным кассам взаимопомощи выделить ответственного исполнителя по дошкольной работе и принять на себя 30% всех расходов, запланированных в 1933 г. на социально-бытовую сферу. Одновременно с этим предложением Наркомпросом были составлены «Контрольные цифры отчислений касс взаимопомощи колхозов на дошкольное воспитание в 1933 г. по краям и областям». В контрольных цифрах указывались конкретные суммы,

¹¹⁴ Бюллетень Народного Комиссариата... 1932. № 60. Ст. 793.

¹¹⁵ Крупская Н.К. К вопросу об общественно-необходимых работах школы // Детское движение и школа: Сб. ст. М.-Л., 1928. С. 41—42.

¹¹⁶ Бюллетень Народного комиссариата ... 1932. № 53. Ст. 704.

¹¹⁷ См.: Там же. № 49. Ст. 642; № 51. Ст. 681; № 56. Ст. 745.

которые колхозные кассы обязывались выделить на дошкольные учреждения. Кроме того, им вменялось в обязанность заключать с местными отделами народного образования договоры о «совместном развертывании дошкольных учреждений в колхозах»¹¹⁸.

Добровольное участие граждан в содержании детей в детских дошкольных учреждениях также постепенно приняло обязательный характер, а размеры этого участия стали регламентироваться государством. В соответствии с Постановлением СНК СССР № 1402 от 6.07.1935 г., доля родителей в финансовых расходах на содержание ребенка в детсадах должна была составлять от 25 до 35% фактической стоимости пребывания ребенка¹¹⁹. Следует подчеркнуть, что речь шла исключительно об участии родителей в финансировании продовольственного обеспечения детей. Отвечая на поступающие с мест вопросы, как рассчитывать плату за ребенка — взимать проценты с общей стоимости содержания ребенка, или только со стоимости питания, Наркомпрос неизменно отвечал, что «воспитание должно быть **БЕСПЛАТНЫМ** [выделено в документе. — Т.С.]», плата может взиматься только за питание¹²⁰.

По мере возрастания норм содержания детей в детских садах и яслях возрастал и процент финансового участия родителей в расходах на питание. Так, например, в Архангельске нормы на текущее содержание ребенка возросли с 702 рублей за год в 1936 г. до 974 рублей за год в 1937 г. Одновременно доля участия родителей в финансировании питания детей возросла с 25—27,4% до 31—35%. Таким образом, плата за ребенка должна была вырасти в среднем с 13 руб. 70 коп. в месяц в 1936 г. до 23—28 руб. в месяц в 1937 г.¹²¹ Одновременно с этим сокращались льготы низкооплачиваемым работникам на оплату детского сада. Так, например, до апреля 1937 г. заводоуправление кондитерской фабрики «Большевик» частично оплачивало расходы своих низкооплачиваемых работников на содержание их детей в детских дошкольных учреждениях. Однако в апреле 1937 г. Главконд и Дирекция фабрики отказались помогать своим сотрудникам в этом вопросе¹²². В соответствии с инструкциями Наркомпроса, местные ОНО не имели права освобождать родителей от платы за содержание детей в детских садах ни пол-

¹¹⁸ Бюллетень Народного Комиссариата ... М., 1933. № 2—3. Ст. 41.

¹¹⁹ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2339. Л. 32.

¹²⁰ Там же. Д. 2338. Л. 91.

¹²¹ Там же. Д. 2339. Л. 29.

¹²² Там же. Л. 34.

ностью, ни частично¹²³. *«Мы не можем поощрять людей, которые не стараются повысить квалификацию, производительность труда на производстве»*, — говорилось по этому поводу на совещании работников просвещения по обсуждению шкалы платности в детсадах в декабре 1937 г. В качестве обоснования данной точки зрения приводили в пример стахановцев, которые уже вынуждены были платить более высокую, чем низкооплачиваемые рабочие, квартплату. В случае же увеличения и разницы в оплате стахановцами и низкооплачиваемыми работниками пребывания их детей в детских дошкольных учреждениях пропадал материальный стимул стремиться к перевыполнению норм выработки¹²⁴. Таким образом, произошедшие изменения в наибольшей степени затронули интересы малообеспеченных семей.

Сложившаяся ситуация вызвала недовольство как населения, так и работников детских учреждений. В течение 1936—1937 гг. на Наркомпрос и СНК обрушился целый поток писем с просьбами пересмотреть шкалу взимания платы с родителей за детские дошкольные учреждения. Писали не только сами родители малолетних детей, но и представители местных отделов народного образования, работники детских дошкольных учреждений, представители предприятий, на которых работали молодые мамы. Эти письма не остались без внимания руководства Наркомпроса РСФСР. В 1937 г. СНК РСФСР поручил Наркомпросу и ВЦСПС на основании представлений наркома просвещения РСФСР А.С. Бубнова, а затем и сменившего его в 1937 г. П.А. Тюркина, пересмотреть шкалу платности детских дошкольных учреждений с учетом поступивших с мест замечаний. Новая шкала вступила в силу с 1 января 1938 г.¹²⁵

Несмотря на то, что плата за содержание детей в детских садах и яслях по-прежнему оставалась обременительной для значительной части населения, тем не менее, сам факт пересмотра шкалы платности на основании жалоб населения показал, что власть была вынуждена считаться с массовым общественным мнением. Письменные обращения граждан в различные властные структуры — так называемые «письма во власть» — оказались довольно эффективным механизмом воздействия на нее.

Развитие в этот период шефского движения также продемонстрировало способность общества самостоятельно делать свой вы-

¹²³ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2339. Л. 29.

¹²⁴ Там же. Д. 2338. Л. 92.

¹²⁵ Там же. Д. 2338, 2339.

бор. Однако в данном случае это был выбор в пользу отказа от какой-либо активности, вопреки давлению власти.

С конца 1920-х гг. общественным и профессиональным организациям все настоятельнее рекомендовали брать постоянное шефство над детскими учреждениями¹²⁶. В 1931—1933 гг. ЦК ВКП(б) принял ряд постановлений, обязывающих все промышленные предприятия, колхозы, совхозы и МТС заключать со школами договоры о прикреплении с целью «соединения обучения с производственным трудом»¹²⁷. Наряду с усилением профессионального ориентирования и производственной подготовки учащихся, данные постановления предусматривали и расширение шефских обязательств по отношению к детским учреждениям. Положительное по своей сути начинание, тем не менее, сыграло весьма негативную роль в развитии шефского движения. Активное насаждение шефства «сверху» сводило его к неким формальным мероприятиям, необходимым для отчета о проделанной работе. Так, обследования детских учреждений, проводимые в 1930-е годы органами РКИ и сотрудниками Деткомиссии ВЦИК, показали, что в подавляющем большинстве случаев связь шефов с подшефными детскими учреждениями была слабой, не носила систематического характера и обычно заключалась в разовых незначительных отчислениях средств. Прикрепление школ к предприятиям на основе договоров также нередко приобретало формальный характер¹²⁸.

Пункт о «связи с общественностью» становится в середине 1930-х гг. неотъемлемой частью отчетов о работе детских учреждений, предприятий, органов народного образования. При этом хороший отчет о проделанной «общественной» работе нередко оказывался важнее содержания самой этой работы. *«Всегда бывает странно читать такие отчеты о ней [связи с общественностью. — Т.С.]: было столько-то комиссий и заседаний, проделано столько-то репетиций и т.п. Разве это работа»,* — удивлялся, в частности, известный российский педагог П.П. Блонский¹²⁹. Меж-

¹²⁶ См., например: Постановление Деткомиссии при ВЦИК от 8 июня 1928 г. «О положении и работе детских домов» // Детский дом... С. 21.

¹²⁷ Решения ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» (5.09.1931), «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» (25.08.1932), «Об учебных делах для начальной и средней школы» (12.02.1933).

¹²⁸ См.: ГА РФ. Ф. А-393. Оп. 1. Д. 105. Л. 14, 24—27, 127, 147, 176; Бюллетень Народного комиссариата ... 1933. № 16. Ст. 248.

¹²⁹ По журнальным страницам. Учет общественности // Школа и жизнь. 1926. № 11. С. 73.

ду тем, именно данные о количестве заседаний составляли типичное содержание отчетов предприятий об общественной работе и отчетов детских учреждений о связи с общественностью¹³⁰. Так, например, в Нижегородской губернии в 1931 г. помощь детским учреждениям со стороны профсоюзных и комсомольских организаций, по свидетельству современников, сводилась к «периодическим заслушиваниям докладов». Впрочем, аналогичной была и помощь со стороны местных органов Наркомпроса. Например, работа Нижегородского КрайОНО в сфере защиты детства была сведена к «беседам и согласованиям»¹³¹. Типичный пример того, как отчитывались о несуществующей общественной работе, приводится в изданном Центральным бюро юного пионера сборнике «Детское движение и школа». «После бесплодных усилий организовать лотерею в пользу Авиахима, — рассказывается в разделе «Будни советской школы», — было заявлено, что “после работ” (каких “работ” — о них нигде не слышано) предполагается “химический вечер”. Какой такой “химический вечер” неведомо было и устроителям этого вечера»¹³².

Систематически принимаемые в те годы решения местных партийных, советских и профессиональных органов об организации шефства над детскими домами приводили, в основном, к принятию соответствующих решений фабкомов и профкомов о взятии шефства над тем или иным детским учреждением. Вылется ли это решение в реальную практическую работу или в отчеты о ней, зависело прежде всего от личной воли и добросовестности конкретных людей, исполняющих эти решения. Так, например, проведенное в апреле 1933 г. обследование детских учреждений Северо-Кавказского края показало, что в одних регионах края (в частности, в Краснодаре) шефство над детскими учреждениями действительно способствовало «повышению качества работы детских домов» и заметному улучшению их материального положения. В других же регионах края реальную помощь оказывали лишь местные части Красной Армии, действовавшие, скорее, по приказу, чем по собственной инициативе. В частности, в Ейске, где положение детдомов было «совершенно недопустимым», по свидетельству проверяющих, ситуация была следующая: «Кроме шефства со стороны местной части Красной Армии над одним из детдомов,

¹³⁰ См., например: Детское движение... С. 132—133.

¹³¹ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5280. Л. 66.

¹³² Будни советской школы. // Детское движение и школа. М.; Л., 1928. С. 132—133.

шефства, как такового, со стороны местной общественности над детдомами не организовано»¹³³.

Между тем, детям просто необходимо было внимание общественности, ее реальная помощь, а не решения и отчеты об этой помощи. Именно об этом в один голос говорили участники состоявшегося в ноябре 1932 г. в Москве совещания школьников.

«Некуда деваться...»: организация детского досуга

«Некуда деваться», — таким словами охарактеризовали свой досуг почти все подростки, выступавшие в ноябре 1932 г. на московском совещании школьников по вопросу организации досуга. Из выступлений детей складывалась следующая картина их повседневного досуга: в школу детей по вечерам не пускают, детских книг у них нет, фильмы в кинотеатрах показывают в основном для взрослых. Дома — «тесновато», «скучно», заставляют ухаживать за младшими братьями и сестрами, а главное — родители пьют, бьют и никуда не пускают. В результате многие дети курят, после школы катаются на буферах трамваев и автомобилей (данная детская «забава» в те годы нередко становилась объектом сатиры, см. рис. 1), что уже имело печальные последствия вплоть до гибели детей. Аналогичная ситуация сложилась и в г. Горьком, только в Ленинском районе которого насчитывалось 13 200 школьников, не знающих, чем себя занять в свободное время¹³⁴.

В наилучшем положении оказались лишь те дети, чьи родители смогли объединиться и совместными усилиями организовать досуг своих детей и их одноклассников. Так, например, родители учащихся московской школы № 10 очистили двор от мусора, организовали детскую площадку, каток. Исходя из пожеланий детей, на московском совещании школьников было рекомендовано организовывать при школах и жактах побольше кружков (в первую очередь, фото-, изо-, драмкружок и хор), наладить работу детских библиотек, организовать демонстрацию детских киносеансов; организовать сбор денег на закупку для школ лыж, коньков, санок; в школах по минимальным ценам продавать приемники и т.д.¹³⁵

Московское совещание школьников по вопросу организации досуга в очередной раз подтвердило слова представителя нижего-

¹³³ ГА РФ. Ф. А-406. Оп. 25. Д. 1347. Л. 42.

¹³⁴ Там же. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 1771. Л. 120—122.

¹³⁵ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5277. Л. 2—3.

Рисунок 1. Рисунок Л. Генча. Крокодил, 1937, № 21

родского губздрави Соколовой, сказавшей на состоявшемся в июле 1931 г. краевом совещании работниц по борьбе с беспризорностью, что «даже при отсутствии денежных средств при участии советской общественности можно сделать очень многое»¹³⁶. Однако лишь единицы общественников-энтузиастов по собственной инициативе пытались организовать досуг подростков. «Бюджет государства, к сожалению, не позволяет охватить всех детей в городе детскими площадками, — говорится, в частности, в опубликованном в «Женском журнале» письме одной из матерей-активисток, — и нередко наши дети, особенно летом, когда не работают школы, остаются без надзора. И эта неорганизованная орава иногда направляется в наши скверы и бульвары. А там на скамейках разместились матери и няни. Все с детьми. Но, поглядите, они охраняют лишь своих воспитанников, до других им нет дела [...] Надо привлечь общественное внимание к скверам и бульварам [...] Нашим детям нужен воздух скверов и буль-

¹³⁶ Там же. Д. 5280. Л. 10.

варов, но обязательно, хотя бы под некоторым наблюдением, если не педагога, то рядовой матери-общественницы...»¹³⁷

С конца 1920-х годов проблема организации детского досуга становится значимой составляющей комплекса мер по профилактике детской безнадзорности и детской преступности. Однако меры эти в подавляющем большинстве случаев так и остались на уровне проектов и предложений. В частности, в конце 1927 г. Наркомпрос обратился в Наркомфин с ходатайством выделить 677 970 руб. из госбюджета для снабжения детских учреждений кинопередвижками. Руководство Наркомпроса подчеркивало, что организация детских киносеансов может иметь прекрасный воспитательный эффект, отвлечет детей от улицы, карт, хулиганства и т.п. Признавая государственную значимость данного мероприятия, Наркомфин, тем не менее, счел невозможным выделить такую сумму из «напряженного» госбюджета и предложил, в свою очередь, переложить материальные расходы по обеспечению детских учреждений кинопередвижками на Совкино, у которого, по утверждению Наркомфина, были «огромные прибыли». В соответствии с этим предложением, ЭКОСО РСФСР был разработан проект, в котором Совкино предлагалось «при распределении прибылей за 1926/27 операционный год выделить и передать в распоряжение НКПроса 190 000 рублей на создание особого ссудного капитала для снабжения детских кино, школ, клубов изб-читален кинопередвижками». Однако этот проект встретил категорическое возражение Совкино. Вопрос об обеспечении детских учреждений кинопередвижками вызвал в 1927 г. оживленную переписку между СНК РСФСР, Малым СНК, Наркомфином, Наркомпросом, Совкино и ЭКОСО. Единодушно признавая огромное значение киноискусства «в экономической и политической жизни страны» и выражая надежду на то, что «в будущем кино, по мысли т.т. Бухарина и Сталина, должно вытеснить из обихода трудящихся и бюджета Республики водку», тем не менее, ни Наркомфин, ни Совкино не сочли возможным выделить какие-либо средства на обеспечение детских учреждений киноустановками. 18 февраля 1928 г. Наркомфин сообщил СНК РСФСР, что на состоявшемся 15 февраля 1928 г. совместном совещании Наркоматов финансов и просвещения так и не было достигнуто соглашение «по вопросу об источниках

---

¹³⁷ Жуковская Н. Наши дети на бульваре (Письмо матери) // Женский журнал. 1928. № 7. С. 15.

средств для образования ссудного капитала» на снабжение дет. учреждений кинопередвижками¹³⁸.

С середины 1930-х гг. проблема детского досуга регулярно становилась предметом бурных дискуссий на заседаниях Президиума Деткомиссии ВЦИК: «... Нужно, чтобы дети учились. Речь идет о восстановлении разрушенных площадок, речь идет о внешкольной работе. Нужно, чтобы занимались не только с одаренными детьми, но и со всеми, а поэтому нужно говорить о восстановлении и укреплении парков и о целом ряде других мероприятий»; «...по улице ходят кучки ребят и курят, а мы с вами этих ребят оставляем без всякого внимания. Наша задача остановить ребенка, поговорить с ним»; «Нужно, чтобы школа повернулась лицом к ребенку. Она должна интересоваться внешкольным поведением ребят, не допускать отсева из школы и допускать этот отсев как крайнее явление и знать, куда ребенок ушел и где он находится»; «... У нас большой недостаток, что в домах нет красных уголков. Во дворе можно организовать и бильярд, и другие игры, но так, чтобы эту работу кто-то возглавлял. Я нахожу, что эту работу должен возглавлять комсомолец. У нас большой недостаток в том, что мы мыслим якобы мы все перегружены работой и нам нет времени обращать внимания на эту работу»; «Я дал указание, что если дворник или домоуправ приводит ребенка в детскую комнату, то начинать не с ребенка, а с домоупра [так в тексте. — Т.С.] — почему ребенок у них хулиганит, и что сделано к тому, чтобы дети были организованы на площадке или в клубе»; «В Москве около 3 тысяч ребят, ушедших из школы. Ими никто не занимается»¹³⁹.

Выступавшие на заседаниях Президиума Деткомиссии представители комсомола, профсоюзов, органов милиции, школьных работников неоднократно подчеркивали, что речь идет не просто о детском отдыхе, а о профилактике детской безнадзорности и детской преступности. «...Важна не чисто карательная система органов милиции, — подчеркнул, в частности, Н.А. Семашко на заседании Президиума Деткомиссии 25 мая 1938 г., — а важна профилактика — это прежде всего школа...»¹⁴⁰ «Наши ребята отбывают меру наказания больше, чем взрослые, — поддержал Семашко представитель гражданского суда по детским делам Бокарев. — Если взрослый вытащил кошелек, ему дают три месяца, а если ребенок вы-

¹³⁸ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 1150. Л. 2—27.

¹³⁹ Там же. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 1634. Л. 17—35.

¹⁴⁰ Там же. Л. 33.

тащил кошелек, ему дают один год трудовой колонии. Чем чаще приводят ребенка в комнату милиции, тем он больше озлобляется»¹⁴¹.

Все выступавшие единогласно пришли к выводу о необходимости активнее привлекать общественность к работе по организации детского досуга в качестве основной меры профилактики детской преступности. «...Тов. Кубышкин, мы с вами ездили по притонам и видали, что безнадзорность растет, — обратился представитель ЦК ВЛКСМ Фадеев к начальнику Московского городского отделения милиции Кубышкину. — [...] Почему милиция не может связаться с нашими общественными организациями, почему вы себя ограничиваете только до райкома комсомола. Нужно учесть и другую работу — с родителями, с общественностью, с нашими организациями [...] Каждый родитель у которого есть ребенок всегда пойдет вместе с нами. Важно привлечь родителей, чтобы они нам помогли, а мы этим делом не занимались [...] К нам в ЦК комсомола пришла группа родителей и остро поставила вопрос о детской проституции, которая начинает процветать в Москве. Двое родителей прямо заявили, что их девочки пропадают, начинают пить вино, курить. Мы с тов. Кубышкиным проверили и натолкнулись на эти точки, где пропадают эти девочки. Этих точек по Москве много»¹⁴².

«В чем слабость нашей работы? — подвел итоги дискуссии сотрудник отдела детской комнаты милиции Иткин. — В том, что мы еще не сумели организовать общественность на эту работу»¹⁴³. Реальная помощь общественности детским учреждениям по-прежнему являлась проявлением доброй воли населения, а не результатом давления «сверху», организационной работы органов власти. Именно от частной инициативы конкретных людей зависело, во что на практике выльется навязанное партией и государством обязательное шефство промышленных предприятий над детскими учреждениями — в формальное перечисление минимальных средств для «галочки» или в реальную работу с детьми, примеров которой также было не мало. Так, в Средневолжском крае активисты местных фабрик, заводов, колхозов и совхозов, помогли обеспечить учащихся горячими завтраками; проводили в школах оздоровительную работу, помогали организовывать мастерские. Предприятия и совхозы снабжали детей из самих бедных семей обувью и одеждой. В Сергиевском районе края рабо-

¹⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 1634. Л. 25.

¹⁴² Там же. Л. 20—21.

¹⁴³ Там же. Л. 31.

чие решили перечислить на политехнизацию школ однодневную заработную плату; в ряде школ по договоренности с колхозами и совхозами было организовано питание для бедноты. В Самаре на средства различных организаций (завод № 42, милиция, ТПО водников и др.) были обеспечены завтраками все дошкольники (более 24 тыс. детей)¹⁴⁴.

Известны и более масштабные общественные проекты. Так, например, в 1937/1938 г. в Ленинском районе г. Горького по инициативе общественности был построен Дом пионеров и октябрят. Значительную роль в его строительстве сыграла комсомольская организация Льнопрядильной и ткацкой фабрики «Красный Октябрь» г. Горького. На фабрике работали более 2 тыс. женщин, дети которых в рабочее время оставались без присмотра. Всего в районе было 13 200 школьников, которым во внеучебное время, по словам современников, совершенно нечем было заняться. Все это способствовало росту в районе детской безнадзорности. Обращение комсомольской организации с предложением построить Дом пионеров и октябрят было поддержано и работниками Льнопрядильной фабрики, и другими жителями района. В сентябре 1938 г. была утверждена смета оборудования Дома пионеров. В соответствии с этой сметой, были куплены бильярд, патефон с пластинками, ковры, скульптуры, шахматные столы, рояль, домровый оркестр и т.д. (всего на сумму 39 820 рублей)¹⁴⁵.

В декабре 1938 г. коллектив треста Москультстрой решил подарить работницам Трехгорной мануфактуры на Международный женский день 8 марта ясли. Ясли были построены по спецпроекту скоростным методом. Строительство началось 7 февраля 1939 г. и закончилось 2 марта того же года¹⁴⁶. Безусловно, данный «подарок», как и строительство в Горьком Дома пионеров, не был продуктом исключительно общественной инициативы. Очевидно, что строительство яслей скоростным методом было поддержано (а возможно и инициировано) местными партийными и советскими органами. Это были счастливые случаи совпадения интересов общественности и государственной власти.

Таким образом, следует признать, что принудительное насаждение шефства в тот период приводило к его формализации, выхола-

¹⁴⁴ ГА РФ. Ф. А-393. Оп. 1. Д. 105. Л. 2, 6.

¹⁴⁵ Там же. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 1771. Л. 117—122.

¹⁴⁶ Бельцов В., Рабинович С. Опыт скоростного строительства яслей в 20 дней. М.: Народный комиссариат по строительству СССР, 1939. С. 5.

живанию общественной сути. Наиболее успешными оказывались именно те проекты и инициативы, в которых органически сочетались общественные и государственные интересы.

Забота о сиротах:

«А где наша общественность? Общественность отсутствует...»

Несмотря на внешний размах общественного движения помощи сиротам и воспитанникам детдомов, основные формы участия граждан в их судьбе, как и масштаб этого участия, сколько-нибудь серьезных изменений в конце 1920-х — в 1930-е гг. не претерпели. Типичным явлением в эти годы становятся иницилируемые властными структурами массовые «общественные» кампании по борьбе с беспризорностью. Однако сами современники достаточно скептически оценивали эти акции. Так, по словам одного из опытейших руководящих работников Наркомпроса РСФСР М.С. Эпштейна, эти «спорадические кампании» по борьбе с беспризорностью возникали *«после очередного нажима со стороны Центра или же к десятилетнему юбилею»*. *«В таких случаях на 2—3 недели внимание общественности мобилизуется, а затем опять с беспризорностью все в порядке»*, — констатировал Эпштейн, выступая на Всероссийской конференции работников детских домов в 1927 г.¹⁴⁷ Типичный для того времени показатель характер заботы о беспризорных детях, выражающийся не столько в действии, сколько в словесных излияниях, не раз становился объектом сатиры (см., например, рис. 2).

Наиболее значительную роль в судьбе детдомовцев по-прежнему играла инициатива самих работников детских учреждений, отделов социального обеспечения и народного образования. Даже снабжение детских домов, качество питания их воспитанников, не говоря уже о психологической атмосфере в них, — все это, по свидетельству современников, зависело в первую очередь от личной инициативы, «пробивной сноровки», энергии и предприимчивости работников детдомов, от их отношения к своим подопечным. Так, в 1926 г. обследование детских домов Нижегородской губернии показало наличие существенной разницы в качестве питания воспитанников при одинаковом финансировании (25 коп. в день на ребенка). Если в одном из обследованных детдомов детям да-

---

¹⁴⁷ Детский дом и борьба... С. 16.

ЧЕЛОВЕК В ШУБЕ:—Смотрю я на этих полуголых беспризорных—и у меня прямо мороз по коже

Рисунок 2. Рисунок Ю. Ганфа. Крокодил. 1926. № 3.

вали «молоко, иногда какао, кофе, макароны, лапшу, грибы, горох, масло скромное, сметану, сало»; то в соседнем «ничего этого не было»¹⁴⁸. Относительное благополучие воспитанников тех или иных детдомов, по утверждению Эпштейна, обеспечивалось в первую очередь самоотверженной работой «сравнительно небольшого числа старых работников», которых современники называли «фанатами дела»¹⁴⁹.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. был принят целый ряд партийно-правительственных распоряжений об усилении в воспитании детдомовцев роли профсоюзов, комсомола, пионерской и других общественных организаций, а также рабочих коллективов. В рамках кампании политехнизации образования детские дома и трудкоммуны по примеру учебных заведений в массовом порядке прикрепляли к предприятиям, воинским частям, колхозам, совхо-

¹⁴⁸ Дербуков Н. Плюсы и минусы в детских домах (По данным инспекторского обследования сети детских домов) // Школа и жизнь. 1926. № 11. С. 53.

¹⁴⁹ Детский дом и борьба с беспризорностью... С. 14—15.

зам, МТС¹⁵⁰. Очевидно, что навязанные государством обязательства по отношению к воспитанникам детдомов нередко выполнялись в минимальном объеме, «для галочки», либо только «на бумаге». Так, например, 9 выпускников Городецкой Трудкоммуны, посланные на работу на завод «Кр. Сормово» оказались не нужны ни руководству завода, ни его профсоюзной и партийной организациям. В результате, подростки две ночи провели на улице¹⁵¹. О том, что завод «Кр. Этна» шефствовал над одним из детских домов, никто из рабочих, по их собственному признанию, вообще не знал и «никто даже ни разу не был в д/доме»¹⁵². Как неоднократно показывали разнообразные проверки, основная работа заключалась не в реальной помощи, а в имитации деятельности, проведении собраний и составлении отчетов¹⁵³.

Положительные примеры работы колхозных касс взаимопомощи были скорее исключением, чем нормой. Обследование, проведенное Деткомиссией в 1935 г., показало, что сельсоветы и колхозы в подавляющем большинстве своевременную помощь детям-сиротам не оказывают. Так, например, в колхозе «Первого мая» Ольховского района Воронежской области трое сирот Жуковых (восьми, десяти и четырнадцати лет) после смерти родителей оказались на попечении своей 22-летней сестры, которая и сама-то едва «стояла на ногах». Не получив никакой помощи, дети оказались в крайне бедственном положении: «босые, оборванные, голодные, в школу не ходят», двое младших детей в этих условиях тяжело заболели.

В Куйбышевском крае, как показало обследование, в колхозных кассах взаимопомощи скопились значительные средства, собранные на помощь детям, план расходования средств кассами на оказание помощи детям был выполнен только на 6,6%¹⁵⁴. Реальная помощь совхозов чаще носила спонтанный характер, ее оказывали не по плану и не для отчета, а по велению души. Так, например, совхоз «Годынки» Западной области в 1935 г. по собственной инициативе снабжал продуктами около тысячи беспризорных подростков, а 75 подростков взял на обучение сельскохозяйственному труду¹⁵⁵.

¹⁵⁰ См.: Детский дом... С. 37—56; Задачи общества «Друг детей»... С. 63.

¹⁵¹ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5280. Л. 7—15.

¹⁵² Там же. . Л. 8.

¹⁵³ См., например: Будни советской школы // Детское движение и школа. М.; Л., 1928. С. 132—133.

¹⁵⁴ ГА РФ. Ф. Р- 5207. Оп. 3. Д. 29. Л. 17 об.

¹⁵⁵ Там же. Д. 19. Л. 109.

«Со стороны профсоюзных, комсомольских организаций помощь в работе в большинстве случаев отсутствует и сводится к периодическим заслушиванием докладов»; «бездействуют профсоюзы и колхозные кассы взаимопомощи»; «деньги, отпущенные на оказание помощи детям, не использованы»; «помощи никакой», «шеф систематически никакой работы не ведет», «связь с шефами слабая», «общественные организации уделяют детским домам мало внимания», «общественность отсутствует из-за дальности расстояния от города»; «существенный недостаток — отсутствие при детдомах наблюдательных советов из шефствующих организаций»; «комсомольские организации не принимают участия в работе детдомов, чем не выполняют собственные ранее вынесенные постановления»; общественность «глуха» к нуждам детдомов¹⁵⁶, — таковы типичные заключения о шефской работе и работе колхозных касс взаимопомощи, сделанные в 1930-х гг. местными органами народного образования и комиссиями РКИ. Так, например, 20-й артиллерийский полк в 1931 г. выделил подшефному детскому дому № 2 г. Луги Средневожского края единовременную помощь в размере 180 руб. и на этом счел свою шефскую работу законченной¹⁵⁷. «А где наша общественность? Общественность отсутствует», — к такому печальному выводу пришли в 1931 г. члены Оргкомитета ОДД, анализируя на I Всероссийском съезде ОДД шефскую работу в детских домах¹⁵⁸.

Воспитание сирот путем патронирования или усыновления также инициировалось преимущественно властными структурами, а не самими гражданами. В середине 1920-х гг. советские теоретики детской политики пришли к выводу о необходимости восстановления ценностей семейного воспитания. В вопросах воспитания детей, лишенных родительской опеки, было рекомендовано перенести приоритет с их общественного воспитания в государственных детских учреждениях на различные формы семейного воспитания. В соответствии с новыми тенденциями, были предприняты меры к развитию институтов опеки и патронирования, восстановлен институт усыновления¹⁵⁹.

¹⁵⁶ См.: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5280. Л. 7, 8, 66; Д. 5333. Л. 5; Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 404. Л. 108; Оп. 3. Д. 29. Л. 1 об, 17; и др.

¹⁵⁷ См.: Там же. Ф. А-393. Оп. 1. Д. 105. Л. 127, 147, 169, 176; Спасенные революцией... С. 86—87.

¹⁵⁸ Задачи общества «Друг детей»... С. 9.

¹⁵⁹ Институт усыновления был восстановлен в апреле 1926 г. специальным постановлением ВЦИК и СНК РСФСР, принятым в ходе обсуждения нового Семейного кодекса. Необходимость этой меры была признана как во властных

Только что отмененный запрет на усыновление сменился его активной пропагандой. Особенно активно действовали в этом направлении органы охраны материнства и младенчества, и ранее выступавшие за устройство судеб детей-сирот преимущественно путем усыновления. В частности, в июне 1929 г. на IV Всесоюзном съезде по охране материнства и младенчества была поставлена задача принять меры к *массовому усыновлению детей* сельскими семьями¹⁶⁰. Если усыновление получило свое развитие преимущественно на декларативном уровне, то призыв к массовому патронированию вылился в реальную кампанию общесоюзного масштаба. В середине 1920-х гг. ВЦИК и СНК РСФСР приняли ряд постановлений, стимулировавших передачу детей на воспитание в крестьянские семьи¹⁶¹. В результате, в 1926 г. в крестьянских семьях на условиях патронирования воспитывались по разным данным от 17 до 20 тыс. детей¹⁶². Цифры достаточно внушительные, однако достигнуты они были не столько по инициативе населения, сколько энергичными действиями местных властей, стремившихся как можно скорее отрапортовать Центру о выполнении и перевыполнении задания. Численность отданных на патронирование детей в эти годы определялась не столько реальной ситуацией в регионе, сколько планами и контрольными цифрами, принимаемыми облоно и районо. В результате, передача детей в семьи нередко приобретала характер очередной кампании — массовым порядком, в спешке. Система же контроля условий проживания патронированных детей в большинстве случаев существовала только на бумаге, для отчетности. Стремление выполнить план свело кампанию патронирования к насильственному расселению бывших детдомовцев в крестьянские семьи. Лишь в немногих регионах придерживались инструкций, а не плана. Так, например, в Самарской

структурах, так и в общественных кругах. Подробнее см.: Орловский Б. Борьба с детской беспризорностью в Нижегородской губернии // Школа и жизнь. Н. Новгород, 1926. № 11. С. 36—37; Гидулянов П. В. Кодекс законов о браке, семье и опеке с постатейным комментарием. Л., 1927. С. 127—129.

¹⁶⁰ IV Всесоюзный съезд по охране... С. 101.

¹⁶¹ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О мероприятиях по подготовке воспитанников детдомов к трудовой общепользующей деятельности» (21.09.1925), «О мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР» (8.03.1926), «О порядке и условиях передачи воспитанников детдомов в крестьянские семьи для подготовки к сельскохозяйственному труду» (5.04.1926) и др.

¹⁶² Назаров Д. Опыт размещения детей и подростков из детдомов по крестьянским семьям // На помощь детям. М., 1926. С. 16—17; См. также: Гиндин. Роль комсомола в борьбе с детской беспризорностью // Комсомол и беспризорность. Харьков, 1926. С. 19.

губернии строго следовали принципу добровольности, а основную ставку сделали на принцип материальной заинтересованности. Благодаря регулярно выплачиваемому патронатным семьям денежному пособию (25 руб. на каждого воспитанника), случаи отказа крестьян от детей или жестокого обращения с ними составили всего 1,5—2%¹⁶³.

Именно развитие принципа материального стимулирования опекунов, его законодательное закрепление в масштабах всего Советского Союза способствовали некоторому улучшению ситуации в деле патронирования в конце 1920-х гг. В 1926—1927 гг. СНК и Наркомпрос установили для семей, патронирующих детей, ряд обязательных льгот¹⁶⁴. В 1930-е гг. частный патронат получил значительное развитие. Политика материального стимулирования принесла свои плоды, но, к сожалению, они были далеки от желаемых. Как показал опыт, детей на воспитание чаще брали беднейшие крестьянские семьи, для которых патронирование стало наиболее доступным способом улучшить свое материальное положение¹⁶⁵, а участие общественности сводилось к периодическим кампаниям, проводимым по инициативе и под контролем местных органов Наркомпроса, например, двухнедельники по проверке жизни подопечных и патронированных, проводимые в начале 1930-х гг. по предложению Нижегородского краевого отдела народного образования¹⁶⁶.

Таким образом, как и в предшествующий период, забота о детях, наиболее нуждавшихся в общественной помощи (беспризорниках, воспитанниках детских домов, патронированных детях, детях-инвалидах), оказалась самым слабым звеном в структуре социальных инициатив в области охраны детства.

Общественные инициативы на плановой основе: «Овладеть этим движением, направить его по правильному руслу и целесообразно использовать...»

Признав задачу обеспечения благосостояния всех детей, в первую очередь сирот, делом государства, Советская власть в то же время не отстранила от ее решения общество. Напротив, стимулиро-

¹⁶³ Назаров Д. Указ. соч. С. 16—17.

¹⁶⁴ См.: Определение воспитанников детских домов ... С. 3—4, 5—8; Попов М. Детская беспризорность и патронирование. Иваново, 1929. С. 19.

¹⁶⁵ См., например: Гиндин. Указ. соч. С. 19; Год решительной перестройки... С. 172.

¹⁶⁶ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5280. Л. 3—4.

вание социальной активности в этой сфере становится неотъемлемой частью государственной «детской» политики. Более того, государство сознательно переложило выполнение части своих обязательств по отношению к детям на плечи населения, предоставив ему на первых порах достаточно широкие возможности в этой сфере. В первые послереволюционные годы размах общественных инициатив сдерживался не столько государственными ограничениями, сколько крайне низким жизненным уровнем населения.

Очевидно, что система государственного поощрения инициатив «снизу» неизбежно предполагала их отбор, идеологическое руководство и введение элементов организованности и плановости. Многие общественные акции, признанные властью «полезными», не только встретили поддержку режима, но и сознательно стимулировались им. «Полезные» общественные начинания были поставлены под контроль государства и постепенно инкорпорированы в общую государственную политику («недели беспризорного ребенка», ОДД, школьное самообложение, участие родителей в финансировании питания детей в дошкольных учреждениях и др.). Инициативы же «снизу», не встретившие государственного одобрения, либо сводились на «нет» (прежде всего, отсутствием финансирования и моральной поддержки со стороны официальной власти), либо облекались в другую, более компромиссную форму, приемлемую для власти.

Таким образом, наблюдавшийся в начале 1930-х гг. заметный рост социальной инициативы в вопросах охраны детства в действительности был результатом целенаправленной государственной политики. Специальные распоряжения различных партийно-государственных структур «мобилизовывали» общественность на «проведение в жизнь постановлений партии». На состоявшейся 15—20 ноября 1927 г. Всероссийской конференции работников детских домов в качестве «одной из основных задач работы по охране детства» перед органами народного образования и местными Деткомиссиями была поставлена задача «овладеть» общественным движением, «направить его по правильному руслу и целесообразно использовать»¹⁶⁷. В соответствии с Положением о Деткомиссии от 20 июня 1927 г., привлечение советской общественности к делу борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью было

---

¹⁶⁷ Детский дом и борьба с беспризорностью. М., 1928. С. 60.

одной из важнейших ее функций¹⁶⁸. Будучи междуправительственной организацией, Деткомиссия была призвана объединить усилия всей страны (как государственных органов и учреждений, так и общественных организаций и просто широких слоев общественности) в деле охраны материнства и детства. Однако на практике председателями местных Деткомиссий нередко назначались заведующие местными отделами народного образования, что фактически превращало их в некий придаток к аппарату Наркомпроса. В июле 1928 г. Президиум Деткомиссии обратился в Секретариат ВЦИК с просьбой пересмотреть состав председателей местных Деткомиссий, ссылаясь на тот факт, что местные деткомиссии постепенно превращаются в «ведомственный аппарат и работа в них неизбежно принимает ведомственный уклон, крайне вредно отражающийся на ее результатах». *«Перед такими Деткомиссиями, — говорится, в частности, в письме, — зачастую даже стоял вопрос о бесцельности их дальнейшего существования как самостоятельной организации и необходимости ввиду этого провести самоликвидации»*. Во избежание этого Президиум Деткомиссии настаивал на необходимости назначать председателей своих комиссий на местах только из числа нейтральных лиц¹⁶⁹. В конце 1929 г. СНК СССР выступил с предложением ликвидировать Деткомиссии при союзных республиках, однако Президиум ВЦИК категорически высказался против, подчеркнув при этом необходимость «реорганизовать Деткомиссию ВЦИК в сторону вовлечения в ее работу широкой общественности»¹⁷⁰.

Общественная инициатива становилась обязательной, и «планово-мерно организованной», то есть фактически частью государственной политики. Трансформацию социальной инициативы в государственную политику наиболее наглядно можно проследить на примере инициатив общества в области развития системы дошкольного воспитания и школьного образования.

***

Таким образом, *государственная «поддержка» общественных инициатив переросла в контроль над ними и постепенно приводила к их «огосударвлению», выхолащиванию первоначальной обществен-*

¹⁶⁸ СУ РСФСР. 1927. № 61. Ст. 422.

¹⁶⁹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 409. Л. 4.

¹⁷⁰ Там же. Д. 395. Л. 15.

ной сути и формализации. Движение «снизу», социальное по своей сути, становилось все более редким явлением, но не исчезло, а приняло специфические формы необходимые для успешной работы в рамках существующих социально-экономических и политических условий. Советским активистам-общественникам проще было не «пробивать» собственные инициативы и не создавать новые общественные структуры для их реализации, а действовать в рамках уже существовавших и одобренных партией и государством формальных (государственных, партийно-комсомольских или профсоюзных) структур. Только в этом случае они могли быть успешными, получить финансовую и иную поддержку. Государственный контроль не поглотил полностью инициативы «снизу», однако отделить «общественное» от «государственного» становится почти невозможным.

3. «Забота о голодных детях – впереди всего»:

**Борьба Советского правительства
за спасение детей от голода. 1921 – 1923 гг.**

Вся работа Комиссии в целом шла под лозунгом спасения детей от голода. О культурно-моральном воспитании не могло быть и речи, ибо все были поглощены заботой прежде всего сохранить жизнь ребенка.

*Из доклада Деткомиссии ВЦИК уполномоченного
по Екатеринбургской губернии А.А. Лукина,
февр. 1923 г.*

В историю России 1921—1922 годы вошли как период страшного голода, повлекшего за собой тяжелые последствия для молодой Советской Республики. Особенно сильно пострадали дети, и сильнее всего те, что находились на иждивении государства, т.е. воспитанники так называемых детских учреждений закрытого типа (детских домов, колоний, приемников-распределителей и т.п.)¹.

Продовольственное обеспечение этих детей и ранее было крайне скудным и, как следует из материалов Деткомиссии ВЦИК, «положительно нигде» не было налажено². Лишь в начале 1921 г. благодаря титаническим усилиям новой власти в деле продовольственного обеспечения детских учреждений наметились определенные успехи. В частности, впервые в истории России были собраны и сведены воедино сведения о количестве и состоянии детских учреждений, о численности детей в них и качестве их питания. Эти данные предполагалось использовать для организации систематического планового снабжения детей продовольственными пайками по специально разработанной научно обоснованной норме³. Однако неурожай 1920 г. и засуха 1921 г. фактически свели на нет слабые ростки нарождающейся системы планового снабжения детских учреждений продовольственными пайками. К концу 1921 г. дети — «будущее страны», «цветы жизни», «надежда государства» — оказались на грани полного вымирания.

¹ Голод 1921 г. является одной из самых трагических страниц советской истории. По современным подсчетам голодало около 26—28 млн человек, из них примерно 10 млн составляли дети. Подробнее об этом см.: *Орлов И.Б.* Между «Царь-голодом» и «Товарищем-Урожаем» // Социальная история. Ежегодник. 2001/2002. М., 2004. С. 467—468. *Поляков Ю.А.* 1921 год. Победа над голодом. М., 1975.

² ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 8. Л. 19 об.

³ Подробнее см. первую главу данной монографии «“Забота о ребенке — прямая забота государства”: Особенности формирования советской системы защиты детства (1917 - начало 1920-х гг.)»

«Детское население до 3-х лет почти все вымерло...»

Во второй половине 1921 г. в связи с неурожаем резко возросло число подкидышей, брошенных детей и сирот. Соответственно, с каждым днем возрастал поток прибывающих в детдома детей, нуждающихся в помощи государства. Например, в Астраханской и Саратовской губерниях летом 1921 г. в детские дома ежедневно прибывало около 100 детей, в Самарской губернии — до 500, а в Царицынской — около 1000⁴. При этом пайки детским учреждениям полагалось выделять лишь на ранее зарегистрированных воспитанников. Представители Деткомиссии и Наркомпроса не раз поднимали вопрос о необходимости рассчитать среднее количество ежедневно прибывающих в детдома детей и создать специальный продовольственный фонд для их обеспечения. Однако реализовать эти предложения на практике оказалось невозможно, напротив, количество выделяемых детским учреждениям пайков сокращалось с каждым месяцем.

Так, например, в октябре 1921 г. Воронежская губерния на 32 000 детей, находящихся на иждивении государства, получила лишь 4000 пайков, т.е. в 8 раз меньше необходимого. Катастрофическое положение сложилось в Вотской области, где на 18 693 воспитанников детских домов было отпущено лишь 130 пайков (всего же в области в это время насчитывалось около 235 тыс. голодающих детей). В центре Республики и ряде наиболее благополучных губерний ситуация с детскими пайками была не столь критической, но и там их количество было вдвое-втрое меньше необходимого. Так, в Ленинградской губернии на 68 605 воспитанников детских домов осенью 1921 г. выдали 31 000 пайков⁵. В Тверской губернии в декабре 1921 г. на 8 000 детей, находившихся на государственном снабжении, было выдано 4 320 пайков. В целом по стране снабжение детей продовольственными пайками было крайне плохим, да и нормы пайка постоянно сокращались.

Типичную динамику госснабжения детей в этот период можно проследить на примере Владимирской (рис. 3) и Томской (рис. 4) губерний, отчетность которых находилась в лучшем состоянии, чем в других регионах. Так, до ноября 1921 г. Владимирская губерния получала 6 124 пайка для детских домов и 10 082 пайка для детских садов; в ноябре на все детские учреждения губернии было выдано все-

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 8. Л. 74 об.

⁵ См.: Там же. Д. 25. Л. 26; Д. 27. Л. 182; Д. 29. Л. 3, 7; Д. 46. Л. 67; Д. 70. Л. 66; Д. 82. Л. 38.

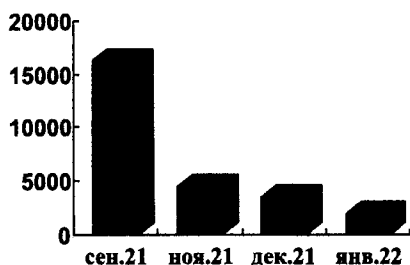

Рис. 3 Владимирская губерния

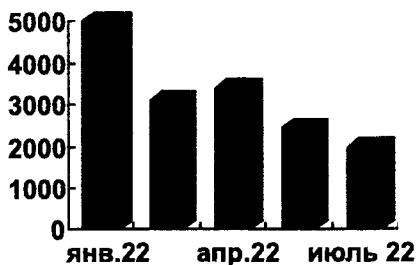

Рис. 4 Томская губерния

го 4 600 пайков; в декабре — 3 500 пайков, а в январе и феврале — по 2 тысячи. Таким образом, за 3 месяца количество госпайков сократилось более чем на 14 тыс., в то время как численность голодающих детей неизменно возрастала. В результате, в детских садах детей кормить перестали, переложив эту обязанность на плечи родителей; а в детдомах попытались частично переложить обязанности по содержанию воспитанников на их родственников (в том числе и дальних) или патронатных воспитателей. С этой целью дважды (в ноябре и декабре) произвели так называемую «разгрузку» детдомов, в ходе которой из них были отчислены около 2,5 тыс. детей. Формально их передавали на воспитание дальним родственникам, в колхозы или в патронатные семьи, а подростков постарше — на попечение рабочих бригад. Фактически же, большинство этих детей вскоре оказались на улице⁶.

Томская губерния в январе 1922 г. получила 5000 детских пайков, в феврале и марте — по 3100, в апреле — 3400, в мае и июне — по 2445, начиная с июля — не более 2000⁷.

Особенно тяжелым было положение татарских, чувашских и башкирских детей. В Чувашии, например, в разгар голода без всякой помощи осталось около 50 тыс. детей, а в Башкирии — около 61 тыс.⁸ В сентябре 1922 г. в Поволжье на 1 769 000 детей, «подлежащих питанию» за государственный счет, государство выделило 225 500 пайков⁹. При этом не следует забывать, что на самом деле детские учреждения по разным причинам (самовольное сокращение численности и объема пайков местными продкомами, волокита, плохая организация снабжения, транспортные проблемы, хищения) получали значительно меньше, чем им было выделено на бумаге. Так, например, в июле

⁶ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 115. Л. 7.

⁷ Там же. Д. 170. Л. 40.

⁸ Там же. Д. 170. Л. 6, 13.

⁹ Там же. Д. 108. Л. 8.

1922 г. Ставропольской губернии, где в детучреждениях насчитывалось около 12 тыс. детей и еще более 170 тыс. нуждались в срочном устройстве в них, по плану Госснабжения полагалось предоставить лишь 4900 детских пайков, из них реально отправлено было 3700, а до места назначения дошло еще меньше — значительная часть из отправленного продовольствия пропала в пути¹⁰.

Воровство на транспорте в те годы, по признанию современников, было обычным явлением и достигало гигантских размеров. Еще в июле 1921 г. в ВЧК поступила информация, что «пропажа грузов, по сообщению с мест, наблюдается очень часто»¹¹. Осенью же, вследствие усиления голода, ситуация еще более обострилась. В частности, из продуктов, отправленных в Чувашию осенью 1921 г. (большая партия рыбы, 1000 пудов фасоли, 2,5 тыс. пудов картофеля) до пункта назначения дошли только 400 пудов фасоли. Все остальное бесследно исчезло в пути¹². В декабре 1922 — январе 1923 г. через пролом в потолке вагона унесли 3 пуда сахара, привезенного для голодающих детей миссией Нансена¹³. *«Продовольственные грузы, сколоченные государством с такими усилиями и затруднениями, — вспоминала позже А.Д. Калинина, — не двигались к голодным и умирающим, а портились, гнили, расхищались. Мы видели, как дырявили вагоны, разрывали мешки, высыпали из них сахар, муку, крупу, брали продукты и растаскивали. Каждый раз, по возвращении из поездок, об этих безобразиях я докладывала тов. Дзержинскому; он возмущался и негодовал еще сильнее нас и спешил немедленно принять соответствующие меры»*¹⁴.

К сожалению, представители органов власти, созданных непосредственно для защиты интересов детей, не всегда добросовестно выполняли свои обязанности, а порой, напротив, использовали свое служебное положение в корыстных целях. Так, множество нареканий было высказано современниками в адрес местных продовольственных комитетов. Местные уполномоченные в отчетах и докладных записках постоянно отмечали плохую работу губернских и уездных продкомов, хищения на их складах. Вошли в привычку скандалы представителей Деткомиссии с упродкомами, которые по несколько недель под разными предлогами не отпускали детским учреждени-

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 104. Л. 34, 42.

¹¹ Там же. Д. 3. Л. 86.

¹² Там же. Д. 48. Л. 294 об; см. также: Там же. Д. 3. Л. 86.

¹³ Хищения грузов Помгола // Известия ВЦИК. 20 июня 1923. С. 5.

¹⁴ Калинина А.Д. Десять лет работы по борьбе с детской беспризорностью. М.; Л., 1928. С. 62. О хищениях на транспорте и хищениях продовольствия в детских домах см. также главу первую данной монографии.

ям продукты, а по истечении месяца просто аннулировали «просроченные» наряды либо по собственному усмотрению урезали детские пайки¹⁵. Так, Московский губернский продком самовольно сократил выдачу продовольствия детским учреждениям, «увеличив за их счет норму рабочего питания». Нередки были случаи, когда местные упродкомы отпускали детским учреждениям положенные им продукты только под нажимом местных Деткомиссий или вышестоящих органов¹⁶. Из-за бюрократизма и волокиты в аппарате губпродкома с большим опозданием получали продовольствие уездные детские учреждения Рязанской губернии¹⁷. Не лучше обстояло дело и в других метях. В Брянске, например, как уже говорилось выше, в то время как дети жили впроголодь и ели суррогатный хлеб, на складах губпродкома пропадали две тысячи пудов риса и около пятисот пудов пшеничной муки, предназначенных для детских пайков¹⁸. Обследование детучреждений, проведенное в Усманском уезде Тамбовской губернии, показало, что «продукты расхищаются агентами снабжения ОНО»¹⁹. О повсеместном произвольном сокращении пайков «без всякой системы» неоднократно сообщали в Деткомиссию как местные уполномоченные, так и работники ВЦСПС²⁰.

Распространенным явлением стала выдача детям недоброкачественных продуктов. В частности, в Богучарах в сентябре 1921 г. в одном из детских учреждений от отравления мясом умерли 50 человек²¹. Уфимский уездный продком, по сведениям РКИ, сознательно сбывал детским учреждениям «гниющий мороженный картофель и порченные яйца»²². То же происходило и в Ростове-на-Дону, в Вологодской, Курской, Ярославской, Воронежской и ряде других губерний²³. Исключение не составляли даже детские больницы, ясли и дома малютки. Например, в Задонском уезде 70% получаемых детскими больницами яиц были тухлые²⁴.

¹⁵ См., например, ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 17. Л. 17 об; Д. 48. Л. 294 об; Д. 138. Л. 11—11 об.

¹⁶ Там же. Д. 17. Л. 55.

¹⁷ Там же. Д. 138. Л. 11—11 об.

¹⁸ Там же. Д. 8. Л. 21.

¹⁹ Там же. Д. 17. Л. 17 об.

²⁰ См., например: Там же. Д. 27. Л. 97—99, 106, 108—110, 112, 114, 120, 150, 156, 161, 162, 170; Д. 48. Л. 33.

²¹ Там же. Д. 27. Л. 169.

²² Там же. Д. 17. Л. 17 об.

²³ См., например: Там же. Д. 26. Л. 65 об; Д. 27. Л. 67 об-70; Д. 35. Л. 10; Д. 45. Л. 18; Д. 48. Л. 11; Д. 70. Л. 12.

²⁴ Там же. Д. 27. Л. 67 об — 70.

Одновременно с сокращением количества выделяемых детским учреждениям пайков изменялось и их качество. Состав суточного продовольственного пайка становился все более однообразным и менее калорийным. Постепенно из детского рациона, наряду с овощами, мясом, рыбой, и пшеничным хлебом, практически исчезли молоко, яйца, гречневая, рисовая, манная и овсяная крупы. Наиболее распространенными «блюдами» в детском меню в лучшем случае стали пшенная каша на воде, гороховая похлебка и суррогатный хлеб (из овсяной или ржаной муки с добавлением жмыха и кострицы²⁵), который, по свидетельству современников, был «непригоден даже для скота».

Таким, например, было питание в детских домах Воронежской губернии: *кулеш из пшенной крупы, «щи с кусочком разнокачественного мяса или часто и без мяса и жиров», пшенная каша на сале «и чаще всего сухая» с куском хлеба*²⁶. В детских домах Курска обед (горячих завтраков в Курской губернии не было вообще) состоял из следующих «блюд»: *1/8 фунта овсяного хлеба, «похожего на замазку, горького, тошнотворного», 1/4 фунта мяса и «прогнившие» овощи*²⁷. Аналогичное питание было и в других губерниях. Даже в больницах детям никогда не давали манную, гречневую, рисовую или овсяную кашу, а тем более хлеб из белой пшеничной муки, которая, по словам местного уполномоченного Деткомиссии, превратилась для детей в «запретный плод»²⁸. По свидетельству современников, дети младшего поколения вообще не знали, что такое белый хлеб. Так, например, дети, эвакуированные в 1922 г. в Чехословацкую республику, впервые получив на полдник белые булки с вареньем, не сразу поняв, что это такое и можно ли это есть, поначалу просто слизывали с булок варенье²⁹.

В наиболее же пострадавших от голода регионах и это скудное питание считалось недоступной роскошью. Так, в Царицынской губернии ели крыс, гнилую солому, похлебку из конского навоза и

²⁵ Жмых — остатки семян масличных растений (льна, подсолнечника) после выжимания из них масла прессованием. Под кострицей могли подразумевать как траву (кострица луговая и кострица тростниковая), так и древесинные части стебля, которые опадают при обработке (мятье и трепании) льна и др. прядильных растений. Обычно кострица употребляется на топливо, для производства строительных материалов, в бумажном производстве (т.к. почти на 60% состоит из целлюлозы). В годы голода кострицу нередко добавляли в суррогатный хлеб.

²⁶ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 27. Л. 67 об.

²⁷ Там же. Д. 45. Л. 18.

²⁸ Там же. Д. 27. Л. 67—70.

²⁹ Там же. Д. 109. Л. 61.

«горчичную макруху»³⁰, вызывавшую «кровавую рвоту и страшную изжогу». Местные уполномоченные Деткомиссии рассказывали, что на железнодорожных станциях голодные дети «устраивали охоту на кошек и собак», во время которой многие попадали под поезда³¹. В Вотской области в конце 1921—1922 гг. дети питались «лебедой»³², гнилушками, травой, примешивая к ним немного картофеля», смесью «жмыха, дубовой коры, листьев огородных овощей и т.п.».

В Москве последствия голода, безусловно, не были столь значительными. В то же время именно в столицу стекались толпы голодных детей. Для их обеспечения в сентябре 1921 г. при Московском отделе народного образования (МОНО) была создана Детская подкомиссия помощи голодающим. На базе Покровского госпиталя открыли специальный детский приемник для детей, прибывающих в Москву из голодающих губерний. Покровский приемник должен был стать их временным пристанищем, затем детей планировали распределять по семьям и детским домам. Однако детские дома были переполнены, а желающих взять вчерашних беспризорников в свою семью оказалось крайне мало как из-за продовольственных трудностей, так и по субъективным причинам, вследствие «не вполне изжитого» «пренебрежительного отношения к воспитаннику детдома как к приютскому»³³. В результате не прошло и месяца после открытия Покровского приемника, как численность детей в нем в несколько раз превысила санитарные нормы: негде

³⁰ К сожалению, что именно подразумевалось в документах тех лет под «горчичной макрухой», точно не известно. Возможно, речь идет о каше из горчицы, возможно — съедобный гриб мокруха, либо даже ядовитый гриб гебеломы горчичная (в просторечье иногда именуемый мокрухой), потребление которого вызывает сильное отравление, сопровождающееся кровавой рвотой.

³¹ См., например: ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 28. Л.7; Д. 29. Л. 3; Д. 77. Л. 10, 13 и др. Подробнее о продовольственном обеспечении детских учреждений См.: Смирнова Т.М.. Дети Советской России ... С. 491—500; Её же. «Лучше вывести и расстрелять» ... С. 226—245.

³² Лебеда издревле спасала крестьян от голода в неурожайные годы: семена лебеды молили и смешивали с мукой. Получавшийся в результате хлеб был грубым и черствым, но помогал пережить голод. См., например, у Л.Н. Толстого: «...Употребляемый почти всеми хлеб с лебедой, — с $\frac{1}{3}$ и у некоторых с $\frac{1}{2}$ лебеды, — хлеб чёрный, чернильной черноты, тяжёлый и горький; хлеб этот едят все — и дети, и беременные, и кормящие женщины, и больные. ...Хлеб с лебедой нельзя есть один. Если наестся натошак одного хлеба, то вырвет. От кваса же, сделанного на муке с лебедой, люди шалеют» (Толстой Л. Н. О голоде // Собр. соч. в 22 т. М.: Худ. лит., 1984. Т. 17. С. 141, 144).

³³ Отчет райправления общества Рабочий патронат «Друг детей» Центрального Городского района за 1925 г. Ленинград, 1926 г. С. 7.

было спать, катастрофически не хватало пайков. В конце 1921 г. руководство приемника было вынуждено прекратить прием прибывавших в Москву голодающих детей, которые жили и умирали на столичных вокзалах. *«Работать в Управлении, когда среди столов лежат и плачут умирающие дети, становится невозможным»*³⁴, — писал в декабре 1921 г. один из сотрудников дорожного управления милиции Московской казанской железной дороги.

Несмотря на масштаб охватившей страну продовольственной катастрофы, все же нельзя не отметить, что дети различных социальных групп не в равной степени пострадали от голода. Характерно, что именно в этот период начинает расти сеть ведомственных детских учреждений и появляются специальные детские учреждения «для вциковских детей». В частности, на основании декрета СНК от 23 июня 1921 г., дополнительного постановления от 16 сентября 1921 г., а также ряда инструкций детские учреждения, обслуживающие работников «верхушки» госаппарата, были подчинены непосредственно ВЦИК и имели двойное обеспечение: снабжались государством на общих основаниях и дополнительно — на средства, выделяемые ВЦИК³⁵. 1 июня 1922 г. при ВЦИК был создан отдел детских учреждений, занимавшийся «обслуживанием работников центральных правительственных учреждений детскими садами, яслями и санаторией». Вслед за «вциковскими» возникли детучреждения при Центросоюзе, ОГПУ, Союзе совторгслужащих, Наркомпути, Госторге, Военной академии и даже при Институте востоковедения³⁶. Впрочем, находившиеся на особом положении дети ведомственных детучреждений также не были равны между собой. Так, например, «вциковские» дети подразделялись на 4 категории: дети ответственных работников, низших и средних служащих, военных и служащих РККА и дети рабочих, обслуживающих учреждения ВЦИК. Аналогичное разделение детей существовало и во многих других закрытых детских учреждениях.

Кроме того, при Наркомпросе существовала сеть «опытных» и «опытно-показательных» детских учреждений, положение которых также в подавляющем большинстве было значительно лучше, чем в среднем по стране. Так, например, в детском доме при Государственном Психоневрологическом институте Наркомпроса, известном как «Опытный дом», в сентябре 1921 г. обед воспитанни-

³⁴ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 48. Л. 314.

³⁵ Там же. Ф. Р-1235. Оп. 117. Д. 7. Л. 200.

³⁶ Там же. Л. 192—193.

ков состоял из следующих блюд: суп из саго, картофельная каша, кисель и творожники. Обед служащих «Опытного дома» в тот же период состоял из супа картофельного с кореньями, фасоли и сельди³⁷. Как следует из документов, 25 мест в «Опытном доме» были зарезервированы за «детьми Коминтерна», остальные предназначались детям, эвакуированным из голодающих губерний. Состоявшийся в сентябре 1921 г. осмотр детского дома показал, что большинство его воспитанников — «дети коммунистов и коммунистки [так в тексте. — Т.С.], преимущество на стороне нуждающихся»³⁸.

В Московской опытно-показательной школе-коммуне Наркомпроса питание было довольно скромным, многие ее воспитанники вспоминали, что тяжело переживали голод. Тем не менее, даже в самые голодные 1921—1922 годы учащиеся МОПШК получали трехразовое питание. Одна из учащихся, Мария Слотинцева, вспоминала: *«Обед ежедневно состоял из пшеничного супа с селедкой (почему-то ржавой), пшенной каши с ложкой темного, неизвестного масла и компота из сушеных яблок и небольшого куса условно черного хлеба. Вечером, перед сном, нас обносили подносом с кусочками того же хлеба размером 4х4 см толщиной 1 см, смазанного повидлом, что несколько помогало заснуть. Но однажды это не помогло, и я с Татьяной Несмеяновой, голодные и несчастные, стояли в закутке около лестницы и, затягивая пояса до предела, почти плакали от голода. Мимо шел Моисей Михайлович»*³⁹ и, пораженный нашим видом, вынес нам по куску хлеба, который был немедленно поглощен, вызывая удовольствие и стыд одновременно»⁴⁰. Основным «способом добывания пищи» для воспитанников МОПШК в те годы стало посещение родственников в выходные дни⁴¹. *«В то время наше государство было бедным, школе оно могло уделить очень мало материальных благ, — вспоминает, в частности, Д. Исаева. — Питание у нас было скудное, да и оно добывалось с большим трудом. Хлеба не было. Поэтому мы все каждую субботу*

³⁷ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 48. Л. 207 об.

³⁸ Там же. Л. 204.

³⁹ Моисей Михайлович Пистрак — педагог, организатор народного образования, в 1918—1931 работал в Наркомпросе РСФСР и одновременно руководил опытно-показательной школой-коммуной им. П.Н. Лепешинского.

⁴⁰ Слотинцева М. Н. Воспоминания. М., б/д. Машинопись. Из коллекции материалов по истории МОПШК (россыпь). Московский музей образования. С. 3. (Слотинцева Мария Николаевна, 1907 г.р., заслуженный архитектор РСФСР, с 1920 по 1925 гг. — учащаяся МОПШК).

⁴¹ Несмеянова Т. Н. Воспоминания. Машинопись. С. 10. Из коллекции материалов по истории МОПШК (россыпь). Московский музей образования. С. 3.

уходили к себе домой, а в понедельник утром приходили в школу и каждый приносил себе из дому хлеба на неделю. Принесенный хлеб хранился вместе и каждый день дежурные нарезали по равному куску каждому учащемуся. Мы по очереди дежурили на кухне, по уборке помещения, по столовой...»⁴². Следует напомнить, что речь идет о знаменитой московской школе-коммуне Наркомпроса, в которой учились дети многих членов правительства и лидеров иностранных коммунистических партий⁴³. Подавляющему большинству учащихся МОПШК было откуда принести «хлеба на неделю». Не удивительно, что среди ее учащихся были и те, для кого голод не был основным воспоминанием начала 1920-х годов. И.И. Окулова, например, вспоминая период голода, пишет: «Теперь иногда рисуют 20-ые гг. мрачными красками — голод, холод. В нашем настроении это занимало так мало места, что и упоминать не стоит»⁴⁴. Татьяна Несмеянова, напротив, вспоминает, что в те годы именно «на еде было сосредоточено основное внимание» каждого учащегося школы-коммуны, которые «вечерами часто скребли котлы из-под каши»⁴⁵. С Татьяной Несмеяновой соглашается и ее подруга Мария Слотинцева, вспоминая, что, несмотря на трехразовое питание, чувство голода никогда не покидало учащихся⁴⁶.

Если при таком, пусть и скудном и однообразном, но все же трехразовом питании все внимание детей было сосредоточено на еде, то стоит ли удивляться, что в обычных детских домах еда, по свидетельству современников, стала для детей «смыслом жизни». В частности, тамбовский губуполномоченный Деткомиссии пи-

⁴² *Исаева Д.* Воспоминания. М., б/д. Из коллекции материалов по истории МОПШК (россыпь). Московский музей образования. С. 4.

⁴³ В МОПШК в разные годы учились дети А.И. Елизаровой-Ульяновой, К.Е. Ворошилова, А.Д. Цурюпы, болгарского коммуниста Христо Кабакчиева и ряда других представителей партийно-государственной «верхушки» и иностранных коммунистов. Однако в этой же школе учились и дети находящегося неподалеку детского приюта, дети рядовых рабочих, а также дети «бывших» (сын генерала Алексева, братья Оболенские из рода князей Оболенских, два сына бывшего тюремного врача Веселицкого (в других источниках — Веселитского) и другие). Питание всех учащихся было одинаковым, продукты же, приносимые из дома, судя по воспоминаниям учащихся, делились поровну, независимо от того, кто и сколько принес.

⁴⁴ *Окулова И.И.* Воспоминания. М., б/д. Машинопись. Из коллекции материалов по истории МОПШК (россыпь). Московский музей образования. С. 6. (И.И. Окулова — заслуженный учитель школ РСФСР, в 1920—1922 — учащаяся МОПШК)

⁴⁵ *Несмеянова Т.Н.* Воспоминания. Машинопись. С. 10. Коллекция материалов по истории МОПШК (россыпь). Московский музей образования. С. 3.

⁴⁶ *Слотинцева М. Н.* Воспоминания... С. 3.

сал, что ожидание обеда и ужина «составляли главное содержание жизни детей» в детских домах⁴⁷. Постоянное недоедание вызывало у детей слабость, малокровие, снижение иммунитета. Голод подрывал не только физическое, но и психическое здоровье детей, вызывал умственную отсталость, способствовал развитию детской преступности, проституции и прочих форм девиантного поведения. Работники детских учреждений в те годы с горечью отмечали «рост моральной дефективности» и «понижение умственных способностей» голодающих детей.

В Башкирии, Чувашии и Татарской республике дети фактически вымирали. В частности, в Чувашской области с января по сентябрь 1921 г. умерло 29 526 детей в возрасте до 14 лет⁴⁸. По данным заведующего Калмыцким областным отделом здравоохранения, к ноябрю 1922 г. в Эркетеневском уезде из 1322 детей умерло 1090⁴⁹. Особенно высокой была смертность детей до 3 лет, в некоторых районах она достигала 90—95%⁵⁰. *«Смертность детского населения достигла ужасающих размеров, — писал весной 1922 г. ответственный секретарь Деткомиссии ВЦИК. — Достаточно сказать, что детское население до 3-х лет почти все вымерло, его, по заявлению НКЗД, осталось до 2—3% [...] Можно без преувеличения сказать, что 30% детского населения Поволжья и Крыма вычеркнуто голодом и эпидемиями из списков живых»*⁵¹. Современники описывали случаи, когда родители ели собственных детей, семьи совершали коллективные самоубийства, голодные дети отгрызали себе пальцы⁵².

В январе 1922 г. председатель Самарской губернской ДТК Дружичкий отправил в ЦК Помгол страшную телеграмму, в которой говорилось: *«Один сплошной кошмарный ужас царит в нашем уезде. Голод схватил за горло [...] Крестьянка села Ефимовки Бугулова изрубил труп семилетней дочери и стала куски употреблять в пищу»*. Далее Дружичкий рассказал, что по ночам люди раскапывают могилы и едят трупы⁵³.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 170. Л. 29 об.

⁴⁸ Там же. Д. 48. Л. 294.

⁴⁹ Там же. Д. 89. Л. 25.

⁵⁰ Там же. Д. 88. Л. 38.

⁵¹ Там же. Д. 48. Л. 59. См. также: Там же. Д. 48. Л. 294; Д. 88. Л. 38; Д. 89. Л. 25.

⁵² *Калинина А.Д.* Десять лет работы по борьбе... С. 64—66, 71.

⁵³ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 141. Л. 2.

Иностранная помощь голодающим детям

В сложившейся катастрофической ситуации большую роль сыграла зарубежная продовольственная помощь⁵⁴. В августе 1921 г. В.И. Ленин обратился к международному пролетариату за помощью. Еще раньше, в июле, Максим Горький разослал соответствующие телеграммы общественным деятелям Европы.

Одной из первых продовольственную помощь голодающим детям России начала оказывать Американская администрация помощи (American Relief Administration — АРА), которую возглавлял будущий президент США (на тот момент министр торговли) Герберт Гувер. Уже в октябре 1921 г. в Советской республике функционировало около 1,5 тыс. различных питательных пунктов АРА, в которых

⁵⁴ Иностранная помощь голодающей России приобрела в этот период гигантский размах и имела различные направления: создание бесплатных столовых и медицинских пунктов, раздача теплой одежды, поставки сельскохозяйственного оборудования, семян и удобрений, организация агрономических курсов и т.д. (Подробнее об этом см., например: *Бондаренко Т. Ю., Николаева Н.И.* Миссия Фритьофа Нансена по спасению голодающих Поволжья // <http://www.norge.ru/mission/>; Деятельность Американской администрации помощи в России, 1921—1923 гг. // Исторический архив. 1993. № 6. С. 76—80; *Журкин А.* Деятельность Американской администрации помощи в России. К истории советско-американских отношений в 1921—1922 гг. // История мировой культуры: традиции, инновации, контакты. М., 1990. С. 71—87; *Латыпов Р.* Американская помощь Советской России в период «великого голода» 1921—1923 годов // Нужда и порядок: История социальной работы в России, XX в.: Сб. науч. ст. / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов: Научная книга; Центр социальной политики и гендерных исследований, 2005. С. 250—280; *Мейер М.* Другой интернационализм // Век XX и мир. 1991. № 2. С. 34—42; *Нансен-Хейер Л.* Книга об отце. Л.: Гидрометеиздат, 1986. С. 392—434; *Решетова Н.* Зарубежная помощь России во время первого советского голода: краткие итоги и перспективы изучения // Нужда и порядок: История социальной работы в России, XX в.: Сб. науч. ст. / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов: Научная книга; Центр социальной политики и гендерных исследований, 2005. С. 241—250; *Смирнова Т.М.* «Лучше вывести и расстрелять» ... М., 2003. С. 233—236; *Решетова Н.А.* Американская помощь голодной России в начале 1920-х гг.: к постановке проблемы // Клио: журнал для ученых. 2004. № 4. С. 124 — 132; *Федотова А.Ю.* Помощь Международного рабочего комитета голодающим Поволжья в 1921—1923 гг. (на примере республики Татарстан) // Вестник Самарского государственного университета. 2010. № 3 (77). С. 71—74; *Ее же.* Деятельность Германского Красного Креста во время голода 1921 — 1923 гг. в ТАССР // Современные социальные и гуманитарные знания: традиции, новации, перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 29 — 30 января 2010 г. Казань: Изд-во Казан, гос. техн. ун-та, 2010. С. 489—492; *Цихелашвили Н.Ш., Энгерман Д.Ч.* Американская помощь России в 1921—1923 годах: конфликты и сотрудничество... Американский ежегодник. 1995. М., 1996. С. 191—213; и др.).

питались более 200 тыс. детей. В следующем месяце в столовых АРА питались уже более 900 тыс. детей⁵⁵. Продовольственную помощь оказывали и многие другие зарубежные и международные организации: английский Международный союз помощи детям (МСПД), Красный крест, организация пролетарской солидарности Международная рабочая помощь (Межрабпом, созданная в сентябре 1921 г. в Берлине на Международной конференции комитетов помощи населению голодающих районов Советской России), миссия Нансена, Организация заграничных баптистов, Американский еврейский объединенный комитет «Джойнт», Европейский союз студентов, организация Папы Римского, «Общество друзей» (квакеры), баптистская и менонитская религиозные организации и другие.

К ноябрю 1921 г. в Саратовской губернии и Немкоммуне только английским Международным союзом помощи детям было открыто 109 столовых на 50 000 детей⁵⁶. Еще 40 000 детей в Саратове и Саратовском уезде кормили в столовых миссии Нансена⁵⁷.

В столовых Международного союза помощи детям было разработано три вида меню:

№ 1: рис (9 зол.), молоко (6 зол.), мука (5 зол.), сахар (2 зол.), соль (1 зол.), хлеб (24 зол.).

№ 2: фасоль (20 зол.), мука (4 зол.), сало (3 зол.), мука подболт. (4 зол.), соль (1 зол.), хлеб (24 зол.).

№ 3: рис (8 зол.), молоко (5 зол.), мука (3 зол.), какао (3 зол.), сахар (5 зол.), хлеб (24 зол.).

Готовилась еда в специально привезенных английских передвижных кухнях, основу всех блюд составляла так называемая мука подболтная, т.е. смешанная с водой или разбавленным молоком⁵⁸.

Наиболее сытными были пайки в столовых АРА. Одна порция повседневного меню этих столовых состояла из следующих продуктов: мука (700 г), бобы (140 г) или рис (240 г), жир (60 г), какао (28 г), сахар (112 г), молоко (52 г)⁵⁹. В столовых миссии Нансена паек состоял из пол-литра супа и 1/4 фунта (113 граммов) белого хлеба в день⁶⁰.

Существенным недостатком иностранной продовольственной помощи был категорический отказ выдавать обеды «на вынос».

⁵⁵ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 24. Л. 121.

⁵⁶ Там же. Л. 92.

⁵⁷ Ганский В. Голодающее Поволжье. // МК в Саратове. №33 (728) 10—17.08.2011 // <http://www.saratovnews.ru/newspaper/article/2011/08/10/golodauschee-povolje/>

⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р-5207. Д. 24. Л. 127—130.

⁵⁹ Там же. Л. 121 об.

⁶⁰ Ганский В. Указ. соч.

Вызванный вполне обоснованными опасениями несправедливого распределения продуктов и возможного их воровства, в условиях сурового климата и отсутствия у детей теплой одежды и обуви этот отказ нередко приводил к трагическим последствиям. *«Пошел снег, дождь — стала слякоть. А дети, — возмущался председатель Покровской уездной комиссии помощи голодающим Саратовской губернии А. Журавлев, — дети ползут в столовую, как черви, становятся в очередь под дождем и снегом при осенней, зимней обстановке, полураздетые и полуразутые, а то и совсем в летнем костюмчике; простуживаются и вынуждены лечь в постель в связи с болезнью и на другой день они уже не придут обедать американского обеда, да и во все никогда»*⁶¹.

Впрочем, были и счастливые исключения. Так, Международный союз помощи детям, учитывая суровый климат, разрешил кормить на дому всех детей до 5 лет, а в случае понижения температуры ниже 8°C и более — взрослых.

Зарубежная помощь далеко не всегда с благодарностью встречалась Советским руководством, обеспокоенным тем, что под видом продовольственной помощи буржуазные страны будут проводить антисоветскую пропаганду или осуществлять шпионскую деятельность. *«Что же касается главных, дирижирующих держав мирового империалистического блока, — писал, в частности, Н. Валевский, призывая с осторожностью относиться к иностранной помощи, — то из них только лишь одна Америка подписала с нами соглашение о помощи голодающим детям, но эта помощь, которая может быть и очень значительной, принуждает нас к сугубой осторожности, ибо исходит она непосредственно из тех рук, которые, начав уже однажды с помощи, кончили содействием политическому перевороту, приведшему к свержению Советской власти, как это имело место в Советской Венгрии»*⁶². Еще более пессимистично оценивал помощь буржуазных стран один из лидеров коммунистической партии Е.М. Ярославский:

«Все меры борьбы с советской Россией буржуазия испробовала, десятки средств оказались непригодными, — объяснял Ярославский гуманистический порыв Западной Европы. — [...] И вот, постигший Россию голод внушил нашим врагам мысль, что именно он поможет им свершить то, что они были бессильны сделать блокадой, бесчисленными фронтами поддержки белогвардейских генералов, все-

⁶¹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Д. 24. Л. 158.

⁶² Валевский Н. Всероссийская неделя помощи голодающим // Вестник агитации и пропаганды. 1921. № 19.

возможными интригами против нашей страны и другими средствами [...] Голод вызвал нескрываемую радость у наших врагов»⁶³. «Зализав раны от последней крымской зуботычины, — вторит Ярославскому в августе 1921 г. газета «Набат» — орган местной государственной и партийной власти Щигровского уезда Курской губернии, — буржуазия снова верит в возможность свержения у нас Советской власти, снова думает поработить нас, надеть ярмо капитала [...] Она решила сыграть теперь на нашем голоде. Чтобы замедлить ход продкомпании, она лукаво заговорила о помощи России, пытаясь внедрить в умы трудящихся мысль, что если бы не было в России ненавистной Советской власти, то так голодать ей вовсе не пришлось бы, ибо они, эти “благодетели”, сразу засыпали бы Россию булками, и беды, как не бывало. С целью распространения среди нас такого понимания, буржуазия мобилизовала всех своих лакеев и прислужников (социалистов-революционеров, меньшевиков и других лизоблюдов из своей сытой столовой) и направила их под тем или иным соусом к нам в Россию для выполнения этой гнусной задачи [...] Эти гнусные апостолы лжи и предательства, проповедывающие о чрезмерной любви к нам вчерашних насильников и поработителей, одного хотят. Им дорого зажесть у нас склоку, междоусобицу [...]»⁶⁴.

Неспособность самостоятельно справиться с последствиями неурожая помимо прочего наносила большой удар по международному престижу не только самой Советской России, но и по идее социализма как таковой. Напротив, США и буржуазная Европа оказывались в этом случае в роли «благородных спасителей», с чем лидерам большевиков было отнюдь не легко смириться. «Русские несколько стыдятся необходимости принимать помощь, в особенности от американцев [...] Советской власти неприятно уже

⁶³ Ярославский Е.М. Вокруг голода // Вестник агитации и пропаганды. 1921. № 18. С. 1. См. также: Рубинштейн Н. Л. Борьба Советской России с голодом 1921 г. и капиталистические страны // Исторические записки. Вып. 22. М., 1947. С. 3—41; Коган А.Н. Антисоветские действия Американской Администрации помощи (АРА) в Советской России в 1921—1922 гг. // Исторические записки. Вып. 29. М., 1949. С. 3—32; Фридман Ю.А. Движение помощи международного пролетариата Советской России в 1921—1922 годах // Вопросы истории. 1958. № 1. С. 85—101; Городничий Н.Ф. Малоизвестная страница деятельности АРА в Советской России // Вопросы истории. 1968. № 12. С. 47—58; Машин М.Д. К вопросу о деятельности АРА на Южном Урале в 1921—1922 гг. // Некоторые вопросы всеобщей истории. Челябинск, 1968. Вып. 3. С. 51—66; Поляков А.А. Диверсия под флагом помощи: Повесть-хроника. М., 1985; Хенкин Е.М. Очерки истории борьбы Советского государства с голодом (1921—1922). Красноярск, 1988.

⁶⁴ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 44. Л. 37.

одно то обстоятельство, что нужда заставляет прибегать к помощи»⁶⁵, — отмечал в 1924 г. доктор Х. Ланнунг, представлявший в 1922—1924 гг. нансеновскую помощь советской интеллигенции. Стремясь лишить своих идеологических противников ореола «благодетелей», «спасителей» голодной России, лидеры Коммунистической партии и Советского правительства всячески пытались преуменьшить значение зарубежной помощи. *«Враги наши вынуждены нам помогать даже против своей воли, — подчеркивал Е.М. Ярославский. — Конечно, они постараются ограничить эту помощь минимальными размерами. В самом деле, смешно читать о тех, сравнительно крошечных затратах, которые сейчас предлагаются буржуазными правительствами. Если бы, скажем, английское правительство истратило на помощь голодающим хотя бы половину того, что оно истратило на борьбу с большевиками, на помощь Врангелю, то этим была бы покрыта значительная доля нашей нужды»*⁶⁶.

Подобные публикации или листовки, призывающие советских граждан «держать ухо остро» и не обольщаться щедростью мировой буржуазии, приняли в этот период массовый характер, существенно затрудняя работу зарубежных представителей на местах.

Исключение составляла лишь так называемая миссия Нансена, деятельность которой вызвала у руководства Советской России искреннюю благодарность. Воззвания Ф. Нансена публиковали в «Известиях» и «Правде», статьи о его научных заслугах и общественной деятельности печатали в центральной и местной прессе. Именно Нансену Наркомат иностранных дел специальным договором предоставил полномочия ходатайствовать перед европейскими правительствами о предоставлении Советской России кредита в 10 млн фунтов стерлингов⁶⁷.

Наряду с недоверием и идеологическими разногласиями, существенными затруднениями на пути практической реализации иностранной помощи были и обычные для России бюрократизм, халатность и просто безалаберность, которые, порой, сводили предоставленную помощь к нулю. Так, Л. Вебстер, возглавлявший в Саратовской губернии английский МСПД, распорядился отправить в распоряжение Немкоммуны в Саратовской губернии продукты для 37 бесплатных детских столовых. 5 ноября 1921 г.

⁶⁵ Цит. по: *Нансен-Хейер Л.* Книга об отце. Л.: Гидрометеиздат, 1986. С. 408.

⁶⁶ *Ярославский Е.М.* Вокруг голода // Вестник агитации и пропаганды. 1921. № 18. С. 2

⁶⁷ Подробнее об этом см.: *Бондаренко Т. Ю., Николаева Н.И.* Миссия Фритьофа Нансена по спасению голодающих Поволжья // <http://www.norge.ru/mission/>

Вебстер получил от своего представителя в Немкоммуне т. Моора сообщение, что с 7 ноября начинают работу 36 столовых в деревнях и 1 — в Маркштадте. Это сообщение вполне удовлетворило Вебстера, посчитавшего на этом свое задание полностью выполненным. Лишь 15 ноября в результате поездки в Саратовскую губернию некоего Будде, контролировавшего работу благотворительных столовых, выяснилось, что ни одна столовая так и не была открыта, так как Моор ждал от Вебстера специального распоряжения об отпуске продуктов со склада. *«Было стыдно и больно, — писал Будде в отчете о своей поездке, — за деятельность наших товарищей из Немкоммун и жутко за массу умирающих от голода там детей»*⁶⁸.

С другой стороны, бюрократия и волокита оказались не чужды и самим организаторам зарубежной помощи. В частности, по утверждению руководства Деткомиссии, правительство Франции еще в ноябре—декабре 1921 г. ассигновало на помощь голодающим детям России 6 млн франков, но реально деньги были переданы Красному кресту лишь в марте 1922 г. *«В то время, как ежедневно гибнут сотни детей, — возмущаются авторы краткого очерка “Помощь голодающим детям”, составленного по поручению и под руководством Деткомиссии ВЦИК весной 1922 г., — в то время как ежедневно пухнут от голода тысячи, французские банкиры держат 4—5 месяцев в своих карманах такую сумму денег, на которую была бы спасена не одна тысяча детей»*⁶⁹.

Немаловажной проблемой оказалось также неравномерное и не всегда обоснованное распределение зарубежной помощи. Сложно сказать, было ли это следствием безалаберности и недостатка опыта или сознательным злоупотреблением, но дополнительное продовольствие зачастую доставалось не наиболее нуждающимся в помощи детям из голодающих губерний, а их относительно благополучным столичным сверстникам. В частности, проведенное в начале 1922 г. проверочное обследование состава детей, питающихся в столовых АРА в Москве, показало, что, за исключением одного ребенка, все дети, прикрепленные к предназначенным для эвакуированных из голодающих губерний столовым АРА, были москвичами, имели родителей и «теплый угол». *«Такое использование продовольствия АРА нахожу больше чем нецелесообразным»*⁷⁰, — подчеркивается в направленном в МЧК отчете об обследовании состава прикрепленных к

⁶⁸ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 24. Л. 178.

⁶⁹ Там же. Д. 88. Л. 39.

⁷⁰ Там же. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 940. Л. 130.

зарубежным столовым детей. Тем не менее, судя по материалам следующих обследований столовых АРА, никакие меры так и не были приняты, ситуация не изменилась. В результате и наблюдающие, и сами сотрудники столовых неоднократно жаловались, что дети питаются в столовых без особого желания, далеко не всегда доедают свои порции и даже выбрасывают то, что им не понравилось и это «*в то время, когда дети голодающих губерний мерзнут от голода [так в тексте. — Т.С.] как мухи*»⁷¹. «*Однообразие пищи иногда вызывает у детей нежелание доедать свою порцию*, — сообщается в одном из отчетов о работе московских столовых АРА в мае 1922 г. — *В особенности, когда были очень черствые булки, но под влиянием участливых служащих дети стараются опустошить свои мисочки и очень редко выбрасывают*»⁷². В то время, когда эти московские дети давились черствыми булками, чтобы не расстраивать «участливых служащих», другие дети умирали от голода или отгрызали себе пальцы.

В целом надо отметить, что советское правительство не приветствовало заграничную продовольственную помощь (ее язвительно называли помощью «на принципах подкармливания»), предпочитая ей помощь производственную и сельскохозяйственную⁷³. «*Оказание ими помощи носило какой-то грубый характер подачи, — писала, в частности, по этому поводу А.Д. Калинина, — “сострадательный” иностранец вытаскивал из кармана галету или конфетку и бросал ее умирающему от голода, которого замучила мысль о куске хлеба*»⁷⁴. И тем не менее, та же Калинина признавала, что помощь Америки «была для Чувашии очень существенной»⁷⁵.

Таким образом, несмотря на указанные выше сложности объективного и субъективного характера, оказанная Советской республике зарубежная помощь имела значительные масштабы и, безусловно, оказала важную роль в спасении многих тысяч детей. Только к апрелю 1922 г., по данным Деткомиссии, различные иностранные организации оказали продовольственную помощь 2 377 925 детей, в то время как государственные пайки получали лишь 214 435 детей. Еще 27 000 детей кормили организованные правительством врачебно-питательные поезда и 919 832 ребенка находились на иждивении различных общественных организаций

⁷¹ ГА РФ. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 940. Л. 130.

⁷² Там же. Л. 182 об.

⁷³ См.: После голода. Издание ЦК Последгол ВЦИК. М., 1922. № 1. С. 17—19, 41—44.

⁷⁴ Калинина А.Д. Десять лет работы... С. 66.

⁷⁵ Там же. С. 75.

Советской республики. Значимую роль в борьбе с голодом оказала в те годы и Русская Православная Церковь⁷⁶. И все же около 50% голодающих детей остались без какой-либо помощи⁷⁷.

«Эвакуация детей приводит к массовой гибели...»

Наиболее тяжелая ситуация складывалась в Поволжье, больше всего пострадавшем от неурожая. К концу 1921 г. детские учреждения Поволжья уже были заполнены на 500%⁷⁸, а численность беспризорных детей, нуждавшихся в помощи государства, все возрастала. Так, например, в июне 1921 г. в Уфимской губернии по данным Деткомиссии насчитывалось 4,5 тыс. беспризорных детей, к сентябрю того же года их численность превысила 16 тыс., к ноябрю — почти достигла 29 тыс., а в январе 1922 г. в Уфимской губернии было более 51 тыс. беспризорных детей⁷⁹. В составленном Деткомиссией ВЦИК в начале 1922 г. «кратком очерке» «Помощь голодающим детям» говорится, что с лета 1921 г. на узловых станциях железных дорог Поволжья собирается «масса детей, просящих помощи, умирающих с голоду и холоду». *«Этот страдный крестный путь голодающего ребенка, — говорится далее в очерке, — покрыт детскими трупами: дети гибнут от голодного истощения, от различных заболеваний; особенно велика смертность среди детей в возрасте от 0 до 3 лет, где она по некоторым районам достигает 90—95%»*⁸⁰. В этих условиях было принято решение организованно эвакуировать голодающих детей в более благополучные регионы.

⁷⁶ История Русской Православной Церкви в целом и, в частности, вопрос о ее участии в борьбе с голодом 1921—1922 гг. в последние годы неуклонно входит в число приоритетных тем отечественной исторической науки, не говоря уже о работах церковных историков богословов. О роли Русской Православной Церкви в борьбе с голодом 1921—1922 г. см., например: *Иванова Е.В.* Святейший Патриарх Тихон и голод 1921—1922 гг. // Богословские труды. М., 2007. №41 (БТ). С. 504—529; *Поляков В.А.* Русская Православная Церковь и международная помощь во время первого советского голода в 1920-е годы. М.: Мир Православия, 2000. Вып. 3. С. 183—193; *Редькина О.Ю.* Религиозные организации и голод в Царицынской губернии 1921—1922 гг. (по материалам местной периодической печати). М.: Мир Православия, 2000. Вып. 3. С. 194—225; *Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917—1941. Документы и фотоматериалы.* М.: Издательство Библейско-Богословского Института св. апостола Андрея, 1996. С. 352.

⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 108. Л. 26.

⁷⁸ Там же. Д. 88. Л. 38.

⁷⁹ Там же. Л. 38 об.

⁸⁰ Там же. Л. 38.

По утверждению заведующего Эвакбюро Деткомиссии Я.М. Фишмана, благодаря своевременной и грамотно организованной эвакуации удалось спасти от голодной смерти 200 000 детей Поволжья⁸¹. В то же время председатель ЦК Помгол назвал эвакуацию детей одним из «больных вопросов», вокруг которого неоднократно вспыхивали споры принципиального характера: «быть или не быть эвакуации»⁸². В чем же причины этих «споров» и столь противоречивых оценок эвакуации?

*«Распоряжения партии и правительства того времени, — писал в 1936 г. председатель Деткомиссии ВЦИК Н.А. Семашко по поводу проведенной в голодные годы эвакуации детей, — наглядно показывают, с какой исключительной заботливостью была проведена тогда охрана жизни и здоровья пострадавших от неурожая ребят»*⁸³. Действительно, если ограничиться изучением «распоряжений партии и правительства», то надо отдать должное этому правительству — ход эвакуации был тщательно продуман, разработано множество инструкций, выполнение которых должно было обеспечить бережное отношение к изнуренным голодом и болезнями детям. Перевозить их полагалось в специально оборудованных санпоездах с изоляторами для больных, банно-прачечными вагонами и кухней для приготовления горячей пищи, в сопровождении воспитателей и медицинских работников, при условии обеспечения всех теплой одеждой и пайками на весь период следования. Однако таковы были «распоряжения» и инструкции, но не реальность.

Реальная практика никак не хотела вписываться в рамки разработанных инструкций. Санпоездов не хватало, а умирающие от голода дети ждать не могли. В результате ослабленных голодом, больных детей спешно перевозили в тех поездах, которые удавалось достать. Чаще всего это были неотапливаемые товарные вагоны, не только без бани и прачечной, но нередко и вообще без воды. Одежду и скудные продовольственные пайки выдавали не всегда, в пути дети часто голодали.

Объективные экономические трудности усугублялись халатностью и черствостью работников НКПС, нередко игнорировавших указания пропускать поезда с детьми вне очереди. В то время, как сотрудники Эвакбюро с трудом «выбивали» для детей хоть какой-нибудь транспорт, будь то даже вагоны с выбитыми стеклами,

⁸¹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 91. Л. 1.

⁸² Там же. Д. 88. Л. 33.

⁸³ XV лет работы по улучшению жизни детей. М., 1936. С. 9.

товарные или арестантские поезда, комфортабельные, так называемые «мандатные ВЦИКовские» вагоны простаивали, «закрытые на ключ»⁸⁴. Работники детучреждений также не всегда добросовестно выполняли свои обязанности. Иные их поступки не поддаются никакому разумному объяснению. Так, например, костромской губуполномоченный сообщил: *«Прибывшая группа из Вольска оказалась в одном нижнем белье, не исключая и девочек [...] Вольская посадочная комиссия при посадке детей в вагоны принудительным образом их совершенно раздела, в таком виде они и прибыли в Кострому [следует подчеркнуть, что описываемые события происходили в ноябре. — Т.С.]. Кроме того, приехавшие дети крайне истощены и даже больные до 25%, столкнулись с фактом пониженного продовольственного пайка [...] Такое явление крайне тяжело отразилось на моральном и физическом состоянии детей, доходивших до просьб о возвращении на прежние места и могущих бежать»*⁸⁵.

Аналогичную картину обнаружил комендант станции Пресня, при осмотре поезда с эвакуируемыми в Калугу детьми: *«Дети валялись на полу полураздетыми, никакой посуды или какой-нибудь утвари для принятия пищи у детей не оказалось, а при опросе выяснилось, что с 3 августа, т.е. в течение 5 дней, никакой пищи они не получали, и продуктов у них не имелось никаких»*⁸⁶.

Очевидно, что в таких условиях неизбежными были массовые эпидемии и высокая смертность как детей, так и сопровождавших их воспитателей и врачей. Точных данных о том, сколько детей погибло в ходе эвакуации, нет. По утверждению Семашко, во время эвакуации «переболело» 554 ребенка и умерло 185⁸⁷. Аналогичные данные приводятся и в отчете Эвакбюро об итогах эвакуации на 25 декабря 1921 г.⁸⁸ Видимо, именно на этот отчет и опирался Семашко при подготовке своего праздничного отчетного доклада в связи с 15-летием работы Деткомиссии ВЦИК. Однако Семашко не учел некоторые немаловажные факты, которые в корне меняют ситуацию. В частности, указанный отчет относится лишь к начальному периоду эвакуации. Немаловажно также и то, что из 92 санпоездов, задействованных в эвакуации голодающих детей, сведения о заболеваемости

⁸⁴ См., например: ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 102. Л. 44, 256, 258; Д. 105. Л. 22, 446; Д. 141. Л. 29 и др.

⁸⁵ Там же. Д. 41. Л. 33.

⁸⁶ Там же. Д. 48. Л. 310.

⁸⁷ XV лет работы ... С. 11.

⁸⁸ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 102. Л. 13 об.

и смертности подали только 25, т.е. менее трети всех санпоездов⁸⁹. О детях в остальных 67 санпоездах ничего не известно, как не известно ничего и о трех тысячах детей, эвакуированных по водным путям, а также о тысячах детей, перевезенных в товарных поездах без всякого медицинского контроля и без какого-либо учета. Известны случаи, когда никто не мог объяснить, куда во время пути пропали эвакуируемые дети и живы ли они. Так, например, в ходе проверки условий, в которых проживали дети, эвакуированные в Псковскую губернию, обнаружилось, что 144 ребенка были «растеряны» в пути⁹⁰.

Установить точное количество погибших во время эвакуации детей совершенно невозможно, но о масштабах трагедии можно судить по данным отдельных рейсов. Так, например, в следовавшем из Бузулука санпоезде № 2235 из 653 детей умерли 72, заболели 39; в поезде № 1040 из Саратова из 534 детей умерли 23, заболели 66; в поезде № 74 из 600 детей умерли 12, заболели 152⁹¹; из 487 детей, прибывших в Томск в октябре 1921 г. поездом № 54, 151 ребенок был болен, все дети были без обуви и без верхней одежды, в одних тонких ситцевых рубашках⁹². В санпоезде № 413 во время рейса Бузулук—Ярославль в январе 1922 г. из 601 ребенка 129 умерли в дороге и 8 сразу по прибытии в Ярославль, заболели 76 и двое убежали, их дальнейшая судьба неизвестна⁹³. Сопровождавший детей в этом рейсе сотрудник Бузулукского ОНО Дружницкий в отчете сообщил:

«Дети в момент погрузки являли крайнюю степень истощения, верхней одежды и обуви абсолютно не имели, были одеты в рубище, на ногах — тряпки, головной убор — грязные рваные платки, почти буквально босые дети бежали к поезду из детских домов, куда они незадолго перед тем были собраны с улиц, при 30-градусном жестоком морозе, в момент ужасной метели. Единственная одежда — нательное белье — еле держалась на плечах, настолько была плоха»⁹⁴.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что только во время указанных 5 рейсов умерли 244 ребенка и заболели 484. (Причем, среди заболевших были и дети в очень тяжелом состоянии, сколько из них выжило, а сколько вскоре умерло, так и не оправившись от болезни, не известно. Статистика учитывала лишь смерт-

⁸⁹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 102. Л. 13 об.

⁹⁰ Там же. Д. 96. Л.Л. 110, 117.

⁹¹ Там же. Д. 102. Л. 13 об.

⁹² Там же. Д. 170. Л. 32.

⁹³ Там же. Д. 102. Л. 45 об; см. также: Там же. Д. 159. Л. 4.

⁹⁴ Там же. Д. 159. Л. 4.

ность в пути, об уровне смертности детей вскоре после прибытия на место эвакуации практически ничего не известно.) Очевидно, что в товарных поездах смертность должна была быть еще выше.

По данным Деткомиссии Дальневосточной республики, в дороге погибали около 40% перевозимых детей⁹⁵. По предоставленным Я.М. Фишманом в РКИ весьма неполным данным всего за период эвакуации из 62 323 перевезенных детей в пути умерли 1 588. С точки зрения Фишмана, «смертность не высока», а если, как он пишет, «отсюда отбросить 6 санпоездов, случайно давших вследствие особых причин особенно высокий процент смертности, то получим общую цифру смертей 1028, т.е. не свыше 1,7 процента»⁹⁶. К счастью, не для всех руководящих советских работников и сотрудников детских учреждений гибель более тысячи детей являлась незначительной. Многие считали своим долгом бороться за жизнь каждого ребенка. *«Взяв на себя обязательство спасти ребенка от голодной смерти, эвакуировав его из голодного Поволжья в благополучную Тверскую губернию, — писал, в частности, старший инспектор РКИ Юренев в тверскую губинспекцию, — государство приняло на себя долг сохранить здесь ребенка в целости, какой бы ценой ему ни обошлось»*⁹⁷.

То, что государство оказалось не в состоянии выполнить этот долг, стало очевидным уже к концу 1921 г., т.е. в самый разгар кампании по эвакуации. Начиная с этого времени Наркомпрос, ЦК Помгол и представители некоторых местных деткомиссий неоднократно высказывались за немедленное прекращение эвакуации как меры, не только не спасающей детей, но и представляющей серьезную опасность для их жизни. В частности, в феврале 1922 г. ЦК Помгол сообщил в Президиум ВЦИК: *«Мнение Наркомпроса и его Эвакбюро, основанное на непосредственной практической деятельности в области эвакуации голоддетей, сводится к НАСТОЙЧИВОМУ предложению прекратить эвакуацию ВО ВСЕ [выделено в тексте. — Т.С.]»*⁹⁸. Председатель Деткомиссии Самарской губернии в декабре 1922 г. отправил полную отчаяния телеграмму во все центральные органы власти, а также «лично» Ленину, Калинин и Семашко: *«Эвакуация детей приводит к массовой гибели, так как по имеющимся сведениям в Наркомпросе прием их недостаточно подготовлен на местах, куда эвакуируют»*⁹⁹.

⁹⁵ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 34. Л. 7.

⁹⁶ Там же. Д. 102. Л. 200.

⁹⁷ Там же. Д. 153. Л. 8.

⁹⁸ Там же. Д. 141. Л. 22.

⁹⁹ Там же. Л. 27.

Прием, за редким исключением, действительно не был подготовлен. В «принимающих» губерниях детские дома были уже переполнены, средств на их расширение не хватало. Известны случаи, когда прибывших детей размещали в помещении тюрьмы или просто отказывались принимать, и несчастных по несколько месяцев перевозили из города в город¹⁰⁰. В виде исключения было принято решение разрешить «размещение детей голодающих губерний у частных лиц», но при условии строгого соблюдения разработанных Деткомиссией правил передачи детей на патронат. В соответствии с этими правилами, местные отделы правовой защиты несовершеннолетних должны были заполнить на каждого передаваемого под частную опеку ребенка подробную анкету, выдать каждому ребенку на год 1 платье, 3 смены белья, шапку, рукавицы, по одной паре зимней и летней обуви, а также 1 пальто на 3 года. Не менее 1 раза в неделю каждого ребенка должен был посещать назначаемый из числа ответственных советских работников «коллективный опекун» и не менее 1 раза в 3 месяца — врач. Семье, принимающей на воспитание ребенка, полагалось выплачивать регулярное пособие.

Для соблюдения всех этих условий не было ни средств, ни времени, ни людей, а иногда — и желания. На практике частный патронат превратился в спешное принудительное расселение детей в крестьянские семьи без какого-либо последующего контроля за их воспитанием. Фактически это было «распикивание» детей в первые попавшиеся крестьянские семьи. Крестьяне, сами едва сводившие концы с концами, были не слишком рады лишнему едоку. Вскоре в Деткомиссию, ВЦИК, ЦК Помгол и местные органы власти Поволжья начали поступать сообщения о том, что эвакуированные дети в крестьянских семьях подвергаются жестокой эксплуатации. Проведенное на основании этих сообщений обследование положения детей, эвакуированных в Псковскую губернию, установило, что расселение детей проводилось крайне безответственно. Так, в Новоржевском уезде только 10—15% крестьян добровольно приняли детей в свою семью. Сведений об общей численности отданных под частную опеку детей не было, о каком-либо контроле не приходилось и говорить. В крестьянских семьях, по словам уполномоченного Башнаркомпроса по эвакуации детей Курбангалеева, дети *«подвергались тяжелой пытке, как с нравственной, так и с материальной точки зрения»*¹⁰¹. Мусуль-

¹⁰⁰ См., например: ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 48. Л. 317 об; Д. 141. Л. 22, 57.

¹⁰¹ Там же. Д. 96. Л.Л. 110, 117.

манских детей вынуждали исполнять христианские религиозные обряды, заставляли ухаживать за детьми хозяев, пасти коров, лошадей, гусей, либо просто выгоняли из дома. Раздетые и разутые, не знавшие русского языка, они оказывались на улице без всяких средств к существованию. 13-летний Иван Андреев рассказал, что его заставляли работать *«наравне со взрослыми и за слабо выполненную работу, ибо за взрослыми не успевал, подвергался побоям, лишению пищи одежды, сопровождаемой площадной бранью»*¹⁰². В результате проведенного обследования Курбангалеев пришел к выводу, что эвакуированных в Сибирь и в Псковскую губернию башкирских детей ожидает печальная участь, — *«раздача крестьянам, отсутствие правильного воспитания и постепенное вымирание за отсутствием медицинского надзора»*¹⁰³.

Обеспокоенный крайне тяжелым положением нерусских детей на Дону Совет по просвещению народов нерусского языка при коллегии Наркомпроса «во избежание катастрофы настойчиво предлагал детей Поволжья на Дон не отправлять», но «предложение» это, к сожалению, не было учтено¹⁰⁴. По данным ЦК Помгол, в Сибири, Подольской, Тверской, Гомельской и некоторых других губерниях большинство «розданных на руки населению» детей оказались вынуждены нищенствовать, лишь единицы встретили искреннюю заботу¹⁰⁵. Сотни детей бежали в Москву в поисках защиты, но добраться до нее удалось далеко не всем.

Несмотря на вышеперечисленные печальные факты, председатель Эвакбюро высоко оценил общие итоги проведенной эвакуационной кампании, особенно отметив «энергию», проявленную руководящими эвакуацией органами, и «то сочувствие и искреннее желание прийти на помощь голодающим детям, которое отмечалось со стороны всех, соприкасавшихся с эвакуацией ведомств»¹⁰⁶.

К совершенно противоположным выводам пришла комиссия РКИ, проводившая ревизию деятельности Эвакбюро:

«1) План эвакуации детей не выполнен. Этот план оказался теоретическим [...]

2) Эвакуированные дети в санпоездах и на вокзалах при посадках находились в самых ужасных условиях. Процент смертности и побеги

¹⁰² ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 89. Л. 24

¹⁰³ Там же. Д. 96. Л. 110, 117.

¹⁰⁴ Там же. Д. 35. Л. 68.

¹⁰⁵ Там же. Д. 96. Л. 1.

¹⁰⁶ Там же. Д. 102. Л. 178.

детей чрезвычайно велики. Детские дома находились в состоянии дезорганизации. Передвижение поездов шло крайне медленно [...]

3) Эвакуация способствовала росту числа беспризорных детей [...]

4) Акты ревизии устанавливают полное пренебрежение внешних форм счетоводства, отчетности и проч. Невозможность установить в момент ревизии картину финансовых операций.

5) Акты ревизии материальной отчетности Эваkbюро указывают на ненадежность этого дела и позволяют утверждать о бесхозяйственности лиц, стоявших во главе эвакуации и руководивших эвакуацией.

7) Материалы, обнаруженные РКИ, давали все время определенную картину нецелесообразности дальнейшего продолжения эвакуации. В делах Эваkbюро между тем не найдено никаких документов, указывающих на то, что заведующий Эваkbюро входил с заявлениями в высшие инстанции о частичном или полном прекращении эвакуации»¹⁰⁷.

Реэвакуация растянулась на несколько лет, организована она была еще хуже и прошла крайне неблагополучно или, как с гордостью сказал Н.А. Семашко в своем праздничном докладе, «точно также благополучно», как и эвакуация¹⁰⁸. Принимающие губернии, вынужденные из-за прекращения государственного финансирования детских учреждений срочно сокращать численность детей в них, без предупреждения самовольно отправляли детей в еще не оправившиеся от голода губернии, которые, в свою очередь, отказывались принимать реэвакуированных детей, и несчастных перевозили из города в город, в результате чего они нередко оказывались на улице. Огромное количество таких беспризорных оставались в Москве, о чем не раз с беспокойством сообщал Деткомиссии Московский отдел народного образования:

«В Москву постоянно прибывают “реэвакуированные” дети из разных мест: из Ташкента, Украины, Могилевской губернии, Дагестанской, Самары и других губерний, причем почти все эти отправки произведены очевидно без всякого плана и системы: дети прибывают зачастую без сопровождающего и документов, без должного обмундирования и достаточного количества продовольствия, со списками (без печати), составленными крайне небрежно [...] Происходит бесцельная переброска детей-сирот из д/домов одного города в д/дома по месту их происхождения или жительства, и даже выбрасывание детей просто на улицу»¹⁰⁹.

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Л. 252.

¹⁰⁸ XV лет работы ... С. 11.

¹⁰⁹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 184. Л. 117.

Только за первые две недели августа в Самарскую губернию без согласования было перевезено более двух тысяч детей¹¹⁰. По свидетельству губернского отдела народного образования, эти дети были *«чрезвычайно плохо снабжены как обувью, так и верхней одеждой. Обуви ни на одном ребенке совершенно нет, имеющееся на них белье в большинстве рваное. Санитарные условия вагонов крайне не отвечают гигиеническим требованиям. Продовольствием снабжены плохо»*¹¹¹. Многочисленные акты и рапорты местных уполномоченных Деткомиссии и сотрудников Эваkbюро сообщают о перевозках детей в товарных поездах без одежды, продовольствия и медицинского наблюдения. Типичную в этом отношении картину обнаружили 3 августа 1923 г. сотрудник Эваkbюро самарского губоно Соколов и губуполномоченная Яблонская, встречавшие прибывший из Киева товарный поезд с детьми: *«Дети спят все вповалку друг на друге, никаких подстилок нет. Дети грязные и голодные. Одеты плохо. Обуви почти ни у кого нет, пальто тоже; остальная одежда очень грязная и порванная. Обращение в дороге со стороны сопровождающих хорошее. Дети всю дорогу голодали и принуждены были продавать с себя одежду, чтобы купить хлеба»*. Единственным продовольствием, по свидетельству Соколова и Яблонской, были полученные в Москве «тухлое сало», «плесневелый» хлеб и сухари, настолько черствые, что дети до крови раздирали ими рот¹¹².

Между тем, в отчете Деткомиссии об итогах реэвакуации к концу 1923 г. сообщается, что «за весь реэвакуационный период не зарегистрировано ни одного смертного случая»¹¹³. Вероятнее всего, это утверждение соответствует действительности, поскольку регистрировать случаи смерти детей в пути было просто некому.

Не отрицая имевшие место отдельные положительные результаты эвакуации голодающих детей, в целом приходится признать, что данная мера не просто не оправдала возлагаемых на нее ожиданий, а приняла поистине трагический характер. Совершенно очевидно, что, несмотря на крайне тяжелую ситуацию, значительное число погибших во время перевозок детей все же можно было спасти.

В качестве исключения предпринималась и эвакуация за границу, но массового характера данная форма спасения детей не приобрела.

---

¹¹⁰ Там же. Д. 184. Л. 125.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же. Л. 126; см. также Л. 123, 129, 130, 135, 136 и др.

¹¹³ Там же. Д. 168. Л. 53 об.

Эвакуация голодающих детей за границу

В первые же месяцы голода ряд иностранных государств и зарубежных общественных организаций обратились к советскому руководству с предложением принять на воспитание голодающих детей России. В общей сложности предложения, поступившие от США, Германии, Великобритании, Голландии, Чехословакии, Польши, Болгарии, Турции и ряда других стран, позволяли эвакуировать несколько десятков тысяч голодающих детей. Тем не менее, за рубеж были вывезены лишь около двух тысяч детей. В чем же причина? Неужели политические интересы оказались важнее жизней миллионов беспомощных детей?

Именно такое впечатление складывается при поверхностном знакомстве с этой проблемой и позволяет исследователям, не утруждая себя детальным ее изучением, возлагать всю ответственность за неудачи кампании по эвакуации голодающих детей за границу исключительно на российскую сторону. Так, например, господин Абаринов утверждает (причем, крайне активно, я бы даже сказала агрессивно, пропагандирует свою точку зрения с помощью интернета), что *«маниакальная подозрительность, которой страдал прежде всего сам Дзержинский, оказалась главным препятствием к эвакуации голодающих детей за границу»*¹¹⁴. Однако действительные причины неудачи кампании по эвакуации советских детей из голодающих губерний за границу в 1921 г. значительно глубже и сложнее, как глубже и сложнее была и позиция по этому вопросу Советского правительства, возглавляемой Дзержинским Деткомиссии ВЦИК и лично Ф.Э. Дзержинского.

Как уже говорилось выше, предложенная иностранными государствами помощь советским голодающим, в первую очередь детям, не только обрадовала правительство Советской России, но и встревожила его. Особые опасения вызвало у советского руководства предложение правительств иностранных государств и зарубежных общественных фондов передать им на воспитание детей из голодающих губерний. И причины этих опасений были не толь-

---

¹¹⁴ Абаринов В. Россия-мачеха // [Электронный ресурс] <http://grani.ru/opinion/abarinov/m.212092.html>. Любопытно, что для подтверждения своей точки зрения В. Абаринов ссылается в том числе и на цитаты из моих статей. Остается лишь гадать: то ли господин Абаринов читал указанные статьи крайне невнимательно, то ли он намеренно исказил их содержание, выдернув из контекста несколько цитат и цитируя тенденциозно подобранные им выдержки из документов, также взятые из моих работ и не сопровождающиеся соответствующими ссылками.

ко идеологического характера. В действительности это был целый комплекс причин. В первую очередь, речь шла о том, в что случае принятия зарубежных предложений дети на длительный срок оказались бы оторваны от родины без каких-либо гарантий их хорошего материального обеспечения и доброго к ним отношения. Противники эвакуации детей за границу ссылались на сложность обеспечения их защиты от возможной эксплуатации. Особое беспокойство вызвала и невозможность оградить эвакуированных детей от религиозного влияния¹¹⁵, а также тот факт, что маленькие дети быстро забудут родной язык и родную культуру, как «губка» впитают окружающую «мещанскую» атмосферу и буржуазную идеологию и окажутся «потеряны» для советского общества. Обоснованные сомнения вызвала также способность ослабленных голодом детей перенести столь длительный переезд. Опасались, безусловно, и того, что сам факт эвакуации детей за границу будет использован противниками Советской России для развертывания за ее пределами кампании антисоветской пропаганды, беспомощным орудием которой могут оказаться эвакуированные дети. (Забегая вперед, следует отметить, что опасения эти частично оправдались.)

Подавляющее большинство предложений правительств иностранных государств или зарубежных общественных организаций взять на какое-то время на воспитание голодающих детей поначалу встречало категорический отказ советского правительства. Обычно в ответ на такое предложение Наркомат иностранных дел просил прислать средства, выделенные на содержание советских детей, в Россию «для оказания помощи последним на местах»¹¹⁶. Данные просьбы справедливо обосновывали тем, что ослабленные голодом и болезнями дети могут не перенести дальнюю дорогу.

С другой стороны, существовала точка зрения, что при «политически правильной» организации эвакуации выезд советских детей за границу, напротив, можно будет использовать в целях коммунистической агитации. Так, инструктор-педагог Обольяновского дет-

---

¹¹⁵ Следует отметить, что значительная часть предложений о принятии на воспитание детей поступила именно от религиозных общин.

¹¹⁶ Именно такой ответ получила, например, Турция, выразившая готовность принять на попечение 1000 голодающих детей-мусульман, положение которых в Советской республике было особенно тяжелым (ГА РФ. Ф. Р-5207. Д. 109. Л. 129). Отказ отправить детей за рубеж обычно мотивировался господствующим там религиозным или мещанским характером воспитания, а также возможными контактами детей с представителями русской эмиграции. (См., например: Там же. Д. 24. Л. 1; Д. 109. Л. 101; и др.)

ского дома И.П. Иванов в своем докладе в Деткомиссию отмечал: *«Пребывание на чужой территории наших детей, несомненно, может иметь и некоторое агитационное значение. Например, рассказ ребенка-очевидца о том, как 50 детей детского дома, стоя на коленях, умоляют о пощаде озверевших белогвардейцев, избивающих их любимого наставника, может в 10 минут распропагандировать целый город»*¹¹⁷.

Однако, для того, чтобы «рассказы» детей о Советской России содержали именно ту информацию, которая была бы желательна с идеологической точки зрения и соответствовала задачам пропаганды идей социализма, отправлять за границу следовало лишь специально отобранную группу детей. По мнению Иванова, это должны были быть дети не младше 12 лет, «хорошо организованные» (т.е. те, кто не менее года прожил в детском доме с хорошо налаженной воспитательной работой) и объединенные в «слаженные коллективы» (наилучший вариант — целые группы детского дома в сопровождении опытных и пользующихся авторитетом педагогов). Очевидно, что названные категории детей не относились к числу наиболее нуждающихся в помощи. В случае организации эвакуации на указанных принципах, она из акции спасения голодающих сирот и беспризорников превратилась бы в нечто вроде детского агитационно-пропагандистского похода во вражеский «мир капитала». Именно такую трансформацию претерпела, например, идея о поездке в Голландию для восстановления здоровья советских детей, пострадавших от голода. На этом весьма любопытном сюжете следует остановиться подробнее, несколько нарушив хронологическую последовательность изложения событий.

В 1922 г. Голландский комитет помощи детям через председателя заграничной делегации ЦК Помгол ВЦИК в Берлине Н.Н. Крестинского обратился к Советскому правительству с предложением принять для восстановления здоровья несколько тысяч русских детей, наиболее пострадавших от голода. Все инстанции, принявшие участие в обсуждении этого предложения (ЦК Помгол, Деткомиссия ВЦИК, Наркомпрос, Центральный отдел работниц и Агитационный отдел РКП) единодушно сошлись на том, что «по политическим причинам» вывозить голодающих детей за границу «нецелесообразно». (Исключение составил лишь Наркомат по иностранным делам РСФСР, который, руководствуясь все теми же «политическими соображениями», напротив, порекомендовал

---

¹¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 48. Л. 258.

принять данное предложение¹¹⁸.) Любопытное заключение по этому вопросу направил в Деткомиссию ЦО работник:

«Отдел работниц считает по политическим причинам нецелесообразным вывоз голодающих [подчеркнуто в документе. — Т.С.] детей за границу и не изменил своей точки зрения до настоящего времени. Но, поскольку речь идет о краткосрочной поездке детей на отдых [...] отдел работниц считает возможным в виде опыта допустить такую поездку (с образовательными целями) группы детей петроградских рабочих. Причем отдел считал бы желательным воспользоваться предложением для посылки рабочих подростков комсомольцев»¹¹⁹.

Именно эта идея и была положена в основу принятого в августе 1922 г. решения — «принять предложение в виде исключения». Вопреки просьбе Голландского комитета, послать за границу решили отнюдь не детей голодающих губерний, а 150 детей петроградских рабочих (преимущественно комсомольцев) в возрасте от 15 до 17 лет. При этом, на заседании ЦК Помгол в докладе по поводу предстоящей поездки детей в Голландию было прямо сказано, что она должна состояться «вне связи с Помголом»¹²⁰.

Возвращаясь к основному сюжету, следует отметить, что первые зарубежные предложения о приеме на воспитание детей голодающих губерний поступили к советскому руководству уже летом 1921 г. В августе 1921 г. Английский комитет помощи детям Центральной Европы предложил разместить в английских семьях тысячу голодающих детей¹²¹. Позже последовали предложения от Германии, Чехословакии, Болгарии, Голландии, Бельгии, Турции, Британско-Американской комиссии помощи, Христианского Интернационального комитета и др. Понимая, что дети находятся на грани вымирания, советское руководство без промедления решило пожертвовать своими политическими амбициями и принять эту помощь, разумеется, на специально оговоренных условиях.

«...Немедленно приступить к организации отправки детей», — такое распоряжение получил заместитель председателя Деткомиссии ВЦИК Корнев в августе 1921 г. в связи с предложением Английского комитета помощи детям¹²². Однако дальше этого дело так и не пошло из-за отсутствия подтверждения готовности принять российских де-

¹¹⁸ См.: ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 71. Л. 2, 24, 25, 27, 28, 30—33, 35.

¹¹⁹ Там же. Л. 30—32.

¹²⁰ Там же. Л. 30—32, 35. См. также: Там же. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 83. Л. 42 об.

¹²¹ Там же. Д. 24. Л. 1.

¹²² Там же. Л. 2.

тей со стороны Британского правительства. Та же история произошла и с предложением немецких рабочих принять в свои семьи до тысячи советских детей из голодающих губерний. Дектомиссия ВЦИК, Наркомпрос и ЦК Помгол, заручившись поддержкой Советского правительства, с благодарностью приняли указанное предложение. Началась разработка организационной стороны эвакуации детей. В частности, в качестве наиболее предпочтительного возраста эвакуируемых детей был назван школьный возраст. Детей дошкольного возраста вывозить не рекомендовалось, так как опыт внутренней эвакуации показал, что массовые перевозки для них крайне тяжелы и опасны. Подростки же старшего возраста к этому моменту в подавляющем большинстве «разбрелись» в поисках заработка в урожайные губернии. Относительно пола эвакуируемых детей все единогласно отдали предпочтение мальчикам, так как «воспитание девочек в Германии и вообще на Западе», по мнению советского руководства, носило «более мещанский характер». Эвакуировать девочек предлагалось лишь «в исключительных случаях, чтобы не разлучать братьев и сестер». Относительно регионов, из которых следовало эвакуировать детей, были высказаны следующие пожелания: в Германию отправлять детей из Немкоммуны, а в Англию — детей, прибывающих в Москву из голодающих губерний. Рекомендованный срок эвакуации был неопределенным, но довольно продолжительным — вплоть до окончания общего или профессионального образования¹²³.

Закончив разработку основных условий эвакуации голодающих детей в Англию и Германию, Советское правительство, тем не менее, так и не смогло приступить к практической ее организации из-за отсутствия официальной информации от правительств Англии и Германии о поддержке ими инициативы рабочих. В этих условиях Деткомиссия ВЦИК совместно с ЦК РКП(б) обратились за помощью в ЦК Объединенной Коммунистической партии Германии. В совместной радиограмме от 13 сентября 1921 г. ЦК РКП(б) и Деткомиссия ВЦИК просили руководство компартии Германии оказать содействие полномочным представителям Советской России в Лондоне и Берлине для скорейшего уточнения с соответствующими Правительствами вопроса, «как и на каких условиях они мыслят себе осуществление желания своих рабочих о эвакуации детей из России»¹²⁴. Как развивалась переписка Деткомиссии

¹²³ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 24. Л. 17.

¹²⁴ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 24. Л. 22.

ВЦИК с руководством компартии Германии, к сожалению, выяснить не удалось, как не удалось и восстановить реакцию правительств Англии и Германии на предложение рабочих этих стран. С достоверностью можно утверждать лишь то, что никаких данных о практической реализации указанного предложения в фондах ЦК Помгол и Деткомиссии ВЦИК не сохранилось. Можно лишь предполагать, что инициатива английских и германских рабочих на тот момент не нашла поддержки правительств этих стран. Косвенным подтверждением этого может служить пересланный Лондонским бюро Интернационального секретариата движения к Христианскому интернационалу в ЦК Помгол в феврале 1922 г. ответ Британского правительства на просьбу Христианского интернационала принять в Англии голодающих детей из России. Ответ за подписью Гарольда Скота гласил: *«На Вашу просьбу привести из России 250 голодающих детей сообщая Вам, что я уполномочен секретарем государства выразить Вам свое сожаление, что в настоящую минуту он не в состоянии принять их в Англию»*¹²⁵.

Таким образом, первые попытки Советской России эвакуировать детей голодающих губерний за границу оказались неудачными. Эти неудачи болезненно задевали самолюбие советского руководства, поскольку демонстрировали откровенное неуважение к нему со стороны правительств западных держав. Тем не менее, даже в сложившихся условиях правительство России не отказалось в принципе от идеи эвакуации детей в буржуазную Европу. Деткомиссией ВЦИК совместно с Наркомпросом были дополнены основные условия эвакуации детей, которые должны были, во-первых, защитить их от эксплуатации, а во-вторых, максимально обезопасить Советскую Республику от возможности использовать данную акцию в целях антисоветской пропаганды. Содержание этих условий сводилось к следующему:

- отправлять за границу детей только в возрасте от 8 до 14 лет;
- вывозить за границу мальчиков, а более подверженных мелкобуржуазному влиянию девочек отправлять лишь «в исключительных случаях»;
- за пределы России эвакуировать только «детей физически здоровых, умственно развитых, морально безупречных»;
- в Германию отправлять преимущественно детей из Немкоммун;

¹²⁵ ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 67. Л. 33, 132.

— общий срок эвакуации детей не должен превышать 3—5 лет¹²⁶.

Именно эти принципы впоследствии легли в основу всех решений, принимаемых по вопросу об эвакуации детей за рубеж. Изменения коснулись лишь рекомендаций относительно возрастных ограничений — возрастная планка была снижена на 2 года (от 6 до 12 лет). Кроме того, было добавлено условие обязательного сопровождения детей сотрудниками Наркомпроса для «а) администрирования всем делом; б) обучения русскому языку; в) политического воспитания»¹²⁷.

Первые серьезные переговоры на правительственном уровне о вывозе голодающих советских детей за границу состоялись в октябре 1921 г. 8 октября Министерство иностранных дел Чехословацкой Республики направило в Торговую делегацию РСФСР в Праге письмо, в котором сообщалось, что около 400 семей обратились к ним с предложением принять на полное обеспечение русских детей из голодающих губерний. В письме подчеркивалось, что эти семьи предпочли бы взять на воспитание сирот в возрасте не более 14 лет. Чешская сторона просила решить этот вопрос как можно скорее, чтобы в случае положительного ответа успеть перевезти детей до наступления зимних холодов¹²⁸. Несмотря на довольно сложные отношения с руководством Чехословацкой Республики и принципиальное нежелание Советской России подвергать советских детей влиянию идеологически чуждого Запада, «Предварительное соглашение» об эвакуации 400 детей было заключено между Деткомиссией ВЦИК и Чехословацкой миссией уже через неделю после получения письма, 15 октября 1921 г. В этом соглашении Деткомиссия ВЦИК, действовавшая по договоренности с ЦК Помгол, попыталась найти компромиссные условия эвакуации, чтобы максимально снизить возможность превращения эвакуированных детей в объект антисоветской пропаганды. С одной стороны, оговаривалось, что эвакуации подлежат лишь русские дети в возрасте 8—14 лет, «физически здоровые, умственно развитые и морально безупречные». С другой стороны, советское руководство, идя навстречу чешским семьям, обязалось «по возможности» отправить в Чехословакию именно беспризорных детей¹²⁹. 17 и 24 октября это

¹²⁶ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

¹²⁷ Там же. Д. 24. Л. 17.

¹²⁸ Там же. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 21. Л. 44.

¹²⁹ Там же. Л. 47.

соглашение было одобрено на заседаниях Деткомиссии ВЦИК и ее Президиума¹³⁰. Оперативность, с которой Деткомиссия принимала решения по предложениям Чехословакии, говорит о том, что спасение детей для нее было важнее, чем какие бы то ни было политические интриги¹³¹.

Заклучив предварительное соглашение, ЦК Помгол, Деткомиссия ВЦИК и Наркомпрос немедленно приступили к работе над проектом договора с правительством Чехословакии. Положение голодающих детей ухудшалось с каждым днем, катастрофически росла детская смертность, к тому же неумолимо надвигались холода. Учитывая все предложения, поступившие от правительства и общественных организаций Чехословакии, представители Деткомиссии ВЦИК, Эвакбюро Наркомпроса и Заграничного отдела ЦК Помгол разработали проект окончательного договора. В соответствии с этим договором, Чехословакия обязывалась принять к себе на полное иждивение 600 детей из голодающих губерний Поволжья. Отдельно оговаривалось, что эвакуации подлежат только русские дети без различия пола (но предпочтительнее мальчики) в возрасте от 6 до 12 лет, физически и психически здоровые, «морально безупречные». Продолжительность эвакуации должна была составлять не менее 1 года. Для наблюдения за жизнью эвакуированных детей в Чехословакии было решено создать при Российской Дипломатической миссии в Праге специальное Педагогическое бюро. В соответствии с инструкцией, на это Бюро возлагалась «обязанность всесторонней помощи ребятам, вывезенным из России, наблюдение, забота о правильном всестороннем воспитании их». Для успешного выполнения этих обязанностей всем членам Бюро предоставлялись права дипломатических работников, а, следовательно, право беспрепятственно перемещаться по стране и в любое время посещать семью и школу, где будут жить и учиться эвакуированные из России дети. В договоре также подчеркивалось, что по истечении года Чехословацкое правительство не должно чинить никаких препятствий возвращению в Россию «всех детей, или тех из них, о которых будет заявлено Российским правитель-

¹³⁰ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 4. Л. 7, 8.

¹³¹ Следует напомнить, что в современной отечественной историографии преобладает обратное утверждение. Так, например, историк А.Ю. Рожков пишет: «Не спасение детей было главной целью большевиков, а недопущение этого спасения "классово чуждыми" руками» (Рожков А.Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // [Электронный ресурс] http://etargentuma.myl.ru/load/statii/istoricheskie/borba_s_besprizornostju_v_pervoe_sovetskoe_desjatiletie/35-1-0-231)

ством»¹³². 9 ноября проект был утвержден ЦК Помгол и передан на рассмотрение чешской стороне. Как выяснилось позже, условие о создании специальной группы для сопровождения эвакуируемых детей не понравилось правительству Чехословакии. *«Чешка была очень обижена фактом командировки с детьми наших педагогов, как признаком недоверия»*¹³³, — сообщил в январе 1922 г. в Москву Полномочный представитель РСФСР в Чехословакии П.Н. Мостовенко. Тем не менее, 22 ноября Чехословацкая миссия сообщила, что Правительство Чехословацкой Республики приняло договор и уже 28 ноября для эвакуируемых детей из Праги к русско-польской границе будет отправлен санитарный поезд.

В этот момент события приняли совершенно неожиданный поворот, и эвакуация голодающих детей оказалась под угрозой срыва. Пленум ЦК Помгол, «найдя возможным принять договор» (напомним, что речь идет о договоре, утвержденном ЦК Помгол менее месяца назад), в то же время постановил «отказаться от реального его осуществления»¹³⁴. Видимо, столь неожиданное решение основывалось на рекомендациях Иностранного отдела Российского Красного Креста. 11 ноября, через 2 дня после передачи проекта договора представителям Чехословакии, Иностранный отдел обратился в ЦК Помгол с письмом, в котором высказал ряд опасений, связанных с возможным вывозом из России голодающих детей. В качестве наиболее опасных моментов указывались следующие: 1) «оторванность детей от семьи на неопределенное время»; 2) «возможность сделать детей предметом эксплуатации»¹³⁵, как это уже было с детьми, вывезенными Американским Красным Крестом во Владивостоке в 1919 году»; 3) вероятность «интеллектуального воздействия на детей», вредное влияние на них «методов воспитания и среды»; 4) отсутствие гарантий «материальной обеспеченности» детей¹³⁶.

После неожиданного решения Пленума ЦК Помгол, Советское правительство оказалось в весьма затруднительной ситуации, будучи не в состоянии выполнить условия договора, им же разработанные и предложенные. В дело вмешался Президиум ВЦИК, который 24 ноября принял решение «во изменение постановления ЦК Помгол» разрешить ратификацию договора об эвакуации голо-

¹³² ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 21. Л. 16, 42—43.

¹³³ Там же. Д. 78. Л. 14.

¹³⁴ Там же. Д. 21. Л. 40.

¹³⁵ Здесь и далее сохраняется орфография подлинника.

¹³⁶ ГА РФ. Р-1064. Оп. 6. Д. 21. Л. 39.

дающих детей в Чехословакию¹³⁷. С этого момента приступили непосредственно к организации эвакуации детей из Поволжья.

На пути из Поволжья в Чехословакию

Несмотря на то, что ответственность за эвакуацию детей в Чехословакию возлагалась на ряд высших органов государственной власти (Деткомиссию ВЦИК и ЦК Помгол ВЦИК, Наркомпрос, Наркомпути и ВЧК), тем не менее, в ходе нее были нарушены практически все заранее оговоренные условия: сроки, состав и численность эвакуируемых детей, условия их перевозки и т.д. Плохая организация и нескоординированные действия властей привели к тому, что государственные органы порой не имели даже информации о местонахождении санпоезда с детьми, точных данных о количестве и возрасте детей, находящихся в поезде, тоже не было. Путаница в информации о том, где ожидает посадки дополнительная группа детей, привела к тому, что часть детей, так и не смогли выехать в Чехословакию.

В соответствии с условиями договора, детей должны были доставить к советско-польской границе для пересадки в чешский санитарный поезд к 1-му, самое позднее ко 2-му декабря. Для этого санпоезд № 40, в который следовало, как указывалось в документах, «погрузить контингент» из 600 мальчиков в возрасте от 6 до 12 лет, должен был прибыть в Симбирск к 26 ноября. В действительности же поезд прибыл только 1 декабря, но необходимый «контингент» для эвакуации все еще не был готов, и в Москву детей отправили лишь вечером 5 декабря. Однако, исполнители, не утруждая себя проверкой реального положения дел, поспешили отрапортовать в Центр об успешном выполнении задания в назначенный срок¹³⁸. В результате в первых числах декабря руководство ЦК Помгол и Деткомиссии, уверенное в том, что санпоезд выехал из Симбирска вовремя, было крайне озадачено сообщением Чехословацкой миссии о том, что поезд в назначенный срок не прибыл. В Эвакбюро Наркомпроса, как выяснилось, также не было никаких сведений о местонахождении эвакуируемых детей¹³⁹. Ситуация несколько прояснилась лишь 5 декабря, когда в Президиум Деткомиссии ВЦИК из Симбирска поступила телеграмма об

¹³⁷ ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 21. Л. 23.

¹³⁸ Там же. Л. 9, 13; Там же. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 4. Л. 95.

¹³⁹ Там же. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 21. Л. 13—13 об.

отправлении в Москву санпоезда № 40. Однако и в этот раз информация из Симбирска лишь частично соответствовала действительности. Так, в телеграмме указывалось, что, согласно договору, в поезде находятся 600 мальчиков от 6 до 12 лет. Однако, из отчета председателя Педбюро В.И. Шульгина известно, что из Симбирска отправили лишь 292 ребенка (как мальчиков, так и девочек) в возрасте до 14 лет¹⁴⁰. Причина невыполнения обязательств относительно состава и численности эвакуируемых детей заключалась, конечно, не в том, что в Поволжье не нашли 600 голодающих мальчиков требуемого возраста. Проблема заключалась в том, что требовались мальчики «физически здоровые», «умственно развитые» и «морально безупречные». Очевидно, что среди голодающих беспризорников Поволжья детей, отвечающих данным требованиям, не было, да и не могло быть. Недостающее число «здоровых» и «развитых» детей было решено добрать в Москве.

Дорога в Москву заняла значительно больше времени, чем это предполагалось изначально. Виной тому было не только тяжелое положение на дорогах, но и плохая организация, а также безответственность, халатность и преступное равнодушие чиновничества и некоторых служащих железной дороги. В Наркомат путей сообщения заблаговременно была направлена телеграмма за подписью В.С. Корнева, в которой заместитель председателя Деткомиссии просил наркома путей сообщения «считать поезд на особом учете и принять меры к его своевременному прибытию»¹⁴¹. Соответствующие телеграммы и телефонограммы были отправлены также на основные железнодорожные станции, через которые проходил путь санпоезда. Во всех инструкциях и директивных письмах ЦК Помгол и Деткомиссии ВЦИК также подчеркивалось, что следование поезда с эвакуируемыми детьми должно быть взято под особое наблю-

¹⁴⁰ В отчете Шульгина о ходе эвакуации есть статистические неувязки. Так, он сообщал, что из Симбирска было отправлено 292 ребенка, из них 9 сбежали по дороге и 9 были сняты на Алексеевском посту из-за тяжелых заболеваний. В Москве в санпоезд посадили еще 164 ребенка. Таким образом, всего в Чехословакию должны были приехать 438 советских детей. В то же время из отчета Шульгина следует, что на русско-польской границе чешской стороне было передано 439 детей. Это же число указано и в акте передачи детей чешской стороне. Однако к этому акту прилагается список 12-ти детей, сбежавших или отставших от поезда (при этом не ясно, входят ли в их число 9 детей, сбежавших еще до Москвы). Следовательно, исходя из этого акта, из Москвы в Чехословакию должны были выехать либо 442, либо 451 ребенок. Таким образом, точная численность детей, отправленных санпоездом № 40, остается неясной.

¹⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 24. Л. 98.

дение в целях обеспечения ему наиболее благоприятных условий продвижения. Тем не менее, следовавшие с детьми члены Педбюро регулярно телеграфировали в Москву, что поезд задерживают, вновь и вновь просили дать специальное распоряжение работникам железной дороги о его незамедлительной отправке. «Держат 3 часа», «держат 5 часов», «держат 8 часов», — эти тревожные сообщения о движении санпоезда регулярно поступали в ЦК Помгол, в Наркомпути, в Наркомпрос и лично Ф.Э. Дзержинскому¹⁴². Лишь 12 декабря в 18.00 санпоезд № 40, наконец, прибыл в столицу. Остановка здесь была необходима, чтобы добрать недостающее по условиям договора число эвакуируемых детей (более трехсот человек) и снять с поезда 39 детей, заболевших в дороге и нуждавшихся в срочной медицинской помощи. Однако детский приемник в Москве категорически отказался принять заболевших. Только после настоятельных требований Педбюро с поезда были сняты 9 самых тяжелых больных¹⁴³.

Поскольку Деткомиссия была введена в заблуждение относительно численности отправленных из Симбирска детей, в Москве подготовка детей к эвакуации своевременно проведена не была. В результате из столицы в Чехословакию отправили, выражаясь словами современников, «первую попавшуюся партию ребят» из Покровского приемника — 164 человека, что было почти вдвое меньше недостающего по условиям договора числа. Следует отметить, что в Покровском приемнике находились преимущественно дети, «самостоятельно» прибывшие в столицу из голодавших губерний. В отличие от «дисциплинированных и воспитанных» «сибирских детей», дети из Покровского приемника, уже успевшие усвоить привычки уличной жизни, по словам членов Педбюро, «оказались крайне неподготовленными». Уже в первые дни путешествия они «выявили свою неорганизованность, недисциплинированность и свои отрицательные стороны характера». Учитывая, что эти дети в подавляющем большинстве имели за плечами солидный опыт бродяжничества, не следует удивляться тому, что как-то ночью, еще до достижения поездом советско-польской границы девять «покровских» ребят сбежали из поезда, захватив с собою некоторые вещи своих товарищей и членов Педбюро, включая их верхнюю одежду¹⁴⁴.

К сожалению, «неорганизованность» и «недисциплинированность» проявили не только эвакуируемые дети — вчерашние беспри-

¹⁴² См., например: ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 21. Л. 1—3, 9.

¹⁴³ Там же. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 109. Л. 2, 4.

¹⁴⁴ Там же. Л. 2—6.

зорники, — но и работники железной дороги. Путь из столицы до станции Негорелое, где детей ожидал чешский санпоезд, оказался не менее сложным и столь же плохо организованным, как и путь из Симбирска в Москву. Посадка детей происходила глубокой ночью и растянулась на 4 часа — с часа ночи до 5 часов утра. Затем еще более суток поезд с детьми продержали на московских вокзалах¹⁴⁵. Однако и на этом мучения маленьких путешественников не закончились. *«Наше передвижение, — писал в своем докладе В.Н. Шульгин, — совершалось с невероятными трудностями. На каждой станции нам отказывали в паровозе, предлагали ждать неизвестное количество времени [...] Телеграмма НКПС в некоторых пунктах не была получена [...], другие пункты считали, что она не ясна и предлагали ждать пока пройдут все пассажирские поезда, так как они имеют преимущество»*¹⁴⁶.

В Смоленске железнодорожную бригаду удалось получить только при помощи местной ЧК. Отстаивать интересы эвакуируемых детей членам Педбюро пришлось в обстановке практически полного непонимания. На некоторых станциях им даже не разрешали пользоваться телефоном, ссылаясь «на отсутствие такого предписания». Присутствие на всех переговорах представителей чешской миссии, сопровождавших детей, несколько не смущало работников железной дороги и не способствовало ускорению пути¹⁴⁷.

Вечером 17 декабря санпоезд № 40 сделал остановку в Смоленске для «догрузки» голодающих детей, так как до определенной советско-чешским договором численности эвакуируемых детей все еще не хватало около 200 человек. Однако выяснилось, что подготовленная для эвакуации группа детей, ожидает отнюдь не в Смоленске, а в Рославле. Учитывая сложности, связанные с плохой организацией работы железнодорожных служб, путь в Рославль занял бы еще более 2 суток. В то же время представители чешской миссии заявили, что «в случае дальнейшей задержки они снимают с себя ответственность за могущие произойти на границе недоразумения». В этих условиях было принято решение следовать далее к станции Негорелое, не заезжая в Рославль¹⁴⁸.

Путь голодающих детей к спасению оказался не только долгим, но и мучительным. Вагоны санпоезда не отапливались, катастро-

¹⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 109. Л. 2, 11.

¹⁴⁶ Там же. Л. 3, 12 (см. также: ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 21. Л. 5).

¹⁴⁷ Там же. Д. Р-5207. Оп. 1. Д. 109. Л. 3, 12. См. также: Там же. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 21. Л. 5.

¹⁴⁸ Там же. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 109. Л. 8.

фически не хватало теплой одежды и постельных принадлежностей, кормили детей в основном подмороженной картошкой, рисом и испорченной треской (персонал поезда и сопровождавшие детей представители чешской миссии питались отдельно). По подсчетам Шульгина, на пути от Симбирска до советско-польской границы ежедневно около 4 детей заболевали такими тяжелыми болезнями, как менингит, корь, сибирская язва, возвратный тиф и т.д., не говоря уже о ставших в этих условиях привычными желудочно-кишечных и дерматологических проблемах¹⁴⁹.

20 декабря 1921 г., почти на три недели позже запланированного срока, санпоезд с эвакуируемыми детьми, наконец, пересек советско-польскую границу. В Минске были составлены акт о передаче Россией Чехословакии 439 детей, а также список детей, сбежавших за время пути или отставших от поезда. В списке сбежавших были указаны 12 мальчиков в возрасте от 9 до 12 лет, о дальнейшей судьбе которых ничего не известно¹⁵⁰.

В чешском санпоезде, по свидетельству членов Российского Педбюро, для детей были созданы все необходимые условия. Ребята были размещены достаточно просторно, всем были предоставлены мягкие тюфяки. В поезде было тепло и чисто. В двух вагонах располагался специально оборудованный изолированный лазарет на 40 коек. Все сопровождавшие детей чехи говорили по-русски. Члены Советского Педбюро единодушно отмечают в своих отчетах доброжелательное отношение чехов к детям: *«Эта атмосфера заботливости, внимания, сопровождалась всю дорогу и не только со стороны сопровождающего персонала, но и со стороны посторонних поезду людей [...] На остановках, где скрещивались поезда, ребят приветствовали возгласами и маханием платков, некоторые заходили в вагоны и просили немедленно дать на воспитание ребят»*¹⁵¹.

Кормили ребят пять раз в день сытно и вкусно. Изголодавшиеся дети ели настолько жадно, что от переедания у них начались желудочные колики. Упрекнуть чехов можно было лишь в одном: вопреки условиям договора они не привезли детям одежду и обувь, пообещав выдать их после прибытия на место¹⁵².

---

¹⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 109. Л. 3, 4, 6, 12.

¹⁵⁰ Там же. Л. 7.

¹⁵¹ Там же. Л. 2—6, 11—15.

¹⁵² Там же. Л. 2—6, 11—15.

В карантинном лагере:

«Впечатление политической игры, цинично разыгрываемой»

По прибытии в Чехословакию детей отправили в карантинный лагерь Пардубицы¹⁵³, так как многие из них были больны, в том числе тяжелыми инфекционными заболеваниями, включая тиф. Одна девочка вскоре умерла¹⁵⁴. В карантинном лагере советским детям также оказали очень хороший прием. Встретившие их «сестры», по словам Шульгина, обращались с детьми «с большой нежностью»¹⁵⁵. Разместили ребят в пяти больших одноэтажных бараках. Вот как описывает эти бараки В.В. Беренштам, посетивший эвакуированных детей 6—7 января 1921 г. по поручению Полномочного представителя РСФСР в Чехословакии П.Н. Мостовенко:

*«Каждый барк состоит из 2-х просторных зал, отделяемых общей передней. При длине залы (я измерял шагами только одну) — 38 аршин, ширина более 10 аршин, а также при 14 окнах — в зале помещается всего 34 кровати, так что воздуха и света для детей много, тем более, что зал высокий. Пол — каменный — плиты, железные кровати с матрацами, бельем, одеялами и подушками. Каждая зала отапливается целый день двумя печами. Освещение вечером электрическое. Дети в возрасте от 7 до 14 лет (один есть 17 лет) — имеют очень жизнерадостный, сытый вид»*¹⁵⁶.

Кормили в Пардубицах четыре раза в день, по общим отзывам, «вкусно сытно, разнообразно». *«Дети сияют от удовольствия, когда говорят об обеде с его ежедневным разнообразием»*, — сообщал Беренштам. Вот типичный пример меню, который приводит в своем докладе Шульгин: 1) на завтрак — какао с белым хлебом; 2) в 12 часов — суп, мясное блюдо с подливкой и картошкой или макаронами; 3) через полтора-два часа после обеда — сладкий кофе или какао и белая булка с вареньем; 4) на ужин — каша, галушки с мясом и хлебом. На «елке», организованной в честь празднования Рождества, детей «угощали» также колбасой с рисом. По общим отзывам, дети были «в восторге», «все и всё» ели «поразительно жадно»¹⁵⁷.

¹⁵³ Пардубице (устаревшее Пардубицы) — небольшой городок в Центральной Чехии, в 104 км к востоку от Праги.

¹⁵⁴ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 109. Л. 59. В материалах Деткомиссии и ЦК Помгол удалось найти лишь одно упоминание о смерти девочки — в отчете Шульгина от 17 января 1922 г. При этом Шульгин не указал никаких подробностей, включая фамилию девочки, ее возраст и причины смерти.

¹⁵⁵ Там же. Л. 2—6, 11—15.

¹⁵⁶ Там же. Л. 60—63.

¹⁵⁷ Там же. Л. 60—63.

Однако в целом жизнь советских детей в карантинном лагере оказалась отнюдь не столь радужной. Прежде всего, как единодушно отмечают представители советской стороны, неблагополучным было санитарное состояние лагеря. Широкое распространение вшей в детских бараках ставило под сомнение утверждение чешской стороны, что они были предварительно продезинфицированы. К тому же детские бараки не были отделены не только друг от друга, но и от барачков для взрослых, что привело к быстрому распространению среди эвакуированных детей новых болезней, приобретенных уже в самом карантинном лагере. Среди пострадавших от неудовлетворительных в санитарно-гигиеническом отношении условий оказались и сопровождавшие детей советские воспитатели. Так, заболевшую ангиной воспитательницу Раеву медработники лагеря поместили в барак, где лежали женщины с тяжелыми заразными заболеваниями. В результате Раева заразилась рожей и некоторое время была в крайне тяжелом состоянии, будучи, по словам Мостовенко, на грани жизни и смерти¹⁵⁸.

Купание в ванной, вызывавшее «восторг» у детей, к сожалению, было для них далеко не частым удовольствием. За 12 дней дети всего 2 раза мылись в бане, причем после бани были вынуждены надевать ту же старую рваную и грязную одежду, в которой они приехали из России¹⁵⁹. Подавляющее большинство детей были одеты в серые парусиновые халаты на вате, которые им выдали еще в советском приюте. По утверждению офицера Кубека, представителя Чехословацкого Красного Креста в Пардубицах, одежду детей дважды дезинфицировали. Однако на членов Педбюро и представителей Советской Дипмиссии надетое на детей тряпье произвело крайне удручающее впечатление. Объясняя причины невыполнения условий предварительной договоренности об обеспечении всех детей новой одеждой в первый же день после принятия их под свою опеку, чехи поначалу ссылались на необходимость снять с каждого

¹⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 78. Л. 12об. Любопытно, что Анна Хлебина в опубликованной в Праге статье об эвакуации голодающих детей в Чехословакию лишь мельком упоминает о самом факте «недовольства» советских представителей «санитарно-гигиеническим состоянием барачков, куда поселили всю их группу». Не поясняя, было ли это недовольство оправданным, и не сообщив о плачевных последствиях неудовлетворительного санитарного состояния барачков, Хлебина своими дальнейшими комментариями фактически сводит возникший между чешской и российской сторонами конфликт исключительно к его политической составляющей. (Хлебина А. Лишенные детства. Советские дети в Чехословакии, 1921—1929 // Русское слово. 2011. № 10 [Электронный ресурс] <http://www.ruslo.cz/articles/708/>)

¹⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 109. Л. 5.

ребенка мерку для индивидуального пошива. Однако время шло, мерки не снимали, одежду не выдавали. Тогда представители принимающей стороны заявили, что нецелесообразно выдавать детям в карантинном лагере новую одежду, поскольку дети все равно быстро испачкаются. *«Гораздо лучше для детей, когда они явятся в чужие семьи хорошо и чисто одетые, а не грязные, — пояснил по этому поводу Кубек. — Сами видите, как они возятся, на затоптанном полу. Из бани в чистой одежде мы их сюда уже не впустим»*¹⁶⁰.

Странная ситуация сложилась также и с обувью: некоторые дети были обуты в хорошую американскую обувь, другие же ходили босиком. Босые дети объясняли, что побросали свою старую рваную обувь, чтобы им выдали хорошую. Однако, по неизвестным причинам, надежды их не оправдались, и они так и остались босыми вплоть до окончания своего пребывания в карантинном лагере.

Досуг детей организован не был, что вскоре привело к возникновению между ними конфликтов. Чтобы чем-то занять слоняющихся без дела подростков, представители Российской Дипломатической миссии на собственные средства купили карандаши и бумагу, совместно с Педбюро организовали лекции. Так, Беренштам 4 раза прочитал лекции на темы: «Победы науки» и «Писатель В.Г. Короленко». *«Удивляло внимание детей, — писал Беренштам об этих лекциях, — их интересы к возбуждаемым вопросам, ласковость, благодарность, просьбы еще говорить, еще прийти»*¹⁶¹.

Именно в Пардубицах на практике подтвердились те мрачные опасения советской стороны, что эвакуация детей может быть использована в целях антисоветской пропаганды, а сами дети могут оказаться беспомощным орудием политической борьбы. 27 декабря, посетив карантинный лагерь, советский полпред Мостовенко обнаружил, что в нем проживали также бывшие врангелевские офицеры, которые свободно целыми группами заходили в бараки к детям и проводили среди них «безобразную агитацию» против советской власти. Более того, именно эти офицеры под видом студентов были приставлены к детям в качестве воспитателей. «Часть детей запугана, часть уже обработана», — сообщал Мостовенко в Москву 29 декабря 1921 г.¹⁶² За положительные отзывы о советской власти детей наказывали, даже били. Так, во время посещения карантинного лагеря В.В. Беренштамом 7 детей обратились к нему с жалобами

¹⁶⁰ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 109. Л. 60.

¹⁶¹ Там же. Л. 62—63. Там же. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 78. Л. 13.

¹⁶² Там же. Л. 6.

на то, что их бьют заведующий лагерем, бывший офицер, и одна из сиделок. Причем заведующий лагерем избивал их прутом и доской от бочки, а одному мальчику (Николаю Иванову) ударом по лицу выбил зуб¹⁶³. По свидетельству этих детей, били и многих других, но далеко не все решились пожаловаться на своих новых воспитателей. Так, например, в числе тех, кто подверглся физическому насилию, Беренштаму называли и Клавдию Смирнову. Однако сама девочка попросила вычеркнуть ее из списка, объяснив свою просьбу следующим образом: *«Ну, что там, один раз ударили, вычеркните»*. Шульгин прокомментировал данный случай следующим образом:

«Причины просьбы девочки вычеркнуть, возможно видеть не в том, что ее 1 раз ударили, а в том, что их довольно часто били. Не безынтересен такой случай: когда в 11 бараке я застал несколько чехов и, обращаясь к одному мальчику, спросил: “Ты жаловался, что тебя бьют. Кто тебя бил?” “Вот этот гражданин”. Другой навалился демонстративно на уши шапку и, забравшись на кровать, громко сказал: “Я знаю, как можно в Чехии говорить правду, для этого нужно шапкой закрыть уши, а то без ушей останешься”».

Шульгину удалось выяснить, что «совсем не били» в 8-м и 9-м бараках, в 10-м и 11-м бараках били, но «далеко не всех», а в 20-м бараке просто «били», т.е., видимо, били всех подряд (следует напомнить, что в 20-м бараке находился лазарет)¹⁶⁴.

Главный редактор пражского журнала «Русское слово», филолог по образованию Анна Хлебина так прокомментировала сложившуюся ситуацию: *«Конечно, рукоприкладство по отношению к детям оправдать трудно, но не стоит забывать, что среди них были 12—14-летние беспризорники с большим “стажем” бродяжничества и воровства... а бывшие офицеры Белой армии, попавшие под ружье зачастую с гимназической скамьи, имели собственные представления о порядочности и дисциплине»*¹⁶⁵. К счастью, представители российской Дипмиссии и Педбюро не разделяли весьма своеобразные представления о «порядочности» бывших офицеров, избивавших и унижавших голодных и больных детей. Советским представителям, в отличие от Хлебиной, практикуемые в карантинном лагере методы «воспитания» показались абсолютно неприемлемыми. Мостовенко охарактеризовал их как «фельдфебельские». Так, например, детей ставили по стойке смирно с вытянутыми вперед руками и

¹⁶³ ГА РФ. Ф. Р-5207. Д. 109. Оп. 1. Л. 61.

¹⁶⁴ Там же. Л. 61, 63.

¹⁶⁵ Хлебина А. Указ. соч.

заставляли стоять в таком положении неподвижно целый час, иногда на руки при этом вешался тяжелый груз. *«В мужской половине барака в момент нашего прихода врангелевцы колотили ребенка, — рассказал далее Мостовенко. — Там же в холодных сенях мы встретили плачущего ребенка, выгнанного из барака за обращение к сверстнику словом товарищ. Другой ребенок, сын коммуниста, умершего от сыпного тифа, жаловался на оскорбительные выходки в адрес его отца»*¹⁶⁶.

Заботы об образовании детей были возложены на тех же офицеров, в результате чего главным предметом оказался «Закон Божий», причем «спешное изучение» молитв проводилось «под страхом наказания и запугивания». Несмотря на обильное питание, многие дети начали тосковать по России. По свидетельству Беренштама, большинство ребят интересовались, скоро ли их «выпустят» из карантинного лагеря, хотели связаться с родными. Аналогичное впечатление сложилось и у Шульгина. Когда он сообщил детям о своем скором отъезде из лагеря, те были очень встревожены и расстроены: *«Ко мне потянулись ручки даже старших баловников с голосом полным печали и просьбой приезжать чаще и поместить их там, где я буду жить. Видимо, им все же было тяжело»*¹⁶⁷. Более старшие дети позже жаловались Мостовенко, что «воспитатели» пояснили им цель их эвакуации в Чехию следующим образом: через год-два подростки и окрепшие дети должны вернуться в Россию «выбивать соввласть»¹⁶⁸.

*Тяжелое впечатление политической игры, цинично разыгрываемой, — так охарактеризовал свои впечатления от посещения карантинного лагеря Мостовенко. — Я заявил Чешпра категорический протест против допуска эмигрантов к детям и особенно возмутительный факт поручения эмигрантам руководства религиозно-нравственного воспитания детей»*¹⁶⁹.

Чешское правительство признало недопустимость, как применения к детям насилия, так и сам факт общения эвакуированных детей с бывшими офицерами. 30 декабря управляющий МИД Чехословакии Гирса обратился к председателю Торговой делегации РСФСР с официальным письмом-извинением. *«Оказалось, — говорилось, в частности, в письме, — что в комнаты, где находятся дети, привезенные из России, послано было несколько студентов,*

¹⁶⁶ ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 78. Л. 6.

¹⁶⁷ Там же. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 109. Л. 14.

¹⁶⁸ Там же. Л. 6, 13.

¹⁶⁹ Там же. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 78. Л. 6. См. так же: Там же. Л. 9—11; Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 109. Л. 41.

бывших офицеров из Константинополя, по распоряжению начальника карантинной станции без ведома Министерства Иностранных Дел и без ведома Чехословацкого Красного Креста. Сам факт надзора за детьми студентов, бывших офицеров, хотя бы краткосрочный и вынужденный неожиданными обстоятельствами, считает МИД совершенно недопустимым и противоречащим принципам МИД и Чехословацкого КК, а потому МИД, как только узнало о случившемся, приказало немедленно студентов удалить и запретило на будущее всякий контакт детей с русской эмиграцией. Ввиду вышеизложенного, прошу Вас считать все случившееся прискорбным недоразумением, происшедшим без ведома МИД на основании распоряжения коменданта, не достаточно разбирающегося в обстоятельствах»¹⁷⁰.

Однако на этом инцидент не был исчерпан. Сам факт эвакуации советских детей за границу стал, по словам Мостовенко, поводом для «самых безобразных и лживых нападок на Советскую власть». Так, вскоре после посещения в январе 1922 г. карантинного лагеря группой чешских чиновников, местные газеты опубликовали статью, лейтмотивом которой была мысль «до чего коммунисты довели Россию». В газете, якобы со слов коменданта чешского поезда, перевозившего детей, помимо прочего сообщалось, что «в то время как дети были босы и голодны, сопровождавшие их советские представители обжирались, имели в своем поезде пианино, театр и т.д.»¹⁷¹.

«Дети с первых же шагов становятся объектами сведения счетов с нами»¹⁷², — к такому мрачному выводу пришел Мостовенко в своем донесении в Москву от 5 января 1922 г. Несмотря на внешнюю лояльность и подчеркнутую доброжелательность правительства Чехословакии к советским детям и Российской Дипломатической миссии, слова Мостовенко вскоре получили новое подтверждение. 29 января в газете «Право Лиду» была опубликована большая статья, посвященная эвакуации советских детей в Чехословакию. Автор статьи сообщил, в частности, что советское правительство прикомандировало к детям троих «воспитателей-евреев», которые к ним никого не допускают из страха противокommунистической пропаганды¹⁷³. В качестве доказательства были приведены слова, якобы

¹⁷⁰ ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 78. Л. 5. См. также: Там же. Ф. Р-5207. Д. 109. Л. 40.

¹⁷¹ Там же. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 78. Л. 12. Статья цитируется в переводе и пересказе П. Н. Мостовенко.

¹⁷² Там же. Л. 13.

¹⁷³ В действительности в состав Советского Педагогического бюро входили два воспитателя (В.И. Шульгин и Н.С. Раева) и один врач — Липа Борисович Нимен. Любопытно, что Липа Нимен, о котором так неместно упоминает чешский кор-

принадлежавшие доктору Л. Нимену: «[...] *Не к чему посторонним слушать рассказы детей о том, что происходит в России*». Далее корреспондент сообщил, что после ухода советского воспитателя он спросил детей, кого они любят больше — доктора Неймана [имелся в виду Л. Нимен. — Т.С.] или русских студентов. В ответ дети якобы дружно закричали: «Студентов, они учат нас читать, писать и грамматике». Здесь следует напомнить, что под «русскими студентами» подразумевались те самые бывшие офицеры, которые применяли по отношению к детям физическую силу и нещадно третировали тех из них, чьи родители были коммунистами. Главным же предметом в их образовательной программе были отнюдь не грамматика и грамота, а «Закон Божий». Статья завершается следующими словами: «*Привет вам, дети великого несчастного народа. Когда вы вернетесь в степи Поволжья, рассказывайте там о малом чешском народе, который вас так любил, хотя он и не народ коммунистов и объясните ему, что он и не мог стать таковым, потому что слишком любил свободу*»¹⁷⁴.

Историк А. Валиахметов, изучив материалы чешской прессы за 1922—1923 гг., пришел к выводу, что на протяжении всего времени пребывания эвакуированных детей в Чехословакии «сообщения о заботе и уходе за русскими детьми перемежались в “Právo lidu” с сообщениями о тяжелом положении детей в Советской России»¹⁷⁵. Так, например, 25 января 1922 г. в «Právo lidu» была опубликована заметка «Из голодающих земель», в которой помимо прочего было сказано: «Согласно журналу “Известия” в Краснохолмском крае пе-

---

респондент, не был коммунистом, за что его откровенно недолюбливал советский Полпред в Чехословакии П.Н. Мостовенко, считавший отправку Нимена за границу политической ошибкой. Прекрасный специалист, свободно владевший английским, французским, немецким и затем и чешским языками, автор ряда работ по санитарии и гигиене в детских учреждениях, Нимен пользовался заслуженным уважением своих западноевропейских и американских коллег. Много лет своей жизни он посвятил защите материнства и детства в послереволюционной России, созданию профилактической медицины, а также пропаганде санитарии и гигиены среди детей. (См., например: *Нимен Л.Б. Санитарная культура в детском саду* / Под ред. дир. Гос. центр. науч.-иссл. ин-та охраны здоровья детей и подростков НКЗ РСФСР Э.Ю. Шурпе. М.; Л.: Изд-во Лениблисполкома и Ленсовета, 1935; *Динин С., Нимен Л.Б. Разговор на чистоту про здоровье и чистоту*. Л.: Лениздат, 1944; *Нимен Л.Б. Материалы для санпросветработы в школе по борьбе с кишечными инфекциями*. М.: Институт санитарного просвещения, 1945 и др.)

¹⁷⁴ ГА РФ. Ф. Р-1064. Д. 78. Оп. 6. Л. 15.

¹⁷⁵ *Валиахметов А.* «Настроение в пути было добрым, расставание радужным и трогательным» (Из истории пребывания и эвакуации русских детей из Чехословакии в 1920-е гг.) // http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymoust/main/?path=mg:/numbers/2012_3_4/09/06/

реполнены детские приюты. Покинутые дети, сильно прижимаясь, ночуют под мостами и в отдаленных уголках. Каждый день на улицах находят несколько детских трупов»¹⁷⁶.

Таким образом, Советская Россия оказалась в крайне сложном положении. Руководство России не могло себе позволить пойти на открытый конфликт с правительством Чехословацкой Республики. В то же время оставить вышеуказанные факты без внимания было невозможно. В этих условиях Мостовенко предложил Чичерину, избегая «прямых нападок на Чешпра», принять следующие меры во избежание «вышеописанного цинизма»:

«1) Использовать в “Известиях” и “Правде” прилагаемое радио и мою ноту в виде статей под более или менее крикливым заглавием, вроде: “Врангелевские офицеры в роли воспитателей советских детей” или “Россия на распятии”. Статья должна быть составлена в максимум корректности по отношению к Чешпра, центр внимания должен быть направлен на “врангелевцев” и их “методы воспитания” [...] Вместе с тем впечатление и выводы должны получиться такие, чтобы без прямых нападок на Чешпра, путем подчеркивания фактических данных было ясно, в какую обстановку попали дети. 2) Помгол или НКВД должны обратиться к Гирсе в Москве о необходимости энергичнейшими мерами добиться, чтобы данное мне Чешпра обещание изолировать детей от эмиграции не осталось только на бумаге. Затем настаивать на его давлении на Чешпра, чтобы и приставленные к детям служащие, и семьи, куда разместятся ребята, были инструктированы и обучены не превращать ребят в объект откровенной политической пропаганды»¹⁷⁷.

Обстановка, в которую попали дети в карантинном лагере, а также появившиеся в чешской печати антисоветские статьи вынудили советское руководство пересмотреть свои позиции относительно эвакуации детей за границу. Правда, поначалу возможность их вывоза за пределы России по-прежнему не исключалась, речь шла лишь о предъявлении более жестких требований к принимающей стране. В частности, в январе 1922 г. в направленных в Москву комментариях по поводу сложившейся в Пардубицах ситуации Мостовенко подчеркнул, что «при следующих отправлениях детей в какие-либо другие государства необходимо обуславливать полную их изоляцию от эмигрантов». Полпред РСФСР сообщил также, что Болгарское правительство обратилось в Представительство РСФСР в Праге с пред-

¹⁷⁶ Цит. по: Валиахметов А. Указ. соч.

¹⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 78. Л. 14.

ложением принять в Болгарию 20 000 голодающих детей, и настоятельно рекомендовал при принятии решения учесть обстоятельства приема детей в Пардубицах¹⁷⁸. В результате, 31 января Деткомиссия ВЦИК приняла решение «отклонить предложение об эвакуации детей в Болгарию», «учитывая опыт эвакуации детей в Чехословакию». Болгарии было предложено оказать свою помощь голодающим детям на месте, «путем присылки соответствующих средств»¹⁷⁹. Отныне всем желающим принять на воспитание голодающих детей из России предлагалось использовать выделенные для эвакуации средства на оказание помощи детям непосредственно на территории России. Наконец, в июне 1922 г. по этому вопросу было принято принципиальное решение: *«ЦК Помгол решила принципиально никакой заграничной эвакуации детей не производить, прося все организации, желающие взять на свое обеспечение голододетей, оказать эту помощь присылкой соответствующих ресурсов в Поволжье»*¹⁸⁰.

Именно такое заключение было дано Деткомиссией в связи с предложением Нидерландского комитета помощи в Лейдене принять в Голландии для восстановления здоровья несколько тысяч советских детей. Аналогичные ответы получили весной—летом 1922 г. Ангорское правительство в ответ на предложение прислать в Турцию «на пропитание» 1 000 детей-мусульман и Британско-Американская комиссия помощи на предложение эвакуировать 150 детей и разместить их в нескольких приютах¹⁸¹. Были отклонены даже предложения, поступившие от коммунистических партий. Так, например, в феврале 1922 г. Компартия Чехословакии, получив предварительно согласие своего правительства, обратилось к Российскому Педбюро в Праге с предложением разместить в рабочих семьях Чехословакии 600 детей из голодающих районов России. *«Сейчас идет большая работа по подготовке к приему детей, — сообщил Шульгин в очередном отчете в Москву от 17 февраля 1922 г., — шьется одежда, собираются вещи и деньги. Считал бы совершенно необходимым согласиться на это предложение»*. Тем не менее, и это предложение также было отклонено¹⁸².

¹⁷⁸ Там же. Л. 7, 14.

¹⁷⁹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 83. Л. 5.

¹⁸⁰ Там же. Д. 109. Л. 102.

¹⁸¹ См.: ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 109. Л. 101—103, 113, 129.

¹⁸² ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 109. Л. 59. Официально данное предложение было отклонено, однако мы не можем с уверенностью отрицать факт эвакуации в Чехословакию дополнительной группы советских детей. Так, по данным ЦК Помгол, в ходе эвакуации Чехословакией было принято 468 голодающих детей Поволжья (ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 96. Л. 65; см. также: Помощь Чехо-Словакии // Известия

Неизвестный художник, 1920 г.

— ДЕТИ —
ЗАЛОГ БУДУЩЕГО
РАДОСТЬ
НАСТОЯЩЕГО

НЕДЕЛЯ
ОХРАНЫ МАТЕРИНСТВА и МАЛДЕНЧЕСТВА
БЕСПРИЗОРНОГО и БОЛЬНОГО РЕБЕНКА
с 30 АПРЕЛЯ по 8 мая

**ПОЛНО В КОНСУЛЬТАЦИЯХ—ПУС-
ТО НА ДЕТСКИХ
КЛАДБИЩАХ.**

**ЧЕМ
СОЗНАТЕЛЬ-
НЕЕ МАТЬ,ТЕМ
МЕНЬШЕ БОЛЕЮТ
У НЕЕ ДЕТИ.**

**ДЕТИ НЕ ДОЛЖНЫ
УМИРАТЬ!**

**ДРУЗЬЯ ДЕТЕЙ
ВОЗЬМИТЕ НА СЕБЯ
ЗАБОТУ О ДЕТЯХ
СВОЕГО ПРЕДПРИЯТИЯ,
ЖИЛКОПА, РАЙОНА, СЕЛЯ**

**ПОМНИТЕ, ЧТО И В
СВОЕЙ СЕМЬЕ ДЕТИ
ЧАСТО БЫВАЮТ
БЕСПРИЗОРНЫМИ
ВЗАИМОПОМОЩЬ—
ОБЯЗАННОСТЬ
ДРУГА ДЕТЕЙ**

**ЯЧЕЙКА ДРУЗЕЙ
ДЕТЕЙ СОЗДАЕТ
ДЕТСКИЕ САДЫ, ПЛОЩА-
ДКИ, ЯСЛИ, КЛУБЫ ДЛЯ
ДЕТЕЙ СВОИХ ЧЛЕНОВ**

Неизвестный художник (предположительно А. Соболева), 1925 г.

М. Буланов, 1929 г.

Уголок живой природы в детском саду для сотрудников аппарата ВЦИК. ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 117. Д. 7. Л. 168в.

«Уголок клуба» в детском саду для сотрудников аппарата ВЦИК. ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 117. Д. 7. Л. 168д.

Санитарная комиссия в детском саду для сотрудников аппарата ВЦИК. ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 117. Д. 7. Л. 168з.

Детский сад
совхоза
им. Сталина.
Московский музей
образования.

Уборка в столовой
летней школы.
1920-е.
Московский музей
образования.

Помощь Литвы
голодающим
Саратовской
губернии, 1921 г.

La famine en Russie. V.

LE FLOT DES AFFAMÉS

Les enfants affamés de la région de Saratov affluent à la ville pour être admis dans nos cantines où ils recevront un bon repas chaud.

11 francs par mois suffisent à nourrir un enfant pendant un mois. 55 fr. lui sauvent la vie!

La famine en Russie. VII.

CEUX QUE LA FAIM N'AURA PAS

Les comités affiliés à l'U.I.S.E. nourrissent 350.000 enfants dans la région de Saratov. Un shilling (un peu plus d'un franc-or) suffit à nourrir un enfant pendant une semaine. Une livre sterling (22 francs-or) suffit jusqu'à l'été et lui sauve la vie. Sauvez-la!

Благотворительные открытки в помощь голодающим Поволжья, выпущенные во Франции, 1922 г.

Ce 28.2. 1922

plus petit.

La famine en Russie. VIII.

NANSEN

Le Haut Commissaire F. Nansen assistant au déchargement d'un train de blé, par les étudiants de l'Université de Saratov. A côté de lui, M. L. Webster, qui dirige toute l'action du Save the Children Fund dans la province de Saratov.

Le patron est d'un grand numéros - 1cm 1/2 en moins pour un

Благотворительная открытка, в помощь голодающим Поволжья, выпущенная во Франции, 1922 г.

Конференция учащихся МОПШК, 1922—1923. Московский музей образования.

Школьный совет МОПШК. 1926. Московский музей образования.

Лотерейный билет Деткомиссии ВЦИК, 1925 г.

Лотерейный билет Деткомиссии ВЦИК, 1927 г.

А. Федоров, 1926 г.

Н. Поманский, 1928 г.

Выставка плакатов в летней школе, конец 1920-х гг. Московский музей образования.

Физкультура в летнем лагере, 1928. Московский музей образования.

Урок 2 класса МОПШК. 1934-1935 учебный год. Московский музей образования.

В школьном дворе, 1930-е гг. Московский музей образования.

Школьники-автомобилисты. 1930-е гг. Фотоальбом «Советская детвора» (М., 1936).

Праздничный пионерский марш. 1930-е гг. Фотоальбом «Советская детвора». (М., 1936).

Под опекой семей

По истечении карантина советских детей распределили в семьи в разных районах Чехословацкой Республики (219 в Чехии и 219 в Моравии, Словакии, Силезии)¹⁸³. На каждого ребенка перед передачей его в семью опекунов были заполнены специальные контрольно-учетные документы — «Индивидуальная карточка ребенка» и «Карточка учета размещения». В индивидуальной карточке указывались следующие сведения: 1) фамилия, имя, отчество; 2) пол и возраст; 3) физическое состояние и состояние здоровья; 4) рост, вес, обхват груди (на вдохе и выдохе); 5) педагогическая подготовка; 6) когда был принят. В карточке учета размещения, помимо данных самого ребенка (в том числе указания местности, из которой он прибыл), фиксировались данные его временных опекунов: адрес, социальное положение и профессия, состав семьи, перемещения семьи с указанием их причин.

Семья, принявшая ребенка на воспитание, обязывалась ежемесячно отчитываться по специально разработанной форме, включавшей следующие вопросы:

— Какое учебное заведение посещает ребенок и какова его «успешность».

— Какое количество времени ребенок ежедневно проводит в учебном заведении.

— Как ребенок проводит время вне школы, что входит в круг его интересов.

— «Характерное душевное состояние» (предлагались варианты: «довольный, общительный, грустный, замкнутый, раздражительный»).

— Поведение ребенка и его «проступки», а также «формы воздействия» на него со стороны опекунов.

— Изменения, произошедшие в характере ребенка за время его пребывания в семье.

ВЦИК. 1923. 26 июня. С. 5), а по данным Эвакбюро Наркомпроса в Чехословакию было вывезено 486 советских детей (ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 91. Л. 34). Напомним, что в декабре 1921 г. санпоездом № 40 в Чехословакию было привезено 439 детей. Являются ли расхождения в цифрах опечатками, неточностью статистического учета или действительно в Чехословакию были эвакуированы дети помимо тех, что прибыли санпоездом № 40? Если под числами 468 и 486 подразумевалось одно и то же количество детей, а просто по чьей-то невнимательности последние две цифры перепутали местами, то какое из чисел правильное? Ответов на эти вопросы в сохранившихся в архивах материалах, к сожалению, нет.

¹⁸³ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 109. Л. 128.

- На каком этаже и в каком помещении (светлом, темном, сыром, сухом) живет ребенок.
- Сколько всего комнат занимает семья.
- Как скоро ребенок устает от работы (умственной и физической).
- «Болезненные проявления» (имеются в виду несчастные случаи и недомогания), наблюдавшиеся у ребенка за отчетный период.
- Прибавка в весе и росте.
- Усвоение языка¹⁸⁴.

Очевидно, что приводимые в отчетах опекунов характеристики «душевного состояния» ребенка, его характера и «проступков», а также применяемых по отношению к детям «форм воздействия» и т.п. были весьма субъективны. В обязанности членов Педбюро входило регулярное посещение семей и школ, где жили и учились эвакуированные дети. Из отчетов, которые члены Педбюро ежемесячно отправляли в Деткомиссию ВЦИК, ЦК Помгол и Наркомпрос, в целом складывается весьма благоприятное впечатление об условиях жизни эвакуированных детей и отношении к ним опекунов. Как следует из документов, количество чешских семей, желающих взять на воспитание советских детей, существенно превышало численность эвакуированных ребят, что дало возможность выбрать в качестве опекунов наиболее зажиточных и имевших «хороший авторитет»¹⁸⁵. Вот как Л. Нимен описал жизнь советских детей в чешских семьях в отчете от 12 августа 1922 г.:

«...Все в хороших материальных условиях, весьма довольны. Только один мальчик, труд которого, очевидно, эксплуатировался, просил, чтобы его переместили в другую семью, о чем немедленно было сделано распоряжение. [...] Во время объезда приходилось во многих случаях наблюдать большую привязанность детей к семьям, где они живут, что объясняется, с одной стороны, психологией ребенка вообще, а также хорошими материальными условиями, в которые поставлены дети (у некоторых девочек видел по 12 платьев и по 5-ти пар ботинок). Отношение к детям всюду хорошее. Дети нигде не жаловались на применение телесных наказаний. Воспитывают детей в мелкобуржуазном духе. Стараются привить им религиозные навыки [...]».

Нимен также отметил, что все дети, за исключением двоих ребят, с первых же месяцев делают большие успехи в учебе, «учителя школ удивляются их способностям»¹⁸⁶. Спустя год положение в целом

¹⁸⁴ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 109. Л. 10—19.

¹⁸⁵ Там же. Д. 185. Л. 57.

¹⁸⁶ Там же. Д. 109. Л. 139.

оставалось столь же благополучным. «Условия жизни детей по наблюдению Педбюро вполне удовлетворительны, — сообщил Нимен в Москву 13 апреля 1923 г., — временами прекрасные. Питание всюду хорошее. Местами между опекунами и детьми установились отношения, не отличающиеся от таковых между родителями и собственными детьми. На телесные наказания жалоб выслушивать не приходилось. В школах были редкие случаи битья по рукам линейкой. Все дети обучаются в школах, некоторые помимо школы обучаются ремеслам [...] Случаев явной эксплуатации детского труда наблюдать не приходилось»¹⁸⁷.

Лишь единицы российских детей по неизвестным причинам не прижились в семьях опекунов. Чешская Земская комиссия объясняла возникающие проблемы исключительно сложным характером детей и, не разбираясь в причинах возникших сложностей, без согласования с Российским Педбюро всех не прижившихся в семьях детей помещала в специальные учреждения для трудновоспитуемых. Обеспокоенный возникшей тенденцией Л. Нимен провел обследование так называемых трудновоспитуемых подростков, а также условий, в которых они жили, и пришел к выводу, что «в таких случаях виноваты не дети». 8 ноября 1922 г. Нимен обратился в Министерство иностранных дел Чехословацкой республики с официальной нотой, в которой требовал запретить передачу детей в специальное учреждение без согласования с Российским Педбюро и без проведения соответствующего медицинского обследования¹⁸⁸.

Серьезное беспокойство Педбюро вызвало также исчезновение 13-летнего Егора Королева. Причины исчезновения мальчика выяснить не удалось. Произошел ли с ним несчастный случай? Или он сам убежал из семьи, и если да, то почему и какова его дальнейшая судьба? Многомесячные поиски Егора и проведенное расследование никаких результатов не дали. Возможно, судьба мальчика сложилась бы иначе, если бы члены Педбюро могли регулярно посещать своих подопечных, как это и планировалось изначально. Однако на практике осуществить регулярный объезд детей не удавалось. Семьи опекунов были разбросаны по различным частям страны, причем в подавляющем большинстве проживали далеко от железных дорог, что существенно усложняло работу Педбюро. Чешская же сторона, вопреки данным ею обязательствам, никакого содействия в объездах семей не оказывала¹⁸⁹.

¹⁸⁷ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 185. Л. 57.

¹⁸⁸ Там же. Д. 109. Л. 153.

¹⁸⁹ Там же. Д. 185. Л. 57.

За исключением единичных случаев, между эвакуированными детьми и их опекунами в Чехословакии сложились исключительно теплые, родственные отношения, что подтверждается многочисленными просьбами чешских семей об усыновлении своих подопечных. Эти просьбы не были неожиданными для правительства России. Из ранее высказанных чешской стороной предпочтительных условий эвакуации (отсутствие у детей родителей и их малолетний возраст) было ясно, что семьи, изъявившие желание принять русских детей, изначально были ориентированы именно на их усыновление, а не на временный приют. В связи с этим, вопрос о возможности усыновления эвакуированных детей чешскими семьями неоднократно поднимался на заседаниях Деткомиссии ВЦИК, в Наркомпросе и ЦК Помгол, а затем Последгол. На первый взгляд, советское руководство уже на раннем этапе эвакуации смирилось с тем, что отдельные случаи усыновления детей в Чехословакии неизбежны. *«Большинство желающих взять детей, — сообщил, в частности, Мостовенко в Москву 5 января 1922 г., — уже сейчас настаивает на их усыновлении, и, надо думать, большинство ребят мы в результате потеряем. С этим уже ничего не поделаешь»*¹⁹⁰. Тем не менее, в ответ на официальный запрос правительства Чехословакии о возможности усыновления эвакуированных детей семьями опекунов был дан категорический отказ.

Проект усыновления встретил отрицательное отношение как в Деткомиссии, так и в Наркомпросе, и в ЦК Последгол, причем, как сообщил Мостовенко, «означенные Учреждения считают необходимым при первой же возможности поднять вопрос о возвращении этих детей на родину»¹⁹¹. Тем не менее, по настоятельным просьбам семей опекунов Министерство иностранных дел Чехословацкой республики и Чешская Земская комиссия Попечения о детях еще неоднократно предпринимали попытки повлиять на точку зрения советского правительства в этом вопросе.

«Большинство семей, которые я посетил за последнее время, — писал Л. Нимен в августе 1922 г. — просило об усыновлении живущих у них детей. Всем указывал, что русское правительство на это не соглашается. Несомненно, что когда настанет момент отъезда, дети и родители пустятся на все средства, чтоб удержать детей у себя. Сами дети, быстро привыкшие к новой обстановке, часто обласкан-

¹⁹⁰ ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 78. Л. 13 об.

¹⁹¹ Там же. Ф. Р-1065. Оп. 3. Д. 80. Л. 3, 4.

ные и не имеющие никаких родных в России, по большей части не проявляют никакого энтузиазма при разговоре об отъезде в Россию. Наоборот, были случаи, что дети, узнав о приезде русских, желающих их провести, прятались, думая, что приехали забрать их обратно в Россию. Один семилетний ребенок встретил нас таким плачем, что сбежались соседи из ближайших дворов. Вопрос о реэвакуации детей, который, вероятно, станет скоро на очередь дня, будет вопросом несравненно труднее осуществимым, чем эвакуация детей из России»¹⁹².

Особенно сильно «сжились с семьями» своих опекунов дети младших возрастов, быстро усвоившие новый язык и новые традиции и почти забывшие русскую речь. У многих из них не было в России никаких родственников¹⁹³. Местные власти губерний, из которых были эвакуированы эти дети, не только не возражали против их усыновления, а считали это наилучшим вариантом для ребенка, которому на родине не могли предоставить даже место в детском доме. Так, например, отдел социального воспитания Симбирской губернии, не справляющийся с гигантским потоком сирот и беспризорников, охотно согласился на усыновление Григория Кострова его опекунами в далекой Чехословакии. Однако, игнорируя рекомендации Симбирского соцвосо, правительство подтвердило данный ранее запрет на усыновление мальчика, тем самым лишив его возможности иметь благополучную любящую семью. Советское правительство было непреклонно: усыновление иностранцами советских детей, даже малолетних сирот, которых в России никто не ждал, категорически запрещалось¹⁹⁴.

Реэвакуация:

«и дети, и опекуны будут сопротивляться отъезду к нам...»

Как указывалось выше, по условиям договора, детей эвакуировали на срок не менее 1 года. Тем не менее, советское правительство решило начать реэвакуацию раньше срока, во-первых, чтобы оградить детей от влияния «буржуазной среды», а, во-вторых, из опасений, что они будут «окончательно потеряны» для Советской России, т.е. не захотят возвращаться на ставшую им чужой Родину. Впервые вопрос о начале реэвакуации был поднят уже в октябре 1922 г., менее чем через год после приезда детей в Чехослова-

¹⁹² ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 109. Л. 139.

¹⁹³ Там же. Д. 185. Л. 58 об.

¹⁹⁴ См.: Там же. Д. 109. Л. 136, 137.

кию. Чем лучше были условия жизни детей в семьях опекунов и чем убедительнее были доводы чешской стороны, ссылавшейся на возникшую между опекунами и детьми глубокую привязанность, тем решительнее советское руководство требовало ускорить реэвакуацию¹⁹⁵. *«Судя по привязанности многих детей к семьям, в которых они были, и опекунов к ним, — предупреждал Л. Нимен советское руководство в сентябре 1922 г., — есть основания предполагать, что и дети, и опекуны во многих случаях будут сопротивляться отъезду к нам [...] Чем скорее мы приблизим срок реэвакуации, тем у нас увеличатся шансы вывезти большее количество детей»*¹⁹⁶.

23 ноября 1922 г. ЦК Последгол ВЦИК, Деткомиссия ВЦИК и Наркомпрос приняли совместное решение о необходимости «скорейшего» возвращения детей в Россию. Несмотря на то, что страна еще не отправилась от голода, детские учреждения были переполнены и по-прежнему обеспечивались продовольственными пайками менее чем на 50%, возвращение советских детей из Чехословакии было намечено уже на конец декабря 1922 г., в крайнем случае на начало января 1923 г.¹⁹⁷

В этой связи следует напомнить, что с 1 октября 1922 г. в России началась плановая внутренняя реэвакуации, а еще ранее — так называемая «самочинная» реэвакуация, остановить которую или хотя бы контролировать ее поток не было никакой возможности. *«Узнав о том, что голодная кампания закончена, и детей из голодгуберний отправляют обратно на их родину, — сообщалось в отчете Деткомиссии ВЦИК за сентябрь-декабрь 1922 г., — организации, содержавшие детские дома для голоддетей, стали отказывать [в] своей помощи. От них посылались постановления и заявления о расформировании детских домов и о немедленном приеме от них голодающих детей [...] Детей просто привозили группами и одиночек в чрезвычайную комиссию и оставляли, заявляя, что голод кончился, и дальше крестьяне содержать детей не могут. Возвращавшиеся крестьянами дети из голодавших губерний были исключительно круглые сироты, которых реэвакуировать было некуда. Вслед за тем аналогичные заявления и требования предъявили военные, а затем рабочие и др. профессиональные организации»*. В результате, к началу 1923 г. на попечении ЦК Последгол оказалось около 7 000 полных сирот, устроить которых

¹⁹⁵ См., например: ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 109. Л. 135, 141; Там же. Ф. Р-1065. Оп. 3. Д. 80. Л. 31.

¹⁹⁶ Там же. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 109. Л. 136.

¹⁹⁷ Там же. Л. 150, 151.

к родным было невозможно. В то же время, реэвакуированных детей не принимали на старом месте и отправляли в Москву, где уже образовалась «целая армия беспризорных детей», большинство из которых к этому времени уже «одичали, приучились к нищенству и воровству». *«Эти дети, — говорилось далее в отчете Деткомиссии, — лишайные, чесоточные, с паршами, в рубище, переполненном паразитами [...] гнили физически и морально, с каждым днем увеличивая кадр морально-дефективных субъектов и правонарушителей»*¹⁹⁸.

В Деткомиссию одно за другим начали поступать с мест просьбы приостановить реэвакуацию, которая «чрезмерно отяготила» еще не оправившиеся от «перенесенных невзгод губернии»¹⁹⁹. Именно в этих условиях в ноябре 1922 г. по настоятельному требованию советского руководства и вопреки здравому смыслу была достигнута предварительная договоренность с Чехословацкой республикой о начале реэвакуации детей в январе 1923 г. Чехам предлагалось за свой счет доставить детей к советско-польской границе и там передать советским представителям. При этом руководство Деткомиссии ВЦИК настаивало, чтобы, чешская сторона обеспечила реэвакуируемых детей всем необходимым (продовольствием, одеждой), не только, на дорогу до границы (что, как подчеркивал Мостовенко, «обязательно»); но и на «некоторый срок» их жизни на родине (4—6 месяцев)²⁰⁰.

В январе 1923 г. министерства иностранных дел и социального обеспечения Чехословацкой республики и Чешская земская комиссия попечения о детях в очередной раз выразили свое «недоумение» по поводу излишне «категорической позиции» советского правительства в вопросе о скорейшей реэвакуации и обратились к нему с ходатайством об оставлении детей «по крайней мере до окончания учебного года»²⁰¹. Поддерживая это ходатайство, Л. Нимен подчеркнул, что возвращать в Россию сирот в данный момент совершенно «нецелесообразно». Тем не менее, в феврале 1923 г. было принято совместное решение ЦК Последгол и Деткомиссии о срочной (не позднее 15 марта) реэвакуации 200 детей. В сообщении ЦК Последгол своему уполномоченному в Чехословакии подчеркивалось, что это решение «окончательное» и «все новые ходатайства Чехословацких Учреждений по этому вопросу являются бесполезными»²⁰².

¹⁹⁸ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 184. Л. 20—20 об. См. также: Там же. Д. 109. Л. 136.

¹⁹⁹ Там же. Д. 169. Л. 2.

²⁰⁰ Там же. Ф. Р-1065. Оп. 3. Д. 80. Л. 21, 10.

²⁰¹ Там же. Д. 185. Л. 15.

²⁰² Там же. Д. 80. Л. 31—33, 36—37.

Между тем, по данным Деткомиссии ВЦИК, положение губерний, из которых были эвакуированы дети, оставалось крайне тяжелым. В марте 1923 г. Деткомиссия была вынуждена не только замедлить темпы внутренней реэвакуации детей, но и полностью прекратить ее в некоторых районах. В первую очередь это касалось Татарской и Башкирской республик, Самары, а также регионов, в которых перевозка детей была возможно только гужевым транспортом, и из-за весенней распутицы все перевозки были прекращены. В этих регионах до открытия навигации (1 мая) реэвакуация допускалась только в виде исключения «по требованию самих голодгуберний»²⁰³. В отчете Деткомиссии за март 1923 г. констатировалось, что в районах, переживших голод, никакого улучшения положения детей пока нет. *«Наоборот, — подчеркивается в отчете, — в сравнении с предыдущим месяцем в некоторых губерниях определенно наблюдается ухудшение, увеличивается кадр нуждающихся детей, усиливается наплыв беспризорных, переполнены детские учреждения»*²⁰⁴.

В марте 1923 г. состоялась беседа Л. Нимена, сменившего Мостовенко на посту Полпреда РСФСР в Чехословакии, с министром иностранных дел Чехословакии Гирсой. В ходе этой беседы Гирса подтвердил, что требования России о реэвакуации, безусловно, будут выполнены, так как между государствами есть соответствующее соглашение. В то же время, министр добавил, что «с точки зрения Чехословакии, разумнее не торопиться, так как в России дети могут вновь попасть в тяжелые условия». Исходя из этого, он предложил разделить всех эвакуированных детей на 3 категории: а) имеющие родителей, способных прокормить и воспитать их; б) дети бедняков; в) сироты. Первую группу чешская сторона изъявила готовность отправить в Россию в любой момент и настоятельно просила не торопиться с реэвакуацией второй и третьей групп. Доводы Гирсы показали Нимену весьма убедительными. *«Я не знаю, по чьей инициативе дети затребованы в Россию, — писал он в Москву, — предполагаю, что это дело т. Мостовенко. Мне, казалось бы, что едва целесообразно тащить ребятишек, когда нет уверенности в том, что они будут поставлены у нас в сколько-нибудь сносные условия»*²⁰⁵.

Учитывая ситуацию в стране, Деткомиссия ВЦИК 29 марта согласилась ограничиться в данный момент реэвакуацией лишь тех

²⁰³ Отчет Деткомиссии за март 1923 г. // После голода. Издание ЦК Последгол ВЦИК. М., 1923. № 3. С. 114.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ ГА РФ. Ф. Р-1065. Оп. 3. Д. 80. Л. 29, 30.

детей, которые имели родителей, способных их прокормить. Сирот и тех детей, которыми «не интересуются их родители», было решено оставить еще на какое-то время в Чехословакии²⁰⁶. Конкретный список детей, подлежащих реэвакуации «первым транспортом», должно было составить Советское Педагогическое бюро в Праге.

Любопытно, что в это же время Советское правительство вело переговоры по аналогичному вопросу с правительством Бухарской республики, где в специальных детских домах находились около тысячи эвакуированных из Советской республики татарских и киргизских детей. Однако в этом случае позиции и России, и принимающей стороны были совершенно иные: советское правительство, ссылаясь на «тяжелое положение голодавших губерний», настоятельно просило «не торопиться с реэвакуацией» детей. Бухара, напротив, настаивала на необходимости скорейшего возвращения советских детей на родину в связи с острой нехваткой средств на содержание собственных сирот, не говоря уже о привезенных из России детях. Полпред РСФСР в Бухаре неоднократно обращался в ЦК Последгол с запросом: куда и за чей счет отправить 600 детей из интернатов Бухары, *«для которой содержание этих детей ввиду крайней ограниченности в средствах, очень обременительно»*. Но ответ заграничного отдела Последгола всегда был один: *«Старайтесь оставить детей в Бухаре»*. Решение о реэвакуации не было принято даже после получения в декабре 1922 г. известия, что в интернатах Бухарской республики советские дети голодают. *«Неужели Бухара не в состоянии прокормить 600 детей»*, — недоумевал в связи с этим заместитель председателя Деткомиссии ВЦИК В.С. Корнев. Наконец, в первых числах июня в Деткомиссию ВЦИК и ЦК Последгол из Бухары поступило сообщение, что советские дети сняты с довольствия, а интернаты, в которых они находятся, закрываются. Фактически это означало, что дети не только голодают, но и в любой момент могут оказаться на улице. Лишь после этого было принято решение о реэвакуации из Бухары 400 советских детей. В начале июля на специально собранные пожертвования они были отправлены в Казань. Одновременно Последгол констатировал, что на второй эшелон денег нет. Таким образом, судьба остальных детей, эвакуированных в 1921 г. в Бухару, остается неизвестной²⁰⁷.

С учетом событий, развернувшихся в Бухаре, настоятельные требования советского руководства как можно быстрее реэвакуи-

²⁰⁶ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 185. Л. 59; Ф. Р-1065. Оп. 3. Д. 80. Л. 52.

²⁰⁷ См.: Там же. Ф. Р-1065. Оп. 3. Д. 78. Л. 1, 2, 4, 7—9, 12, 14, 17, 18.

ровать детей из Чехословакии, невзирая на тяжелую ситуацию в стране, приобретают явно выраженный политический оттенок. В деятельности Деткомиссии, Заграничных отделов ЦК Помгол, а затем и ЦК Последгол отчетливо прослеживается столкновение идеологических и гуманистических приоритетов. Приходится с сожалением признать, что политические интересы порой оказывались важнее здоровья и жизни детей. Настаивая на скорейшем возвращении эвакуированных детей на родину, правительство России в то же время не имело средств даже на их транспортировку, не говоря уже о дальнейшем их обеспечении. Летом 1923 г. Московский отдел народного образования неоднократно направлял в Президиум Деткомиссии тревожные сообщения о том, что «принимающие» губернии спешат отправить реэвакуированных детей домой, а не оправившиеся от голода родные губернии отказываются принимать этих несчастных, оказавшихся никому не нужной обузой. После бесконечных перевозок из города в город «реэвакуированные» таким образом дети в большинстве случаев оказывались в столице, где пополняли ряды беспризорников.

«В Москву постоянно пребывают “реэвакуированные” дети из разных мест: из Ташкента, Украины, Могилевской губернии, Дагестанской, Самары и др. губерний, — сообщал МОНО в августе 1923 г., — причем почти все эти отправки произведены очевидно без всякого плана и системы: дети прибывают зачастую без сопровождающего и документов, без должного обмундирования и достаточного количества продовольствия, со списками (без печати), составленными крайне небрежно [...] Бесцельная переброска детей-сирот из детских домов одного города в детские дома по месту их происхождения или жительства и даже выбрасывание детей просто на улицу»²⁰⁸.

Следовало ли в этих условиях торопиться с реэвакуацией детей из Чехословакии? Ответ очевиден. Категорически настаивая на скорейшем возвращении детей в Россию и запрещая их усыновление чешскими семьями, Советское руководство в то же время было не в состоянии практически обеспечить реэвакуацию, которая приняла болезненно затяжной характер, растянувшись почти на 10 лет. С каждым годом все большее число детей хотело остаться в Чехословакии, где у них была относительно налаженная жизнь. Взрослеющие дети все больше привыкали к языку, культуре, традициям народа, среди которого жили, социально-экономическому и поли-

²⁰⁸ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 184. Л. 117.

тическому устройству государства, в котором выросли, получили образование и профессию. Некоторые, повзрослев, обзавелись семьями, детьми. Возвращаться на забытую и ставшую чужой Родину, где их ждала неизвестность, с каждым годом становилось все страшнее.

Часть эвакуированных детей, несмотря на старания советского руководства, осталась в Чехословакии. Показательной в этом отношении является судьба Пелагеи Кондрашовой, в Чехословакии проживавшей под фамилией Адальчик²⁰⁹. Семье Пелагеи, как и остальным опекунам, отказали в праве усыновления их воспитанницы, но девочка категорически отказалась возвращаться на родину. Рассмотрение ее дела затянулось на несколько лет, в июне 1929 г. оно было передано Деткомиссией в Народный Комиссариат по иностранным делам²¹⁰. К этому моменту Пелагея уже была замужем и имела ребенка. Историк А. Валиахметов нашел в фонде Министерства иностранных дел в Национальном архиве в Праге, материалы, свидетельствующие о том, что 17 января 1929 г. Чешская земская комиссия попечения о детях отправила в Министерство иностранных дел Чехословацкой Республики запрос по поводу Пелагеи Кондрашовой (в замужестве Адамчикова), в котором говорилось, что она «хотела бы вернуться в Россию со своим мужем, чехословацким гражданином, и со своим ребенком»²¹¹. Дальнейшую судьбу девушки восстановить не удалось, но скорее всего на родину она не вернулась²¹².

К сожалению, сейчас уже невозможно точно установить, сколько именно детей вернулись в Россию, а сколько остались в Чехословакии. К началу апреля 1923 г. лишь 25 эвакуированных детей по собственной инициативе изъявили желание вернуться на Родину, и родители 15-ти детей обратились в Деткомиссию и Наркомпрос с письменными просьбами как можно скорее их реэвакуировать. Полагая, что на самом деле родителей, ожидающих скорейшего возвращения своих детей, значительно больше, Нимен обратился

²⁰⁹ Фамилия опекунов Пелагеи Кондрашовой точно не известна. В российских документах Пелагея упоминается под фамилией Адальчик. Как установил А. Валиахметов, в замужестве Пелагея носила фамилию Адамчикова (см.: Валиахметов А. «Настроение в пути было добрым, расставание радужным и трогательным» (Из истории пребывания и эвакуации русских детей из Чехословакии в 1920-е гг.) // http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2012_3_4/09/06/). Остается не ясным, являются ли фамилии Адальчик и Адамчикова различными вариантами прочтения на русском языке чешской фамилии, либо это две разные фамилии: опекунов и мужа Пелагеи.

²¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 420. Л. 35.

²¹¹ Цит. по: Валиахметов А. Указ. соч.

²¹² ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 420. Л. 35.

в ЦК Последгол с просьбой выяснить этот вопрос и прислать ему полный список детей, которых следует отправить в Россию «первым транспортом». До уточнения этого списка было решено не предпринимать никаких практических шагов по организации транспортировки детей, таким образом начало реэвакуации вновь отодвинулось на неопределенный срок. С большим трудом советскому руководству удалось организовать в 1923 г. возвращение на родину 185 эвакуированных в Чехословакию детей, после чего было принято решение приостановить реэвакуацию до июня 1924 г.²¹³ Была ли она возобновлена в назначенный срок, точно сказать нельзя. Известно лишь, что в 1929 г. из Чехословакии в Россию были отправлены 66 «детей-переростков, вывезенных в свое время из голодающих мест СССР». Большинство из вернувшихся в Россию молодых людей успели получить в Чехословакии какую-либо профессию (сапожник, пекарь, пивовар, литейщик и др.)²¹⁴. Как приняла их Родина и как сложилась дальнейшая судьба этих людей? Были ли они рады своему возвращению, или, напротив, сожалели, что не воспользовались возможностью и не остались в Чехословакии? Подвергались ли они впоследствии преследованиям за свое «иностранное прошлое»? Сколько всего эвакуированных детей остались в Чехословакии и почему? Все это вопросы для отдельного исследования²¹⁵.

Затянувшаяся борьба с последствиями неурожа

Неурожай 1921 г. нанес тяжелый удар по только начинавшей формироваться советской плановой системе продовольственного обеспечения детских учреждений, в том числе так называемых детских учреждений закрытого типа, в которых воспитывались дети, лишенные родительской опеки. Выход из тяжелой ситуации затянулся

²¹³ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 91. Л. 2 об, 4.

²¹⁴ Там же. Д. 417. Л. 1; Д. 420. Л. 13.

²¹⁵ Любопытный (но, к сожалению, крайне незначительный по объему) материал по этому вопросу можно найти в статье А. Валиахметова «Настроение в пути было добрым, расставание радушным и трогательным» (Из истории пребывания и эвакуации русских детей из Чехословакии в 1920-е гг.) ([Электронный ресурс] // http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2012_3_4/09/06/). Статья написана по материалам Русской вспомогательной акции, хранящимся в фонде Министерства иностранных дел (Ministerstvo zahraničních věcí — Ruska pomosná akce) в Национальном архиве в Праге.

на несколько лет. Так, например, уполномоченный Екатеринбургской губернии А.А. Лукин в отчетном докладе за январь—февраль 1923 г. подчеркнул, что, как и в предшествующий период, *«вся работа Комиссии в целом шла под лозунгом спасения детей от голода. О культурно-моральном воспитании не могло быть и речи, ибо все были поглощены заботой прежде всего сохранить жизнь ребенка»*²¹⁶. Летом 1923 г. по данным Деткомиссии ВЦИК в целом по СССР насчитывалось 2 млн беспризорных детей²¹⁷. И их численность продолжала стремительно расти. Так, например, с апреля 1923 г. по апрель 1924 г. только в Самару прибыло 5 675 беспризорных детей, всего на 1 апреля 1924 г. в Самарской губернии насчитывалось 29 454 беспризорных детей. В Бузулукском уезде Самарской губернии на 1 июня 1924 г. было 1 736 беспризорных детей, а к 24 июля их численность выросла до 6 736; в Пугачевском уезде на начало августа 1924 г. насчитывалось 3 634 беспризорников, а к 1 октября — 5 134²¹⁸. Председатель Самарского губисполкома в октябре 1924 г. объяснил продолжающийся рост детской беспризорности и детской преступности именно тяжелыми последствиями неурожая.

В 1923—1924 гг. нормы детских продовольственных пайков практически не отличались от норм 1921—1922 гг., но даже и эти минимальные пайки дети, как и прежде, получали не полностью. Так, например, в Екатеринбургской губернии в марте 1924 г. дети по-прежнему не получали положенные по норме жиры, крупу, картофельную муку и чай, недополучали сахар и некоторые другие продукты. В начале года губерния на 10 866 воспитанников закрытых детских учреждений получила лишь 6 900 пайков²¹⁹. Даже в наиболее благополучных губерниях питание в детских учреждениях в лучшем случае можно было назвать «сносным». Такие продукты, как мясо, молоко, масло, яйца и многие другие, по-прежнему выдавали крайне редко. Например, в Воронежской губернии, считавшейся относительно благополучной, в домах ребенка кормилицам перестали давать молоко и сахар, а детям в лучшем случае давали по 1 стакану молока и 3 золотника сахара в день²²⁰.

Тяжелое положение детей в 1923—1924 гг. помимо прочих причин было вызвано переводом детских учреждений на финанси-

²¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5207. Д. 141. Л. 23.

²¹⁷ Там же. Д. 180. Л. 194.

²¹⁸ Там же. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 49. Л. 9 об — 10а об.

²¹⁹ Там же. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 141. Л. 23, 212.

²²⁰ Там же. Д. 191. Л. 15.

вание из местного бюджета. Это привело к закрытию многих школ и вынужденному сокращению численности детей в детских учреждениях закрытого типа, что фактически привело к их «выбрасыванию» на улицу.

***

В экстремальных условиях голода и борьбы с его последствиями как нельзя лучше проявились все противоречия советской послереволюционной действительности. Это и колоссальный отрыв реальной политической практики от декларируемых лозунгов, и сочетание в работе местных органов охраны детства, воспитательно-педагогического персонала детучреждений и просто общественников-энтузиастов инициативности и самопожертвования с халатностью, равнодушием и злоупотреблениями, граничащими с преступлением. Сюжеты об эвакуации детей из голодающих губерний и их последующем расселении в патронатные семьи, а также мучительном процессе переговоров об эвакуации детей за рубеж и сопровождавших весь период эвакуации политических интригах, пожалуй, наиболее емко аккумулируют в себе свойственные этому периоду проблемы и противоречия, наглядно демонстрируя недопустимость упрощенных подходов к изучению Российской истории и односторонних идеологизированных оценок советского прошлого.

4. Детство строгого режима

или Повседневная жизнь «государственных детей»
в Советской России. 1917–1930-е гг.

Одним из самых страшных последствий революции стало массовое голодание детей, которое началось в 1918 году и достигло своего пика в 1921 году. В это время в СССР — тогда включавший в себя также Украину, Белоруссию и часть Казахстана — начался страшный голод, который унес жизни миллионов людей. Дети, оставшиеся без родителей, оказались в детских домах, где они часто умирали из-за отсутствия пищи и медицинской помощи. Многие дети были брошены на улице или в лесах, где они часто погибали от холода и болезней. В это время в России существовали также детские трудовые колонии, где дети работали на тяжелых работах, что также приводило к их гибели.

¹ Голод в СССР 1921-1922 гг. / Док. и материалы. — М.: Центр «Современная Россия», 2001. — 128 с.

Изучение советского режима является одним из приоритетных направлений в отечественной исторической науке. В последние годы все более укрепляется понимание, что советский режим в действительности не был столь единым, унифицированным. Речь в данном случае, безусловно, не идет о «режиме» как государственном строе, методе правления. Речь идет об определенном распорядке жизни, совокупности правил, норм, ценностей, мероприятий, формирующих некую социальную реальность. В рамках советского режима существовали различные социальные реальности¹, в формировании которых, наряду с господствующей коммунистической идеологией и социально-экономической конъюнктурой, существенную роль играли исторические традиции и сложившиеся социально-культурные практики.

Особое место в советской системе занимают режимы воспитания детей, т.е. те условия, в которых дети выживали, росли, развивались физически, духовно и интеллектуально, приобретали личностные качества и навыки социализации. Дети и режимность в СССР — тема чрезвычайно широкая, включающая целый комплекс составляющих. Это, прежде всего, система воспитания в советских дошкольных детских учреждениях (ясли и сад), воспитание детей в школах и учреждениях досуга и внешкольного образования (пионерских домах, домах культуры, разнообразных кружках), жизнь детей в рамках октябрятской и пионерской организаций, их взаимоотношения внутри дворовых группировок, особенности семейного воспитания и воспитания в детских учреж-

---

¹ Подробнее см.: Режимные люди в СССР / Отв. ред. Т.С. Кондратьева, А.К. Соколов. М., 2009.

дениях закрытого типа, система профилактики детской преступности и прочих девиантных форм поведения детей и подростков и т.п.

В центре внимания данной работы — жизнь так называемых «государственных детей», то есть детей, по тем или иным причинам лишенных родительской опеки и оказавшихся на попечении государства. Эти дети оказались неизбежно втиснутыми в рамки определенного, зачастую довольно жесткого, режима, которому были подчинены и их физическое развитие, и личностное формирование.

Прежде всего, необходимо определиться с тем, что именно мы понимаем под понятием «режим», говоря о детских учреждениях. В это понятие входят следующие составляющие:

- финансирование детских учреждений и базирующаяся на нем система их обеспечения всем необходимым, включая продовольствие, одежду и предметы личной гигиены для воспитанников, посуду, мебель, топливо, учебные пособия и т.п.
- бытовые условия в детских домах (обеспеченность помещениями и их соответствие санитарно-гигиеническим нормам; наличие и состояние канализации, отопления, вентиляции, бань и прачечных, оснащение столовых и кухонь и т.п.) — вопрос, напрямую связанный с финансированием, но определяющийся сложным комплексом различных факторов;
- воспитание детей, в том числе формирование у них навыков самообслуживания, организация досуга и учебного процесса, идеологическое воспитание, воспитательные приемы и система наказаний;
- наличие, качество и своевременность оказания воспитанникам закрытых детских учреждений медицинской помощи (как лечебной, так и профилактической);
- наличие и действенность системы контроля за выполнением в детских учреждениях соответствующих законодательно-правовых норм, норм питания и обеспечения, профессиональной пригодности сотрудников, а также соответствия методов воспитания идеологическим принципам.

Все эти факторы и определяли повседневную жизнь детей в детских домах, коммунах, колониях и прочих детских учреждениях закрытого типа.

Поскольку основы режима в советских детских учреждениях, как и сама советская система защиты детей, почти полностью сформировались в первые десятилетия советской власти, в данной работе речь пойдет о периоде 1920—1930-х гг. Разносторонняя и

достоверная реконструкция системы финансирования и снабжения детских домов, а также повседневной жизни детдомовцев (где и в каких условиях, они жили, во что одевались, чем питались, во что играли, чему учились; как складывались их взаимоотношения с воспитателями и со сверстниками и т.п.) становится возможной лишь начиная с 1921 г., когда при ВЦИК была создана Комиссия по улучшению жизни детей (Деткомиссия ВЦИК), регулярно проводившая обследования детских учреждений и внесшая начала плановости в систему их снабжения. К моменту создания Деткомиссии ВЦИК в Советской России неизвестны были не только численность беспризорных детей и детей, нуждавшихся в устройстве в детские учреждения, но и количество детских домов, школ и прочих детских учреждений, а также численность их воспитанников. Соответственно и снабжение этих учреждений носило случайный характер. Относящиеся к этому периоду документальные материалы позволяют реконструировать лишь общую картину состояния детских учреждений и жизни детдомовцев.

Одним из ключевых, на мой взгляд, является вопрос о том, как именно формировался режим, в рамках которого должны были жить, взрослеть и проходить этап личностного становления дети, лишенные родительской опеки. Необходимо понять, в какой степени режим во всей совокупности этого понятия зависел от Центра (грубо говоря, «спускался сверху»), а в какой — формировался усилиями местных властей, наиболее активных представителей общественности, руководства и сотрудников, а также самих воспитанников детских учреждений. Насколько гибким или жестким был этот режим и насколько действенным был контроль со стороны Центра; существовал ли (и в какой форме) контроль со стороны общественности.

Фактически, управление детскими учреждениями закрытого типа, в которых дети проживали постоянно, находясь на попечении государства, было разделено между тремя основными ведомствами. Главным «детским» ведомством стал *Народный комиссариат по делам просвещения РСФСР*. В его ведении, помимо учреждений системы образования, находилось подавляющее большинство детских домов, детских городков, приютов, распределителей и прочих детских учреждений закрытого типа с воспитанниками старше 3-х лет, в том числе и специальные детские учреждения для слепых, глухонемых и так называемых «морально-дефективных детей», поначалу находившиеся в ведении Наркомсобеса; разнообразные опытно-показательные детские учреж-

дения («Опытный дом» Государственного психоневрологического института Наркомпроса РСФСР, Малаховская 4-я опытно-показательная станция Наркомпроса РСФСР и др.); детские дома для детей политэмигрантов, для испанских детей, детей III Коминтерна.

Детские учреждения для грудных детей и детей в возрасте до 3-х лет находились в ведении *Наркомздрава РСФСР*. Детские исправительные учреждения (закрытые детские колонии и трудкоммуны), а также возникшие во второй половине 1930-х гг. детдома для спецпоселенцев находились в ведении *НКВД РСФСР*. Такая система исправительных детских учреждений была достаточно запутанной и не имела единой ведомственной принадлежности. В частности, в ведении Наркомпроса оставалась сеть детских учреждений для «трудновоспитуемых» детей. Кроме того, в качестве исправительных учреждений в те годы нередко использовали детские дома для так называемых «морально-дефективных» детей, также находящиеся в ведении Наркомпроса².

Следует пояснить, что единых критериев идентификации «дефективных» и «морально-дефективных» детей не было. Работники органов Наркомпроса и местные власти нередко не делали разницы между детьми с отставанием в развитии, трудновоспитуемыми детьми и несовершеннолетними правонарушителями — все они, так или иначе, были отнесены к числу «дефективных». В результате, здоровые и не имеющие преступных наклонностей, но совершившие какие-либо правонарушения в поисках пропитания дети зачастую оказывались либо в детских домах для умственно-отсталых, либо в исправительных учреждениях среди своих сверстников, совершивших тяжкие преступления. В то же время дети с отставанием в развитии, в свою очередь, могли быть направлены в исправительные детские учреждения (как в детские учреждения Наркомпроса для трудновоспитуемых, так и в исправительные детские колонии НКВД).

В аналогичной ситуации были и дети с ограниченными физическими возможностями, которые чаще всего попадали в детские учреждения для детей с отставанием в развитии, но могли оказаться и в исправительных детских учреждениях. Так, например, в Институте трудового воспитания «Новая жизнь», созданном специально для перевоспитания девочек-правонарушительниц, в 1930-е гг. помимо воспитанниц, совершивших тяжкие правонарушения,

---

² Подробнее о сложившейся после октября 1917 г. государственной системе защиты детей см. первую главу данной монографии: «Забота о ребенке — прямая забота государства: Особенности формирования советской системы защиты детства (1917 — начало 1920-х гг.)».

проживали также девочки, «вступившие в раннюю половую связь и оторвавшиеся от школы и трудовой жизни», а также «физически-дефективные и умственно-отсталые девочки», не совершавшие никаких правонарушений и не уличенные ни в каких проступках³. Очевидно, что положение последних в данном учреждении было не просто тяжелым, а зачастую невыносимым. Девочки с нарушением развития подвергались наказаниям со стороны воспитателей и одновременно — эксплуатации и издевательствам со стороны воспитанниц с уголовным прошлым.

Проблема так называемой «смешанной комплектации» и отсутствия «четкой типизации» детских домов, когда в одном детском учреждении проживали воспитанники школьного и дошкольного возрастов, «трудные» и «нормальные», «умственно-отсталые» и здоровые, оставалась актуальной на протяжении всего довоенного периода⁴. Постоянный пересмотр сети детских учреждений закрытого типа не столько корректировал сложившуюся весьма несовершенную систему, сколько способствовал еще большей путанице в ней. Детей переводили то в одно, то в другое учреждение, детские дома передавали от одного ведомства другому. Детский дом, который еще вчера был совершенно обычным, на следующий день мог вдруг оказаться детским учреждением с особым режимом⁵. *«Детдомами пережито много всевозможных реорганизаций. Ребята настолько привыкли к этим реорганизациям, что уже смотрят на это безразлично»*⁶, — отметила, в частности, активистка-общественница Живчикова на состоявшемся в июле 1931 г. краевом совещании работниц по борьбе с беспризорностью. О масштабах происходивших реорганизаций свидетельствуют, например, последствия состоявшейся проверки инспекторами Наркомпроса РСФСР в конце 1936 г. состояния детских домов с особым режимом. По результатам проверки состоялся очередной пересмотр сети детдомов, в результате которого сеть детдомов для трудновоспитуемых сократилась с 76 до 57, а количество воспитанников в них — с 8 640 до 6 370. В том числе в Ленинграде из 10 детдомов для трудновоспитуемых было оставлено лишь 4, а в Москве — 5 из 11⁷.

Таким образом, очевидно, что жизнь «государственных детей» 1920—1930-х гг. не укладывалась в рамки какого-либо единого ре-

³ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 1634. Л. 4.

⁴ Там же. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5319. Л. 3.

⁵ См., например: Там же. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5317.

⁶ Там же. Д. 5280. Л. 15.

⁷ Там же. Д. 5333. Л. 27.

жима. Втиснуть ее в рамки трех определенных режимов, исходя из ведомственной принадлежности детских учреждений (детские учреждения Наркомздрава, Наркомпроса и НКВД) также невозможно. Помимо ведомственной принадлежности (оказавшейся, как видно из вышесказанного, весьма нестабильной), на формирование режима жизни их воспитанников влияли и многие другие факторы.

Как известно, функционирование любого учреждения зависит от его финансирования. Поэтому на вопросе о финансировании детских учреждений закрытого типа следует остановиться несколько подробнее.

Финансирование советских детских учреждений: сметы и реальность

Несмотря на свою значимость, проблема финансирования детских учреждений до сих пор не получила должного внимания исследователей. Между тем, проблема эта не только важна, но и весьма сложна и запутанна.

Вплоть до начала НЭПа финансирование детских учреждений формально должно было осуществляться государством. Наркоматы продовольствия и здравоохранения с участием Деткомиссии ВЦИК разрабатывали нормы питания (в годы неурожая в этой работе активное участие принимал также и Наркомат земледелия); далее Деткомиссия ВЦИК, исходя из данных, полученных в ходе разнообразных обследований и опросов, составляла заявки на выделение детским учреждениям необходимого количества продовольственных пайков. По этим заявкам отдел культуры Наркомфина составлял проект смет. Средства, необходимые на отопление, ремонт, приобретение санитарно-гигиенических средств, одежды и обуви, расходы на учебные пособия и культурные мероприятия также рассчитывались Наркомфином с учетом заявок Деткомиссии, а также рекомендаций Наркомпроса и Наркомздрава. В конечном итоге, все сметы утверждались ВЦИК и СНК. Забегая вперед, следует подчеркнуть, что на протяжении всего рассматриваемого периода итоговая смета базировалась преимущественно на проектах Наркомфина, которые в подавляющем большинстве случаев предусматривали значительно меньшие расходы, чем заявки Деткомиссии, проекты Наркомпроса и рекомендации Наркомздрава. Так, например, в 1925—1926 гг. по утвержденной смете

на материальное обеспечение одного воспитанника в год полагалось 21 руб. 30 коп., а по расчетам Наркомпроса РСФСР было необходимо как минимум 40 руб. На питание одного воспитанника детдома в среднем полагалось 85 руб. 20 коп. в год, в то время как по расчетам Наркомпроса — не менее 130 руб.⁸

Работники Наркомфина, исходя из реальной экономической ситуации, сознательно занижали сметы на содержание детей в госучреждениях, порой откровенно игнорируя рекомендации Деткомиссии и Наркомздрава, полагая их нежизненными и невыполнимыми. Однако главная причина недостаточного снабжения детучреждений заключалась в тот период отнюдь не в расчетливости или скупости руководства Наркомфина, а в том, что и эти урезанные, весьма скудные сметы, утвержденные центром, существовали лишь на бумаге. Разработанные и утвержденные Центром нормы продовольственного пайка, а также полагающиеся на одного воспитанника расходы на одежду, санитарно-гигиенические средства, культурно-массовые мероприятия и т.п. ни в коей мере не отражали истинной ситуации.

Наиболее наглядно пропасть между реальным обеспечением детских учреждений и утвержденными нормами можно проследить на примере продовольственных пайков. Вопреки грандиозным планам советского руководства по переустройству жизни воспитанников детдомов в соответствии с провозглашенным в Светской Республике новым, свободным, положением ребенка в обществе и государстве, деятельность Наркомпроса, Совета защиты детей, а позже и Деткомиссии в первые годы фактически свелась к спасению их от голодной смерти⁹.

Поначалу все расчеты калорийности детского питания, необходимого детям количества жиров, белков и т.п. носили теоретический характер, оставаясь лишь абстрактными рекомендациями по здоровому питанию детей. Единых общегосударственных норм продовольственного пайка не было. В каждой губернии, исходя из местных условий, были установлены свои суточные нормы питания. В подавляющем большинстве регионов (во Владимирской, Воронежской, Калужской, Псковской и других губерниях) эти нормы были едиными для всех

⁸ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 328. Л. 36.

⁹ Подробнее об этом см.: *Смирнова Т.М.* «Лучше вывести и расстрелять»: Советская власть и голодные дети (1917—1923 гг.) // Ежегодник историко-антропологических исследований, 2003. М., 2003. С. 226—245; *Ее же.* Дети лихолетья: Повседневная жизнь советских детдомовцев. 1917 — начало 1920-х гг. // Материнство и детство в России XVIII—XXI вв. Ч. I. М., 2006. С. 255—299.

воспитанников детских учреждений закрытого типа, независимо от их возраста и статуса учреждения. В ряде губерний нормы питания детей, находящихся на попечении государства, дифференцировались по возрасту, а в редких случаях и по состоянию здоровья. Так, в Москве и Московской губернии детские пайки были разделены на 3 категории: для детей от 3 до 8 лет, от 8 до 16 лет, а также для «дефективных» детей и детей, находящихся на санаторном лечении. В Иваново-Вознесенской губернии были разработаны 2 типа продовольственного пайка: для детских домов дошкольного типа, в которых воспитывались дети от 3 до 8 лет, и для детских домов школьного типа, в которых воспитывались дети от 7 до 18 лет. Для примера в таблице 4 приводятсяточные нормы питания «государственных детей», утвержденные в 1921 г. в Иваново-Вознесенской губернии¹⁰.

Таблица 4.

Суточные нормы питания

для детских учреждений Иваново-Вознесенской губернии, 1921 г.¹¹

	Детские дома и колонии дошкольного типа (для детей от 3 до 8 лет)	Детские дома и колонии школьного типа (для детей от 7 до 18 лет)
Мука или хлеб	0,75 фунта ¹²	0,75 фунта
Мясо	25,6 зол.	0,25 фунта
Жиры	2,1 зол.	6 зол.
Крупа	12,8 зол.	24 зол.
Сахар	6,4 зол.	6 зол.
Соль	1,6 зол.	3 зол.
Картофель	43 зол.	64 зол.
Корнеплоды	32 зол.	48 зол.
Яйца	0,75 штуки	1 штука
Молоко	2 стакана	1 стакан
Кофе	1,2 зол.	0,25 фунта в месяц
Клюква	3,2 зол.	—
Картофельная мука	0,8 зол.	—
Приправочная мука	—	0,5 зол.

¹⁰ Суточные нормы пайка в детских учреждениях, утвержденные в это же время в Москве и Московской губернии иллюстрирует таблица 4. Подробнее о нормах продовольственного пайка в детских учреждениях Советской республики того периода и их реальном обеспечении продовольствием см. приложение «Статистические данные по губерниям о численности детдомовцев и их обеспеченности продовольствием, медицинским обслуживанием и предметами повседневного пользования».

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 37. Л. 16.

¹² 1 русский фунт = 0,40951241 кг = 96 зол.

В среднем по стране в начале 1920-х гг. каждому воспитаннику закрытого детского учреждения, независимо от его ведомственной принадлежности, в сутки полагалось 200—300 г хлеба, около 100 г мяса или рыбы и столько же крупы, 300—400 г картофеля, по 12 г соли и сахара. В некоторых губерниях (но далеко не везде) в продовольственную норму включали также яйца (20 штук в месяц), молоко (по 1 стакану в день) и овощи или сухофрукты (около 200 г в день). Однако на практике питание детей в лучшем случае состояло из пшенной каши на воде, гороховой похлебки и суррогатного хлеба, практически не пригодного к употреблению. Особенно скудным — и по количеству, и по качеству — было питание в детских учреждениях для так называемых «дефективных» детей, которым по нормам полагался усиленный паек, приравненный к пайку в санаториях. Специалисты-диетологи постоянно работали над улучшением продовольственных пайков в соответствии с требованиями здорового питания для нормального развития ребенка. Вот, например, какое меню было разработано диетологами в 1928 г. для детей 2—5 лет (см. табл. 5).

Однако разработки диетологов никак не отражались на составе реальных пайков. Лишь в начале 1930-х гг. в реальном обеспечении детских учреждений намечаются некоторые улучшения. Примерные нормы пайка при этом практически не изменились, за исключением, пожалуй, хлеба и молока. Так, например, в Москве воспитанникам дошкольных детских домов по норме полагалось 400 г хлеба в день (по 200 г белого и черного), а воспитанникам детских домов школьного типа полагалось полкило хлеба в сутки (по 250 г белого и черного). Молока всем детям полагалось по пол-литра в день (табл. 6).

Во второй половине 1930-х гг. нормы продовольственного пайка подверглись существенной корректировке. Была заметно увеличена хлебная норма, существенно расширен ассортимент и объем молочной продукции. В обязательный паек вошли такие продукты, как творог, сыр голландский и сметана. Увеличение норм обеспечения крупами также сопровождалось расширением ассортимента с условием преобладания гречневой крупы. С 1938 г. в обязательный паек детских домов Наркомпроса вошли также печенье и конфеты монпансье (табл. 7).

Сметы Наркомфина неизменно вызывали критику со стороны Деткомиссии ВЦИК и Наркомпроса. Так, в направленном в Совнарком по итогам расширенного совещания сопроводительном письме Деткомиссии к смете Наркомфина 1938 г. подчеркивалось, что, в соответствии с заключением Института питания Нар-

Таблица 5

Диетическое меню для детей 2—5 лет, 1928 г.*

	Воскресенье	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота
завтрак	Молоко с сахаром, черный хлеб с маслом и сыром голландским	Кофе, хлеб с маслом, яйцо	Чай с молоком, хлеб с маслом, творог с холодной сметаной	Какао, хлеб с маслом, творог с холод. Сметаной	Молоко с сахаром яичница с хлебом с маслом	Кофе, Хлеб с рубленой печенкой	Чай с молоком, хлеб с маслом, варенец, нежирная ветчина
обед	1. Перловый суп 2. Котлеты говяжьи с морковным пюре 3. Компот из сухофруктов	1. Борщ со сметаной 2. Рисовый пудинг 3. Клюквенный кисель	1. Лапша молочная 2. Мозги жареные с жареным картофелем 3. Молочный кисель	1. Щи ленивые 2. Рыбные котлеты с отварным картофелем 3. Компот из урюка	1. Суп картофельный 2. Голубцы с мясом и гречневой кашей 3. Фруктовый мусс	1. Суп пюре из томатов со сметаной 2. Макароны с маслом 3. Кисель из вишен	1. Бульон с манной крупой 2. Печенка в сметане с картофельным пюре 3. Печеное яблоко
Полдник	Чай с молоком, пирог с яблоком	Кофе, хлеб с маслом, фрукты	Молоко с сахаром, крендели, фрукты	Чай с молоком, сдобный хлеб, фрукты	Кофе с молоком, печенье (Альберт), фрукты	Молоко, кулебяка, фрукты	Какао, ватрушки с творогом, фрукты
ужин	1. Котлеты картофельные с грибной подливкой 2. Печеное яблоко	1. Творожники с сладким соусом 2. Компот из сухих фруктов	1. Крупеник или омлет 2. Клюквенный кисель	1. Пудинг рисовый 2. Яблочный мусс	1. Запеканка из овощей 2. Компот из урюка	1. Яичница 2. Молочный кисель	1. Шарлотка 2) Кисель из вишен

* С. Питание детей. Примерное меню для детей в возрасте от 2 до 5 лет // Женский журнал. 1928 № 7. С. 24

Таблица 6

**Нормы расходов на питание в детских домах Наркомпроса РСФСР
в 1932 г. (в день на 1 воспитанника)***

	Детские дома дошкольного типа	Детские дома школьного типа
Хлеб	400 г	500г
Мука пшеничная подболтная	16 г	16 г
Мясо или рыба	50—55 г	50—55 г
Рыба	50 г	50 г
Масло животное	20 г	20 г
Крупа, макароны	65 г	65 г
Сахар	40 г	40 г
Яйца	10 штук в месяц	10 штук в месяц
Молоко	Пол-литра	Пол-литра

* Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 19, Л. 19. К сожалению, в материалах Деткомиссии по учету норм продовольственного обеспечения детских учреждений нет единообразия. Если в документах 1920-х годов указываются суточные пайки, то в аналогичных документах 1930-х гг. приводятся месячные и годовые нормы потребления на человека. В целях обеспечения сопоставимости данных, нормы питания по возможности были пересчитаны автором на ежедневный паек.

комздрава и наблюдениями сотрудников детских домов, детям в месяц необходимо не менее 3,5 кг мяса (в то время как смета предусматривала лишь 2 кг) и не менее полутора килограммов животного масла (в смете было заложено лишь 500 г)¹³.

Наряду с продовольственными расходами, в указанном сопроводительном письме подверглись критике и прочие расходные статьи представленной Наркомфинном сметы. В частности, в смете Наркомфина не были предусмотрены расходы на личную переписку воспитанников детдомов. Руководство Деткомиссии, в свою очередь, считало необходимым выделить на личную переписку воспитанников детдомов не менее 2 руб. 88 коп. на человека в год (из расчета 12 конвертов, 12 марок и 12 листов бумаги на каждого воспитанника в год). Серьезные опасения руководства Деткомиссии вызвал и тот факт, что Наркомфин не предусматривал для детских домов транспортные расходы, фактически лишая тем самым их воспитанников возможности совершать более или менее отдаленные поездки: экскурсии, выезд на лечение, на отдых и т.д. В более выгодном положении оказывались воспитанники детских домов, в которых имелись лошади. Однако и здесь не все было

¹³ Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 1645. Л. 55 об.

**Нормы расходов на питание в детских домах Наркомпроса,
1937—1938 гг. (на 1 воспитанника)***

Наименование про- дуктов	1937 г. в месяц, в кг	Цена продук- та в 1937 г., в руб.	1938 г. в месяц, в кг	Цена прод. в 1938 г., в руб.
Хлеб черный	8	0,85	9	0,85
Хлеб белый	8	1,70	9	1,70
Крупа греч.	2	4,30	2	4,30
Крупа манная	0,3	4,50	0,3	4,50
Крупа рисовая	0,3	6,50	0,3	6,50
Макароны	0,5	3,40	0,5	3,50
Мясо	2	7,40	3	8
Рыба	1,5	3,80	1,5	3,80
Сметана	0,5	10	0,5	6
Творог	1	1,30	1	2
Масло животное	0,5	16	1,5	16,50
Яйца	10 штук	5,50	10 штук	5,50
Сахар	2	за десяток 4,60	2	За десяток 4,10
Чай	0,1	0,80 за 10 г	0,1	0,80 за 10 г
Масло растительное	0,5	14,50	0,5	13
Картофель,	10	0,25	0,1	0,25
Овощи	10	0,25	10	0,30
Соль	0,5	0,14	0,5	0,07
Молоко	7,5 л	1,10	7,5 л	1,10
Сыр голландский	—	—	0,4	16
Сухие фрукты	—	—	0,5	8
Конфеты**	—	—	0,5	6,30
Печенье из муки 75%	—	—	1	7,05
Мука подболтная	—	—	0,5	2,90

* Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 1645 Л. 4.

** Так в тексте.

благополучно, поскольку заложенное в смете содержание лошади было существенно занижено. Деткомиссия также обратила внимание Совнаркома на несостоятельность предложенных Наркомфином расчетов по расходам на отопление детских домов, на санитарно-гигиенические мероприятия и т.д. В целом, как указывалось в письме Деткомиссии в Совнарком, общая сумма хозяйственных расходов в детдомах «нормального типа» в год в смете Наркомфина 1938 г. была занижена почти на 40 рублей (что составляло около четверти всей заложенной в смете суммы), а расходы на средства личной гигиены воспитанников были занижены почти на 11 рублей (то есть примерно на половину заложенной на год суммы)¹⁴.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 1645 Л. 46—55.

Однако и эти явно недостаточные средства, предусмотренные сметами Наркомфина, на пути к детским домам подвергались многократным корректировкам в сторону сокращения. Выплата средств осуществлялась из местных бюджетов, а региональные власти нередко по своему усмотрению занижали принятые нормы. Первое сокращение проходило на уровне республиканских правительств. Так, например, в декабре 1935 г. СНК Киргизской АССР по собственному усмотрению снизил установленные СНК РСФСР нормы содержания детей в детдомах с 1 045 руб. 60 коп. в год на 1 воспитанника до 946 рублей¹⁵. Затем нормы ассигнования пересматривали краевые и областные финансовые отделы. В частности, Западно-Сибирский краевой исполнительный комитет в 1934 г. снизил норму финансирования питания воспитанников детдомов с 400 до 122 руб. в год¹⁶. В конце этой цепочки финансовые ассигнования пересматривались районными финотделами и вновь в сторону сокращения.

В отчетах и многочисленных докладных записках председатель Деткомиссии ВЦИК Н.А. Семашко неоднократно сетовал на «преступное невыполнение» местными финансовыми отделами распоряжений Правительства и Наркомфина. «...Многие исполкомы и горсоветы — сообщает, в частности, Н.А. Семашко председателю ВЦИК М.И. Калинину в секретном донесении от 11 апреля 1934 г. — *снижают нормы содержания детей [...] несмотря на то, что СНК РСФСР утвержден специальный бюджет для детдомов. [...] В результате дети остаются голодными, грязными, оборванными и наблюдается массовое бегство ребят из детских домов и пополнение улиц “беспризорными”*»¹⁷.

«Недофинансирование» детских учреждений, прежде всего детдомов, становится в 1920—1930-е годы обычным явлением¹⁸. Так, Дорогобужскому школьному детдому Западной области, которому на содержание воспитанников по нормам полагалось 24 тыс. 198 руб., райисполком без каких бы то ни было пояснений установил финансирование в размере 16 тыс. 332 руб.; реально же перечислено было всего 8 тыс. руб. Жиздринскому детскому дому той же области за первый квартал 1934 г. вообще не было отпущено никаких средств, и 217 проживавших в нем детей оказались переведены «на подножный корм». Баранниковской детской колонии Ростовской области в июне

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 29. Л. 13.

¹⁶ Там же. Л. 4—5.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Д. 1708. Л. 13—20.

1938 г. вместо положенных по нормам 23 тыс. руб. на питание было перечислено 3 тыс. 800 руб., т.е. менее шестой части от необходимой суммы. Пролетарскому детскому дому вместо 12 тыс. 500 руб. было перечислено 4 тыс., т.е. менее трети положенных средств¹⁹, и т.д. и т.п.

Сложилась парадоксальная ситуация, когда партийные органы были вынуждены принимать специальные постановления с решениями «предложить» государственным продовольственным организациям выдавать воспитанникам детдомов положенную норму жиров²⁰. По данным прошедшего весной 1931 г. обследования детских домов Нижегородской губернии, недофинансирование стало причиной серьезного недоедания детей. Так, в Оранском, Понетаевском, Ежовском, Козьмодемьянском и Парангинском детдомах питание состояло только из хлеба и картошки. В Понетаевском детском доме были зафиксированы случаи заболевания воспитанников слепотой на почве недоедания²¹.

Еще хуже обстояло дело с ассигнованиями на прочие статьи расходов. Особенно неохотно финотделы выделяли детдомам деньги на ремонт, культурные и оздоровительные мероприятия. По данным Семашко, эти статьи расходов местные финотделы в подавляющем большинстве полностью игнорировали²². По свидетельству рабочих бригад, проверявших в начале 1930-х годов работу детдомов, местные финотделы нередко ограничивались перечислением детдомам авансов на питание и на зарплату, частично — на одежду²³.

Помимо недофинансирования, широкое распространение на местах получило и нецелевое использование средств. *«Стало обычным правилом, — подчеркивает, в частности, Н.А. Семашко в секретном донесении М.И. Калинину в апреле 1934 г., — что Исполкомы и Горсоветы, средства, отпускаемые государством на содержание детских домов, расходуют не по назначению (на постройку мостов, на содержание домов отдыха, на содержание пожарной команды, колхозных рынков и т.д.) [...] Можно было бы привести целый ряд возмутительнейших примеров, как обворовывают ребят, [...] как загоняют детские деньги на нужды, никакого отношения к детям не имеющие и т.д. и т.п.»*²⁴ Помимо откровенного расходования ас-

¹⁹ См., например: ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 34. Л. 4—5, 44—45. Д. 1708. Л. 15, 17—20.

²⁰ Там же. Д. 19. Л. 8.

²¹ Там же. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5280. Л. 46—58.

²² Там же. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 1708. Л. 13.

²³ Там же. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5280. Л. 52.

²⁴ Там же. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 29. Л. 4—5.

сигнований на детские учреждения не по назначению, достаточно широкое распространение получили и различные завуалированные формы нецелевого использования средств, а также использование средств не по назначению в силу халатности и нерадивости государственных служащих на местах. В 1930-х гг. нередко практиковался, например, такой порядок: деньги детским домам перечислялись местными финотделами с сильным опозданием, а в конце года областные финансовые отделы все деньги, не перечисленные в срок, списывали со счетов райфинотделов, как «неиспользованные». Местные продкомы, в свою очередь, под разными предлогами затягивали поставку продовольствия. В результате, часть перечисленных детским домам средств в конце года также списывались как «неиспользованные», но уже со счетов детских домов.

В сложившейся ситуации спасение детей фактически зависело от добросовестности, инициативности и элементарной порядочности персонала детских учреждений и руководства местных властей. Известно немало случаев, когда воспитанники детских учреждений выживали, росли и развивались исключительно благодаря заботе и инициативности воспитателей, которые за свой счет подкармливали детей, организовывали при детдомах подсобные хозяйства; договаривались с местным населением о поставке детям молока и овощей, шили своим воспитанникам одежду и даже некое подобие обуви²⁵.

К сожалению, более распространенной была обратная ситуация. Как показывают документы, на протяжении всего исследуемого периода на всех уровнях и по всей цепочке снабжения детей, включая столовые в детских учреждениях, процветали хищения. Регулярные обследования Деткомиссии свидетельствуют о систематическом воровстве в детских домах продуктов, одежды, постельного белья, мыла и т.п. В ряде детских домов, как указывается в документах, персонал (а иногда и вместе с родственниками) фактически существовал за счет детских пайков²⁶. Не меньший ущерб, чем воровство, наносили детям халатность и равнодушие сотрудников детучреждений. В ходе обследований проверяющие нередко сталкивались с ситуацией, когда воспитанники жили впроголодь, спали на кроватях

²⁵ Подробнее об этом см.: *Смирнова Т.М.* Дети Советской России (по материалам Деткомиссии ВЦИК. 1921—1924 гг.) // Социальная история. Ежегодник 2001—2002. М., 2003. С. 486—528.

²⁶ См., например: ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 17. Л. 17 об; Д. 26. Л. 72; Д. 48. Л. 33; Д. 82. Л. 24; Д. 102. Л. 27; и др.

без матрасов и постельного белья, ходили в обносках, в то время как на складах гнили мешки с мукой, пылились сотни метров неиспользованной мануфактуры или стопки постельного белья и матрасов²⁷. Так, например, в Каменецком детдоме Кромского района в 1934—1935 гг. при наличии большого запаса муки голодным детям выдавали в день лишь по 200 г хлеба²⁸. Воспитанники московского детского дома № 3 (на ст. Правда) в 1935 г. жили в грязи в помещении бывших конюшен и поросятника. К моменту проверки дети не мылись уже 28 дней, им не меняли ни нательное, ни постельное белье, не давали теплую одежду. При этом на складе пылились более тысячи чистых простыней, 1 200 наволочек, 1 300 полотенец, 300 пальто и т.д.²⁹

Комментируя сложившуюся ситуацию, проверяющие Деткомиссии систематически подчеркивали в своих отчетах и актах об обследованиях значимость личного фактора в деле улучшения как снабжения детей, так и их положения в целом. Ссылаясь на огромный фактический материал, проверяющие показывали, что даже при наличии прочих равных условий (ведомственная принадлежность, региональная подчиненность и финансирование), в детских домах, где персонал «болел за свое дело», ситуация радикально отличалась от тех детских учреждений, где персонал работал «по казенному», где процветали халатность и равнодушие³⁰. Так, например, в 1926 г. обследование детских домов Нижегородской губернии показало, что в детских домах губернии, несмотря на одинаковые размеры финансирования продовольственного обеспечения (25 коп. в день на питание одного ребенка), было совершенно разное меню и качество питания воспитанников разительно отличалось. Если в одном из обследованных детдомов детям давали «молоко, иногда какао, кофе, макароны, лапшу, грибы, горох, масло скоромное, сметану, сало», то в соседних дети не получали и половину указанных продуктов, а зачастую почти голодали³¹.

Достаточно благополучная ситуация сложилась в конце 1920-х гг. в Вологодском детском доме. Коллектив работников, как показало обследование Деткомиссии, проявлял к детям «исключе-

²⁷ Подробнее см.: *Смирнова Т.М.* «Лучше вывести и расстрелять»: Советская власть и голодные дети (1917—1923 гг.) // Ежегодник историко-антропологических исследований, 2003. М., 2003. С. 226—245.

²⁸ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 19. Л. 95—94.

²⁹ Там же. Д. 29. Л. 15 об.

³⁰ Там же. Оп. 1. Д. 1718. Л. 2—5, 9.

³¹ *Дербуков Н.* Плюсы и минусы в детских домах (По данным инспекторского обследования сети детских домов) // Школа и жизнь. 1926. № 11. С. 53.

чительное внимание и заботу». Между тем, в целом в Вологодской губернии положение воспитанников детских домов было плачевным, если не сказать катастрофическим: голодные дети были одеты в лохмотья, не получали никакой медицинской помощи. Работа персонала в этих домах «протекала самотеком», царили халатность и равнодушие, доходящие до «преступной жестокости»³².

В материалах обследований неоднократно подчеркивалось, что *все имеющиеся в детских учреждениях «достижения» обусловлены не государственной политикой, а, прежде всего, «преданным и добросовестным отношением» к своей работе персонала детских домов*³³; и что сокращение беспризорности происходит лишь «в тех краях и областях, где секретари Обкомов и председатели Исполкомов лично уделяют внимание» решению этих проблем и делают это не для отчетности, а в интересах детей³⁴.

Таким образом, мы переходим к кадровому вопросу: кто и как работал с детьми в детских учреждениях закрытого типа.

«Кадры решают все»

Известное сталинское выражение «кадры решают все» как нельзя лучше отражает ситуацию в сфере воспитания детей, оставшихся без попечения родителей. Пресловутый личный фактор оказался значительно важнее законов и инструкций, норм и финансовых смет.

Кадровому вопросу в сфере воспитания и обучения нового поколения изначально придавалось огромное значение. Считалось, что с детьми должны работать люди, обладающие не только высокими профессиональными качествами, но и соответствующей идеологической подготовкой, правильным «классовым лицом». Причем последние качества зачастую значили больше, чем профессионализм и уровень образования. Однако на деле не хватало не только «идеологически грамотных» опытных воспитателей с «пролетарской сущностью», но и просто грамотных людей. К тому же зарплату работникам детских учреждений платили крайне нерегулярно. Так, в начале 1920-х гг. работники детских учреждений не получали зарплату по несколько месяцев, часто не имели нормального жилья, были уставшими и озлобленными.

³² ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1 Д. 1718. Л. 2—5, 8, 9.

³³ Там же. Оп. 3. Д. 19.

³⁴ Там же. Д. 29.

Уполномоченный Наркомпроса Шульгин, посетивший в августе — сентябре 1921 г. детские учреждения Поволжья, Пензы, Астраханской, Самарской, Саратовской и Царицынской губерний, столкнулся с массовым «бегством» учителей, которые практически не получали зарплату с 1919 г.³⁵ На «бегство» педагогического персонала из-за невыплаты зарплаты регулярно жаловались и уполномоченные других губерний³⁶. По данным Наркомпроса, в 1921 г. в 14 губерниях нищенство среди учителей достигло 100%, а в остальных — 30—40%³⁷. В частности, учебно-воспитательная комиссия одной из школ Тверской губернии с горечью сообщала в Центр: *«Продовольствие, так называемые пайки, до того скудны, что существование на них невозможно, почему, как учащимся, так и учащим, приходится всеми правдами и неправдами добывать пропитание, топливо и освещение. Добытое вместе с пайками дает возможность только на полуголодное существование, что делает невыносимым правильную работу в школе»*³⁸. Да и эти скудные пайки выдавали нерегулярно и не полностью. В Самарской губернии, например, в 1922 г. школьные работники обеспечивались пайками только на 40%³⁹. Тульский губуполномоченный Аладышкин в феврале 1921 г. писал в своем докладе, что дети учителей «особенно страдают», они, «по словам очевидцев, буквально умирают с голоду»⁴⁰.

В наихудших условиях оказались учителя и воспитатели детских учреждений закрытого типа. При этом условия работы в таких детских домах и учебных заведениях при них были крайне тяжелыми: тотальный дефицит всего необходимого, включая помещение, перегруженность детских учреждений воспитанниками в два, а то и в три раза (причем многие из этих воспитанников имели солидный стаж беспризорной жизни и связь с криминальным миром), высокая заболеваемость как детей, так и воспитателей, отсутствие квалифицированной медицинской помощи и т.д.

Поскольку материальное положение воспитателей и учителей напрямую сказывалось на жизни детей, Деткомиссия ВЦИК в марте 1921 г. постановила *«заботы по улучшению положения учителей принципиально признать входящими»* в свою компетенцию⁴¹. В Пре-

³⁵ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 8. Л. 74об; см. также Д. 17. Л. 42; Д. 41. Л. 11; Д. 48, Л. 70.

³⁶ Там же. Д. 41. Л. 11.

³⁷ Там же. Д. 48. Л. 13; Д. 70. Л. 24.

³⁸ Там же. Д. 70. Л. 24.

³⁹ Там же. Д. 159. Л. 10 об.

⁴⁰ Там же. Д. 72. Л. 1 об — 2.

⁴¹ Там же. Д. 5. Л. 5.

зидиум ВЦИК была направлена просьба помочь «изнуренным холодом и голодом» учителям и утвердить это решение. Однако ходатайство Деткомиссии было отклонено⁴². В результате, в декабре того же года РКИ констатировала, что даже в столице Республики «снабжение учеников и учителей в сущности никакого не имеет, кроме основного гражданского пайка»⁴³. Стоит ли удивляться тому, что работники детских учреждений, работавшие в 2—4 смены и вынужденные подрабатывать и спекулировать, не слишком ревностно относились к своим обязанностям. В профессионально-технических школах Москпрофобра «пропуск занятий педагогическим персоналом» без уважительных причин достигал 30%, а в подведомственных МОНО школах — 6—10%. Отмечая это как существенный недостаток в работе МОНО, МРКИ тем не менее либерально относилась к росту спекуляции среди учителей, объясняя его их крайне тяжелым положением⁴⁴.

Все это привело к высокой «текучке» кадров в детских учреждениях и «засорению» их (особенно детских учреждений закрытого типа, где проживали дети, лишенные родительской опеки) людьми, не умеющими, да, порой, и не желающими работать с детьми.

Сотрудники детских учреждений делились в основном на две категории: энтузиасты своего дела и случайные люди, в число которых входил и уголовный элемент. Первых, к сожалению, оказалось меньшинство. Важное место среди них занимали «старые» работники системы просвещения, которых современники называли «фанатами дела»⁴⁵. Были и молодые энтузиасты, не имевшие опыта и соответствующей квалификации, но искренне переживавшие за своих воспитанников, мечтавшие построить государство счастливого детства.

Подавляющую часть персонала детских домов составляли люди, которым просто надо было где-то работать, как-то обеспечивать себя и свои семьи. Среди них были и бывшие преподаватели, которые по тем или иным причинам не смогли устроиться в школы и были вынуждены работать в детских домах⁴⁶. Кто-то делал это искренне и добросовестно, другие просто «тянули лямку» от безысходности. Среди сотрудников детских домов из числа людей, случайно оказавшихся в системе охраны детства, нередко встречались бывшие офи-

⁴² ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 15. Л. 3, 18.

⁴³ Там же. Д. 102. Л. 26.

⁴⁴ Там же. Д. 17. Л. 51- 52 об.

⁴⁵ Детский дом и борьба с беспризорностью... С. 14—15.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5280. Л. 8

церы, выходцы из духовенства и прочих социально чуждых слоев. Их неоспоримым преимуществом было хорошее образование. Будучи по своему происхождению представителями «социально чуждых» пролетариату слоев, эти люди обычно держались за свои рабочие места, боясь остаться на улице, были осторожны и их профессиональные нарушения редко выходили за рамки халатности и безынициативности. Так, например, в 1931 г. 6% заведующих детскими домами Нижегородского края составляли выходцы из духовенства; около половины всех заведующих причисляли себя к выходцам из рабочих и крестьян (29% и 25% соответственно); остальные по своему социальному положению относили себя к «служащим», что на практике чаще всего означало принадлежность к выходцам из непролетарских слоев⁴⁷. Среди рядовых воспитателей процент выходцев из социально-чуждых слоев был значительно выше.

Среди тех, кто устраивался на работу в детдома и интернаты не по призванию, а в «поисках хлебного места», в те годы было немало не просто неквалифицированных работников, но и лиц, не отягощенных нравственными принципами, — «лодырей» и пьяниц и откровенных аферистов и воров. В конце 1920-х гг. численность последних резко возросла после того, как в результате «чисток» соваппарата в сфере охраны материнства и детства образовалось множество вакансий, которые приходилось в спешке заполнять случайными людьми⁴⁸. Нередко на работу принимали тех, кто ранее уже работал с детьми и был уволен за такие грубые нарушения, как жестокое обращение с детьми, растраты и т.п.⁴⁹ В результате в детдомах и колониях еще более широкое распространение приобрело воровство продуктов и вообще всего, что можно было украсть у «государственных детей», включая матрасы и кровати; а лучшие комнаты детских домов либо отдавали персоналу, либо администрация сдавала их посторонним лицам, присваивая себе полученные от аренды средства⁵⁰.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5280. Л. 65 об

⁴⁸ Подробнее о «чистках» соваппарата см.: *Смирнова Т.М.* «Вычистить с корнем социально-чуждых»: Нагнетание классовой ненависти в конце 1920-х — начале 1930-х гг. и ее влияние на повседневную жизнь советского общества. (По материалам «чисток соваппарата» Москвы и Московской области). // *Россия в XX веке. Реформы и революция.* Т. 2. М., 2002. С. 187—205; *Ее же.* Чистки соваппарата как часть советской повседневности 1920—1930-х годов // *Вестник РУДН.* 2009. № 3. С. 103—120.

⁴⁹ См.: ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 29; Д. 34.

⁵⁰ См., например: Там же. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5280. Л. 51.

В середине 1930-х гг. Н.А. Семашко не раз с горечью писал М.И. Калинину и Н.С. Хрущеву о том, как сотрудники детских учреждений обворовывали своих подопечных, заставляли их по несколько дней «жить и спать на одной кровати с мертвецами»; о том, как представители местной власти забирали себе молоко от коров, принадлежащих детским домам, и т.п.⁵¹ Вот лишь несколько, из обнаруженных в ходе проверок, фактов. В Московском детдоме № 3 в 1935 г. вместо положенных на всех воспитанников 64-х кг мяса на обед давали всего 25—30 кг, т.е. менее половины нормы. Только за вторую половину ноября 1935 г. обслуживающий персонал этого детского дома, по подсчетам проверяющих, съел детских продуктов на общую сумму 12 тыс. руб.⁵² Крайне неблагоприятной была ситуация с кадрами в детских домах Челябинской области. Так, в 1935 г. в Аргояжском областном детском доме заведующий за 2 месяца растратил свыше 2 тыс. руб., в Воскресенском — 5 тыс., после чего сбежал; заведующий Коровинским детским домом той же области скрылся, прихватив с собой 2 500 руб.⁵³ В Полетаевском детдоме в июле 1936 г. детей (многие из которых были больны, в том числе и малярией) из-за ремонта разместили прямо на улице под навесами для скота и утвари. Никакой медицинской помощи им не оказывали, так как прикрепленный к детдому врач практически в нем не бывал, а если и появлялся, то был настолько пьян, что выполнять свои профессиональные обязанности был не в состоянии. В Щербаковском детдоме той же области прикрепленный врач посещал детей не чаще одного раза в два месяца.⁵⁴

Следует отметить, что указанные выше правонарушения были привычным явлением и обычно оставались безнаказанными. Наиболее распространенными видами наказаний за них были выговоры и взыскания по партийной линии. Однако даже среди руководства детских домов коммунисты и комсомольцы составляли лишь около половины общего числа, а среди рядовых сотрудников процент членов партии был крайне низок. Так, например, в детских домах Нижегородского края в 1931 г. коммунисты и комсомольцы составляли лишь 62% всех заведующих и 23% всего педагогического персонала⁵⁵. Таким образом, партийные и комсомольские взы-

⁵¹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 19. Л. 107; Оп. 3. Д. 29. Л. 4—5.

⁵² Там же. Д. 29. Л. 15 об.

⁵³ Там же. Д. 35. Л. 45; Там же. Д. 29.

⁵⁴ См.: Там же.

⁵⁵ Там же. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5280. Л. 65 об.

скания не могли быть действенным рычагом в борьбе с халатностью и должностными преступлениями в системе детских учреждений закрытого типа. Другие же рычаги по различным причинам не применялись. В частности, сотрудников детдомов, уличенных в растрате материальных средств или сбежавших с деньгами и материальными ценностями (а таковых было не мало), зачастую даже не пытались разыскивать и не заносили в «черный список». В результате, растратчики и воры с легкостью находили себе новую работу в другом детском учреждении. Так, уволенный из Ростокинского приемника за растрату Матвеев вскоре после увольнения, не понеся никакого наказания, был принят на работу в другой детский дом в качестве заведующего отделением для девочек (интересно, что вскоре после его назначения началось массовое бегство воспитанниц вверенного ему отделения). Заведующий Бело-Бережским детским домом Сорокин был осужден на 1 год принудительных работ за мошенничество, но после вынесения приговора благополучно продолжал «воспитывать» детей в том же детдоме⁵⁶. На сложившееся в Челябинской области катастрофическое состояние медицинской помощи воспитанникам детских учреждений (точнее, на ее полное отсутствие, несмотря на наличие прикрепленных к детдомам медработников) местные и центральные органы народного образования и здравоохранения обратили внимание лишь после специального доклада по этому вопросу председателя Деткомиссии Н.А. Семашко на заседании ВЦИК. По итогам этого заседания были объявлены выговоры заведующим Челябинским ОблОНО, облздравотделом, и председателю ОблДеткомиссии. Этим все и ограничилось. Никаких конкретных мер, направленных на улучшение качества оказания медицинской помощи воспитанникам детских учреждений Челябинской области, принято не было.

Возбуждение уголовных дел на представителей руководства детских учреждений в те годы было, скорее, исключением. Так, например, в 1935 г. заведующий Щербаковским детским домом Челябинской области «за развал работы» был осужден и приговорен к 4 годам заключения⁵⁷. В январе 1934 г. за развал работы Клейменовского Детского поселка Егорьевского района Московской области был привлечен к уголовной ответственности заведующий поселком Костин (однако, был ли он в итоге приговорен к реальному наказа-

⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 34. Л. 45.

⁵⁷ Там же. Д. 35. Л. 45; Там же. Д. 29.

нию, неизвестно). Медсестру поселка Брунину сняли с работы, врачу Брунину объявили строгий выговор, а заведующему Егорьевским РОНО Корякину и заведующему райздравотделом Корнееву — просто выговор. Комиссия партийного контроля посчитала наказание сотрудников Детского поселка, являвшихся членами ВКП(б), слишком мягким и сочла необходимым привлечь к уголовной ответственности также и завроно Корякина, и председателя Егорьевской райдеткомиссии и Егорьевского райисполкома Турунтаева. Однако Московская областная прокуратура не сочла целесообразным привлекать Корякина и Турунтаева к уголовной ответственности и вернула дело в Комиссию партийного контроля для привлечения их к партийной ответственности⁵⁸. Этим все и ограничилось.

Безнаказанность воспитательского персонала детских домов порой приводила к трагическим последствиям не только для воспитанников, но и для тех, кто пытался противостоять царящему в детских учреждениях произволу. Так, в 1935 г. Обком ВЛКСМ направил на работу в Любимский детский дом Ивановской области заместителя заведующего по воспитательной части А.А. Тешкина. Это решение было вызвано необходимостью принятия срочных мер для наведения порядка в детдоме, который, как показала проверка, «находился в ужасном состоянии»: педагоги били детей, в наказание лишали их еды. Попытка Тешкина наладить дисциплину среди персонала вызвала такое противодействие, что 31 января 1935 г. Тешкин застрелился⁵⁹. Никаких данных о заведении в связи с этим уголовного дела и наказании виновных в доведении до самоубийства найти не удалось.

Отсутствие строгих мер по отношению к руководству и рядовым сотрудникам детских учреждений обычно оправдывали острой нехваткой кадров, постоянной текучкой, о чем говорилось практически во всех отчетах Деткомиссии и ее местных уполномоченных. Так, например, в Московском детском доме № 3 в 1935 г. из-за отсутствия педагогов учебные занятия в ряде групп начались только 1 декабря, а в некоторых — не начались вовсе. После того, как заведующий Коровинским детдомом сбежал с украденными у детей деньгами, его должность оставалась свободной около года. В течение всего этого времени 110 воспитанников были на попечении единственного воспитателя, выполнявшего функции всего необхо-

⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 34. Л. 52—54.

⁵⁹ Там же. Д. 35. Л. 8—13.

димого персонала⁶⁰. Тем не менее, заведующие детдомов сменялись довольно часто. Так, в Саратовской области в 1935 г. было снято с должности 29 заведующих детских домов, в Ивановской области в том же году из 53 заведующих сменился 21⁶¹.

Об уровне квалификации воспитателей и педагогических работников в те годы красноречиво говорят материалы проведенной во второй половине 1936 года проверки педагогического состава в соответствии с постановлениями ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О порядке введения персональных званий для учителей, заведующих и директоров школ» и постановления ЦИК и СНК СССР «О персональных званиях для учителей начальных и средних школ». В ходе проверки, в частности, было выявлено значительное количество учителей, которые не имели среднего образования, а в ряде республик (таких, как Дагестанская, Чечено-Ингушская и др.) — даже и начального. Признав, что подавляющее большинство преподавателей «безусловно, не смогут» «сдать экзамены за курс педучилища», а освободить от работы всех учителей, чья квалификация не соответствует необходимым требованиям, невозможно, аттестационные комиссии решили в большинстве своем просто оставить все как есть, закрыв глаза на несоответствие преподавателей своим должностям. Любопытно, что в тех случаях, когда аттестационные комиссии все же решали освободить от должности учителей, воспитанники которых давали наиболее низкую успеваемость, эти учителя нередко (как это было, например, в Северо-Кавказском крае) вскоре возвращались на прежнюю должность решением краевых ОНО⁶². Аналогичная массовая аттестация воспитателей детских домов, к сожалению, проведена не была, но из материалов отчетов и проверок следует, что квалификация работников детдомов в среднем была значительно ниже квалификации школьных работников.

Острая нехватка квалифицированных кадров вынуждала смотреть «сквозь пальцы» не только на профессиональные и морально-нравственные качества персонала, но и на так называемое «политическое лицо» воспитателей. Даже в печально известные 1936—1938 гг., постоянно отмечая низкий уровень политической грамотности воспитателей и необходимость бороться за ее повышение, руководство Деткомиссии, тем не менее, на практике довольно лояльно относилось к подобным фактам. Как показали проверки, в регионах в конце

⁶⁰ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 29. Л. 15 об, 22.

⁶¹ Там же. Д. 35. Л. 45.

⁶² Там же. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2358. Л. 1—4, 36.

1930-х гг. большинство воспитателей детдомов были «политически малограмотны», «не разбирались в самых элементарных политических вопросах», таких, как события в Испании, содержание Конституции СССР, а также «не знали вождей партии и правительства». Вот лишь несколько примеров ответов, данных в ходе очередной проверки воспитателями детских учреждений Саратовской области в январе-феврале 1937 г.: *«Секретарь ЦК ВЛКСМ — Косарев или Потышев»*; *«Сталин — секретарь ЦК, а какого — позабыла...»*; *«Кто Нарком просвещения не знаю...»*; *«СТАЛИН — председатель ЦИКа, а Калинин — секретарь ЦИКа, кто Ворошилов и Каганович — не знаю»*; *«в СССР есть колонии, а кто такой Молотов я не знаю, он очень похож на Ворошилова, я их путаю»*; и т.д.⁶³ Никаких санкций к проявившим политическую неграмотность воспитателям по итогам проверки применено не было. Все остались работать на прежних местах.

Интересно, что в материалах уже упомянутой выше аттестации учителей 1936 г. основное внимание уделялось результатам их деятельности, т.е. успеваемости учащихся, а не их политической грамотности. Были даже внесены предложения ввести ответственность учителей за учеников-второгодников и, напротив, поощрять учителей, у которых был наибольший процент отличников⁶⁴. Также уделялось внимание вопросу о владении учителем педагогической методикой, участии его в общественной работе. О социальном происхождении учителей и их политической грамотности практически ничего не упоминалось⁶⁵.

Как показали проверки Деткомиссии и РКИ, решение кадровой проблемы в детских учреждениях закрытого типа осуществлялось преимущественно теоретически, на уровне политических выступлений, докладов на конференциях, статьях в прессе. На практике же решение этой проблемы нередко оказывалось пущенным на самотек. В частности, проверяющие регулярно отмечали в своих отчетах, что «работники райкомов комсомола — редкие гости в детдомах», «методического руководства со стороны ОблОНО нет»,

⁶³ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 35. ЛЛ.102—90.

⁶⁴ В феврале 1937 г. был разработан проект Постановления СНК РСФСР «о разрешении Наркомпросу РСФСР использовать совхоз “Комсомольская отрада” и усадьбу бывшего графа Орлова-Давыдова с капитальным Дворцом и парком для организации дома отдыха для учителей-отличников». В феврале — марте между Наркомпросом, СНК и Наркомфином состоялась активная переписка по этому вопросу, однако соответствующее постановление так и не было принято. См.: Там же. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2352. Л. 81—83.

⁶⁵ См.: Там же. Д. 2357, 2358.

«районы детдомам уделяют мало внимания», опыт лучших детских домов не получает должной оценки со стороны органов народного образования и опыт лучших детучреждений «ОблОНО не распространяет»⁶⁶. Кадровые распоряжения Наркомпроса на местах исполнялись частично либо вовсе игнорировались. Так, например, в октябре 1935 г. нарком просвещения А.С. Бубнов направил председателю Комиссии Советского контроля (КСК) при Совнаркоме СССР Н.К. Антипову докладную записку о неразвитости в стране системы персонального учета педагогических работников. В частности, по утверждению Антипова, в Наркомпросе на тот момент имелись подробные данные только на 357 директоров средних школ, а более чем о трех тысячах директоров не было почти никаких или вовсе никаких (включая фамилию и имя) данных⁶⁷.

Исходя из исключительной значимости кадрового вопроса, было решено кандидатуры всех директоров и учителей 8—10 классов средних школ утверждать на уровне Наркомата просвещения РСФСР. С этой целью Наркомпрос начал сбор персональных данных на директоров и учителей старших классов средних школ. В соответствии с приказом наркома просвещения от 7.09.1936 г. за № 733, все заведующие край- и ОблОНО, а также наркомы просвещения АССР обязывались к 1 декабря 1936 года предоставить в Наркомпрос РСФСР данные на всех директоров средних школ подведомственной им территории. На практике требуемые данные к указанному сроку предоставили лишь наркомы просвещения двух АССР (Чувашской и Мордовской) и заведующие ОНО трех областей (Ивановской, Калининской и Курской). Заведующие ОНО Московской, Ленинградской и еще ряда областей (Горьковской, Сталинградской, Свердловской, Кировской, Воронежской, Ярославской, Оренбургской, Западной и Саратовской) предоставили неполные данные, а наркомы просвещения Крымской, Немецкой и Якутской АССР, заведующие Западно-Сибирского и Дальневосточного КрайОНО, Челябинского и Восточно-Сибирского ОблОНО не предоставили вообще никаких данных⁶⁸. В результате, к началу декабря 1936 г. из 4 175 директоров средних школ официально Наркомом просвещения РСФСР были назначены 1 050⁶⁹.

Высокие требования, предъявляемые властью к воспитателям и учителям, сталкиваясь с жизненными реалиями, превращались в

⁶⁶ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 1754. Л. 65, Д. 1725. Л. 2.

⁶⁷ Там же. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2352. Л. 28.

⁶⁸ Там же. Л. 1—2.

⁶⁹ Там же. Л. 43.

не более чем благие пожелания. Учителей катастрофически не хватало даже в обычных средних школах крупных городов, включая Москву и Ленинград. Так, например, в феврале 1937 г. Ленинградский Облисполком принял решение: в целях обеспечения школ учительскими кадрами «категорически запретить РОНО и Райисполкомам самовольно освобождать от должности учителей или переводить их на другую работу». Такое решение могло быть принято только по личному разрешению заведующего облОНО⁷⁰. Очевидно, что в детских домах школьного типа вопрос обеспечения педагогическими кадрами был еще острее.

Особенно тяжелой ситуация с кадрами была в детских домах Наркомпроса для трудновоспитуемых детей и в исправительных детских учреждениях НКВД. И руководство НКВД, и руководство Деткомиссии постоянно отмечали текучку и низкую квалификацию педагогов и воспитателей, работавших в исправительных учреждениях НКВД и трудколониях Наркомпроса РСФСР. Работать с детьми, бывшими таковыми только по возрасту, но не по поведению и самоощущению, успевшими познать все «прелести» уличной жизни (наркомания, алкоголизм, проституция, воровство и т.п.), педагоги в большинстве своем не просто не хотели, но и боялись. На состоявшемся в январе 1937 г. совещании директоров детских домов с особым режимом подчеркивалось, что набирать сотрудников в эти детдома удастся лишь путем мобилизации, по собственному желанию на работу в них никто не идет. В частности, мобилизованные комсомольцы соглашались на эту работу из страха лишиться комсомольского билета. По этой же причине боялись впоследствии увольняться. *«Комсомол мобилизовал — уйти неудобно, потому что потеряешь комсомольский билет, — говорится, в частности, в стенограмме совещания, — вот и начинается пьянка или с ребятами курят [...] Получилось такое положение, что не знаешь кого усмирять, — воспитанников или персонала»*⁷¹. Так, например, в детском доме «Рудневка» в Вышнем Волочке Калининской области воспитатели-комсомольцы вместе с детьми воровали у крестьян картошку, куриц⁷². Известны случаи, когда сами воспитатели своим поведением способствовали «разгрому» детских учреждений. Например, в октябре 1928 г. бывшие беспризорники разгромили детскую колонию в Тверской губернии недалеко от Торжка.

⁷⁰ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2352. Л. 8.

⁷¹ Там же. Оп. 70. Д. 5343. Л. 49.

⁷² Там же.

Проведенная проверка показала, что «бунт» воспитанников колонии был вызван систематическими издевательствами над ними заведующего. *«Заведующий колонии Виноградов, — писали позже в газете «Голос текстилей», — избрал полицейский метод воспитания. На воспитанников он старался воздействовать револьвером и арестами. Это привело к печальным результатам. На днях Виноградов, ожесточенно ругаясь, выстроил детей в ряд и стал читать им наставления, сводившиеся к угрозам посадить в тюрьму. Воспитанники решили отомстить. На другой день они разбили стекла, шкафы, кровати. Разрушили все в бане и прачечной. Достали из кладовки свои вещи и в количестве 20 человек ушли из колонии. Была подожжена солома, но пожар был вовремя замечен и предотвращен»*⁷³.

Московский трудовой дом на Шаболовке корреспондент «Комсомольской правды» назвал «университетом для молодых воров», «притоном под вывеской трудового дома». *«Надзиратели всячески стараются потакать “вожакам”, — писала «Комсомольская правда», — они попросту заискивают перед уголовниками в страхе перед местью за стенами дома. Смотрители за малейший проступок избивают слабых и совершенно не трогают виновных, которые сильнее [...] Некоторые из служителей в качестве побочного занятия торгуют на рынке старьем. На рынке надзиратель знакомится с уголовным элементом [...]»*⁷⁴.

В 1931 г. воспитанники Веркеевской детской колонии Унечского района Западной области устроили погром в день празднования годовщины Октябрьской революции, объяснив свои действия тем, что «воспитатели устроили себе пирушку, а дети голодали»⁷⁵. Проведенная через год проверка воспитательной работы в этой колонии показала, что основным воспитательным приемом в колонии является «мордобой» со стороны воспитателей⁷⁶.

Непростой была и ситуация с кадрами в местных отделах народного образования. В частности, в декабре 1936 г. заместитель председателя Деткомиссии Аранович после обследования работы Воронежского ОблОНО пришел к выводу о профессиональной непригодности большинства инспекторов народного образования:

⁷³ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 420. Л. 141. см. также: Голос текстилей. 21 окт. 1928.

⁷⁴ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 420. Л. 77; см. также: «Университет молодых воров». Притон под вывеской Трудового дома. Вместо исправления — воровская квалификация // Комсомольская правда. М., 12 янв. 1929.

⁷⁵ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 23. Л. 9—9 об.

⁷⁶ Там же.

«Из личного ознакомления и длительного собеседования с ними о методах их работы, а также по культурному уровню их можно с полным основанием сделать вывод о неспособности их выполнять функции инспекторов ОблОНО»⁷⁷.

Практически все проверки детдомов, проводимые в 1930-х годах Деткомиссией, Наркомпросом либо партийными органами, неизменно приводили к выводу, что кадры *«еще далеко не стоят на высоте и оставляют желать лучшего»* и лишь единицы искренне болеют за свое дело⁷⁸.

Известный российский актер, каскадер и профессиональный телохранитель, вице-президент Общероссийской Федерации по рукопашному бою Алик Гульханов, вспоминая свое детдомовское детство, очень ярко и наглядно охарактеризовал значение роли воспитателя не только в повседневной жизни воспитанников детских домов, но и в формировании их личностных качеств и последующей судьбы. *«Вы знаете, я был в пяти детских домах, — рассказывал Гульханов в телевизионном интервью. — [...] Всё зависит от руководства детского дома. Я, например, очень благодарен руководителю моего последнего детского дома Валентине Викторовне Блинкиной. Дай ей Бог здоровья и счастья! Она подняла нас на ноги, она нас сделала людьми. Мы смотрели на нее, как на мать. Первый директор детского дома, в котором я находился, был настоящим зверюгой и воспитателей подбирали себе под стать. Второй директор пришёл, чтобы доработать до пенсии. Получилась настоящая анархия. А после них пришла Валентина Викторовна. Она увлекла нас идеями, спортивными делами, и мы пошли за ней»⁷⁹.* Гульханов родился в 1972 г. и его детство пришлось совсем на другие годы, но описанные в его воспоминаниях три основных типа воспитателя детдома («настоящий зверюга», «как мать» и человек, формально исполняющий свои обязанности, чтобы «доработать до пенсии») столь же типичны были и для России 1920—1930-х годов.

⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 35. Л. 109.

⁷⁸ Там же. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5333. Л. 9.

⁷⁹ Из интервью с А. Гульхановым на передаче «Русский взгляд. Усыновление». Текст интервью см.: www.foma.ru/articles/fomaonline/

Условия жизни детей в закрытых детских учреждениях

В изданном Деткомиссией в 1923 г. сборнике «На помощь ребенку» детский врач Халевская с восторгом рассказала о создании в Советской республике чудесных «лесных школ», в которых *«дети прекрасно прибывают в весе, из вялых и медлительных превращаются в веселых, жизнерадостных и бодрых, лучше воспринимают все преподаваемое им, закаляются, перестают быть чувствительными к так называемой простуде»*⁸⁰. К сожалению, эта идиллическая картинка отражает скорее мечты и надежды работников советских детских учреждений, воплотить которые в жизнь оказалось весьма затруднительно. Тем не менее, полностью отрицать существование в послереволюционной России описанных Халевской чудесных детских учреждений также нельзя. Адекватная оценка сложной и крайне противоречивой картины повседневной жизни советских детдомовцев 1920—1930-х годов возможна лишь на основе комплексного анализа всей совокупности факторов, с учетом исторической динамики, региональных аспектов, влияния личного фактора и т.п.

«Дворцы детям!»

Старые дореволюционные приюты, в которых, по словам работников советских органов соцобеспечения, «молот порабошения дробил молодые души в куски», с первых же дней существования новой власти подверглись резкой критике. *«Грязные, неудобные здания с пустыми комнатами и голыми стенами. В каменных зданиях — скверные лестницы, большие переходы, сильнейшие сквозняки. В маленьких домах — теснота, отсутствие свободного места для игр и занятий, холодные сени, куда постоянно открываются двери. Везде ужасные уборные: в них зловоние и холод, вонь и что-то бесконечно скучное и давящее»*⁸¹, — так мрачно описала А.Д. Калинина старые дореволюционные приюты. Эти «давящие казематы» было решено заменить новыми детскими домами с «наилучшими условиями» для «нормального и здорового развития как в физическом, так и в духовном отношении»⁸².

⁸⁰ На помощь ребенку. Пг.; М., 1923. С. 38.

⁸¹ Калинина А.Д. Десять лет... С. 25.

⁸² Там же. С. 26; Радин Е.П. Как создает Советская Республика из детей поколение людей-великанов духа // Ко второй годовщине Октябрьской революции. М., 1919. С. 7—8.

В первую очередь было решено предоставить детям просторные светлые помещения. Действительно, ряд особняков был передан под детские учреждения. Так, например, особняк некоего К----т был передан детскому санаторию «Мозен». Вот, как описывает этот санаторий отдыхавший в нем 14-летний Женя Б.:

*Красив наш санаторный дом.
5 месяцев прожил я в нем.
Террасы, вышки и балконы,
Под крышей гнезда разных птиц.
Красиво так расположен
Неровный уровень окон,
Громоотвод и длинный шпиль,
Опрятно убрано крыльцо.
В нем жил когда-то К - - - - т⁸³.*

Именно такими должны были стать все детские учреждения и, в первую очередь, детские учреждения закрытого типа, заменяющие детям дом и семью. Однако реальность была далека от вышеописанной идиллической картинки. В условиях острого жилищного кризиса и экономической разрухи нехватка помещений стала одной из острейших проблем, вставших перед Деткомиссией. Не всегда удавалось получить даже здания бывших детских учреждений, не говоря уже о передаче детям других помещений, в том числе обещанных «дворцов». По иронии судьбы в переданных под детские учреждения особняках порой располагались детские исправительные учреждения (например, одной из детских колоний было передано имение бывшего помещика Полторацкого под Торжком), в то время как обычные детские дома, в том числе и для дошкольников, получали совершенно непригодное для жизни помещение, вплоть до бывших конюшен.

В отчете за первые два месяца работы Деткомиссия была вынуждена констатировать: «*Лучшие здания в городах, часто бывших школьных помещений и помещений детучреждений, заняты различными бесчисленными организациями, канцеляриями, военным ведомством и воинскими частями, а порой и просто частными квартирами [...] Помещения детучреждений не оборудованы. Темны, малы, грязны. Уборные в некоторых из них не работают или их нет совсем*»⁸⁴. Так, например,

⁸³ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 14. Л. 16.

⁸⁴ Там же. Д. 8. Л. 19 об; см. также: Там же. Д. 48. Л. 12.

три комнаты дома на Никольском переулке, в котором размещалась Московская детская колония № 9, занимала некая гражданка Бернардели, пользовавшаяся также и кухней, фактически принадлежавшей детской колонии⁸⁵. Из 79 комнат 3-этажного здания Московского детского дома для «дефективных» детей в Подкопаевском переулке дети проживали лишь в семи. Оставшиеся же 72 комнаты распределялись следующим образом: 32 были заняты служащими, 5 канцелярией, 9 лазаретом, а остальные пустовали, будучи совершенно не пригодными ни для жилья, ни для занятий⁸⁶. В детском доме № 3 проживал заведующий губнабразом Гожанский, который вдвоем с женой занимал 5 комнат, ванную и кухню. При этом воспитанники детского дома были вынуждены спать в классах; в единственной детской спальне размещался изолятор, а учебные занятия не проводились вовсе⁸⁷. Любопытно, что исключительность данного случая заключалась отнюдь не в вопиющей несправедливости по отношению к детям, а в том, что впоследствии, по распоряжению тульского губуполномоченного Деткомиссии Аладышкина, Гожанский был выселен из помещения детского дома и все комнаты были переданы в распоряжение детей.

На территории действующих детских учреждений также нередко размещались воинские части, создавая угрозу безопасности детей. Например, во дворе одного из детдомов Тамбовской губернии хранилось боевое снаряжение расквартированного рядом батальона. Во избежание несчастных случаев детям не разрешали гулять⁸⁸.

13 мая 1921 г. по настоянию Деткомиссии СНК РСФСР принял декрет о возвращении всеми ведомствами помещений, занятых ранее детскими учреждениями⁸⁹. Вот как впоследствии вспоминал историю принятия этого декрета Н.А. Семашко: *«В конце 1921 года трудно стало с помещениями для детских учреждений Наркомпроса и Наркомздрава. Тотчас после революции мы стали занимать под детские учреждения особняки, лучшие дачи, дворцы; по фабрикам и заводам для детей использовались квартиры и дома директоров, инженеров. Но в обстановке военных действий и тогдашних событий детские учреждения кое-где начали теснить, выселять. Мы обратились за защитой к Владимиру Ильичу в Совнарком»*⁹⁰. По словам Семашко,

⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 204. Л. 7.

⁸⁶ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 17. Л. 42.

⁸⁷ Там же. Д. 72. Л. 20 об.

⁸⁸ Там же. Д. 15. Л. 64.

⁸⁹ СУ РСФСР. 1921. № 47. Ст. 231.

⁹⁰ Семашко Н.А. Ленин и здравоохранение в 1921 году // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1957. Ч. 2. С. 649—650.

принятый СНК в результате обращения к Ленину декрет «сразу упрочил жилищную базу детских учреждений», «создал целый перелом в развертывании сети детских учреждений Наркомпроса и Наркомздрава»⁹¹. Между тем, документы говорят об обратном. Поскольку механизм воплощения декрета в жизнь разработан не был, а контроль за его выполнением отсутствовал, то на местах декрет от 13 мая 1921 г., как и многие благие начинания тех лет, был попросту проигнорирован. *«На местах осуществление декрета от 13 мая с. г. встречает большие трудности, — говорится, в частности в циркуляре Деткомиссии губисполкомам. — Наблюдаются случаи, когда не только то или иное бывшее школьное здание не освобождается согласно декрета, но освобождается и передается, только не Наробразам, а под какие-либо другие советские учреждения. Имеются сведения об уплотнении детдомов, вселении в них лиц, ничего общего с детучреждениями не имеющих, и даже в связи с изменением политики коммунального хозяйства местами поднимается вопрос о передаче бывших частновладельческих помещений, занятых ныне детучреждениями, в арендное использование их бывшими владельцами»*⁹².

6 сентября того же года СНК РСФСР принял повторный декрет, обязывавший местные власти предоставить детским учреждениям лучшие помещения, в первую очередь, бывшие имения. В соответствии с декретом «Об обеспечении детских учреждений Народного комиссариата просвещения и Народного комиссариата здравоохранения помещениями», принудительное выселение из помещений, занятых детскими учреждениями Народного Комиссариата Просвещения и Народного Комиссариата Здравоохранения, допускалось «лишь в исключительных случаях в обстановке военных действий». В соответствии с п. 8 декрета виновные в его неисполнении подлежали «законной ответственности»⁹³, однако, в чем именно заключалась эта ответственность, оставалось неясным.

На практике исполнение данного декрета зависело исключительно от местных властей и активности представителей местных Деткомиссий. Так, Московская губернская Деткомиссия добилась предоставления ей на основании данного декрета 4 тыс. дач для организации летних детских колоний⁹⁴. В целом же по Республике положение с помещениями для детдомов практически не изме-

⁹¹ Семашко Н.А. Ленин и здравоохранение в 1921 году ... С. 649 — 650.

⁹² ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 7. Л. 167.

⁹³ СУ РСФСР. 1921. № 47.

⁹⁴ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 8. Л. 161 об.

нилось, а с началом НЭПа даже ухудшилось, так как в некоторых губерниях был поднят вопрос о возвращении зданий их бывшим владельцам. Например, в Костромской губернии возвращение домов приняло настолько широкий характер, что губуполномоченный Деткомиссии был вынужден обратиться в Москву с просьбой издать специальное распоряжение о *«категорическом запрещении возвращения бывшим владельцам домов, занятых детскими учреждениями»*⁹⁵. В очередном отчете Президиуму ВЦИК руководство Деткомиссии вновь подчеркнуло, что, несмотря на принятие указанных выше декретов, *«добиться для детей отвода лучшего помещения или возвращения какого-нибудь бывшего школьного здания стоило колоссальных трудов и энергии, притом 90% кончавшихся в конце концов неудачно»*⁹⁶. Так, в Грязовецком уезде Вологодской губернии попытки местных уполномоченных и губнаробраза вернуть школьные здания *«ни в одном случае не дали положительных результатов»*. По словам работников рославльского отдела народного образования, под детские учреждения выделяли *«почти конюшни или сараи»*⁹⁷. Практически ничего не изменилось и через год упорной борьбы за помещения⁹⁸. Известны даже случаи, когда детские дома, чье руководство оказывалось слишком упрямым, представители местной власти *«выбрасывали на улицу»* с помощью военной силы⁹⁹. Доходило до полного абсурда, когда детей выселяли сами органы власти, в непосредственные обязанности которых входила помощь детским учреждениям, Деткомиссии и ее уполномоченным. Так, например, в феврале 1921 г. Курская губчека решила выселить детей из детского дома им. Бебеля, чтобы освободить здание *«под квартиры служащих губчека»*¹⁰⁰. Аналогичная ситуация сложилась и в Туле, где здания детских учреждений были переданы батальону ВЧК, в то время как 1 500 тульских детей не смогли пойти в школу из-за отсутствия школьных помещений¹⁰¹. В то же время тульский детский Дом физической культуры был захвачен Главполитпросветом для размещения там своего клуба¹⁰². Очевидно, что противостоять ВЧК или Главполитпросвету работники Деткомиссии

⁹⁵ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 41. Л. 49.

⁹⁶ Там же. Д. 8. Л. 158.

⁹⁷ См. Там же. Д. 26. Л. 60 об; Д. 82. Л. 8.

⁹⁸ См., например: Там же. Д. 48. Л. 12; Д. 77. Л. 12.

⁹⁹ См., например: Там же. Д. 45. Л. 2; Д. 48. Л. 14; Д. 72. Л. 75.

¹⁰⁰ Там же. Д. 45. Л. 2.

¹⁰¹ Там же. Д. 72. Л. 75.

¹⁰² Там же. Л. 56—60, 72.

были не в состоянии, несмотря на то, что ее председателем был сам председатель ВЧК Дзержинский.

С другой стороны, случались и совершенно невероятные истории, когда органы ЧК оказывались бессильными в своих попытках освободить помещение для детского дома. Именно такая, на первый взгляд совершенно абсурдная история произошла с московской детской колонией № 9, которой руководила жена А.В. Луначарского, А.А. Малиновская. Как уже упоминалось выше, три комнаты дома по Никольскому переулку, в котором размещалась указанная колония, занимала некая гражданка Бернардели¹⁰³. По утверждению воспитателей детского дома и лично Луначарского, «нравы» этой Бернардели делали ее пребывание по соседству с детьми «абсолютно недопустимым»¹⁰⁴. *«После каждой попойки, — с горечью писали воспитатели в Коллегию детских колоний, — утром дети жалуются, что не спали всю ночь. Рассказывают об истериках пьяных гостей и т.п.»*¹⁰⁵ Благодаря наличию у 9-ой колонии влиятельного заступника в лице Луначарского, Комиссией по использованию московского жилища вскоре было принято решение о немедленном выселении Бернардели из дома на Никольском переулке и предоставлении всего дома в распоряжение детей. Однако на этом история не закончилась, напротив, тут-то и началось самое интересное. Оказавшись совершенно беспомощным перед Бернардели, которая просто проигнорировала вышеуказанное решение Комиссии по использованию жилища, Наркомпрос обратился в МЧК. *«Три раза приходили товарищи из ЧК, — с недоумением рассказывал позже Луначарский Дзержинскому, — но всякий раз сознавались в своем более или менее бессилии, не знаю, какими причинами определяющимся»*. Такая ситуация поставила в тупик наркома просвещения, решившего обратиться лично к председателю ВЧК, как к последней надежде на справедливость. *«Дорогой Феликс Эдмундович, — с возмущением писал нарком, — хуже всего то, что несмотря на согласие и Наркомпроса, и органов Московского Совета, и ВЧК, и РКИ, Бернардели совершенно нагло издевается над всем этим и сейчас во время масленицы еще усилила свои кутежи, так что руководительницы детей в настоящем ужасе и горе. при этом, насколько мне известно, некоторые предста-*

¹⁰³ В тексте встречаются 2 варианта написания фамилии: «Бернардели» и «Бернадели». Поскольку в источниках преобладает первый вариант, можно предположить, что утрата буквы «р» во втором варианте является опечаткой.

¹⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 204. Л. 7—8.

¹⁰⁵ Там же. Л. 11—12.

вители власти прямо заявили, что у Бернардели слишком сильные связи [подчеркнуто в документе. — Т.С.] для того, чтобы можно было выселить ее из детского дома»¹⁰⁶. В конце концов, упорными совместными усилиями Наркомпроса, ВЧК, РКИ и Московского Совета гражданку Бернардели переселили в другой дом, оказав ей при этом помощь в перевозке имущества на новое место жительства¹⁰⁷.

Материалы обследований детских учреждений в 1921—1923 гг. свидетельствуют, что в среднем по стране детские учреждения были обеспечены помещениями не более, чем на 50%, что приводило к их крайней перегруженности. В частности, по утверждению уполномоченного Наркомпроса по борьбе с последствиями голода П. Зайцева, перегруженность детских домов в эти годы составила 400%¹⁰⁸. Так, во Владимирской губернии в помещениях, рассчитанных на 40 человек, располагалось до 120 детей. В некоторых губерниях детские дома, предназначенные для 40—50 человек, вмещали до 200 детей, при этом детям приходилось спать прямо на полу или по 6—8 человек на одной кровати (как они там размещались, остается загадкой)¹⁰⁹. Работники Деткомиссии с горечью называли детские дома «ночлежками» или «этапными пунктами»¹¹⁰. Необычайная теснота, скученность, в которой оказались дети, усугублялась также «бессовестным» поведением некоторых представителей администрации детских учреждений, которые подчас предоставляли кровати своим друзьям или в целях собственного обогащения сдавали посторонним лицам так необходимые детям койки¹¹¹. Следует также отметить, что практически все имеющиеся помещения нуждались в серьезном ремонте, а зачастую были абсолютно не пригодны не только для детей, но и для жизни вообще (низкие потолки, провалившиеся крыши, разбитые стекла, сырость и плесень, отсутствие отопления, уборных, ванн, прачечных, кухонь и т.п.). Даже в Московской губернии в 1921 г. детские учреждения представляли собой, по словам проверяющих, «кошмарную картину»¹¹². На местах же положение было еще плачевнее. Известны даже случаи, когда за неимением другого помещения детей размещали в зданиях бывших тюрем, а также на территории концлагерей¹¹³.

¹⁰⁶ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 204. Л. 7—8.

¹⁰⁷ См.: Там же. Л. 13—20.

¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. Р-1065. Оп. 3. Д. 39. Л. 5.

¹⁰⁹ Там же. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 25. Л. 45; Д. 48, Л. 8.

¹¹⁰ См., например: Там же. Д. 48. Л. 8, 61.

¹¹¹ Там же. Д. 8. Л. 158.

¹¹² Там же. Д. 48. Л. 5 об.

¹¹³ См.: Там же. Д. 17. Л. 17; Д. 26. Л. 60 об; Д. 48. Л. 175, 317 об; Д. 82. Л. 8.

В феврале 1921 г. Деткомиссия обратилась в Президиум ВСНХ с просьбой обязать Главкомгосор «указать своим местным органам» на необходимость срочного ремонта помещений детских учреждений. В апреле и мае руководство Деткомиссии вновь сообщает в Президиум ВЦИК, что «помещения детучреждений не оборудованы. Темны, малы, грязны» и нуждаются в ремонте¹¹⁴. Несмотря на то, что уже в 1921 г. Деткомиссия достигла соглашения с Главкомгосором ВСНХ и Плановой комиссией государственного строительства о срочном ремонте помещений детских учреждений¹¹⁵, тем не менее, к 1923 г. практически ничего не было сделано. В очередном докладе Деткомиссии о положении детей сообщается, что 50% помещений детских учреждений Республики нуждаются в капитальном ремонте, а 20% — замене, как ремонту не подлежащие¹¹⁶.

Не лучше, чем с помещениями, обстояло дело и с обеспеченностью детских домов продовольствием¹¹⁷, мебелью, кухонной утварью, хозяйственным инвентарем, одеждой, спальными принадлежностями, санитарно-гигиеническими средствами и медикаментами, не говоря уже о школьных принадлежностях или игрушках.

По свидетельству руководства Деткомиссии, к моменту ее создания положение во всех детских учреждениях было ужасным, «за исключением редких светлых случаев, где сравнительно удовлетворительно или, вернее, только плохо»¹¹⁸. Даже в Московской губернии в 1921 г. детские учреждения представляли собой, по словам проверяющих, «кошмарную картину»:

*«Здесь у нас на глазах дети почти во всех детских учреждениях разуты, раздеты, детей едят паразиты ввиду отсутствия мыла и смены белья, дети больны чесоткой, дети, ввиду невыдачи топлива, в детских домах от холода поотмораживали конечности и опухли — и все это делается у нас в центре, в Москве, которая бросает первая лозунг, что “Все для детей”, “Все ребенку”. Что же делается на местах, в низах, где ждут от нас указаний, ждут от нас помощи. Ясно, что там картина еще кошмарнее»*¹¹⁹.

¹¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 11. Л. 1; Д. 8. Л. 19 об. См. также: Там же. Д. 48. Л. 12.

¹¹⁵ Там же. Д. 8. Л. 38.

¹¹⁶ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 204. Л. 89.

¹¹⁷ О продовольственном обеспечении детских учреждений см. главу третью данной монографии «“Забота о голодных детях — впереди всего”: Борьба Советского правительства за спасение детей от голода. 1921—1923 годы».

¹¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 8. Л. 20.

¹¹⁹ Там же. Д. 48. Л. 5 об.

В 50 детучреждениях провинции, обследованных Наркомпросом в августе того же года, проверяющие увидели «картины вымирания», «нищету». *«Дети разуты, раздеты, нет почти никакого оборудования»*, — печально констатировала комиссия. Обеспеченность кроватями составила в среднем не более 25—30%, дети спали на полу, в лучшем случае на нарах. Прочей мебели (столы, стулья, шкафы) не было вообще. *«Стол — редкость, стулья исключения»*, — говорилось практически во всех отчетах. Постельное белье также было редкостью, а то, что имелось, было рваным и грязным. По словам самих работников детских домов и проверявших их сотрудников Деткомиссии, простыни и наволочки «не видели стирки необъяснимое число времени» и представляли собой «сплошной рассадник заразы». Так, в детских домах Курска простыней не было вообще, а до наволочек, по словам проверяющих, было «нельзя дотронуться — до того они грязны». Такое состояние постельного белья объяснялось отсутствием в детских учреждениях прачечных. Судя по отчетам, часто стирали белье лишь в яслях Москвы, в основном же — крайне редко и где придется, чаще всего на кухне¹²⁰.

Не лучше было и состояние нательного белья и одежды или того, что их заменяло. Средняя обеспеченность воспитанников детдомов нательным бельем составляла около 50%¹²¹. Однако, если в городах дети имели по две смены «сильно изношенного» белья, то в уездах обычно не имели никакого. В Астрахани одежду стирали во время купания детей, и затем раздетые дети были вынуждены ждать, когда она высохнет. При этом завернуться им было не во что, так как одеялами детские дома были обеспечены в среднем на 5%. И это в то время, когда из-за отсутствия топлива в детских спальнях по ночам температура опускалась до — 4°С, а в углах комнат лежали снежные сугробы.

Проблема топлива стояла так же остро, как и проблема помещений. В первые же месяцы работы Деткомиссии удалось добиться соглашения с Главтопом о причислении всех детучреждений к I группе потребителей¹²². Однако принимаемые решения не меняли реального положения. В отчетах за 1922 и 1923 гг. вновь и вновь сообщается, что топлива нет, дети зимой, «сбиваясь в одну кучу, пытаются своим дыханием согреть воздух»¹²³.

¹²⁰ См., например: ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 17. Л. 46 об — 48 об; Д. 26. Л. 58; Д. 45. Л. 18.

¹²¹ Подробнее статистические данные об обеспеченности детских домов в 1920-е годы см. в приложении.

¹²² ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 8. Л. 38.

¹²³ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 204. Л. 89.

Крайне плохо обстояло дело и с обувью. Производства детской обуви как отдельной самостоятельной отрасли в стране в тот момент не было. Обувь для детей делали из остатков от производства взрослой обуви, что соответствующим образом сказывалось как на ее качестве, так и на количестве, а также на размерах: преобладали туфли для самых маленьких, на производство которых можно было использовать даже крошечные обрезки. Подростковая же обувь, особенно зимняя, практически не производилась¹²⁴. В результате даже в наиболее благополучных детских домах в 1921 г. имелось не более одной пары летней обуви на 39 человек и пары валенок на 312 человек; в неблагополучных губерниях, таких как, например, Орловская, одна пара обуви приходилась на 5 000 человек. Во многих регионах обуви не было вообще, в лучшем случае наиболее заботливые и изобретательные воспитатели приспособливали детям вместо нее «деревянные колодки, обмотанные лохмотьями»¹²⁵.

Материалы обследований детских учреждений и доклады местных уполномоченных свидетельствуют о том, что детские дома снабжались по остаточному принципу и зачастую в них присылали заведомо негодные вещи: изношенную обувь, ветхую одежду, рваное белье. В центре снабжение детей было чуть лучше, но и там в детские дома нередко присылали теплую одежду «без рукавов и недоброкачественной работы», а вместо белья — «ветошь»¹²⁶. Летнюю одежду детям чаще всего не выдавали вовсе (объясняя это необходимостью принимать «солнечные ванны»), либо она была настолько изношенной, что просто рассыпалась на теле. Зимой приходилось особенно тяжело. Практически всю зиму дети не снимали то скудное тряпье, которое у них было. Эти лохмотья не стирали по 3—4 месяца, так как высушить их в холодных комнатах было невозможно, да и стирать было нечем¹²⁷.

Сами дети также мылись крайне редко. На каждого ребенка полагалось выдавать по 1/2 фунта мыла в месяц, но и эту скудную норму удавалось получить далеко не всегда. Виной тому были, к сожалению, не только объективные причины, но и халатность органов, отвечавших за снабжение детских учреждений. В частности, в первый же месяц своей работы Деткомиссия ВЦИК обнаружила,

¹²⁴ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 204. Л. 32.

¹²⁵ См., например: ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 8. Л.Л. 74, 158; Д. 48. Л. 5 об, 9; Д. 82. Л. 13.

¹²⁶ Там же. Д. 102. Л. 26 об.

¹²⁷ Там же. Д. 48. Л. 9.

что вплоть до 1921 г. Наркомпрос составлял заявки на мыло, исходя из данных о численности детей в детучреждениях за 1917/1918 годы, что существенно снижало реальную норму на ребенка¹²⁸. Впрочем, составление заявок с учетом новых данных о численности детей практически ничего не изменило. Посетив в августе 1921 г. 50 детучреждений разных губерний, Шульгин в своем отчете сообщил:

«... Нет ни одной губернии, где бы регулярно выдавалось на ребенка 1/2 фунта мыла в месяц. И это тогда, когда и в Самарской, и Астраханской, и Царицынской губерниях имеются мыловаренные заводы, а в последней рынок завален мылом с заводов Совнархоза»¹²⁹.

«Мыльный кризис» не обошел и центр Республики — даже в Московской губернии в некоторых детучреждениях мыла не было совсем¹³⁰. Вода также оказалась дефицитом, ее не всегда хватало даже для приготовления пищи. Большинство зданий, в которых располагались детучреждения, не были оборудованы водопроводом, а существующие водопроводы находились, как и сами помещения, в аварийном состоянии. Например, в Ленинградской губернии были неисправны 37% водопроводов¹³¹. Наличие во дворе колодца было счастливым исключением, но и колодцы часто выходили из строя. Добиться ремонта было практически невозможно, а если и удавалось (исключительно благодаря вмешательству РКИ или ВЧК), то производился он «спустя рукава»¹³². В результате работникам детучреждений и старшим детям приходилось носить воду из пруда или соседнего колодца, иногда ее привозили в бочках. Это было одной из причин, почему даже грудных детей в домах ребенка мыли нерегулярно, порой не чаще одного раза в неделю. Старших детей мыли еще реже, не чаще одного раза в месяц, причем не всегда с мылом и не всегда после бани дети имели возможность надеть свежее белье и вытереться чистым сухим полотенцем. Ни в одном детском доме у детей не было собственного полотенца. Например, в Детском доме № 22 в Москве на 30 человек приходилось всего 2 полотенца, в детских домах Курска было 15 полотенец на 55 человек. При этом больных детей не отделяли от здоровых. Наиболее благополучной с точки зрения санитарно-гигиенических условий оказалась Томская губерния, где, благодаря активной

¹²⁸ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 8. Л. 13.

¹²⁹ Там же. Д. 8. Л. 74.

¹³⁰ Там же. Д. 17. Л. 55 об.

¹³¹ Там же. Д. 46. Л. 62 об.

¹³² Там же. Д. 17. Л. 46.

поддержке местной власти, губернская Деткомиссия добилась значительных результатов. Менее чем через 2 года работы комиссии во всех детских домах города, кроме одного, детей купали от 8 до 11 раз в месяц! В 19 домах детям 4 раза в месяц меняли белье. Для того периода это уникальный случай, даже в Москве положение было значительно хуже — детей мыли в среднем 3 раза в месяц.

Уборка помещений практически не производилась. Периодически проводимые обследования каждый раз обнаруживали всюду «страшную грязь»: в спальнях, столовых, на кухнях, а «о подвалах и чердаках нечего и говорить». Посуду, точнее то, что ее заменяло (детям приходилось есть либо по двое-трое из одной тарелки, либо из стеклянных или ржавых жестяных банок, картонных коробок), также не мыли. Типичную картину нарисовали проверяющие детских домов Уфимской губернии: грязные кухни, продукты в беспорядке свалены на немытом полу в кладовке; дети едят руками, сидя на полу на грязном и пыльном ковре¹³³.

Еще одним бедствием детских домов было отсутствие в них уборных. Обычно под них использовали пустые комнаты, которые никогда не убирали, а при отсутствии пустых помещений — спальни или коридоры, где, по свидетельству очевидцев, «по целым дням лежали испражнения детей неубранными». Часто детям приходилось бегать босиком на улицу; были случаи, когда они были вынуждены пользоваться уборными расположенных рядом воинских частей¹³⁴.

Об уровне санитарно-гигиенического состояния детских учреждений того периода наиболее красноречиво говорит тот факт, что вся описанная выше ситуация не воспринималась современниками как катастрофическая. В условиях всеобщей разрухи представления о «норме» и «благополучии» совершенно деформировались. Так, в отчете ОМО РКИ о проверке детских больниц Московской губернии говорилось, что «в санитарном отношении дело обстоит благополучно». В то же время из этого отчета следовало, что продукты в детских больницах часто бывают испорчены; в одной из больниц не очищены выпребные ямы, нет прачечной, дети едят из банок¹³⁵. Типичным является также отчет председателя дончека об обследовании им детучреждений. В своем докладе председатель сообщал, что *«осмотренные учреждения находятся в удовлетворительном во всех отношениях*

¹³³ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 17. Л. 17 об; см. также: Д. 17. Л. 50; Д. 26. Л. 21.

¹³⁴ См., например: Там же. Д. 8. Л. 34 об; Д. 17. Л. 17 об, 22, 48 об; Д. 45. Л. 18; Д. 48. Л. 10; Д. 82. Л. 24 и др.

¹³⁵ Там же. Д. 17. Л. 50—50 об

состоянии». Далее в докладе перечислены «мелкие неисправности», такие, как нехватка персонала, предметов ухода за детьми, недостаток и плохое качество молока, питание «ниже критики», отсутствие или неисправность канализации и водоснабжения, загрязненность дворов, отсутствие отопления и освещения, большинство детей больны или уже переболели цингой, часто со смертельным исходом, снабжение бельем, одеждой и посудой — «самое скверное», вместо постельного белья — «омерзительное тряпье», «ведение хозяйства везде очень плохое» и другие «мелочи»¹³⁶. Страшно представить себе, что творилось там, где «неисправности» и проблемы были не такими «мелкими».

Уже почти привычной стала страшная картина, представшая перед проверяющими детских домов в 1921 г.: *«Тело ребенка — сплошная язва, сплошные струпья, сплошь усеянные вшами. Ребенок гниет и разлагается заживо. Ночью, когда зуд становится нетерпимым, когда боль достигает крайних пределов, ребенок кричит и стонет от ужаса и боли. В Пензе, например, в коллекторе в феврале с.г. мальчик шести лет сошел с ума от того, что его заела вошь»*¹³⁷.

Такой была ситуация в 1921—1922 гг., когда Комиссия по улучшению жизни детей только начала свою работу и, несмотря на все ее усилия, во многих губерниях все осталось по-прежнему и в 1923—1924 гг. В целом по стране за 4 года работы Комиссии ситуация почти не изменилась. Некоторое улучшение наблюдалось лишь в центральных районах, а также в тех губерниях, где местные власти подходили к решению проблем защиты детства не формально, а проявляли собственную инициативу. Так, например, обеспеченность обувью в 1922 г. составляла в различных регионах страны в среднем от 8% до 50%, а в некоторых губерниях обуви не было вообще, дети по-прежнему вынуждены были ходить босиком.

Перевод в октябре 1923 г. всех детских учреждений на местное финансирование привел к усилению и без того весьма ощутимого разрыва в степени обеспеченности детей различных регионов. Так, например, в детских домах Тамбовской губернии в 1923 г. только 3% детей были обеспечены обувью и 10% верхней одеждой. В это же время в Екатеринбурге обувью были обеспечены 70% воспитанников детдомов, а верхней одеждой около 20%¹³⁸. В целом же приходится признать, что положение детских учреждений закрытого типа в среднем по республике к 1924 г. изменилось мало: 90% помещений по-преж-

¹³⁶ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 35. Л. 10—11.

¹³⁷ Там же. Д. 48. Л. 10.

¹³⁸ Там же. Д. 170. Л. 29 об, 328.

нему были непригодны для детских учреждений, канализация отсутствовала, водопровод если и был, то почти всегда неисправен; все так же не хватало мебели, посуды, хозяйственного инвентаря; вместо одежды и постельного белья детям выдавали «грязные лохмотья»; отсутствовали медикаменты и квалифицированная медицинская помощь. Особенно тяжелым было положение на окраинах страны.

Снабжение центра в среднем было несколько лучше, что вызывало недовольство представителей местных Деткомиссий, которые в своих отчетах нередко сетовали на неравномерное и несправедливое, с их точки зрения, распределение средств. Так, сотрудники Владимирской губернской Деткомиссии в отчетах неоднократно жаловались на первоочередное снабжение Москвы и Иваново-Вознесенска, которые, по их утверждению, *«за счет детей, может быть всей остальной Республики, сумели широко провести кампанию по оздоровлению и улучшению быта детей»*¹³⁹. Эти обвинения были справедливы лишь отчасти. Несмотря на первоочередное снабжение столицы (что было, безусловно, правдой), столичные детские учреждения нередко, напротив, снабжались значительно хуже, чем провинциальные. Особое положение столицы имело и свою обратную сторону — именно сюда ежедневно стекался гигантский поток беспризорных детей, причем не только сирот, но и детей из крестьянских семей, решивших искать в городе лучшую жизнь. В частности, массовый поток беспризорных прибывал из Украины, Северного Кавказа и Центрально-Черноземной области¹⁴⁰. На протяжении всего исследуемого периода руководство Московской губернской Деткомиссии, московских детских учреждений и Моссовета сообщали в вышестоящие инстанции о крайней перегруженности детских приемников столицы, в которых дети находятся «в бесчеловечных условиях». Так, например, в октябре 1933 г. в Даниловском детприемнике, рассчитанном на 500 детей, реально размещалось 1 375 детей и еще 3 тысячи детей ожидали места в приемнике¹⁴¹.

«Врачи бессильны что-либо сделать»:

Медицинское обслуживание воспитанников детдомов

Как и бесплатное питание, бесплатное медицинское обслуживание для детей было гордостью советских государственных работников, всячески подчеркивавших принципиальное отличие советской

¹³⁹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 25. Л. 34.

¹⁴⁰ См., например: Там же. Оп. 3. Д. 23. Л. 43—71.

¹⁴¹ Там же. Л. 40.

системы охраны здоровья детей от всех прочих, когда-либо существовавших как в России, так и в крупных европейских странах, и в США. Один из руководящих сотрудников Деткомиссии ВЦИК и Наркомздрава Е.П. Радин писал:

*«Охрана здоровья детей задача советская, задача пролетарская и до завоевания власти пролетариатом она не играла существенной роли в жизни государства. Сынков и дочек дворянских и купецких охраняли их отцы своей толстой мошной, а детьми рабочих государство очень мало интересовалось [...] Больные или временно инвалидные (слабые физически или морально) они умирали или пополняли кадры так наз. “малолетних преступников”»*¹⁴².

Данная тема получила широкое развитие в многочисленных статьях и выступлениях Е.П. Ради́на, Н.А Рыбникова, К.Н. Корнилова и других работников советской системы здравоохранения¹⁴³. Работа по охране здоровья детей, по их утверждению, до ноября 1917 г. «никого не интересовала»¹⁴⁴, более того, существовавшая в царской России система здравоохранения превращала детей в «заморышей». Основной заслугой новой власти было признано то, что она, напротив, сделала «заботу о здоровье детей всех возрастов от колыбели до полного созревания — 18 лет» «достоянием государства», его прямой и непосредственной обязанностью¹⁴⁵. В качестве основных достижений советского здравоохранения отмечалось также создание системы профилактики заболеваний детей и подростков¹⁴⁶.

Над воплощением в жизнь «первой и основной задачи Советской России» — превращением «заморыша в крепыша» — трудилось множество различных органов, обществ, институтов, центров, лабораторий, таких как Наркомздрав и Оздравдет, Медико-Педологический институт, Государственный научный институт охраны здоровья детей и подростков им. 10-летия Октябрьской революции,

¹⁴² На помощь ребенку. Пг.; М., 1923. С. 10.

¹⁴³ Дурново А.С., Радин Е.П. Вопросы педологии в работе Наркомздрава по охране здоровья детей и подростков. М., 1928; Дурново А.С. Этапы развития педологии и педагогики раннего детского возраста (в связи с обзором русской литературы за 1917—1927 гг.). М., 1928; Радин Е.П. Как создает Советская Республика из детей поколение людей-великанов духа // Ко второй годовщине Октябрьской революции. М., 1919. С. 3—18; Его же. Что делает Советская власть для охраны здоровья детей. Вятка, 1921; Современный ребенок // Под ред. проф. К.Н. Корнилова и Н.А. Рыбникова. М., 1923; Узданский А.В. Без фундамента не может держаться вершина // Ко второй годовщине ... С. 19—24 и др.

¹⁴⁴ Радин Е.П. Охрана здоровья детей и подростков // На помощь ребенку. С. 11.

¹⁴⁵ Его же. Что делает Советская власть для охраны здоровья детей. С. 4—5.

¹⁴⁶ Его же. Охрана здоровья детей и подростков. С. 16.

Центральное педологическое бюро, Служба здоровья юных пионеров ЦК РОКК и др. Уже в первые годы советской власти было проведено несколько Педиатрических съездов, всевозможных общероссийских и региональных конференций, совещаний и консультаций, посвященных различным проблемам воспитания, обучения, лечения и общего развития детей. В нашу задачу не входит рассмотрение деятельности всех органов и учреждений, занимавшихся охраной здоровья детей¹⁴⁷. Нас интересует лишь результат их работы, то есть реальное состояние медицинского обслуживания детей в детучреждениях и роль в этой работе Деткомиссии ВЦИК.

Несмотря на наблюдавшийся в 1920-х годах взлет научно-исследовательских разработок в области педиатрии и педологии, этот период характеризуется крайне высоким процентом детской заболеваемости и смертности. Перед врачами стояла необычайно сложная задача — бороться за жизнь и здоровье детей в условиях голода, практически полного отсутствия медикаментов и острой нехватки элементарных санитарно-гигиенических средств. По данным Деткомиссии ВЦИК, к моменту ее создания положение во всех детских учреждениях было ужасным, «за исключением редких светлых случаев, где сравнительно удовлетворительно или, вернее, только плохо»: полное отсутствие мыла и медикаментов, *«дети стонут ночью и днем»*, *«процент заболеваемости громадный»*, *«отсутствие помещений влечет за собой невозможность отделить больных от здоровых»*¹⁴⁸. Наличие вшей и чесотки стали настолько привычным явлением, что вообще перестали считаться заболеваниями. Массовый характер приобрели заболевания цингой, туберкулезом, тифом. По данным обследования, проведенного весной 1921 г., детские учреждения были обеспечены медико-санитарными средствами не более, чем на 10%, а чаще не имели их вовсе; заболеваемость детей составляла

¹⁴⁷ Современная историография проблемы создания в Советской России системы охраны здоровья матери и ребенка достаточно обширна. См., например: *Авдеев А.* Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография: Сборник статей. Демографические исследования. Вып. 14 / Под ред. Денисенко М.Б., Троицкой И.А. 2-е изд. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 13—72; *Журавлева В.А., Ковалева Л.А., Петряшова Е.В.* Некоторые аспекты государственно-правового регулирования охраны материнства и детства в 20—30-е годы XX века // Актуальные проблемы права России и стран СНГ-2007: материалы IX международной научно-практической конференции 29—30 марта 2007 г. Челябинск: Цицеро, 2007. Ч. 1. С. 116—118; *Ростова О.С.* Правовая охрана материнства и детства в Советском государстве. Диссертация на соискание уч. ст. к.ю.н. Саратов. 2007 и др.

¹⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 8. Л. 20.

в среднем 40%-60%. Впрочем, имеющиеся в нашем распоряжении данные о заболеваемости воспитанников детдомов тех лет весьма приблизительны, так как врачей в детских учреждениях было очень мало и регулярно осматривать всех детей они не могли. Так, например, медицинский персонал 85 детских домов Владимирской губернии, в которых проживало более 4 000 детей, состоял из 25 человек; в детских домах Воронежской губернии на 24 096 детей приходилось всего 24 врача; в Вологодской, Иваново-Вознесенской, Калужской, Саратовской и многих других губерниях врачей в детских учреждениях не было вообще, в лучшем случае детей изредка осматривали врачи-совместители. В Вологодской губернии один врач обслуживал все население территории в несколько сот квадратных верст, не удивительно, что в детские дома он заезжал в лучшем случае раз в месяц¹⁴⁹. В детских амбулаториях Курской губернии врачи только числились, но практически никогда там не бывали, так как у каждого насчитывалось по 9 совместительств и успеть в течение дня выполнить все свои служебные обязанности они физически не успевали¹⁵⁰. Больные дети зачастую умирали без всякой медицинской помощи.

В центре республики медицинское обслуживание было немногим лучше. Так, в Петроградской губернии, как показала проверка, 5% детских учреждений врачи вообще не посещали, 20% посещали, но реже одного раза в неделю; никаких медикаментов не было в 28% детских учреждений¹⁵¹. Практически во всех детских домах отсутствовали изоляторы, больные и здоровые дети спали в общих спальнях, часто на одной кровати, пользовались одними и теми же полотенцами (или тем, что их заменяло), одной и той же посудой. Все это неизбежно способствовало быстрому распространению инфекций и развитию эпидемий.

В условиях эпидемий, массовой смертности, отсутствия медикаментов и санитарно-гигиенических средств Оздравдет разрабатывал бесконечные инструкции, которые к реальной жизни, к сожалению, не имели никакого отношения. Деткомиссия, напротив, стремилась в своей работе исходить из реального положения, уделять главное внимание конкретной практической деятельности. В 1921 г. по поручению Деткомиссии доктор Л. Нимен провел обследование состояния органов охраны здоровья детей в ряде губерний Советской республики, в ходе которого пришел к выводу,

¹⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 26, Л. 58, 63.

¹⁵⁰ Там же. Д. 45. Л. 19.

¹⁵¹ Там же. Д. 46. Л. 63.

что работа врачей «ограничивается констатированием печального состояния детских учреждений в санитарном отношении и антигигиенических условий жизни детей в них. Что касается лечения больных детей, отделения чесоточных от здоровых, выделения туберкулезных и дефективных, врачи бессильны что-либо сделать за отсутствием медикаментов, больницы для остро-заразных детей, санатория для туберкулезных, дома для дефективного ребенка»¹⁵². В осмотренных Нименом детских учреждениях Ростова-на-Дону, по его утверждению, «свиристствовали» корь, скарлатина, чесотка. Вот, как Нимен описал увиденную им в детдомах Ростова-на-Дону картину: «Дети без обуви, без платья, без белья. Нет даже тряпок для уборки пыли, ни веников, чтобы подмести классы»¹⁵³.

В первые же месяцы работы местные уполномоченные Деткомиссии предприняли меры для организации летних оздоровительных лагерей, открытия в детских домах изоляторов, бань, прачечных, камер для дезинфекции белья, выписали медикаменты. Однако в большинстве случаев эти меры не увенчались успехом. С середины 1921 г. все силы были брошены на борьбу с голодом и его непременным спутником — тифом. Численность детей в детских учреждениях резко возросла, количество пайков сократилось, средств на медикаменты по-прежнему не было. В пострадавших от неурожая губерниях детская смертность достигала 80%. Многие детдома Царицынской губернии фактически превратились в «больницы тифозных и дизентерийных детей», в которых в сутки умирало 10—15 человек. Так, в марте 1922 г. в детском доме Дубовка за одну неделю тифом заболели 94 ребенка и 22 воспитателя, 163 ребенка заболели цингой и 95 — другими тяжелыми заболеваниями¹⁵⁴. В борьбе с эпидемиями погибали лучшие врачи и заменить их было нечем.

Частично потребности в лекарствах, вакцинах, медицинском оборудовании, перевязочных средствах и т.п. удовлетворялись иностранной помощью. В частности, Американский еврейский комитет помощи «Джойнт»¹⁵⁵ в период голода обслуживал 22 больницы,

¹⁵² ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 35. Л. 7.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же. Д. 77. Л. 9, 10, 20.

¹⁵⁵ Созданная в 1914 году крупнейшая еврейская благотворительная организация «Объединённый распределительный комитет американских фондов помощи евреям, пострадавшим от войны» (с 1931 г. — «Американский еврейский объединённый распределительный комитет») в России в 1920-е годы была известна как Американский еврейский комитет помощи «Джойнт» (от английского American Jewish Joint Distribution Committee).

33 фавозных дома (для детей больных фавусом), 32 амбулатории, а также 72 рентгенстанции и туберкулезных диспансера. «Европейская студенческая помощь» снабжала медикаментами, бельем и продовольствием 1 санаторий на 25 коек и 1 госпиталь на 100 коек. Одна амбулатория на 5000 человек в Москве функционировала на средства Межрабпома. Миссия Нансена снабжала медикаментами 11 аптек¹⁵⁶.

Несмотря на всю значимость зарубежной медицинской помощи¹⁵⁷, она не могла радикально изменить положение. В 1923—1924 гг. в детских учреждениях сохранялся крайне высокий уровень заболеваемости (30—50%) и смертности, по-прежнему не хватало медикаментов, отсутствовала квалифицированная медицинская помощь, некоторые детские дома из-за непрекращающихся эпидемий фактически были «превращены в больницы»¹⁵⁸.

«О культурно-моральном воспитании не могло быть и речи...»

Очевидно, что в условиях голода и эпидемий вопросы морально-нравственного и идеологического воспитания подрастающего поколения отходили на второй план. Как уже подчеркивалось выше, в сфере охраны детства основные усилия власти в первое время были сконцентрированы на спасении жизни детей, а также на борьбе с детской беспризорностью и ее неизбежными спутниками — детской преступностью, наркоманией, алкоголизмом, проституцией и прочими асоциальными проявлениями. *«Вся работа Комиссии в целом, — подчеркивалось в, частности, в феврале 1923 г. в докладе уполномоченного Деткомиссии по Екатеринбургской губернии А.А. Лукина, — шла под лозунгом спасения детей от голода. О культурно-моральном воспитании не могло быть и речи, ибо все были поглощены заботой прежде всего сохранить жизнь ребенка»*¹⁵⁹. Эти слова сохраняли свою актуальность вплоть до конца 1920-х годов, конста-

¹⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 12. Л. 8.

¹⁵⁷ Современные исследователи достаточно высоко оценивают роль зарубежной медицинской помощи голодающему населению России в 1921—1923 гг. См., например диссертацию А.Ю. Федотовой на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Помощь голодающему населению ТАССР советскими и иностранными организациями в 1921—1923 гг.», в которой вопросам медицинской помощи (снабжение медицинских учреждений медикаментами и госпитальными инструментами, вакцинация и проведение прививочных кампаний, очищение населения от вшей и т.п.) уделяется значительное внимание.

¹⁵⁸ См., например: ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 170. Л. 114 об.

¹⁵⁹ Там же. Д. 141. Л. 23.

тируя низкий уровень воспитательной работы, преобладающий в подавляющем большинстве детских учреждений закрытого типа.

В ходе проведенного в декабре 1920 г. во время «недели ребенка» обследования детских учреждений РСФСР было установлено, что в ряде губерний (Уфимской, Калужской, Тамбовской, Тверской, Ярославской и др.) воспитатели регулярно били детей. Особенно доставалось младшим, которых, помимо воспитателей, били также и старшие воспитанники. Проверка обнаружила, что детей в детдомах за малейшие провинности лишали обеда или прогулки; отбирали одежду, чтобы ребенок не смог никуда выйти; выставляли полураздетыми в холодный коридор или запирали в комнате совсем без одежды и т.п.¹⁶⁰ Обследования детских учреждений всюду выявляли одну и ту же картину: *«детишки предоставлены самим себе», «воспитания нет вообще, дети без присмотра», «отсутствует воспитание» детей-сирот, которые оставлены «круглый день без дела и без присмотра», в детдомах дети «в школу не ходят, ничему не учатся, целыми днями лежат на койках, на полу» или «бродят по городу, по вокзалам и базарам, занимаясь продажей казенных вещей и спекуляцией или нищенством по деревням»*¹⁶¹.

К концу 1920 г. в ряде регионов ситуация в детских домах была просто ужасающей. Доходило до того, что во время пожара в детском доме в Саратове, по словам очевидцев, родители не давали спасать погибающих в огне детей, говоря, что «лучше сгорят, чем будут мучиться и заживо гнить в детских домах»¹⁶². (Любопытно, что вариант забрать собственных детей из детского дома, дабы они там не «гнили заживо», этими «родителями» не рассматривался вовсе¹⁶³.) Аналогичная ситуация сложилась и в Аткарске Саратовской губернии, где «ответственные работники» вместо того, чтобы предпринимать какие-то меры по улучшению жизни воспитанников детских домов, говорили, что «лучше вывести детей из детских домов за город и там их расстрелять, чем их так мучить»¹⁶⁴. Это потрясающее по своему цинизму высказывание свидетельствует не только о катастрофическом положении в детских домах того времени, но и о катастрофической ситуации с кадрами как в мест-

¹⁶⁰ ГАРФ. Ф.Р-5207. Оп. 1. Д. 17. Л. 18.

¹⁶¹ См. там же. Д. 82. Л. 13, 24; Д. 70. Л. 31.

¹⁶² Там же. Д. 48. Л. 12.

¹⁶³ О подкидывании в детские дома детей, имеющих родителей, и о борьбе с этим явлением подробнее см. следующий раздел данной монографии *«Дети-сироты — «дети народа»: Особенности развития семейных форм воспитания детей-сирот в Советской послереволюционной России»*.

¹⁶⁴ ГАРФ. Ф.Р-5207. Оп. 1. Д. 48. Л. 12.

ных органах власти, на которых возлагалась забота о детях, так и в самих детских учреждениях.

О проблемах с кадрами уже говорилось выше, добавим к вышесказанному лишь то, что на каждого педагога приходилась чрезвычайно высокая педагогическая нагрузка. Так, например, в некоторых уездах Московской губернии в детдомах на одного педагога приходилось до 45 детей, в детских домах Калужской губернии один воспитатель был вынужден присматривать в среднем за четырьмя десятками детей, а в Вологодской губернии на одного представителя педагогического персонала приходилось 40—80, а иногда и более 100 детей¹⁶⁵. За редким исключением такая нагрузка была типичной для работников всех удаленных от центра детских учреждений. Обеспечить при такой нагрузке хотя бы минимальный присмотр за детьми было практически невозможно даже при добросовестном отношении к своим обязанностям. В некоторых детских учреждениях положение контролировали воспитанники из числа вчерашних беспризорников, в том числе имевшие криминальный опыт, а воспитатели были вынуждены запирались в своих комнатах, *«боясь войти к детям, так как те грозили их поколотить»*. Неудивительно, что «воспитательский персонал», как писал управляющий РКИ одного из уездов Ярославской губернии Штарков, «опускал руки», понимая, что «ничего поделать не может»¹⁶⁶.

Несколько лучше была ситуация с кадрами в детских учреждениях центрального региона Республики. Так, в Петроградской губернии 1 сотрудник отвечал в среднем за 7 детей¹⁶⁷; в Москве в детских садах на 1 воспитателя приходилось менее 10 детей, в детских домах — около 4, а в среднем по всем детским учреждениям, находящимся в пределах Московской окружной железной дороги, — менее 4-х воспитанников на одного сотрудника¹⁶⁸. Тем не менее и здесь воспитанники детдомов в подавляющем большинстве по тем или иным причинам не получали должного воспитания. В частности, проводившие в феврале 1921 г. обследование детских учреждений Москвы и Московской губернии сотрудники РКИ МОНО и особой группы МЧК в качестве типичного явления отметили «халатное отношение к служебным обязанностям» и «грубые приемы воспитания»¹⁶⁹. Так, например, одиннадцатилетняя москвичка Таня после летнего «отдыха» в школе-коло-

¹⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 17. Л. 48; Д. 26. Л. 63 об; Д. 38. Л. 7.

¹⁶⁶ Там же. Д. 82. Л. 24.

¹⁶⁷ Там же. Д. 46. Л. 62.

¹⁶⁸ Там же. Д. 17. Л. 45—46.

¹⁶⁹ Там же. Д. 48. Л. 151 об.

нии № 14 МОНО в Малаховке вернулась домой в таком запущенном состоянии, что осматривавший ее врач «пришел в ужас». Девочка жаловалась, что в школе на детей «не обращали должного внимания»¹⁷⁰.

Проанализировав итоги проведенной в декабре 1920 г. проверки детских учреждений Советской республики, А.Д. Калинина, возглавлявшая проверочную комиссию, пришла к выводу, что «воспитательная работа» в детских учреждениях практически полностью отсутствует, воспитанники детдомов курят, пьют, играют в карты, воруют, «занимаются развратом», девочки «торгуют собой»¹⁷¹. Особенно тяжелым было положение детей в специализированных детских учреждениях для так называемых «дефективных» и «морально-дефективных» детей (в конце 1920-х годов СНК РСФСР придумал еще категорию «безнадёжно умственно отсталых детей», которые фактически оказались просто вычеркнуты из жизни, будучи выселены в специальные детучреждения¹⁷²). Хотя «организация попечения о дефективных детях» была предметом особой гордости Советской власти, на практике именно эти дети оказались совершенно бесправными и наиболее незащищенными как перед злоупотреблениями персонала, так и перед издевательствами своих более здоровых сверстников и более старших воспитанников.

«До Октябрьского переворота, — писал, в частности, в 1922 г. заведующий Государственным медико-педологическим институтом Наркомздрава РСФСР М.О. Гуревич, — в России не существовало не только организации попечения о дефективных детях, но даже отдельных сколько-нибудь благоустроенных общественных учреждений для этой категории детей». По утверждению М.О. Гуревича, уже в первый год Советской власти в России была создана сеть учреждений для дефективных детей; широко проводились «научные исследования всех вопросов, связанных с детской дефективностью». К 1922 г. было создано 5 опытно-показательных учреждений соответствующего профиля на 350 детей и одновременно началось создание системы подготовки квалифицированного персонала¹⁷³. Все это

¹⁷⁰ ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 48. Л. 51.

¹⁷¹ Там же. Л. 11.

¹⁷² См.: Там же. Д. 372. Л. 676.

¹⁷³ Гуревич М.О. Государственный Медико-Педологический институт Наркомздрав, его организация и задачи // К детской психологии и психопатологии: сб. ст. сотрудников Государственного Медико-педологического института Наркомздрава РСФСР. Орел, 1922. С. 5. Об организации сети специализированных учреждений для дефективных детей и развитии научно-методической работы в области дефектологии подробнее см.: Замский Х.С. История олигофренопедагогики. 2-е изд. М.: Просвещение, 1980. С. 356.

соответствует действительности, но это лишь часть многогранной и противоречивой реальности тех лет. Прочие грани этой действительности не только не предавались огласке в статьях и выступлениях на различных конференциях, но зачастую и не были известны именитым специалистам, погруженным исключительно в теоретические исследования проблемы и оторванным от реальной жизни.

На практике, в то время, как психологи и медики проводили научные исследования в «психологических лабораториях», «педологических кабинетах» и «врачебно-наблюдательных пунктах», где разрабатывали методы «экспериментально-психологического исследования» для «наблюдения и изучения детей» и составляли инструкции для «обследования и научного изучения (психологического и педагогического) аномальных детей и последующего их распределения по соответствующим учреждениям»¹⁷⁴, эти «аномальные» дети оказались в тяжелейших условиях. Так, например, жалобы воспитанниц детского дома для морально-дефективных девочек в Московском уезде, по свидетельству очевидцев, вызывали у воспитателей (которые, очевидно, не были знакомы с вышеупомянутыми инструкциями и методами «экспериментально-психологических исследований») «брань, угрозы, а нередко и побои»¹⁷⁵.

Типичную для того периода ситуацию описали в своем отчете по итогам проверки Подкопаевского приемника для дефективных детей проверяющие из РКИ: *«Во всех отделениях для детей идет картежная игра на пайки и на деньги [...] Дети отлучаются на вокзалы и на прилегающий к ним Хитров рынок, попрошайничают там, спекулируют, воруют и распродают получаемое обмундирование [...] В отделениях грязь, вонь, табачный дым, ругань, крик [...] Среди детей появились кокаинисты, было 3 случая отравления кокаином»*¹⁷⁶.

Повседневная жизнь воспитанников детских домов и колоний порой мало отличалась от жизни беспризорников. По свидетельству местных губуполномоченных, большинство детей (в том числе и подростков 15—16 лет и старше) не только не получали никакой специальности, но даже не умели читать и писать. *«Дети в д/домах*

¹⁷⁴ См.: Тяпугин Н.П. Экспериментально-психологические исследования дошкольников по методу профессора А.П. Нечаева // К детской психологии и психопатологии... С. 59—69; Басов В.Н. О губернских детских экспериментально-психологических лабораториях // К детской психологии и психопатологии... С. 153—163; Борисов И.П. Инструкция для организации и ведения работы врачебно-наблюдательного пункта // К детской психологии и психопатологии... С. 163—168.

¹⁷⁵ ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 48. Л. 70.

¹⁷⁶ Там же. Д. 17. Л. 42.

вырастают ни к чему не приспособленными, беспомощными людьми [...] Они сразу могут погибнуть в водовороте жизни»¹⁷⁷, — эти слова председателя Деткомиссии Самарской губернии с уверенностью можно отнести к подавляющему большинству детских домов Советской республики 1920-х годов.

Неудивительно, что многие дети детским домам и приютам предпочитали улицу. В 1921 г. проверяющие не раз с беспокойством констатировали, что вследствие установившегося в детдоме «крайне ненормального режима» наблюдается массовое бегство детей из детдомов¹⁷⁸. После двух лет работы Деткомиссии, несмотря на ее старания, практически ничего не изменилось. В 1923 г. некоторые работники губернских Деткомиссий в целях предотвращения побегов детей из детдомов предложили создать в них специальный «штат надзирателей»¹⁷⁹.

По словам современников, возвращенные в детские дома дети убегали снова и снова, «часто до 20 раз»¹⁸⁰. Изучавший в этот период детскую преступность и регулярно посещавший исправительно-трудовые колонии В.Р. Якубсон вынужден был признать: *«Общество, очевидно, не заменяет сиротам родителей, а место последних занимает улица, которая и шлет их вскоре в тюрьму»*.¹⁸¹ По подсчетам Якубсона, в 1919 г. (с февраля) в местах заключения Москвы находился 321 несовершеннолетний правонарушитель, в 1920 г. их количество выросло до 954, а в 1921 г. — превысило 3000¹⁸². Отмечая сложившуюся в начале 1920-х гг. в детских домах криминальную или близкую к ней атмосферу, Калинина констатировала, что в ряде регионов детские дома являются *«возбудителями контрреволюционных настроений в окружающем населении»*¹⁸³.

В сложившихся условиях самым простым, самым доступным и самым действенным, а потому и самым популярным «воспитательным» средством оказывалась физическая сила. Для того, чтобы изменить эту ситуацию, необходимо было вывести страну из социально-экономического кризиса. Расследования отдельных случаев и аресты виновных в злоупотреблениях принципиально ничего не меняли.

¹⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 143. Л. 20 об.

¹⁷⁸ Там же. Д. 26. Л. 72.

¹⁷⁹ Там же. Д. 191. Л. 92

¹⁸⁰ Калинина А.Д. Беспризорность и борьба с ней // Комсомол и беспризорность. Харьков., 1926. С. 8

¹⁸¹ Якубсон В.Р. «Дети преступники» в исправительно-трудовом доме // Преступный мир Москвы. М., 1924. С. 214

¹⁸² Там же. С. 209

¹⁸³ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 48. Л. 12.

Безусловно, в жизни воспитанников детских домов тех лет были и светлые моменты. Известно немало примеров искренней заботы персонала детских учреждений о своих подопечных. Было бы несправедливо полностью отрицать все то положительное, что было сделано в этот период для детей, многие из которых впервые почувствовали себя полноправными гражданами общества, благодаря существовавшим в те годы эффективным социальным лифтам они смогли получить образование и профессию, успешно социализироваться в обществе после выпуска из детского дома¹⁸⁴. Среди работников детских учреждений было немало людей, самоотверженно преданных своему делу, работающих не за мизерную зарплату (которую к тому же не получали по несколько месяцев), а из любви к детям. Например, в Ковровском и Собинском детских домах Владимирской губернии дети были «одеты и обуты», исключительно благодаря «особой энергии заведующих и воспитателей», в то время как в других детских учреждениях той же губернии и без того «плачевное» положение детей усугублялось различными злоупотреблениями служащих¹⁸⁵. Воспитатели, ухаживавшие за больными детьми, зачастую и сами тяжело заболевали и умирали, как это было, например, в Томске, куда из голодных губерний были эвакуированы дети, больные брюшным тифом¹⁸⁶.

Принявшие в этот период массовый характер случаи грубого обращения с детьми, вплоть до их избиения, не являлись следствием целенаправленной государственной политики. На уровне законодательных актов, инструкций и распоряжений неизменно звучали призывы чутко относиться к детям. В частности, специальным приказом войскам ВЧК предписывалось при задержании беспризорных детей *«проявлять максимум внимания и бережливо-осторожного отношения к ним и ни в коем случае не допускать грубости и насилия»*¹⁸⁷. Работники Деткомиссии и ВЧК вели упорную борьбу со злоупотреблениями в детских учреждениях, но эта борьба была заведомо обречена на неудачу. *«Дети раньше были порабощены, их подвергали жестоким наказаниям, теперь наступает эра свободы,*

¹⁸⁴ Достаточно вспомнить воспитанников А.С. Макаренко, многие из которых стали инженерами, журналистами, воспитателями и руководителями детских учреждений, научными работниками, героически сражались на фронтах Великой Отечественной войны (гвардии старший лейтенант А.Г. Явлинский, гвардии капитан летчик П.С. Мазуренко, подполковник гвардейских танковых войск Г.А. Супрун и многие другие).

¹⁸⁵ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 115. Л. 10.

¹⁸⁶ Там же. Д. 170. Л. 35

¹⁸⁷ Там же. Д. 7. Л. 39.

*наказания запрещены»*¹⁸⁸, — эти слова А.Д. Калининой, подводящей итоги первого десятилетия советской «работы по борьбе с детской беспризорностью», к сожалению, были справедливы лишь на бумаге, на уровне законов и инструкций, а на практике — лишь в единичных случаях, для отдельных счастливиц. В целом по республике реальное положение детей было далеко от желанной «эры свободы» даже спустя десять лет упорной борьбы за нее.

Особенности повседневной жизни детдомовцев во второй половине 1920-х годов

С середины 1920-х годов ситуация начала медленно меняться в лучшую сторону, что позволило сотрудникам детских домов больше внимания уделять воспитательной работе. Однако улучшение ситуации было медленным, нестабильным и носило не повсеместный характер, затрагивая лишь отдельные уезды или единичные детские учреждения, руководство которых проявляло особую инициативу и личную заинтересованность в судьбах своих воспитанников.

Так, например, проведенное в 1928 г. обследование детских домов Вологодской области показало, что в детдоме в Вологде весь коллектив работников проявляет к детям «исключительное внимание и заботу», благодаря чему и положение воспитанников в целом было достаточно благополучным¹⁸⁹. В то же время в целом по области ситуация в детских домах оставалась «ужасной»: дети «питались впроголодь» (в то время как «весь коллектив питался за счет детей»), были «одеты в лохмотья» (а при этом «на складах пылились сотни метров не использованной мануфактуры»), помещения не отапливались, не было ни врача, ни медсестры, воспитателей и технического персонала не хватало, а те что были, работали «по казенному и никто ни за что не отвечал», в общем, работа в детдомах «протекала самотеком». В качестве привычных «воспитательных» приемов практиковались избиения детей, а халатность и равнодушие сотрудников «доходили до преступной жестокости». Так, в одном из детдомов области мальчик восьми лет четыре месяца пролежал с открытыми гниющими ранами на коленях без какой-либо помощи и вообще «без всякого присмотра»¹⁹⁰.

¹⁸⁸ Калинина А.Д. Десять лет... С. 27.

¹⁸⁹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1 Д. 1718. Л. 8.

¹⁹⁰ Там же. Л. 1—5, 9.

Проведенное в 1928 г. обследование детдомов Вотской губернии также показало невозможность однозначно оценить качество повседневной жизни воспитанников детских домов. Было обследовано 12 из 19 детдомов губернии, из которых около половины оказались «довольно хорошо оборудованы, жизнь в них налажена, дети обуты и одеты, и имеют здоровый вид». Некоторые из этих детдомов произвели на проверяющих *«в высшей степени отрадное впечатление»*: *«Вы входите в чистое, теплое помещение, в котором видно стремление к созданию уюта, где видна дружная, совместная работа воспитателей с воспитанниками, где все указывает на то, что в деле воспитания имеются достижения»*. Однако другая половина осмотренных детдомов Вотской губернии, напротив, произвела на проверяющих *«кошмарное впечатление»*: *«оборванные истощенные дети, грязь и холод в помещении, отсутствие теплой одежды не дает возможность посещать школу и пользоваться свежим воздухом»*¹⁹¹.

«Значительные достижения» были отмечены проверяющими в феврале 1929 г. «во всех областях работы Иваново-Вознесенской губернской Деткомиссии»¹⁹². Тем не менее, в отдельных детских учреждениях губернии положение оставалось крайне тяжелым, у воспитанников не было ни обуви, ни постельного белья, одеяла и одежда были рваными и грязными, питание состояло из 500 г ситного и 500 г черного хлеба в день, чай с сахаром давали только по воскресеньям, обед — не чаще одного раза в неделю, причем состоял он из одного, крайне редко из двух, блюд¹⁹³.

Более-менее благополучная ситуация сложилась в Нижегородской губернии, где проводилась большая работа по профилактике беспризорности и изъятию беспризорных с улицы, по расширению сети детских домов и улучшению их работы. Только за 1927 г. в губернии были созданы «опорный пионерлагерь» и 4 детские площадки для беспризорников. В детдомах регулярно проводились спортивные игры, работали библиотеки, были организованы новые кружки, которые посещали 130 человек, 225 воспитанников были переданы под опеку, 182 — в семьи усыновителей и 144 — в патронатные семьи и в семьи родственников, 68 подростков устроили на работу. Всего в области было 42 детских учреждения закрытого типа с тремя тысячами воспитанников, в которых было

¹⁹¹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 400. Л. 168—169.

¹⁹² Там же. Д. 404. Л. 153.

¹⁹³ Там же. Д. 400. Л. 4—5.

организовано 49 мастерских на тысячу подростков¹⁹⁴. С 1928 г. Деткомиссией области систематически проводилась работа по пополнению библиотечных фондов детских учреждений, расширению сети клубных комнат в детдомах, а также организации специальных киносеансов для беспризорных детей¹⁹⁵.

Насколько разительными были отличия в уровне развития системы охраны детства можно судить и по разбросу данных о численности беспризорных в различных губерниях. Так, по данным сводного отчета работы Деткомиссии ВЦИК за 1927/1928 гг., в Костромской губернии к 1928 г. детскую беспризорность в основном ликвидировали. Во Владимирской губернии к указанному моменту насчитывалось 65 беспризорных детей, причем в отчете подчеркивалось, что «появление беспризорных на улице вызывается случайностью, т.е. смертностью родственников и т.д.»; в Тверской губернии — 118 беспризорных, но потенциальную опасность роста беспризорности вызывал также рост «нищенства» за счет выходцев из Пензенской губ.; в Вологодской — 693 беспризорных и 1 292 безнадзорных; в Ленинградской области — 1 945 беспризорных и 13 113 безнадзорных¹⁹⁶. Остается загадкой, каким образом Деткомиссии удалось с такой точностью подсчитать численность беспризорных и особенно безнадзорных детей, однако не вызывает сомнений сам факт неравномерного решения проблемы детской беспризорности в различных регионах Советской республики.

В целом по Республике положение воспитанников детдомов оставалось крайне тяжелым. В отчетах и актах об обследованиях детдомов фиксируются все те же нарушения и те же сложности в работе, что и в первой половине 1920-х годов: «финансируются детские

¹⁹⁴ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 404. Л. 120—127.

¹⁹⁵ Там же. Д. 403. Л. 32—35.

¹⁹⁶ Там же. Д. 404. Л. 30, 148 об, 198, 209. Данных о численности беспризорных в Москве и Московской губернии в указанном отчете нет. Видимо, это связано с крайне нестабильной ситуацией в этих регионах. С одной стороны, ситуация с педагогическими кадрами, финансированием и снабжением детских учреждений, в том числе приемников-распределителей, в среднем по Москве была значительно лучше, чем в регионах. С другой стороны, именно в столицу и на ее окраины ежедневно стекался бесконечный неконтролируемый поток беспризорных из различных регионов страны. Так, например, в секретной докладной записке начальника Управления Рабоче-Крестьянской милиции г. Москвы «Детская и подростковая беспризорность в г. Москве и Московской области за 1931—1932 гг.» приводятся весьма приблизительные данные о численности беспризорных детей в Москве. В частности, в октябре 1932 г. их численность оценивается в диапазоне от 1,5 до 3 тысяч. (ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 23. Л. 71)

дома преступно», «отпускаются средства с большими перебоями», белье и одежда у воспитанников рваное и грязное, нет обуви; посещение бани — не чаще одного раза в три недели; «нет организации разумного детского досуга», «отсутствие общественно-политического воспитания», «нет связи с общественностью»; «воспитательной работы — как системы нет, 1 раз в неделю проводятся читки книг»; плохое состояние учета и отчетности в д/д, «преступное отношение к детям», халатность и злоупотребления персонала детдомов и т.п.¹⁹⁷

Вот как сами дети описывали свою жизнь в детских домах:

*«Живем мы — хуже некуда. Оборванные, грязные, без всякого призора. Все, к кому мы ни обращались, не хотят нас и слушать [...] Несколько раз мы просили администрацию деткомиссии обмундировать нас, но руководители комиссии глухи к нашим просьбам, они все обещают, сулят выдать обмундирование, а на деле этого нет [...]»*¹⁹⁸ (октябрь, 1928 г., Сталинград).

В некоторых детских домах руководство искусственно разделяло воспитанников, создавая более благоприятные условия для пионеров и комсомольцев. Так, при обследовании детских домов Рыбинска Ярославской губернии проверяющие с удивлением обнаружили, что руководство детских домов сознательно создает «кастовость в детских коллективах». Для комсомольцев и пионеров набирался «отдельный штат воспитателей» и им были созданы «лучшие бытовые условия»: проживали в «изолированных чистых помещениях», питались в отдельной столовой «с ускоренным обслуживанием», были обеспечены чистыми костюмами юнгштурма. Условия жизни остальных воспитанников были описаны следующим образом: «порванная экипировка, грязные общежитие и столовая, воспитательский недосмотр и кличка — правонарушители». «Такая система ничем не оправдана, рождает в ребенке кастовость», — подчеркивалось в отчете о проверке детдомов¹⁹⁹.

Вышеописанная система двойных стандартов (создание различных условий для детей «разного сорта») практиковалась далеко не во всех детских учреждениях. Все зависело от руководства каждого конкретного учреждения. Любопытно в этом отношении, что и особое положение детского учреждения далеко не всегда гарантировало его качественное снабжение, а также профессионализм сотрудников

¹⁹⁷ См., например: ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1 Д. 400, 401, 420, 424, 1718, 1746; и др.

¹⁹⁸ Там же. Д. 420. Л. 134. См. также: Пишут дети // Борьба. Сталинград. 11 окт. 1928 г. С. 1.

¹⁹⁹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 400. Л. 15.

и их чуткое отношение к своим подопечным. Так, например, проведенное в декабре 1926 г. обследование детских учреждений, обслуживающих семьи сотрудников аппарата ВЦИК, показало, что и хозяйственная, и воспитательная работа в этих учреждениях далеки от образцовой. «...*Не входя в оценку воспитательной работы, ведущейся в детучреждениях*, — говорится, в частности, в отчете о проведенном обследовании, — *они внешне не производят впечатление образцовых учреждений, наоборот, во многом отстают от многих из тех, которые мне пришлось видеть на фабриках*, — и здесь же необходимо отметить, что работа в них ведется от 9 до 3-х, что вообще нельзя считать нормальным [...] Отсутствуют также революционные значки, картины, флажки, уют в этих учреждениях. Большинство помещений не приспособлено, не соответствуют своему назначению [...] Хозяйство ведется довольно хаотично, что отчасти зависит от нетвердой постановки этого дела в самом п/отделе, отчасти от слабости работников в самих учреждениях, опаздывание, нецелесообразное ведение ремонта; занятие помещений руководителями в ущерб для детей; занятие помещений посторонними лицами; неотстранение [так в тексте. — Т.С.] дефектов, связанных [с] незначительными тратами и влияющих все же на всю жизнь в учебном заведении [...]»²⁰⁰. Для полноты картины нельзя не остановиться поподробнее на содержащихся в отчете комментариях по результатам обследования всех детских учреждений, «обслуживающих работников центральных правительственных учреждений»:

«1. ЯСЛИ В I ДОМЕ: Помещение просторное, чувствуется порядок. Неудобство в отсутствии внешней вентиляции. Изолятор в темном помещении [...] 2. ЯСЛИ НА МАНЕЖНОЙ: Помещение обыкновенная квартира, порядок чувствуется. Невероятная скученность, в комнатухе с одним окном 17 детей проводят весь день [...] 3. ДЕТ. САД ВО II ДОМЕ: Помещение 2 квартиры, причем одна на 3-м, а другая на 5-м этаже. Не чувствуется хозяйской руки. Платья и полотенца детей на полу, и на кроватях валяются, уборные неряшливы, продукты гниют. Всего 85 детей при 6 руководит. — нагрузка 14 чел. 4. ДЕТ. САД В III ДОМЕ: Кровати валяются при входе, объяснение — нет помещений [...] Зав. дет. садом занимает одну комнату, помещения для детей не хватает. По списку 54 дет., фактически — 40 — 4 руководит. 5. ДЕТ. САД НА ПОВАРСКОЙ: Богатый особняк. Ход со двора. Происходит ремонт, центральное отопление брошено, в комнатах устраивают печки. Лифт из кухни брошен, хотят устроить

²⁰⁰ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 117. Д. 7. Л. 161.

в коридоре. Громадное зеркало стоит на полу в коридоре, где моют посуду. Руководительница занимает одну комнату в помещении для детей. Живут посторонние лица. Состав по списку 117 детей, фактически 85, руководителей — 6, нагрузка по списку 19—20. 6. ДЕТ. САД “ЗВЕЗДОЧКА” в Кремле: Неудобное помещение (внизу мастерские, дым, запах в комнатах, мало света). Неудобный вход (через узкий виадукт [так в тексте. — Т.С.], где возят лошадей, двуколки, открытый коридор). Порядок, чистота. Необходимо взять помещение от самокатчиков и вход с улицы. 7. ОБЩЕЖИТИЕ НА М. НИКИТСКОЙ: Печальный вид, двери оторваны, забиты досками вместо стекол, рамы не вставлены, обои содраны, стены грязные, клопы. Вообще бедно — живет посторонний (дворник). Штат 1 руководитель; 1 зав. складом; 1 кухарка, 1 уборщица; 8. ШКОЛА 7-милЕТКА НА М. НИКИТСКОЙ: Посторонние лица живут среди классов; дым, смрад из кухни, нет вентиляции, преподаватели столуются в кухне. Физический кабинет оборудован за счет родителей»²⁰¹.

Показательно в этом отношении и развернувшееся в 1930-х годах строительство детских садов по специально разработанным типовым проектам. Интересно, что среди сданных в 1937 г. зданий детских садов наибольшее количество недоработок оказалось в построенном силами Москулытстроя здании детсада при Наркомпросе, ставшем, по словам проверяющих, «примером того, как не нужно строить». «Если взять такие детсады, как детсад на ул. Обуха 7 для детей работников ГорОНО или детсад Наркомпроса, то их как будто бы специально для курьеза сделали — чтобы показать, что самому Наркомпросу строят хуже, чем кому-либо другому»,²⁰² — с удивлением отметила представительница дошкольного отдела горОНО Садовская на состоявшемся в августе—декабре 1937 г. совещании работников просвещения по вопросам строительства и работы детсадов.

Таким образом, личный фактор неизменно оказывался важнее не только ведомственного подчинения детского учреждения, но и его особого, «элитного» статуса.

О том, каким было положение в детдомах в целом по стране, можно судить по сводным годовым отчетам Деткомиссии. «Несмотря на значительное улучшение положения детучреждений по сравнению с 1926 годом, — говорится в сводном отчете о работе Деткомиссии ВЦИК за 1927/1928 гг. — все же большинство отчетов

²⁰¹ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 117. Д. 7. Л. 160—159.

²⁰² Там же. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2338. Л. 13.

характеризуют состояние детучреждений тяжелым. Никуда не годные помещения [...] Недостаток оборудования, обмундирования, недостаточное питание и плохая постановка воспитательской работы, вот чем продолжают характеризовать состояние детучреждений»²⁰³. Ситуацию усугубляли бесконечные непродуманные реорганизации, которые призваны были решить указанные проблемы, а на деле нередко «совершенно разрушали работу». Ярким примером тому служит история школьного детдома в Воткинске, изложенная в августе 1928 г. проверяющими инспекторами Деткомиссии ВЦИК:

«[...] В Воткинске был до сентября 1927 г. прекрасный школьный детдом на 55 человек, существовал он свыше 5 лет, но вот ОблОНО решил произвести перегруппировку детей, мероприятие это было проведено без достаточной подготовки и в результате из хорошего детского учреждения получилось нечто ужасное, окна побиты, мебель вся разломана, ни на одну минуту нельзя оставить открытыми спальни, так как воруют все, что попадает под руку и продают на базаре. Население терроризировано, так как воспитанники этого детского учреждения грабят проходящих детей, снимая с них одежду»²⁰⁴.

Похожая ситуация произошла в детских домах Сталинграда в конце 1920-х гг. В 1929 г. решением Коллегии Сталинградской окружной РКИ был снят с должности секретарь Сталинградской Деткомиссии Малафеев, которого обвинили в «запутанности бухгалтерии», убыточности созданных им предприятий, наличии огромных административно-хозяйственных расходов, а также в неправильном подборе кадров. В заключении Коллегии окружной РКИ помимо прочего говорилось: *«Товарищ Малафеев никаких мер к очистке аппарата от явно разложившихся элементов не принимал, но, наоборот, путем приглашения на работу административно-высланных, среди которых была дочь генерала, офицеров и прочих чуждый и безусловно, враждебный нам элемент, этот аппарат засорял и в окончательной степени разлагал»²⁰⁵.* С данной оценкой деятельности Малафеева не согласились его подопечные — бывшие беспризорники, ставшие учениками производственных мастерских. 102 вчерашних беспризорника обратились в Деткомиссию ВЦИК с письмом в защиту Малафеева. *«Гражданин Малафеев, — писали дети, — находясь в должности ответственного секретаря ДТК сделал очень много: организовал для нас, бывших беспризорных детей, которых он привел нас с улицы, производственные мастер-*

²⁰³ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 404. Л. 5.

²⁰⁴ Там же. Д. 400. Л. 19.

²⁰⁵ Там же. Д. 420. Л. 23—23 об.

ские [...], общежитие, детские столовые, “живую газету” “Беспризорник”, струнный оркестр [...]» По словам детей, более 500 учеников мастерских в 1927/1928 г. были устроены на производство, многие посещали разнообразные кружки, все были «одеты, обуты». Ситуация резко изменилась после снятия Малафеева с должности. Мастерские, струнный оркестр и «живая газета» были ликвидированы, детское общежитие и столовую закрыли. *«Распускаются ученики-беспризорники по разным сторонам и все идет крахом, мы снова беспризорники, нас снова заставляют идти воровать»*²⁰⁶, — писали дети.

«Усилить внимание должной постановке воспитания»: повседневная жизнь в детдомах 1930-х годов

На рубеже 1920—1930-х годов Президиум ВЦИК признал, что настало время вплотную заняться в детдомах воспитанием и обучением детей. Проанализировав в феврале 1929 г. итоги выполнения принятого в 1927 г. трехлетнего плана борьбы с детской беспризорностью, Президиум ВЦИК констатировал: *«Если до сего времени центр тяжести в работе был направлен на ликвидацию массовой уличной беспризорности, то в настоящее время, когда эта беспризорность подходит к концу, необходимо усилить внимание должной постановке воспитания тех детей, которые уже находятся в детучреждениях»*²⁰⁷. Перед детскими домами, руководство которых ранее было сконцентрировано на спасении жизни детей, была поставлена задача максимально обеспечить последующую социализацию их выпускников.

Однако оптимистическим надеждам на то, что *«в 1929/30 г. должен быть сделан если не последний, то предпоследний шаг к полной ликвидации беспризорности»*²⁰⁸, не суждено было сбыться. Если беспризорность среди детей дошкольного возраста к началу 1930-х годов действительно удалось ликвидировать почти полностью (например, в Москве и в Московской области беспризорность среди детей дошкольного возраста считалась ликвидированной с 1928/1929 года²⁰⁹), то число беспризорников среди детей старших возрастов, напротив, возросло. Основную массу беспризорных детей в 1930-х годах составляли подростки 12—17 лет²¹⁰. Это были «опытные» беспризорники,

²⁰⁶ ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 420. Л. 45—45 об.

²⁰⁷ Там же. Д. 395. Л. 25.

²⁰⁸ Там же. Д. 395. Л. 4.

²⁰⁹ Там же. Оп. 3. Д. 23. Л. 66.

²¹⁰ Там же.

с большим стажем уличной жизни, имеющие за плечами несколько побегов из детдомов, многие из них употребляли алкоголь и наркотики. Объединенные в банды, эти беспризорные подростки представляли собой серьезную угрозу для населения.

Любопытно, что в составе подростковых банд значительную долю составляли дети, имеющие одного или двух родителей. Так, по данным секретного доклада начальника Управления Рабоче-крестьянской милиции города Москвы «Детская и подростковая беспризорность в г. Москве и Московской области за 1931—32 гг.», 18% беспризорных детей имели обоих родителей, а 26% — одного²¹¹. В частности, имели семьи все подростки, входившие в «Банду черных пиратов» (19 подростков от 11 до 16 лет), которая в 1934 г. терроризировала москвичей, проживавших в районе Зацепского вала, (обстреливали население из огнестрельного оружия, воровали, избивали школьников, насиловали подростков, склоняли их к преступной деятельности и т.д.)²¹².

В апреле 1934 г. Н.А. Семашко в секретном донесении председателю ВЦИК М.И. Калинину писал, что около половины «так называемых беспризорных», — это «дети, имеющие родителей», «главным образом, это дети, идущие из деревни», поскольку «ни сельсоветы, ни колхозы никакой заботы о детях не несут»²¹³. На постоянный «поток беспризорных из деревни» как на одну из главных причин неудач борьбы с детской беспризорностью в середине 1930-х гг. ссылаются практически во всех отчетах с мест²¹⁴.

*«Если с обучением ребят после постановления ЦК о школе дело пошло гораздо лучше, — писал Семашко в секретном донесении от 11 апреля 1934 г., — то с воспитанием их дело обстоит и до сих пор плохо и не замечается симптомов улучшения, а, наоборот, положение ухудшается. За последние годы наблюдается увеличение правонарушений и преступлений среди ребят и подростков; нередко среди правонарушителей и преступников встречаются и пионеры, и комсомольцы. Хулиганство среди ребят делается все более распространенным явлением»*²¹⁵.

Сложилась весьма противоречивая и запутанная ситуация. С одной стороны, отсутствие в детдомах какого-либо воспитания и обеспечения приводило к массовому бегству детей и пополнению улиц

²¹¹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 23. Л. 62.

²¹² Там же. Д. 19. Л. 51—55.

²¹³ Там же. Д. 29. Л. 4—5.

²¹⁴ Там же. Д. 23. Л. 69; Д. 34. Л. 60.

²¹⁵ Там же. Д. 29. Л. 4—5.

беспризорными из числа беглых воспитанников. С другой стороны, перевод трудных воспитанников в более благополучные детдома, а тем более пополнение этих детдомов вчерашними беспризорниками, вносившими в детский дом привычные им законы улицы и стиль жизни беспризорников (воровство, драки, игра в карты, пьянки, наркотики, растление младших воспитанников), приводило в детдомах к серьезным беспорядкам. Доходило до того, что воспитатели «опускали руки», понимая, что «ничего поделывать не могут» и предпочитали не попадаться на глаза своим воспитанникам, «так как те грозили их поколотить»²¹⁶. Судя по секретным документам Деткомиссии ВЦИК, опасались воспитатели не напрасно. Вот, например, какая ситуация сложилась к концу 1932 г. в детском доме Петровска Нижневолжского района: *«В среде воспитанников имеется группа ребят, которые терроризируют население, занимаясь грабежами [...] Группа социально запущенных (вернее социально опасных) ребят, разлагающих весь д/д увеличивается [...] За последнее время участились случаи нанесения побоев воспитателям, обливания их пищей, порезы одежды, плевок в лицо, матерщина, пьянство, картежная игра и т.д.»*²¹⁷.

Сосредоточение трудновоспитуемых подростков в рамках специальных детучреждений также не решало проблему. *«Мы имеем в последнее время целый ряд фактов разгрома воспитанниками домов для трудных детей»*²¹⁸, — писал по этому поводу Семашко в 1934 г. Позже, в феврале 1938 г., секретным постановлением Президиума ВЦИК «О работе приемников-распределителей и трудовых колоний НКВД для несовершеннолетних» для решения этой проблемы было решено создать в ведении отдела трудовых колоний НКВД ряд трудколоний закрытого типа для «особо социально запущенных несовершеннолетних правонарушителей, дезорганизаторов, требующих более длительного перевоспитания, с установлением особых форм политико-воспитательной работы»²¹⁹. Необходимость создания закрытых трудколоний НКВД обосновывалась тем, что в остальных детских исправительных заведениях этого ведомства условия жизни воспитанников в подавляющем большинстве практически не отличались от условий жизни в обычных детских домах. Руководство НКВД также систематически жаловалось на недофинансирование подведомственных им детских учреждений и тоталь-

²¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп.1. Д. 82. Л. 24.

²¹⁷ Там же Оп. 3. Д. 23. Л. 1—2.

²¹⁸ Там же. Д. 29. Л. 4—5.

²¹⁹ Там же. Д. 29. Л. 26—27.

ный дефицит в них всего необходимого. В частности, в одном из протоколов Деткомиссии по итогам обследования в 1938 г. детских домов с особым режимом, говорится, что «в детдомах с особым режимом фактически отсутствует этот “особый режим”, за исключением только того, что эти детдома имеют свои отдельные школы с небольшими классами по количеству учащихся (20 человек в классе) и должен быть обязательный труд в мастерских ежедневно 2—3 часа, который имеется не во всех детдомах»²²⁰.

По итогам проведенной в начале 1930-х гг. массовой проверки детских трудовых колоний, которая в большинстве случаев выявила «безответственное отношение руководящего состава колоний, граничащее с пьянкой отдельных лиц»²²¹, в 1932—1934 годах была проведена реорганизация значительной части детских трудколоний. «Для оздоровления жизни колонии» ряд руководителей были уволены либо привлечены к уголовной ответственности. Интересно, что наиболее трудные подростки из расформированных в 1934 г. трудколоний были переданы в упоминавшуюся выше Веркеевскую колонию²²², в которой к тому времени сменили не только руководство, но и весь преподавательский персонал. Новое руководство Веркеевской трудколонии нашло общий язык со своими воспитанниками и попыталось организовать на своей территории подсобное хозяйство, как в целях улучшения обеспечения своих воспитанников, так и для обеспечения их профессиональной подготовки. 29 декабря 1932 г. в трудколонии состоялось собрание воспитанников, по итогам которого был составлен список того, что необходимо приобрести. В этот список вошли краски, цемент, ботинки, пальто, 7 коров, 10 свиней, 2 свиноматки, кролики, а также инвентарь, необходимый для ремонта нефтяного двигателя. *«Мы желаем провести культурно свое детское хозяйство, а в будущем дать пользу государству»*, — так обосновали свои требования участники собрания²²³. Фактически речь шла о будущей социализации выпускников трудколоний, успешность которой была одним из важнейших показателей эффективности работы любого детского учреждения. По правилам трудовые колонии должны были не просто дать своему воспитаннику какую-либо специальность, но и трудоустроить его после выпуска.

²²⁰ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 1634. Л. 49; см. также: Там же. Л. 26—29.

²²¹ Там же. Л. 14—15.

²²² См. главу 4, раздел «Кадры решают все»

²²³ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 23. Л. 5 об.

Задачам будущей социализации воспитанников детдомов должна была быть подчинена и работа мастерских, организация которых при школьных детских домах была обязательной. Однако на практике мастерские были созданы далеко не во всех детских домах и даже не во всех трудколониях. Имеющиеся же мастерские были плохо оборудованы, в большинстве своем носили кустарный характер и не давали воспитанникам необходимой квалификации. Нередко мастерские создавались «для галочки», чтобы иметь возможность в отчете указать их наличие. При этом их специализация не учитывала не только интересы и потребности воспитанников, но и местные условия с точки зрения востребованности будущей специальности. Так, например, в ряде детдомов Москвы были организованы мастерские по плетению корзин, что вызвало крайнее недоумение у проверяющих²²⁴. Очевидно, что такие мастерские не могли обеспечить дальнейшее трудоустройство и социализацию будущих выпускников.

Более-менее наладить трудоустройство выпускников трудколоний удалось лишь в конце 1930-х годов. Так, если в 1936 г. из трудовых колоний на территории РСФСР было трудоустроено 1 703 чел., то в 1937 г. — уже 5 183 выпускника, из них: 2 316 — по специальности металлист; 1 136 — по специальности деревообделочник; 783 — обувщиков; и 1 078 — прочих специальностей²²⁵. Деткомиссия старалась отслеживать дальнейшие судьбы трудоустроенных выпускников детдомов. В частности, летом 1938 г. в Воронежской области была проведена массовая проверка условий жизни трудоустроенных воспитанников детских домов из Усманской трудколонии НКВД. Проверка показала, что все трудоустроенные проживали в хороших условиях²²⁶.

К сожалению, наладить нормальное трудоустройство выпускников детских домов и колоний Деткомиссии и органам народного образования мешало отсутствие поддержки со стороны других ведомств, которые далеко не всегда шли навстречу просьбам Деткомиссии о бронировании рабочих мест для их подопечных. Так, например, в 1940 г. Наркоматы отказались предоставить места для трудоустройства воспитанников детских домов Наркомпроса и трудколоний НКВД. В частности, Наркомат среднего машиностроения не предоставил положенные по плану 640 мест; Наркомат общего машиностроения — 182 места, Наркомат легкой промышленно-

²²⁴ См., например: ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 404. Л. 108об; Д. 1746. Л. 144; Там же. Оп. 3. Д. 29. Л. 26—29.

²²⁵ Там же.

²²⁶ Там же. Оп. 1. Д. 1721. Л. 9—14.

сти — 485 мест, Наркомат связи — 100 мест. Устраивать на работу выпускников детских домов пришлось при помощи СНК РСФСР, к которому руководство Наркомпроса обратилось с просьбой дать указания о выделении рабочих мест для бывших воспитанников детских домов и трудколоний непосредственно местным исполкомам²²⁷.

Наряду с профессиональной подготовкой руководство Деткомиссии ВЦИК в те годы большое внимание уделяло и культурно-массовой работе, в том числе организации киносеансов и экскурсий. В частности, составленная Деткомиссией смета на культурно-бытовые расходы в 1938 г. предусматривала расходы на ежемесячное устройство для воспитанников детских домов 3 киносеансов (2 сеанса немного кино и 1 — звукового), обязательную организацию радиотрансляции в каждом детдоме (и соответственно ремонт репродукторов), походы в театр, экскурсии отличников в областные центры; а также транспортные расходы на поездки внутри города. План культурно-массовых мероприятий 1938 г. предусматривал также проведение новогодних елок, однако эта статья расходов финансирования не получила²²⁸.

Более трети всех, выделенных на культурно-массовую работу денег в соответствии с принятыми сметами полагалось израсходовать на организацию и проведение революционных праздников (украшение зданий, оформление колонн и т.д.)²²⁹. Однако на практике распределение полученных на культурно-массовые мероприятия средств зависело от руководства детских домов. Кто-то предпочитал тратить выделенные средства на развитие музыкальных кружков (известны случаи, когда руководством детских учреждений заказывались патефоны, пластинки и даже домровый оркестр); многие заведующие детдомов делали упор на развитие спортивных секций. Так, например, в 1938 г. детским домам Горьковской области на культурно-массовую работу выделили по 10 тыс. руб. На что именно потратить эти деньги должны были решить сами руководители детдомов. Как же они распорядились этими средствами? Руководство дошкольного Детского дома № 1 Борского района решило закупить на эти деньги музыкальные инструменты (гармонь венскую, 2 гитары и 3 балалайки) и 4 аквариума. Руководство Княгининского детского городка помимо музыкальных инструментов заказало мячи, 6 бильярдов, шахматы, шашки, и пинг-понг. А руководство Варнавинского детского дома на всю по-

²²⁷ ГА РФ. Ф. А- 2306. Оп. 69. Д. 2617. Л. 97.

²²⁸ Там же. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 1645. Л. 62, 94.

²²⁹ Там же.

лученную сумму решило закупить 5 буютов вождей, 2 подставки под буюты и 5 портретов вождей в рамках²³⁰.

Как уже говорилось ранее, наиболее значимым фактором, влияющим на жизнь детей в детских учреждениях, были не размер государственного финансирования и качество снабжения, а, прежде всего, — личная добросовестность и инициативность людей, которые непосредственно отвечали за жизнь детей в тех или иных детучреждениях, — то есть руководства и персонала этих учреждений, сотрудников местных органов народного образования и местных Деткомиссий, а также исполкомов местных советов. Можно привести немало примеров, когда дети в детдомах учились, ездили на экскурсии, посещали театры и кинематограф и главное — была создана основа их последующей успешной социализации. Так, например, в 1938 г. 17 воспитанников детских домов Иваново-Вознесенской области были отправлены на курорт и 10 — на экскурсию в Ленинград²³¹.

*«Если дети, лишаются родителей, — написал в 1938 г. бывший воспитанник Канищевского детского дома И. Чуриков, — то они находят других родителей, которые называются детдомами. Я сам воспитывался в детдоме и знаю, как хорошо живетсЯ воспитанникам детских домов. Мы были обуты, одеты, сыты и веселы. Воспитатели с нами обращались как родители со своими детьми. Мы не о чем не заботились, не думали о завтрашнем дне»*²³². С Чуриковым согласны и многие другие выпускники детских домов тех лет: *«В детдоме созданы все условия для проведения счастливой детской жизни и для учебы»* (студент ветеринарного института Холопов), *«Из детдомовской жизни помнится мне веселье, радость и счастье. Ежедневно мы ходили на реку и в лес. Нам часто покупали хорошие игрушки, мы лепили из глины, сводили картинки, рисовали, учили игры и песни»* (Мельникова, бывшая воспитанница Борисоглебского детдома)²³³. Эти цитаты взяты из подборки благодарственных писем бывших воспитанников детских домов, собранных в 1938 г. для юбилейного сборника Деткомиссии ВЦИК. Очевидно, что эта юбилейная подборка была специально организована и вошедшие в нее письма прошли тщательный отбор. Трудно судить, насколько искренними были авторы благодарственных писем, но сам факт их успешной социализации говорит о существовании в те годы социальных лифтов и их действенности. Много позже, в 1991 г., когда необ-

²³⁰ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 1771. Л. 117.

²³¹ Там же. Д. 1725. Л. 3.

²³² Там же. Д. 1721. Л. 60.

²³³ Там же. Л. 58, 54.

ходимости приукрашивать советскую действительность уже не было, бывшие воспитанники Макаренко, с благодарностью вспоминая своих воспитателей, писали о жизни в трудколони: *«Мы познали счастье осознавать свою нужность, свою полезность обществу... радость преодоления трудностей, радость общения»*²³⁴.

Тем не менее, в середине 1930-х годов общая ситуация в детских домах оставалась крайне тяжелой. Так, обком ВКП(б) Западной области сообщал, что к августу 1934 г. положение с детской беспризорностью и ситуация в детских домах не улучшились. О перегрузке детских домов, их недофинансировании, плохом питании и обмундировании детей сообщали из Горьковского края, Вологодской и Воронежской и даже Московской областей²³⁵. 17 августа 1934 г. председатель СНК Киргизской АССР сообщил в Деткомиссию ВЦИК о крайне тяжелом положении детей в детдомах Киргизии. В Рыковском и Чуйском районах Киргизии были даже зафиксированы случаи массовой смертности детей от недоедания²³⁶. Показательно, что именно в этих условиях в декабре 1935 г. СНК Киргизской АССР по собственному усмотрению снизил установленные СНК РСФСР нормы содержания детей в детдомах с 1 045 руб. 60 коп. в год на 1 воспитанника до 946 руб., что вызвало понятное возмущение со стороны руководства Деткомиссии ВЦИК. Проверяющие Деткомиссии неоднократно подчеркивали, что причиной бедственного положения воспитанников детдомов в Киргизской АССР было в первую очередь именно «наплевательское отношение» самого правительства республики, а не экономические причины²³⁷.

В обширной переписке с СНК, ВЦИК и руководством Наркоматов, получившей гриф «секретно», Семашко неоднократно подчеркивал, что ситуация изменилась, и в 1930-х годах в стране уже не было «достаточных объективных причин, которые оправдали бы такое положение с воспитанием детей». Главной причиной неудовлетворительной работы в сфере охраны детства Семашко считал «совершенно недостаточное внимание (а местами и полное отсутствие внимания) к этому участку работы со стороны местных советских и партийных органов»²³⁸. Это подтверждали и материалы систематически проводив-

²³⁴ Стурова М. П. Живое наследие А. С. Макаренко // Педагогика. 2000. № 3. С. 53, 57.

²³⁵ См., например: ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 29. Л. 4—5; Д. 34. Л. 52—57, 60, 76.

²³⁶ Там же. Л. 57.

²³⁷ Там же. Д. 29. Оп. 3. Д. 29. Л. 13.

²³⁸ Там же. Л. 4—5.

шихся Деткомиссией обследований детских домов и проверок работы местных отделов народного образования. Так, например, по итогам обследования, проведенного по всей стране с июня по декабрь 1935 г., в очередной раз был сделан вывод, что существенные улучшения в положении детдомов и предупреждении детской беспризорности отмечены лишь «в тех краях и областях, где секретари Обкомов и председатели Исполкомов лично уделяли внимание»²³⁹.

Между тем, из детских домов по-прежнему поступали жалобы на местные финансовые органы, которые «преступно не выполняли распоряжения Правительства и Наркомфина»; на местные органы Наркомпроса, отношение которых к детдомам, современники порой с горечью называли «издевательским»; а также на местные исполнительные комитеты, которые либо вовсе не шли навстречу детдомам, либо удовлетворяли их просьбы таким образом, что оказанная ими помощь на практике не имела никакого смысла²⁴⁰. Так, например, Жиздринскому детскому дому в июне 1934 г. в ответ на просьбу его руководства о предоставлении участка земли для подсобного хозяйства земля действительно была выделена, но на территории, удаленный от детдома на 10 км. При этом прекрасные плодородные участки, находящиеся в непосредственной близости от детского дома, были предоставлены в пользование другим организациям²⁴¹. Новокубанский сельсовет Азово-Черноморского края, напротив, пошел навстречу местному детскому дому им. И.В. Сталина и выделил ему в качестве подсобного хозяйства 300 га земли, 136 овец, 23 головы крупнорогатого скота, 11 лошадей, 3 трактора и 1 автомашину. Однако руководство детского дома не сумело наладить хозяйственную деятельность, в детдоме по-прежнему царил «полный развал», дети ходили грязные, были «педагогически запущены», ничему не учились, ничем не занимались, а многие из них пьянствовали и воровали²⁴².

В середине 1930-х годов в материалах обследований детских домов мы находим все тот же стандартный набор замечаний:

- 1) Недофинансирование.
- 2) Отсутствие типизации детских домов.
- 3) Проблема кадров (халатность, равнодушие, злоупотребления, воровство, пьянство, прогулы и т.п.).

²³⁹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 29. Л. 17—17 об.

²⁴⁰ Там же. Д. 34. Л. 44—45.

²⁴¹ Там же. Л. 45 об.

²⁴² Там же. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5333. Л. 45—48.

4) Высокая заболеваемость воспитанников, отсутствие или низкий уровень медицинской помощи, отсутствие изоляторов для больных детей, в том числе и инфицированных.

Так, например, в дошкольном детском доме деревни Долгой Сосновского района Челябинской области большинство детей были поражены трахомой. Несмотря на то, что болезнь эта заразная, заболевшие дети не были изолированы. В результате, проведенная летом 1936 г. проверка показала, что большинство детей уже лишились зрения, остальным также грозила его потеря. Челябинские Облоно и Облздрав никаких мер в связи с этим не предпринимали, несмотря на то, что в лечебных детдомах области были свободные места.

5) Плохое оборудование в мастерских при детдомах.

6) Отсутствие при детдомах наблюдательных советов из шефствующих организаций, низкий уровень общественной активности²⁴³.

Систематические проверки и обследования фиксировали в работе детских домов и колоний одни и те же нарушения и недостатки. На основании проверок неизменно принимались решения о необходимости принятия тех или иных срочных мер, искоренении тех или иных недостатков, составлялись планы улучшения работы с детьми. Однако новые проверки выявляли все те же проблемы и те же нарушения. Вновь и вновь утверждались акты об обследовании, принимались решения и планы, содержание которых практически полностью повторяло содержание аналогичных документов прошлых лет. *«...Нет ни одной области, края, республики, — говорилось, в частности, в секретном донесении председателя Деткомиссии Семашко председателю ВЦИК М.И. Калинину от 11 апреля 1934 г., — где бы в результате наших обследований не выносились решения об “улучшении” дела (в Курске за один год было вынесено 14 таких решений об улучшении положения детдомов). И все эти решения, как правило, остаются на бумаге: дети по-прежнему остаются в ужасных условиях...»*²⁴⁴

Вот, например, два отрывка из писем воспитанников детских домов, написанных с разницей в 16 лет:

«Ведь мы заброшены, как щенки, которые рождаются слепые, ведь мы здесь воровать научимся. Скажите всем ребятам, что, кто сюда попадет, тот все равно калекой будет на весь век» (1921 г., из письма воспитанников Подкопаевского приюта г. Москвы)²⁴⁵.

²⁴³ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 29. Л. 17- 22; см. также: Там же. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5333. Л. 28—34.

²⁴⁴ Там же. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 29. Л. 4—5.

²⁴⁵ Там же. Оп. 1. Д. 48. Л. 12.

«Бабуся, здесь очень плохо, потому что мальчики пристаю́т и бьют, а если скажешь воспитательнице, тогда еще хуже. Если я останусь здесь, то выйду из детдома какой-нибудь калекой или нехорошей девчонкой, и тогда дело плохо. Бабуся, если я здесь останусь, то тогда вы сами покаетесь. Девочки живут и все время трясутся. Только пока спят ничего не чувствуют. Мы переживаем ужасные страхи. Каждый день наши мальчики пристаю́т к девочкам с плохими делами, вот, бабушка, если можете, то спасите своего ребенка». (1937 г., из письма воспитанницы Детгородка № 2 Саратовской области в редакцию журнала «Коммунист»)²⁴⁶.

А вот еще несколько живых зарисовок повседневной жизни воспитанников детдомов в 1930-х гг.

Из донесения заведующего детским домом г. Петровска в Деткомиссию ВЦИК, Наркомюст и прокурору республики, 19 декабря 1932 г.:

«Сообщаю, что детские дома города Петровска Нижнее-Волжского края, имеющие 315 человек воспитанников разного возраста, находятся в самом жутком состоянии. Такое положение д/домов создано в декабре месяце 1931 г. и остается до сего времени таким. Ни районные, ни краевые организации не принимают должных мер к их благосостоянию. Ребята полураздеты, голодают, необходимыми жилищными условиями не обеспечены. В общежитиях скученность, грязь, вонь, нет света. В школах города обучаются только 40% остальные предоставлены самим себе [...] Штатом, как по количеству, так и по качеству детдома не обеспечены [...] В среде воспитанников имеется группа ребят, которые терроризируют население, занимаясь грабежами. Есть десятки актов районных и краевых бригад, обследовавших детский дом, но никаких конкретных мер к выправлению детских домов не принимается, работа остается в тех же условиях»²⁴⁷.

Из акта обследования Юровского детского дома Грязовецкого района, Вологодской области, 1938 г.:

«Контингент детей в детском доме установлен 125 человек. Фактически в детском доме — 106 человек. Помещение не отремонтировано. В детском доме бесхозяйственность, много стекол в окнах выбито. Холод адский, топят редко, сырыми дровами [...] Ребята сами пилят дрова для каждой топки, отсутствует какой-либо че-

²⁴⁶ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 35. Л. 91.

²⁴⁷ Там же. Д. 23. Л. 1—2.

человеческий элементарный порядок, грязь в помещении везде, белье постельное и нательное грязное, рваное, матрацы грязные, рваные, солома в которых превращена в труху, в таком же состоянии подушки и одеяла. Под матрацами у ребят тут же гвозди, хлеб, рваная обувь, портянки, самопалы и другое. Не на всех кроватях есть доски, кровати ломаные, необеспеченность бельем. Имеется полторы смены белья, а на складе лежит мануфактуры 842 метра не использованы. Вид детского дома и ребят как после погрома [...] Завтрак — чай с хлебом, обед — постный суп и каша ячневая постная с песком. Ужин — чай с хлебом. При этом все это приготовлено грязно [...] Отсутствует какая-либо политико-воспитательная работа среди детей. Дети предоставлены сами себе. Как дети учатся, какая их успеваемость, посещаемость в д/доме не известно [...] Не организовано профобучение [...] Кадры д/домов, как воспитательский состав и технический персонал, очень слабы, работают по-казенному и никто ни за что не отвечает. Вся работа в д/доме протекает самотеком. Отсутствует медико-санитарное обслуживание, в д/доме нет врача, медсестры, в то время, когда д/дом расположен от районного центра в 20 км. Больные дети просто лежат в общих спальнях месяцами [...]»²⁴⁸.

В Барыбинском детдоме г. Москвы, рассчитанном максимум на 500 человек, но в соответствии с решением Мосгорono вмещающем более 600 человек, не хватало всего: оборудования, одежды, кроватей. На 640 человек имелось всего по 105 тарелок и стаканов. За завтраком дети пили из тарелок суп (так как ложек не было вовсе), затем из этих же не мытых тарелок пили кофе. В декабре 1935 г., несмотря на морозы, не были остеклены рамы. Чистое белье хранилось вместе с грязным. Школы также не были оборудованы, занятия проводились не по расписанию. Баня одновременно являлась также прачечной и сушилкой, а состояние ее было таково, что она фактически превратилась в «рассадник заразы». Отсутствовали квалифицированные кадры, персонал состоял в основном из случайных людей. Так, заведующий отделением девочек Матвеев, ранее уволенный из Ростокинского приемника за растрату, был охарактеризован проверяющими как «лодырь» и «растратчик». Изолятора не было и больные дети, в том числе заразные, не были отделены от здоровых. В частности, на момент проверки трое детей оказались больны туберкулезом, 32 — тяжелыми глазными и ушными заболеваниями. «Типизация» детского дома не была осу-

²⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 1718. Л. 3—5.

ществлена, контингент воспитанников был смешанный, проверяющие охарактеризовали его следующим образом: 49 «дебилов», 10 «психопатов», 1 глухонемой, 3 инвалида (без ноги), 32 трудно-воспитуемых. За последний год из детского дома убежали 278 воспитанников²⁴⁹.

В московском детдоме № 3 на станции «Правда» дети проживали в помещении бывших конюшен и поросятника. К моменту проверки дети не мылись уже 28 дней, столько же не менялось их нательное и постельное белье. При этом на складе имелось необходимое количество белья и одежды: 1 100 простыней, 1 200 наволочек, 1 300 полотенец, 300 пальто и т.д. Отопление в помещениях было слабое, из-за холода многие дети были больны. Столовая была грязная, питание плохое, нормы не соблюдались. Вместо 64 кг мяса на обед на всех воспитанников выдавали 25—30 кг. Школа начала работать только 1 декабря, причем из-за отсутствия педагогов занятия проводились не во всех группах. Дети ничем не были заняты, многие воровали, в результате чего каждый день 10—15 воспитанников оставались без одежды и ботинок. Оставшиеся без одежды дети были вынуждены пропускать занятия в школе, за что воспитатели в качестве наказания давали им еду на 1—2 часа позже, чем остальным²⁵⁰.

В институте «Новая жизнь» — исправительном учреждении для девочек — условия жизни к концу 1930-х гг. были во всех отношениях значительно лучше. В докладной записке инструктора Деткомиссии о результатах обследования в апреле 1937 г. говорится, что 107 девочек, занимавшихся ранее воровством и проституцией, проживают в хороших условиях, одеждой и оборудованием обеспечены полностью, питание получают 4 раза в день, меню разнообразное. Девочки посещали школу-семилетку, кружки (музыкальный и художественного вышивания), обучались в трикотажной и швейной мастерских. Режим жизни в институте был организован «с таким расчетом, чтобы девочки были все время чем-нибудь заняты». Основные претензии проверяющих относились не к обеспечению воспитанниц или организационно-хозяйственной работе детского дома, а к уровню воспитательной работы. «Отсутствие коммунистического воспитания» проверяющие объяснили тем, что воспитательной частью заведовал бывший офицер царской ар-

²⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 29. Л. 15.

²⁵⁰ Там же. Л. 14—15.

мии Сидоренко, а старшей воспитательницей была его жена. По словам проверяющих, семейная чета Сидоренко использовала в своей работе непедagogические приемы и незаслуженно наказывала своих воспитанниц. Однако, судя по докладной записке, единственным наказанием, которое практиковалось в данном исправительном учреждении было то, что преподаватели кричали на своих подопечных²⁵¹.

Как видно из документов, в ряде обычных детских домов или в детдомах для морально-дефективных детей режим мог оказаться более строгим, чем в детских колониях для трудновоспитуемых детей и юных правонарушителей. Очевидно, что условия жизни воспитанников детских учреждений зависели не столько от ведомственной принадлежности и типа детского учреждения, сколько от конкретных людей, которые в нем работали, руководили им и обеспечивали его снабжение продовольствием, топливом, предметами личной гигиены и всем прочим, необходимым для нормальной жизни, а главное — определяли методы воспитания и психологическую атмосферу в коллективе. Яркой иллюстрацией к этому могут служить выводы проведенной в 1935 г. инспекторами Наркомпроса проверки состояния всех детдомов РСФСР. По итогам этой проверки детские дома Западной области были разделены на 3 категории:

1. «Прекрасные» детские дома, «освоившие хорошо не только свое внутреннее хозяйство, но и хозяйство подсобное» (от 20 до 60 га земли), имеющие «прекрасно, образцово налаженную педагогически-воспитательную работу». К этой группе были отнесены Кардымовский, Людиновский, Демидовский дошкольный и Гжатский дошкольный детдома, а также еврейский детдом в Смоленске.

Кардымовский детдом был также признан одним из лучших в стране. Вот как его описали проверяющие: Несколько бревенчатых зданий в лесу. Тепло чисто, уютно, занавески и наволочки расшиты детьми. Есть клуб, книги, бильярд, радио и свой киноаппарат, кружки (шахматный и моделистов). Хозяйство в 40 гектаров земли, имеются 20 голов рогатого скота, 6 лошадей, 80 овец, куры, свиньи, 36 ульев. Работники детдома помогают колхозникам, консультируют их по агрономическим вопросам, приглашают на просмотр киносеансов. Среди выпускников детдома — врачи, летчики, инженеры, помощник машиниста, красноармейцы, секретари

²⁵¹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 35. Л. 133—136.

райкома ВЛКСМ. Кардымовским детским домом «может гордиться страна»²⁵². Позже, в сентябре 1940 г., Кардымовский детдом был выдвинут Наркомпросом в качестве кандидата на получение переходящего Красного Знамени. Секретом успеха этого детского дома считалась 20-летняя бессменная работа его директора М.Р. Малявко и заместителя А.Я. Хлебчевича, искренне болевших за свое «детство» и его воспитанников²⁵³.

2. Вторую группу составили детдома, которые освоили хозяйство, но не освоили педагогически-воспитательную работу. К таковым в Западной области было отнесено 5 детских домов: дошкольный детдом им. Луначарского, дошкольный детдом Рославля им. 1 Мая; дошкольный детдом Рославля им. III интернационала, Латышский школьный детдом Смоленска и цыганский школьный детдом Смоленска.

3. В остальных детдомах области воспитанники, по словам проверяющих, находились «на уровне беспризорности». Таковых оказалось большинство, причем среди них — Демидовский школьный детский дом (находящийся по соседству Демидовский дошкольный детдом был признан одним из лучших в области и в Республике) и Рославльский детдом им. Ленина (находящийся по соседству с вполне благополучными в целом дошкольным детдом Рославля им. 1 Мая и дошкольным детдомом Рославля им. III Интернационала).

Инспекторы Наркомпроса в своем отчете особо подчеркнули, что финансирование детдомов третьей группы «вполне достаточное» и ничем не отличается от финансирования детских домов, вошедших в первую группу. Между тем в них было «ужасно все». Вплоть до того, что в дошкольных детдомах дети ходили со спущенными чулками, расстегнутыми штанами, без пуговиц, с грязными носами и т.п.; в школьных домах не проводились никакие занятия, дети ничего не знали, не умели и ничему не учились; не было ни лыж, ни коньков, ни саней, ни книг, ни учебников, ни игрушек²⁵⁴.

Аналогичная ситуация была и в других областях. Определяющую роль неизменно играл «человеческий фактор».

²⁵² ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5333. Л. 13

²⁵³ Там же. Оп. 69. Д. 2617. Л. 91—93

²⁵⁴ Там же. Оп. 70. Д. 5333. Л. 9.

Таким образом, проводимые в 1920—1930-х годах периодические проверки из года в год вскрывали одни и те же нарушения и злоупотребления в работе детских домов, колоний, приемников: перегруженность и высокая смертность воспитанников; отсутствие типизации детских учреждений; «преступное финансирование»; слабое отопление или полное его отсутствие; неисправная канализация; размещение детей в сараях и конюшнях; несвоевременное оказание детям медицинской помощи или полное ее отсутствие при полном «безразличии местных органов здравоохранения к лечению детей»; отсутствие школьных занятий; отсутствие квалифицированных кадров; халатность и злоупотребления персонала детучреждений (пьянство, воровство, в том числе путем замены полученной для воспитанников новой одежды и обуви на старую, изношенную; самовольное сокращение пайков, сдача в аренду детских спален и даже отдельных кроватей и матрасов); грубое обращение с детьми и недопустимые методы воспитания, «наплевательское» и даже преступное отношение к детям воспитателей, в том числе растление малолетних воспитателями; не налаженность работы по патронированию детей и трудоустройству старших подростков; отсутствие шефской помощи и внимания со стороны общественности и т.д.²⁵⁵

По итогам проверок принимались одни и те же решения и постановления, рассылались докладные записки, циркулярные письма и инструкции с аналогичным содержанием. Затем, для реализации этих решений в детдомах проводилась следующая работа: «постановление проработано на педсовете...», «прослушан доклад...», «прорабатывается вопрос о перестройке воспитательной работы» и т.п.²⁵⁶ Очевидно, что все эти «доклады» и «проработки» на практике ничего не меняли. Ситуация изменялась лишь в тех случаях, когда к решению проблемы активно подключалось местное партийное руководство, руководство отделов социального обеспечения и народного образования и общественники-энтузиасты. Основные же достижения в работе детских домов по-прежнему «объяснялись преданным и добросовестным отношением заведующих детдомами и воспитателей к своей работе»²⁵⁷.

²⁵⁵ См., например: ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 1634, 1718, 1746; Оп. 3. Д. 19, 23, 29, 34; Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5280, 5330, 5333.

²⁵⁶ Там же. Д. 5319. Л. 1, 2, 2 об. 3—5, 7, 26.

²⁵⁷ Там же Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 19. Л. 115.

Роль личного фактора оказалась более значимой, чем ведомственное подчинение детского учреждения и его тип. На протяжении всего довоенного периода (1917—1941 гг.) истинные условия жизни так называемых «государственных детей», т.е. детей, по тем или иным причинам лишенных родительской опеки, зависели не столько от норм и правил, постановлений и инструкций, сколько от пресловутого субъективного фактора: от энтузиазма, профессионализма и элементарной порядочности руководства и воспитательно-педагогического коллектива детучреждений, от ответственности заинтересованности и энергии местного партийного и советского руководства, от работы шефских организаций и предприятий, формального или реального участия общественности. Даже снабжение детских домов, качество питания их воспитанников, не говоря уже о психологической атмосфере, — все это зависело, в первую очередь, от личной инициативы, «пробивной сноровки», энергии и предприимчивости работников детдомов, от их отношения к своим подопечным. Этим объясняется и крайне пестрая картина повседневной жизни воспитанников детдомов: в одних детских домах дети успешно учились, занимались спортом или музыкой, в специальных мастерских получали профессиональные навыки, что позволило им в дальнейшем успешно социализироваться в обществе. В других детских домах жизнь воспитанников мало отличалась от жизни беспризорников: дети ничему не учились, курили, пьянствовали, воровали, употребляли наркотики, драки и проституция были обычным явлением. Третью, наиболее многочисленную, группу детских домов составляли детучреждения, повседневная жизнь воспитанников в которых составляла некий промежуточный вариант — была далека от желаемого идеала, но давала детям шанс выжить, получить образование и в дальнейшем трудоустроиться и так или иначе, с большим или меньшим успехом, но все же социализироваться в обществе.

5. Дети-сироты – «дети народа»:

Особенности развития семейных форм
воспитания детей-сирот в советской
послереволюционной России

**ДРУЗЬЯ ДЕТЕЙ
ВОЗЬМИТЕ НА СЕБЯ
ЗАБОТУ О ДЕТАХ
СВОЕГО ПРЕДПРИЯТИЯ,
ЖИЛКОПА, РАЙОНА, СЕЛЯ**

**ПОМНИТЕ, ЧТО И В
СВОЕЙ СЕМЬЕ ДЕТИ
ЧАСТО БЫВАЮТ
БЕСПРИЗОРНЫМИ
ВЗАИМОПОМОЩЬ—
ОБЯЗАННОСТЬ
ДРУЗЕЙ**

**ЯЧЕЙКА ДРУЗЕЙ
ДЕТЕЙ СОЗДАЕТ
ДЕТСКИЕ САДЫ, ПЛОЩА-
ДКИ, ЯСЛИ, КЛУБЫ ДЛЯ
ДЕТЕЙ СВОИХ ЧЛЕНОВ**

В последние годы в России все более широкое распространение получают семейные формы воспитания детей-сирот, идет борьба за сокращение численности детских домов. Приоритет семейного воспитания детей, по тем или иным причинам оставшихся без попечения родителей, был юридически закреплён ещё в середине 1990-х гг.¹ в условиях стремительного роста численности сирот, причем в первую очередь, за счет так называемых социальных сирот, т.е. детей, оставшихся без попечения семьи при живых родителях². В этих условиях наиболее предпочтительной формой воспитания сирот было признано семейное воспитание и прежде всего — усыновление. Развернутая в прессе кампания по пропаганде усыновления на первый взгляд привела к некоторым положительным сдвигам. В частности, по утверждению уполномоченного по правам ребенка Павла Астахова, по данным на 2013 г. из 643 757 российских сирот в детских домах воспитывались 107 тыс., а более 500 тыс. детей жили в замещающих семьях — усыновлены, в приемной семье, на патронате и под опекой. Более того, Астахов также выразил уверенность в том, что уже через 7—8 лет проблема сиротства в России будет ликвидирована полностью³.

¹ См.: Семейный кодекс РФ 1996 г. Ст. 123.

² Так, за 10 лет, с 1989 по 1999 г., официальное число детей, оставшихся без попечения родителей в России выросло в 1,5 раза (по данным же экспертов UNICEF — в 2,3 раза). По данным выборочного социологического исследования, проведенного НИИ детства в феврале—марте 1990 г. дети-сироты составляли лишь 9,4% от общего числа воспитанников интернатов. К 1992 г. их доля сократилась до 5%. (Подробнее о численности, составе и образе жизни беспризорных детей постсоветской России см.: *Арефьев А.Л.* Беспризорные дети России // Социологические исследования. 2003. № 9. С. 61—72; *Баразгов К.Б., Смирнов Ю.А.* Возможна ли статистическая оценка детской беспризорности? // Вопросы статистики. 2000. № 4. С. 19; *Лебедев О.Е., Чепурных Е.Е., Майоров А.Н., Золотухина В.И.* Дети улицы. Образование и социальная адаптация безнадзорных детей. М., 2001. С. 16—19; *Лиханов А.А.* Детский вопрос // Актуальные проблемы детства. М., 1994. Вып. III. С. 13; *Озерова М.* «Беспризорная» статистика // Московский комсомолец. 2002. 21 февр. С. 2; Положение детей в СССР. 1990 год... С. 89; Положение детей в России. Социальный портрет... С. 36; Сколько в России беспризорных? // Комсомольская правда. 2002. 24 янв. С. 9; UNICEF Report, 2001. P. 97).

³ *Астахов П.*: «В РФ никогда не будет чайлд-брокеров, торгующих детьми» <http://izvestia.ru/news/561677>

Между тем оптимизм российского омбудсмана разделяют далеко не все. *«Несмотря на активную пропаганду усыновления, которая предпринимается властями, реальная картина ситуации не слишком позитивная, — утверждает, в частности представитель комитета Совета Федерации по социальной политике Валентина Петренко. — В последние годы брать в семьи детей-сирот стали в России наполовину меньше»*⁴. К этому следует добавить сохранение стабильно высокого процента так называемого «отказничества». По данным на конец осени 2013 г., Россию «захлестнула волна оставления новорожденных»⁵, и это при весьма значительных масштабах инфантицида⁶.

В данных условиях тенденция к резкому сокращению детских домов получила противоречивые оценки современников. Существуют опасения, что сокращение численности детских домов примет характер очередной кампании, в ходе которой чиновники в погоне за показателями по снижению количества детских домов будут просто «распихивать» куда попало их воспитанников. Так, например, скандальную известность приобрела попытка власти закрыть последний детский дом в Саратове. *«В Саратове могут закрыть последний детский дом, — говорится в петиции против закрытия детдома № 2 в Саратове, размещенной на базе популярной интернет-платформы change.org. — Больше таких учреждений в нашем городе не осталось. Детей распихают по области, помещение отдадут под детский сад. А наверх бодро отрапортовуют о титанических свершениях в рамках национальной стратегии развития. По*

⁴ Петренко В. «Брать в семьи детей-сирот стали в России наполовину меньше» <http://www.smotri19-30.ru/index.php/valentina-petrenko-brat-v-semi-deteie-sirot-stali-v-rossii-napolovinu-menshe.html>

⁵ <http://deti.mail.ru/baby/newborn/bebi-boksov-v-strane-vse-bolshe-podkidyshej-tozhe/>; см. также: Бэби-боксов в России все больше, подкидышей — тоже // <http://www.obzor.lt/news/n10426.html>; В Москве в бэби-боксе появился первый подкидыш // Мир новостей. 23 октября 2013 <http://mirnov.ru/lenta-novostej/22477-v-moskve-v-bebi-bokse-poyavilsya-pervyj-podkidyshej.html>.

⁶ Инфантицид — умышленное лишение жизни младенца, совершенное самой матерью в течение первых суток после родов. Официальная статистика инфантицида отсутствует, однако есть множество фактов, свидетельствующих о масштабах этого явления в современной России. В частности, в российскую прессу ежемесячно попадает от девяти до пятнадцати сообщений об инфантициде, и это лишь те преступления, которые оказались раскрытыми. (<http://deti.mail.ru/baby/newborn/bebi-boksov-v-strane-vse-bolshe-podkidyshej-tozhe/>). См. также: Михель Д.В. Общество перед проблемой инфантицида: история, теория, политика // Журнал исследований социальной политики. Том 5. № 4. С. 439—458; Безгин В.Б. Инфантицид и криминальный аборт в сельской России: прошлое и современность // NB: Вопросы права и политики. 2013. № 4 http://e-notabene.ru/lr/article_653.html)

мнению местных чиновников, такие шаги настолько стимулируют усыновление сирот, что детдома исчезнут как класс»⁷.

«Недавно к нам перевели 12 человек из 2-го интерната на СХИ — его ведь закрыли, — рассказала директор саратовского детского дома Г.В. Ефимова, поясняя, как восприняли известие о предстоящем закрытии сотрудники и воспитанники детдома. — Так вот, эти дети очень тяжело привыкали, адаптировались к новым условиям. Неужели им опять предстоят перемены? Семь ребят вернулись обратно из приемных семей — и их снова ждет потрясение?»⁸

Тревогу общественности и специалистов вызывает и развитие в качестве побочного эффекта массового усыновления такого специфически российского явления, как «разусыновление». По информации Валентины Петренко, из 6,5 тысяч усыновленных детей в 2012 году 4,5 тысячи были возвращены назад в детские дома⁹. Корректность этих данных оспаривает уполномоченный по правам ребенка Павел Астахов. По его утверждению, из 6,5 тысяч усыновленных детей возвращено было всего 75. Что же касается нескольких тысяч возвращенных в детдома детей — то это «дети, возвращенные из-под безвозмездной опеки (форма семейного устройства детей)». *«Например, когда бабушка берет осиротевшего внука, — поясняет Астахов, — но не может с ним справиться и возвращает обратно под опеку государства»¹⁰*. Не берусь оценивать, чьи статистические данные более точны. Остается лишь удивляться, как в наш цифровой XXI век в статистических данных официальных представителей власти в показателях по столь важному вопросу не просто нет единства, но и возникла «вилка» в 4,5 тыс. детских жизней. Поразителен в данном случае не только масштаб самого «разусыновления», но и отсутствие налаженной системы государственного учета случаев возврата детей в госучреждения, что свидетельствует об отсутствии строгого

⁷ <https://www.change.org/ru/петиции/губернатору-саратовской-области-валерию-радаеву-остановите-закрытие-детского-дома-no2#share>. Петиция против закрытия детского дома собрала более 200 тысяч подписей. Благодаря СМИ и общественности детский дом в Саратове продолжает работать и сейчас. (см.: *Сорокин А.* Оборона детдома <http://nversia.ru/rubric/view/id/7291>; <http://nversia.ru/news/view/id/55189>)

⁸ <https://www.change.org/ru/петиции/губернатору-саратовской-области-валерию-радаеву-остановите-закрытие-детского-дома-no2#share>

⁹ <http://www.smotri19—30.ru/index.php/valentina-petrenko-brat-v-semi-deteie-sirot-stali-v-rossii-napolovinu-menshe.html>. См. также: <https://www.change.org/ru/петиции/губернатору-саратовской-области-валерию-радаеву-остановите-закрытие-детского-дома-no2#share>

¹⁰ Астахов П.: «В РФ никогда не будет чайлд-брокеров, торгующих детьми» <http://izvestia.ru/news/561677>

контроля над судьбами «розданных» в семьи детей и о преступном равнодушии к своим подопечным со стороны соответствующих органов власти. Уже один этот факт не может не настораживать и с очевидностью свидетельствует о необходимости детального изучения масштабов разусыновления в современной России.

Не утихают дискуссии и вокруг патроната¹¹.

Для адекватной оценки причин сложившейся ситуации, поиска продуктивных методов ее решения, а также ответов на наболевшие вопросы (о пользе патронатного воспитания, о необходимости закрытия детских домов и т.п.) было бы полезно всесторонне объективно проанализировать особенности многолетней истории развития в России семейных форм воспитания сирот. В последние годы изучению этого вопроса уделяется большое внимание. Однако основу историографии данной темы составляют работы юристов, педагогов, детских психологов и социальных работников. Так, об усыновлении пишут в основном юристы, специалисты в области гражданского и семейного права¹². О патронировании до недавнего времени писали преимущественно педагоги, социальные работники и сами патронатные родители¹³.

¹¹ См., например: Анализ Федерального закона «О патронате в Российской Федерации» <http://gazeta.eot.su/article/analiz-federalnogo-zakona-o-patronate-v-rossijskoj-federacii>; Патронат — не семейная форма устройства сирот? <http://www.miloserdie.ru/articles/patronat-ne-semejnyaya-forma-ustrojstva-sirot/>; Открытое письмо Марии Феликсовне Терновской и сотрудникам 19 детского дома. 18 дек. 2009 <http://stepina-natalia.livejournal.com/11048.html>; Уволена Мария Феликсовна Терновская, Детский Дом № 19, что его ждет? <http://www.otkazniki.ru/forum/index.php?showtopic=12241&mode=threaded&pid=161640>

¹² См., например: *Кустова В.В.* Актуальные проблемы установления усыновления в российском праве // Журнал российского права. М. 2002. № 7. С. 81—87; *Шохина Л.Н.* Правовые основы государственной поддержки детей-сирот // Гражданин и право. М., 2002. С. 63—78; *Волкова Н.Д.* Состояние законности при усыновлении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Российской Федерации (анализ практики прокурорского надзора) // Прокурорская и следственная практика: Орган генеральных прокуроров стран СНГ. М., 2000—3-4. С. 73—82; и др.

¹³ См., например, работы М.Ф. Терновской, одного из крупнейших современных практиков и теоретиков патронатного воспитания: *Терновская М.Ф.* Патронат как механизм реализации права ребенка жить и воспитываться в семье // Сироты России: Право ребенка на семью. М., 2001. *Ее же.* Реабилитационный детский дом и служба патронатного воспитания детей-сирот и детей из неблагополучных семей // Защити меня. М., 1998. С. 12—13; *Терновская М.Ф., Бухман Е.В., Власова Е.В., Зайцев С.В. и др.* Работа детского дома № 19 г. Москвы как уполномоченной службы органов опеки и попечительства. М., 2001; *Терновская М.Ф., Иванова Н.П.* Развитие патронатного воспитания в регионах России. М., 2002; *Терновская М.Ф. и др.* Отчет о мониторинге и оценке деятельности опытно-экспериментальных площадок по устройству детей на воспитание в семью. Части 1 и 2. М., 2003; и др.

В результате, в центре внимания исследователей оказывается изучение развития законодательства, изменений юридических норм в сфере усыновления, опекунов и прочих альтернативных форм устройства детей-сирот, обмен опытом между педагогами и социальными работниками, анализ работы отдельных социальных структур и учреждений опеки и попечительства либо достижений отдельных регионов в деле борьбы с сиротством и т.д.

Комплексного исследования многогранной проблемы развития в СССР семейных форм воспитания сирот во всей ее полноте и в исторической ретроспективе на данный момент, к сожалению, нет. В частности, практически не изучена проблема развития в Советской России института усыновления (а точнее, причин его неразвитости); слабо изучена практика патронирования и передачи детей на коллективную опеку колхозам, совхозам или рабочим бригадам¹⁴. Еще недавно считалось, что для России патронатное воспитание является

¹⁴ Вплоть до начала нынешнего столетия история патронирования и института усыновления в послереволюционной России изучалась преимущественно зарубежными исследователями, работы которых не были переведены на русский язык. (См., например: *Bernstein L.* *Fostering the Next Generation of Socialists. Patronirovanie in the Fledgling Soviet State* // *Journal of Family History*. Vol. XXVI. № 1. January 2001. P. 66—89; *Bernstein L.* *The Evolution of Soviet Adoption Law* // *Journal of Family History*. Vol. XXII. № 1. January 1997. P. 204—226; *Ball Alan M.* *The Roots of Besprizornost' in Soviet Russia's First Decade* // *Slavic Review*, Vol. 51, № 2. Summer 1992; *Ball Alan M.* *And Now My Soul is Hardened. Abandoned Children in Soviet Russia, 1918—1930*. Berkeley, University of California Press, 1994; *Goldman W.* *Women, the state and revolution: Soviet family policy and social life, 1917—1936*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 97—99, 307—308). В отечественной же литературе советский опыт развития семейных форм воспитания детей-сирот, лишь недавно стал объектом серьезного научно-исторического анализа. Ряд любопытных статей на эту тему вышел непосредственно в период изучаемых событий, т.е. в 1920—1930-х и в конце 1940-х гг. (*Назаров Д.* Опыт размещения детей и подростков из детдомов по крестьянским семьям // *На помощь детям*. М., 1926. С. 16—17; *Орловский Б., Окуньков А.* О патронировании (передача воспитанников детских домов в трудовые семьи) // *Школа и жизнь*. 1926. № 6—7. С. 28—31; *Павловский В.А.* Опыт отдачи детей в патронат в городе Москве // *Охрана материнства и младенчества*, 1925 № 2 С.118—124; *Попов М.* Детская беспризорность и патронирование. Иваново, 1929; *Родман В.П.* Задачи патроната // *Вопросы материнства и младенчества*, 1939, № 2—3; *Серебряный М.С.* Льготы крестьянам за воспитание беспризорных. М.; Л., 1927; *Свердлов Г.М.* Война и правовая охрана детей в СССР. Ташкент, 1943; и др.). На новый уровень исследование этой темы выходит лишь в 2000-х годах. (См.: *Смирнова Т.М.* «Любимые дети Советской республики»: история патронирования детей в Советской России. 1918 — 1930-е гг. // *Вестник РУДН*. 2007. № 2. С. 25—37; *Ее же.* Опыт патронатного воспитания детей в Советской России и современность // *Какорея. Из истории детства в России и других странах: сб. статей и материалов. Труды семинара РГГУ «Культура детства: нормы, ценности, практики»*. Вып. 1. М.; Тверь, 2008. С. 174—196.)

чем-то совершенно новым¹⁵. В лучшем случае в литературе упоминался опыт патронирования в годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы. Так, газета «Труд» отсчитывает историю советского патроната от января 1942 г.¹⁶ Директор московского детского дома № 19 и основатель созданного на его базе Центра патронатного воспитания, М.Ф. Терновская связывает начало патронатного воспитания в Европе с военными и послевоенными реформами 1940-х гг.: *«Впервые патронатное воспитание было введено в законодательство в 1943 г., когда был принят указ Наркомпроса, регламентирующий данную форму помещения в семью при разграничении ответственности за ребенка между органами опеки, воспитателем и кровными родителями»*¹⁷. *«Впервые патронатное воспитание появилось в СССР в 1943 г.»*, — соглашается с Терновской Н. Иванова в газете «Первое сентября»¹⁸.

Между тем, у России есть многолетний опыт патронатного воспитания (как и других форм семейного воспитания детей, лишенных родительской опеки), изучение которого, — как положительных, так и негативных его сторон — имеет не только историческую, но и безусловную практическую значимость. Игнорируя советский опыт, мы рискуем снова и снова «наступать на те же грабли», повторять многократно пройденные ошибки, получая в результате искалеченные судьбы детей¹⁹.

Принцип «социального воспитания»: теория и практика

Стремительный рост численности в России «отказных» детей, а также причины отсутствия в отечественной культуре традиции усыновления сирот нередко объясняют советскими традициями примата государственного воспитания над частным.

Общеизвестно, что в сфере охраны детства советская власть опиралась на принцип «социального воспитания», предполагав-

¹⁵ См., например: *Чепурных Е.Е.* Преодоление социального сиротства в России в современных условиях // Сироты России: Право ребенка на семью. М., 2001. С. 9.

¹⁶ «А я мечтаю о маме...» // Труд. 2007. 23 янв. и др.

¹⁷ *Терновская М.Ф.* Патронат как механизм реализации права ребенка жить и воспитываться в семье // Сироты России: Право ребенка на семью. М., 2001. С. 94.

¹⁸ *Иванова Н.* Патронат взяли под опеку // Первое сентября. 2004. № 62.

¹⁹ Подробнее см.: *Смирнова Т.М.* Опыт патронатного воспитания детей в Советской России и современность // Кагоря. Из истории детства в России и других странах: сб. статей и материалов. Труды семинара РГГУ «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 1. М.; Тверь, 2008. С. 174—196.

ший приоритет общественного воспитания над частным, единство стандартов воспитания и образования в общегосударственном масштабе, а также полную ответственность государства за благополучие всех детей республики²⁰. Однако, единства в понимании того, что именно вкладывала советская власть в понятие «социальное воспитание» и каким образом этот принцип реализовывался на практике, до сих пор нет. В отечественной исторической литературе принцип социального воспитания, получивший свое юридическое оформление в Кодексе законов о браке, семье и опекунов 1918 г., зачастую трактуется слишком примитивно, в отрыве от анализа его практического воплощения в жизнь. Между тем, документы свидетельствуют, что реальная ситуация была далеко не так однозначна. Отношение советской власти к семейным формам воспитания сирот было противоречивым, претерпевая в течении первых десятилетий Советской власти существенные изменения. Несмотря на провозглашение главенства государственного воспитания, семья и семейные ценности неизменно рассматривались в послереволюционной России как значимый фактор профилактики беспризорности и безнадзорности. В частности, в отношении младенцев и детей в возрасте до 3-х лет приоритет семейного воспитания на государственном уровне никогда не оспаривался.

«Сохранение ребенку матери – первейшая задача»

Отдел Охраны материнства и младенчества (ОММ) Наркомздрава РСФСР, в ведении которого находились все вопросы охраны детей в возрасте до трех лет, с первых же дней своего существования последовательно отстаивал семейные ценности и необходимость именно родительского, а отнюдь не общественного воспитания. Руководство ОММ с первых дней существования отдела активно боролось с подкидыванием детей, выступало за развитие государственной поддержки семей как одного из наиболее эффективных методов предотвращения детской беспризорности. В материалах ОММ неизменно подчеркивается стоящая пред государством за-

²⁰ Следует отметить, что идея социального воспитания отнюдь не является порождением большевиков и коммунистической идеологии. Советские теоретики государственного воспитания (А.М. Коллонтай, Я.И. Бранденбургский, Н.И. Бухарин и др.) апеллировали, в том числе и к традиции русских дореволюционных и иностранных филантропов. (Подробнее см., например: *Lindenmeyr A. Maternalism and Child Welfare in Late Imperial Russia // Journal of Women's History, Fall 1993, Vol. 2. P. 123.*)

дача приложить максимум усилий для сохранения ребенку матери. «Сохранение ребенку матери — первейшая задача: лучшая для него “капля молока” — из материнской груди», — говорилось в частности в циркулярном письме отдела ОММ от 21 мая 1918 г.²¹

Именно развитие государственной поддержки семей и в первую очередь матерей-одиночек рассматривалось руководством органов ОММ в качестве одного из наиболее эффективных методов предотвращения детской безнадзорности и беспризорности. Так, в 1920 г. на Первом совещании ОММ приоритетным направлением было признано именно развитие сети детских учреждений для детей, проживающих в семьях (ясли, детские консультации, молочные кухни). Данная мера рассматривалась не только как помощь семье, но и, что представлялось еще более значимым, как профилактика детской безнадзорности и беспризорности.

Приюты же для грудных сирот и подкидышей рекомендовалось открывать лишь «в случае крайней необходимости». При этом подчеркивалось, что приюты должны быть «мелкого типа», преимущественно с грудным вскармливанием детей²². Одновременно была организована массовая кампания поддержки матерей-одиночек и предотвращения подкидывания ими детей. Усилиями органов ОММ создавались общежития для матерей-одиночек с грудными детьми, а при общежитиях — специальные мастерские для их трудоустройства²³.

В отношении детей более старших возрастов, особенно детей-подростков, ситуация была сложнее и противоречивее.

«...За воспитание ребенка отвечает семья...»

Воспитанию «нового человека», «борца за коммунистическое общество» придавалось важное идеологическое значение и, следовательно, ведущая роль в нем отводилась государству. В первые годы

²¹ Отчет по отделу охраны материнства и младенчества с 1 мая 1918 года по 1 мая 1919 года. М., 1919. С. 135—136. Подробнее см.: *Конюс Э.М.* Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917—1940). М., 1954. С. 101, 104—105, 130—134.

²² *Конюс Э.М.* Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917—1940). М., 1954. С. 133.

²³ Подробнее об этом см.: *Конюс Э.М.* Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917—1940). М., 1954. С. 130—134; 175—176, 193; *Нечаева А.М.* Россия и ее дети (ребенок, закон, государство). М., 2000; *Goldman W.* Women, the State...; *Lindenmeyr A.* Maternalism and Child Welfare in Late Imperial Russia // *Journal of Women's History*, Fall 1993, Vol. 2; и др.)

Советской власти, характеризующиеся радикальным сломом всей социально-политической системы, идеи целесообразности замены семейного воспитания общественным неоднократно поднимались на популярных в те годы конференциях, совещаниях и съездах по охране материнства и детства. Так, например, представитель Наркомата юстиции Я.И. Бранденбургский, выступая 13 февраля 1926 г. на совещании женорганизаторов при ЦК ВКП(б), с уверенностью заявил: *«Семья, конечно, исчезнет и будет заменена государственной организацией общественного воспитания и социального обеспечения»*²⁴.

Однако, декларируемый большевистской властью приоритет социального воспитания над частным не следует отождествлять с распространенными в те годы радикальными идеями теории общественного воспитания, высказываемыми такими его сторонниками, как А.М. Коллонтай, Я.И. Бранденбургский и др.

Исходя из понимания воспитания, прежде всего, как пути к «осуществлению общественного блага», отдельные наиболее радикально настроенные педагоги и политики предлагали даже лишать родительских прав родителей, которые дают своим детям «воспитание, противоречащее всем началам нового строя», несмотря на хорошее («с обывательской точки зрения») обращение с детьми²⁵. Отчасти эту идею разделял и знаменитый педагог А.С. Макаренко. Близкий друг Макаренко К.С. Кононенко вспоминал, что незадолго до смерти писатель выступил в Москве перед членами Союза писателей с докладом о необходимости развития общественного воспитания в России в том числе и в отношении семейных детей. *«Семья в значительном своем проценте такова, — писал Кононенко, передавая слова Макаренко, — что не в силах обеспечить надлежащее воспитание ребенка, а поэтому не только в применении к беспризорным, но [и] в применении к детям семьи вопрос закрытого учебного заведения, вопрос интерната стоит со всей остротой, что так как семья в какой-то части не в силах обеспечить надлежащего воспитания ребенка, надо, чтобы государство эту задачу взяло на себя, и он предлагает Союзу писателей открыть колонию для детей писателей под Москвой, где-нибудь в лесу, обязательно в лесу»*²⁶.

²⁴ Бранденбургский Я.И. Брак и семья: Доклад на Всесоюзном совещании волостных женоорганизаторов при отделе работниц и крестьянок ЦК ВКП (б) 13 февраля 1926 года. — М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1926. 31 с.

²⁵ Цит. по: *Тоттенборн З.* Задачи опекунских учреждений по новому праву // Пролетарская революция и право. 1919. № 2—4. С. 71—72.

²⁶ Свидетельства искренней дружбы: Воспоминания К.С. Кононенко о А.С. Макаренко / Издатели: Г. Хильиг, В. Марочко. Марбург, 1997. С. 35.

Предложение Макаренко, как и прочие подобные идеи, не встретили широкой поддержки и на практике реализованы не были. Напротив, ценности традиционного семейного воспитания не отрицались и советскими идеологами, и практиками коллективных форм воспитания. В частности, тот же А.С. Макаренко, всю жизнь посвятивший практике массового перевоспитания детей-беспризорников в детских колониях и коммунах, в своих работах неоднократно подчеркивал первоочередную ответственность родителей за судьбу ребенка и важность родительской любви для формирования полноценной личности: *«Если вы родили ребенка, — это значит, на много лет вперед вы отдали ему все напряжение вашей мысли, все ваше внимание и всю вашу волю [...] Люди, воспитанные без родительской любви, часто искалеченные люди»*. На вопрос воображаемого собеседника о том, кто несет ответственность за воспитание ребенка, Макаренко решительно отвечает: *«...за воспитание ребенка отвечает семья, или, если хотите, родители»*²⁷.

В отношении же сирот в соответствии с декларируемым принципом полной ответственности государства за благосостояние и воспитание детей основная ставка, безусловно, была сделана на государственные детские дома²⁸.

Запрет усыновления

Логическим продолжением провозглашения приоритета социального воспитания и принципа ответственности государства за благосостояние и воспитание детей стал запрет усыновления (ст. 183 Кодекса законов о браке, семье и опекунстве 1918 г.). Как пояснялось во введении к Кодексу (КЗоБСО), усыновление было запрещено прежде всего в целях защиты интересов детей — из опасений их эксплуатации в крестьянских семьях. У современных специалистов гражданского права твердо устоялось убеждение, что запрет усыновления в 1918 г. был вызван исключительно «существовавшим тогда отрицательным отношением к семейным формам воспитания детей-сирот в целом»²⁹. Между тем, тщательное изучение

²⁷ Макаренко А.С. Книга для родителей. Л., 1981. С. 12, 17, 24—25.

²⁸ Подробнее о соотношении роли государства и общества в решении вопросов охраны материнства и детства в Советской послереволюционной России см. главу вторую данной монографии: «“Дети — наше будущее”: власть и общество в решении проблем детства. 1917—1930-е годы.»

²⁹ Пчелинцева Л.М. Семейное право // <http://www.be5.biz/pravo/s004/136.htm>; *Ее же*. Комментарий к Семейному кодексу РФ — М., Норма, 2006; <http://lawdiss.org.ua/books/a1897.doc.html>.

источников и реконструкция событий, свободная от идеологической предвзятости, наглядно свидетельствуют (как мы увидим далее), что ссылка на заботу о детях, как главный побудительный мотив отмены института усыновления, отнюдь не является частью пропагандистской риторики. Высказанные во введении к Кодексу опасения имели весьма веские мотивы³⁰.

Юридическая отмена института усыновления не означала полное прекращение его существования на практике. Во-первых, сохраняли свою силу все ранее принятые решения об усыновлении (дети, усыновленные в дореволюционный период, приравнивались к родственникам по крови). Кроме того, допускалось усыновление, связанное с национальными традициями. В частности, Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 15 сентября 1924 г. «О дополнительных изъятиях, допускаемых при применении в Автономной Туркменской ССР Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве» разрешалось усыновление в отношении коренного населения Туркменистана.

Забегая вперед, следует отметить, что запрет усыновления вызвал противоречивые оценки современников. Уже в начале 1920-х годов был поднят вопрос о необходимости его отмены, а в 1926 г. институт усыновления был восстановлен.

Социалистическая опека

В отличие от усыновления, опека не только была сохранена Семейным кодексом 1918 г., но и в соответствии с новым кодексом, должна была занять весьма значительное место в социалистической системе воспитания детей, лишенных родительской опеки. Однако, в соответствии с новыми принципами социальной работы основу системы опекунства отныне составляла государственная опека в лице Народного Комиссариата соцобеспечения и его местных отделов. Полномочия органов опеки и попечительства были достаточно широки. В соответствии с инструкцией Наркомата соцобеспечения

---

³⁰ Эту точку зрения разделяют и некоторые современные исследователи в области социальной истории, в отличие от специалистов в области права. В частности, В. Голдман в своих работах, посвященных особенностям развития советской семьи, приходит к выводу, что важной причиной отказа государства от института усыновления было именно опасение, что оно может быть использовано крестьянами для эксплуатации детского труда. (*Goldman W. Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917—1936. Cambridge University Press, 1993. P. 52.*)

об организации в составе местных отделов социального обеспечения подразделов опеки, им предоставлялось право устанавливать опеку не только над сиротами, но и над семейными детьми. Однако в условиях послереволюционной разрухи, гражданской войны и массовой беспризорности, отделы опеки не успевали даже всерьез заняться устройством осиротевших детей, не говоря уже об установлении опеки над детьми, воспитывавшимися в семьях.

Опека над несовершеннолетними гражданами иностранных государств также возлагалась на местные органы опеки, так как Народный комиссариат иностранных дел считал «излишним» вменять в обязанность консулам иностранных государств осуществлять опеку над малолетними гражданами их стран³¹.

Наряду с государственной допускалась и частная опека над сиротами, причем из права граждан она превращалась в их гражданский долг. В соответствии с КЗоБСО 1918 г. граждане РСФСР не имели права «отказываться от принятия на себя опеки». С точки зрения известного российского правоведа П.И. Люблинского, это была «смелая мысль об опеке как общегражданской повинности» — идея, которая так и не была реализована и, как утверждает Люблинский, «не могла быть реализована»³². В первые послереволюционные годы частная опека на практике практически не применялась. По свидетельству Люблинского, упразднение сложившейся до революции сословной опеки в первое время «не сопровождалось созидательной деятельностью» и вплоть до конца 1920 г. в условиях, когда «индивидуальное воспитание совершенно заслонялось социальным», опека являлась не более чем «пустым местом»³³. Ситуация немного изменилась после того, как в декабре 1920 г. система опекунства и попечительства была передана в

³¹ В декабре 1924 г. Наркомпрос РСФСР и Главсоцвос направили в Наркомюст РСФСР 2 проекта циркуляра об опеке над несовершеннолетними детьми иностранных государств. В соответствии с этими проектами, опеку над несовершеннолетними гражданами иностранных государств должны были осуществлять местные органы опеки в случае, если в опеке нуждался гражданин иностранного государства, с которым СССР состоял в договорных отношениях. Зарубежные представительства также могли осуществлять опеку над своими несовершеннолетними гражданами на территории Советской России, но исключительно по собственному желанию. Если же договорных отношений с государством не было, то заботу о нуждающихся в опеке несовершеннолетних следовало передать иностранным консулам соответствующих государств. (ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 54. Л. 6, 13.)

³² Люблинский П.И. Опека и детская беспризорность // Вестник просвещения. 1923. № 4. С. 194—195.

³³ Там же. С. 193.

ведение отдела охраны детства Наркомпроса РСФСР³⁴. По утверждению Люблинского, передача опеки Наркомпросу должна была подчеркнуть, что цель опеки не столько забота об имущественном обеспечении малолетних, «сколько надлежащая забота о личности малолетних и об его правильном воспитании»³⁵.

Подчинение органов опеки Наркомпросу не обеспечило единство в их работе. Опека грудных детей и детей в возрасте до 3-х лет находилась в ведении Наркомздрава РСФСР. Вопросы же опеки детей более старших возрастов на практике решались местными отделами народного образования, руководствовавшимися в своей работе преимущественно собственными положениями и инструкциями. В каких-то регионах упор делался на государственную опеку в лице сотрудников отделов опеки, где-то предпочтение отдавали опеке индивидуальной. Индивидуальная опека, в свою очередь, могла быть как добровольной, так и принудительной, своеобразной «повинностью», как ее называли современники. Например, в соответствии с принятым МОНО в 1923 г. «Положением об учреждении при МОНО Опекунского управления для Москвы и Московской губернии» в основу опеки была положена «идея добровольного индивидуального опекунства». Однако с учетом социально-экономической конъюнктуры момента практическая реализация опеки на указанных принципах оказалась крайне затруднительной. Ряд специалистов в области семейного права того времени поставили под сомнение сам факт возможности осуществления индивидуальной опеки на добровольных началах. В частности, П.И. Люблинский по этому поводу писал: *«Нельзя закрывать глаза на то, что лишь для небольшой части детей, нуждающихся в опеке, такие опекуны смогут быть найдены. Неизбежно создание у нас должностного или коллективного опекунства [...] Следует пойти дальше и создать при Управлении группу профессиональных опекунов, осуществляющих по поручению Управления опеку над 30—40 детьми»*³⁶.

«Кормилично-питомнический промысел»

О достаточно широко распространенном в дореволюционной России патронатном воспитании детей-сирот (так называемом «кормилично-питомническом промысле», а точнее раздаче детей в

³⁴ Декрет СНК «Об изъятии опеки из ведения Народного Комиссариата социального обеспечения» от 2.12.1920 г. (СУ 1920. № 93. Ст. 506)

³⁵ Люблинский П.И. Опека и детская беспризорность. С. 182.

³⁶ Там же. С. 199.

крестьянские семьи на вскармливание и воспитание) в Семейном кодексе 1918 г. даже не упоминалось. Как показала статистика, детская смертность в приписанных к воспитательным домам округах, где обычно процветал питомнический промысел, была значительно выше, чем в среднем по России. Данный факт был обусловлен не только высокой смертностью младенцев, передаваемых крестьянам, но и более высокой смертностью детей самих крестьян, так как отправляемые в деревню дети зачастую были больны и становились источником распространения заболеваний³⁷. Исходя из этого, было признано, что данный метод устройства сирот не соответствовал как задачам реального обеспечения благополучия младенцев, оставшихся без родителей, так и задачам охраны материнства и младенчества в целом.

Для отказа от патроната имели место и идеологические причины. Размещение детей на воспитание в патронатных семьях (чаще всего крестьянских) считалось идеологически чуждым советской системе воспитания, базировавшейся на принципе ответственности государства за благосостояние и воспитание всех детей и на приоритете общественного воспитания сирот над частным. Советское руководство выступало против патронирования, опасаясь, с одной стороны, что в частных семьях дети окажутся под влиянием атмосферы мещанства и индивидуализма. С другой стороны, беспокойство вызывала и вероятность эксплуатации патронируемых детей в крестьянских семьях.

Таким, образом частное патронирование было признано противоречащим как интересам самих детей; так и принципам новой советской социальной политики. Тем не менее, отсутствие в Семейном кодексе 1918 г. запрета патронатного воспитания (в первом советском Семейном кодексе частный патронат не только не регламентировался, он даже не упоминался) впоследствии дало возможность для его достаточно широкого применения сначала «в виде исключения», а затем и в качестве общеупотребимой практики, вплоть до признания в 1930-х годах патронатного воспитания одним из «важнейших участков» в деле ликвидации детской беспризорности³⁸.

³⁷ Подробнее см.: *Конюс Э.М.* Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917—1940). М., 1954. С. 14—17.

³⁸ Как уже говорилось выше, под патронатом в те годы подразумевалась временная форма устройства детей-сирот в семью для воспитания и профессионального обучения. Патронирование должно было осуществляться исключительно

Первый опыт патронирования в Советской России

Первый опыт патронирования в Советской России был вынужденным. В 1918 г. Московский губернский отдел социального обеспечения, возглавляемый А.Д. Калининой, принял в свое ведение приюты и воспитательные дома губернии. *«Грязные неудобные здания с пустыми комнатами и голыми стенами. В каменных зданиях — скверные лестницы, большие переходы, сильнейшие сквозняки. В маленьких домах — теснота, отсутствие свободного места для игр и занятий, холодные сени [...] Везде ужасные уборные: в них зловоние и холод, вонь и что-то бесконечно скучное и давящее»*, — так описывает Калинина принятые в ее ведение детские учреждения. Немедленно было принято решение о реорганизации всей системы детских приютов под лозунгом «дворцы — детям»³⁹. «Фабрики ангелов», как называли в России воспитательные дома за крайне высокий уровень детской смертности, были закрыты⁴⁰. Их воспитанников временно, до открытия для них новых, советских детских домов решили разместить в семьях крестьян подмосковных деревень. Однако средств на реорганизацию сети детских домов не было, и пребывание детей в крестьянских семьях затянулось на неопределенный срок. Воспитанники приютов, навязанные крестьянам, оказались в крайне тяжелом положении. По словам А.Д. Калининой, крестьяне, которым и своих-то детей кормить было нечем, просто травили их, «как мышей». В результате к концу 1920 г. смертность среди патронируемых в крестьянских семьях детей приняла «совершенно исключительные катастрофические размеры», и применение частного патроната было признано ошибочным⁴¹.

Тем не менее, печальный опыт патронатного воспитания был вскоре возобновлен. Весной 1921 г. Деткомиссия ВЦИК «ввиду не-

---

на добровольной основе и оформляться специальным договором между местными органами власти и семьей, берушей ребенка на воспитание. В настоящее время понятия «патронат» и «опека» претерпели некоторые изменения. Многие современные специалисты полагают, что различия между такими формами устройства детей как опека, приемная семья и патронирование, весьма формальны. Фактически приемную семью и патронат в настоящее время зачастую рассматривают как разновидности опеки (попечительства). (См.: Мухеева Л.Ю. Проблемы систематизации форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей // Защита прав ребенка в современной России: Материалы научно-практической конференции. М., 2004. С. 115—123).

³⁹ Калинина А.Д. Десять лет работы по борьбе с детской беспризорностью. М.-Л., 1928. С. 25—26.

⁴⁰ Так, например, по данным земских врачей в Московском воспитательном доме в начале XX в. смертность доходила до 80%. (См.: Конюс Э.М. Указ. соч. С. 14).

⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 48. Л. 8.

достаточного количества детских домов и т.п. учреждений социального воспитания» приняла решение *временно в виде исключения* разрешить «размещение детей голодающих губерний у частных лиц»⁴².

По словам П.И. Люблинского, в 1921 г. «вопрос об устройстве детей в частных семьях» был поставлен «самой жизнью»⁴³. Тем не менее, это решение вызвало противоречивую реакцию среди специалистов — детских врачей, педагогов, социальных работников. В частности, категорически против расселения детей в крестьянских семьях выступила доктор Е.Н. Федотова, полагавшая, что эта мера ничего хорошего ребенку не принесет, но в то же время может нанести серьезный вред здоровью сельского населения. Понимая невозможность в сложившейся ситуации «практического осуществления медико-санитарного обследования» всех передаваемых в крестьянские семьи бывших беспризорников и детдомовцев, Федотова справедливо опасалась, что индивидуальное патронирование может способствовать распространению среди крестьянского населения туберкулеза, сифилиса, разнообразных кожных заболеваний, а также всевозможных инфекционных болезней, которыми страдало подавляющее большинство вчерашних беспризорников. Что же касается пользы для ребенка, то, по утверждению Федотовой, лучшее, что его могло ждать в крестьянской семье, это роль бесплатной прислуги. *«Насильно помещенный в семью, — писала Федотова о патронлируемых детях, — он не встретит в ней не только любовного и бережного отношения к себе, но, являясь тяжелой обузой, явится вместе с тем и тем козлом отпущения, на котором будут вымещаться тяжесть и неудобства, связанные с его появлением»*. Что же касается систематического обследования жизни патронлируемых детей, то, как справедливо отметила Федотова, в случае производимого в экстренном порядке массового размещения детей в деревнях, оно «вряд ли явится жизненно осуществимым»⁴⁴.

Опасения детских врачей и педагогов разделяло и руководство советских органов защиты детей. Стремясь свести к минимуму негативные последствия патронирования, сотрудники Деткомиссии ВЦИК совместно с Наркомпросом РСФСР разработали специальные «Правила о размещении детей голодающих губерний у частных лиц». Основопологающим положением этих правил стало строгое

⁴² А РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 11. Л. 6.

⁴³ Люблинский П.И. Опекa и детская беспризорность. С. 196.

⁴⁴ Федотова Е.Н. Несколько слов об индивидуальном патронировании детей // Вестник охраны материнства и детства НКЗ. Харьков, 1922. С. 8—9.

соблюдение принципа добровольности, — размещать детей разрешалось только в семьях, самостоятельно изъявивших желание взять на воспитание ребенка. Передаче ребенка в патронатную семью должна была предшествовать большая подготовительная работа. Представители местного отдела народного образования обязывались провести тщательное обследование бытовых условий предполагаемой патронатной семьи. В местных отделах правовой защиты несовершеннолетних на каждого потенциального патронатного воспитанника полагалось заполнить подробную анкету. Состояние здоровья ребенка следовало зафиксировать в соответствующем медицинском акте, который должен был стать основой для последующего контроля динамики физического состояния ребенка в патронатной семье, которую не менее одного раза в три месяца должен был посещать врач. Местные органы власти также обязывались каждый год выдавать патронируемым детям по одному платью, три смены белья, по одной паре зимней и летней обуви, рукавицы и шапку, а также раз в три года выдавать пальто. Кроме того, патронатной семье полагалось выплачивать регулярное пособие. За воспитанием ребенка должен был следить назначаемый из числа ответственных советских работников «коллективный опекун», которому полагалось посещать своего подопечного не менее одного раза в неделю.

При тщательном соблюдении всех инструкций патронирование действительно могло бы стать эффективным способом сокращения детской беспризорности и безнадзорности. Однако в экстремальных условиях социально-политической нестабильности, экономической разрухи и голода на практике оказался нарушен даже основополагающий принцип патронирования — добровольность. Крестьяне, едва сводившие концы с концами, в подавляющем большинстве не хотели обременять себя лишним едоком. Но, поскольку в государственных детских учреждениях мест катастрофически не хватало, детей расселяли в крестьянских семьях, не спрашивая их желания. Фактически детей навязывали крестьянам в принудительном порядке. Так, в Ново-Ржевском уезде Псковской губернии из всех крестьян, взявших на воспитание детей, лишь 10—15% сделали это добровольно, по собственной инициативе⁴⁵.

Размещение эвакуированных детей, как и сама эвакуация, проходили в спешке. Местные власти в большинстве случаев даже не вели учет детей, отданных под частную опеку. Так, из 750 детей, эва-

---

⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 96. Л. 108.

куированных в Псковскую губернию из Башкирской республики, 144 ребенка были, по словам уполномоченного Деткомиссии по эвакуации Курбангалеева, «растеряны» по пути. Остальных расселили где придется, без каких-либо учетных документов: точно не было известно ни в какие семьи поместили детей, ни сколько всего детей было «роздано» на патронирование. Очевидно, что о материальном обеспечении этих детей и каком-либо наблюдении за их воспитанием и состоянием здоровья не приходилось и говорить. Все, что власть смогла предоставить башкирским детям перед дальней дорогой — это 250 пар новых американских ботинок на 750 детей. Однако в Великих Луках, где дети какое-то время провели в приемнике в ожидании продолжения пути, эти ботинки у них отобрали и заменили на старые чулки. Там же, как выяснилось впоследствии, все более-менее приличное нательное белье заменили на рваное. Таким образом, к крестьянам дети попали фактически раздетые.

В патронатных семьях жизнь у детей, по свидетельству современников, была «плохая, т.е. дети стали без всякого присмотра, разбросаны, раздеты». Их перегружали домашней и хозяйственной работой (заставляли ухаживать за детьми хозяев, пасти коров, лошадей, гусей); мусульман вынуждали исполнять христианские религиозные обряды. В ходе проведенного в Псковской губернии в августе 1922 г. обследования патронатных семей уполномоченные Деткомиссии ВЦИК пришли к выводу, что большинство размещенных у крестьян эвакуированных детей *«подвергались тяжелой пытке, как с нравственной, так и с материальной точки зрения»*⁴⁶. В ноябре—декабре того же года ситуация еще более усложнилась — из-за недостатка хлеба для собственных детей, крестьяне начали *«прямо выгонять из своих домов и выбрасывать на улицу»* детей, навязанных им государством. Раздетые и разутые, в подавляющем большинстве не знавшие русский язык дети (башкиры, татары, чувашаи) оказывались на улице. В Деткомиссию, во ВЦИК, в ЦК Помгол и в местные органы власти Поволжья начали в массовом порядке поступать сообщения, что розданные крестьянам на воспитание дети нищенствуют⁴⁷.

Вот, например, как сложилась судьба 13-летнего Ивана Андреева, эвакуированного из Казанской губернии в село Тимонишки Ямпольского уезда Каменец-Подольской губернии, где его поселили в семью Ф. Литвина. По словам мальчика, у Литвина его застав-

⁴⁶ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 96. Л. 110.

⁴⁷ См.: Там же. Д. 96. Л. 1, 108—110, 117.

ляли работать «наравне со взрослыми», а поскольку он «за взрослыми не успевал», то регулярно «подвергался побоям, лишению пищи, одежды, сопровождаемой площадной бранью». Решением местных властей Иван был передан крестьянину той же деревни Ф. Фудько, где повторилась та же история, а затем крестьянке А.У. Пашковой. Но и в семье Пашковой мальчика ждала та же участь. Аналогично сложились судьбы многих других детей, эвакуированных в Каменец-Подольскую губернию. Причем обращения детей к председателям местных советов с жалобами и просьбами о защите не давали желаемого результата, более того, известны случаи, когда детей избивали сами же представители власти. Именно так произошло, например, в селах Тимонишки и Дранки Каменец-Подольской губернии; в небольшой деревушке Чистопольского уезда Казанской губернии и в Елабуге⁴⁸.

По данным ЦК Помгол, жестокое обращение с эвакуированными детьми приняло «массовый характер» на Украине, на Дону, в Сибири, в Подольской, Тверской, Гомельской и ряде других губерний. Лишь единицы, размещенные в крестьянских семьях, встретили искреннюю заботу своих опекунов⁴⁹. Сотни детей (в том числе и вышеупомянутый Иван Андреев) бежали в Москву в поисках защиты. *«В последние дни ко мне являются дети Поволжья, эвакуированные в Каменец-Подольскую губернию, — сообщил в 1922 г. председателю ВЦИК Калинину один из членов Президиума Помгола. — Все дети, бежавшие из вышеуказанной губернии, со слезами просят защитить оставшихся там от эксплуатации крестьян, по которым они распределены»*. Факты, изложенные детьми в жалобах, подтвердили и уполномоченные Деткомиссии ВЦИК, работники Наркомпроса, а также другие ответственные советские работники, контролировавшие эвакуацию детей⁵⁰. Руководство Башкирской республики, проанализировав ситуацию, пришло к мрачному заключению, что в крестьянских семьях эвакуированных детей ждет *«отсутствие правильного воспитания и постепенное вымирание за отсутствием медицинского надзора»*⁵¹.

Таким образом, вопреки благим намерениям, на практике патронирование зачастую приводило к обратным результатам — к росту численности беспризорников как за счет детей, сбежавших

⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 89. Л. 24.

⁴⁹ См.: Там же. Д. 35. Л. 68. Д. 89. Л. 24; Д. 96. Л. 1.

⁵⁰ Там же. Д. 89. Л. 24.

⁵¹ Там же. Д. 96. Л. 117.

от своих опекунов из-за тяжелых условий жизни, так и за счет детей, выгнанных из дома крестьянами. *Опыт 1921—1922 гг. наглядно продемонстрировал, что в условиях крайне низкого жизненного уровня подавляющей части населения, неразвитой системы медицинского обслуживания и отсутствия налаженного механизма систематического контроля над патронатными семьями данная форма воспитания сирот, несмотря на все ее очевидные достоинства, обречена на неудачу.* Тем не менее, массовое закрытие в начале 1920-х гг. детских домов, вследствие перевода их на местное финансирование, вынудило руководство государства не только не ограничить, но, напротив, развить практику патронатного воспитания, не дожидаясь улучшения экономической ситуации в стране.

«Разгрузка» детских домов и развитие патронирования в середине 1920-х гг.

В январе 1922 г. Петроградская областная конференция по правовой защите несовершеннолетних единогласно приняла решение о необходимости «развить практику частного (семейного) патроната, ныне применяемого в отношении детей из голодающих губерний». Необходимость расширения системы патронирования была обусловлена самой жизнью, — резкое сокращение финансирования детских домов вынуждало их руководство искать пути сокращения численности своих воспитанников. Учитывая печальный опыт, работники органов защиты детей, педагоги и врачи неоднократно подчеркивали, что *применение патронирования желательно, но лишь при установлении «надлежащих гарантий против возможных злоупотреблений», при условии обязательной материальной поддержки патронатных семей, а также организации обучения и медицинского обслуживания их воспитанников*⁵². Однако все эти рекомендации, как и прежде, остались лишь пожеланиями.

В условиях «разгрузки» детских домов, проводимой по всей стране в срочном порядке, развитие патронирования вновь приобрело характер очередной кампании. Между местными властями возникло что-то вроде соревнования за успешное выполнение задания центра. Они развернули широкую агитацию с призывом брать детей-сирот на воспитание в семьи и, едва добившись каких-то результатов в этом вопросе, спешили отрапортовать в центр о достигнутых в деле патронирования успехах, не утруждая себя проверкой тех условий, в

---

⁵² См: Люблинский И.П. Опекa и детская беспризорность. С. 200.

которых в действительности оказались дети. Данные о численности детей, переданных на воспитание в семьи, регулярно размещались в агитационно-пропагандистских листовках, на страницах центральной и местной печати. Данные же о численности детей, возвращенных крестьянами, или сбежавших от своих патронатных опекунов из-за тяжелых условий жизни, крайне редко придавались огласке (зачастую этих данных просто не было, учет сбежавших и выгнанных детей никто не вел). По данным Т.П. Бибанова, в 1923—1924 гг. в 32 губерниях РСФСР в патронатные семьи было передано свыше 52 тысяч детей-сирот. К сожалению, Бибанов ничего не пишет о том, как сложилась дальнейшая судьба этих детей, как обращались с ними опекуны, была ли у них возможность учиться, был ли кто-либо из них в последствии возвращен крестьянами, были ли случаи бегства детей и если да, то сколько и почему. Исследователь справедливо отмечает, что ячейки ОДД обследовали семьи, взявшие на воспитание детей, помогали им налаживать быт⁵³. Можно добавить, что подобные выборочные обследования проводили и комсомольские организации, и местные уполномоченные Деткомиссии, и инспекторы РКИ. Однако эти обследования не были плановыми, систематическими, а носили скорее характер очередной кампании.

В стране не было главного, — централизованной системы жесткого контроля выполнения законов и распоряжений власти. Инструкции о порядке передачи детей в патронатные семьи и разработанная Деткомиссией ВЦИК и Наркомпросом система последующего контроля этих семей существовали только в теории, на практике не работали. Разовые случайные проверки и разнообразные тематические «недели» и «двухнедельники» не могли спасти положение. В результате, как явствует из материалов обследований крестьянских патронатных семей начала 1920-х гг., жизнь их воспитанников была крайне тяжелой: у них «в большинстве случаев отсутствовало все [подчеркнуто в документе. — Т.С.], одежда, обувь, а также и скудное питание», «никакой воспитательной работы» не проводилось, и «в огромном большинстве своем дети эксплуатировались крестьянами», либо оказывались на улице⁵⁴. По признанию Главсоцвоса и ВСНХ, к концу 1924 г. положение всех патронированных крестьянами детей, «независимо от степени недородности уезд», было «чрезвычайно тяжело и крайне не обеспечено»⁵⁵.

⁵³ Бибанов Т.П. Общество «Друг детей» // Вопросы истории. 1985. № 12. С. 166.

⁵⁴ ГА РФ. Ф. Р-1065. Оп. 3. Д. 39. Л. 10.

⁵⁵ Там же. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 49. Л. 14—15.

В частности, в октябре 1924 г. председатель Самарского губисполкома, обосновывая необходимость дополнительных ассигнований на помощь детям (в том числе по 10 рублей на обмундирование каждого ребенка), размещенным у крестьян, в специальном докладе в комиссию по борьбе с последствиями неурожая при СНК СССР (т.н. комиссию Рыкова) подчеркнул, что из-за нищеты крестьянских хозяйств дети вынуждены уходить бродяжничать, что привело к существенному росту беспризорности в губернии в течение 1924 г. Так, например, в Бузулукском уезде численность беспризорных детей за июнь—июль 1924 г. выросла с 1 736 до 6 736; в Пугачевском уезде с августа по октябрь того же года — с 3 634 до 5 134⁵⁶. Всего же в РСФСР по данным СПОН Главсоцвоса, к концу 1924 г. насчитывалось 225 222 беспризорных детей. Наиболее неблагоприятной в этом отношении была ситуация в Воронежской (35 257 беспризорных), Самарской (12 216 беспризорных, по другим данным — 29 454), Курской (около 12 тыс.), Саратовской (11 710) и Московской (около 11 тыс.) губерниях, Донском округе (около 25 тыс.), Ставропольском крае (около 18 тыс.) и Уральской области (около 15 тыс.). Меньше всего беспризорных детей в те годы было в Адыгейской автономной области (180 детей), Архангельской (220) и Терской (300) областях, а также в автономной области Коми (400 человек)⁵⁷.

Рост беспризорности в свою очередь приводил к росту детской преступности, о чем с тревогой сообщали в центр представители местных властей⁵⁸. *«Беспризорность налагает свой отпечаток не только на физическую, но и на психическую сторону ребенка, — писал по этому поводу Н. Семашко, — ибо она знаменует собой не только нужду, но и заброшенность, одичание, власть улицы (рынка), со всеми их отрицательными свойствами»*⁵⁹.

По мере того, как становилось все более очевидным, что патронирование не оправдало возложенных на него надежд (во всяком случае в той форме, в которой оно проводилось на практике), число его противников стало расти даже среди работников детских домов, поначалу активно выступавших за развитие патронатного воспитания. Их руководство, вынужденное в 1920-х гг. регулярно осуществлять «разгрузку» детдомов, возлагало на патронирование большие надеж-

⁵⁶ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 49. Л. 8—10 а об.

⁵⁷ Там же. Л. 9, 21.

⁵⁸ Там же. Л. 9.

⁵⁹ Семашко Н. Беспризорные и больные дети как следствие голода // После голода. Издание ЦК Последгол ВЦИК., М., 1923. № 3. С. 37.

ды. Однако вскоре, из-за систематического отказа крестьян от детей и бегства последних, оно пришло к выводу, что более перспективным путем борьбы с беспризорностью являются, во-первых, профилактика сиротства (прежде всего, поддержка семей и матерей одиночек, борьба с подкидыванием детей и организация детского досуга) и, во-вторых, укрепление материальной базы детдомов, их обеспечение мастерскими, а также разукрупнение с целью приближения к семье. *«Казалось бы, отсюда один выход, — писала по поводу крайней перегруженности детских домов заведующая отделом народного образования Иркутской губернии М. Золотарева в 1924 г. — направление ребят в деревню для распределения их по отдельным крестьянским семьям, где бы они, приучаясь к сельскохозяйственному труду, постепенно становились бы работниками деревни. Но если мы примем во внимание неуклонный возврат детей крестьянами, потерю детьми коллективных навыков, которые прививаются в детдомах через комсомольские и пионерские объединения, — то мы должны сказать, что и этот выход не даст нам желательных результатов и, главное, быстрого успеха»*⁶⁰.

Попытки разместить воспитанников детских домов в семьях рабочих практически не имели успеха. Лишь единицы городских семей соглашались принять на воспитание вчерашних беспризорников. Так, например, в марте 1925 г. усилиями рабочего патроната Центрального городского района Ленинграда 300 воспитанников детского дома старших возрастов (так называемых «переростков») были устроены на работу. Одновременно был поднят вопрос о расселении подростков на квартиры в рабочие семьи. *«Несмотря на то, что рабочие целого ряда предприятий вынесли постановление о приведении этого проекта в жизнь, — говорилось позже в отчете правления рабочего патроната, — осуществить его не удалось за единичным исключением. Неудача этого начинания может иметь объяснения, во-первых, в тяжелых жилищных условиях рабочих семейств (скученность и жилищный кризис) и, во-вторых, еще не вполне изжитому пренебрежительному отношению к воспитаннику детдома как к приютскому. На второе обстоятельство надлежит обратить сугубое внимание и всеми мерами способствовать изживанию этого взгляда»*⁶¹.

Отрадным исключением на фоне общей печальной картины можно считать патронирование грудных детей и детей в возрасте до 3-х лет, организацией которого занимались органы охраны

⁶⁰ Цит. по: Спасенные революцией... С. 63.

⁶¹ Отчет райправления общества Рабочий патронат «Друг детей» Центрального Городского района за 1925 г. Л. 1926. С. 7.

материнства и младенчества (ОММ). Как уже говорилось выше, в отношении младенцев приоритет изначально отдавался не коллективному, а индивидуальному, семейному воспитанию. Большое внимание в связи с этим органы ОММ уделяли развитию патронажа, но призывали применять его крайне осторожно. В частности, в апреле 1923 г в основном докладе на II Всероссийском совещании по охране материнства и младенчества подчеркивалось, что патронирование не должно быть массовым, а может применяться «в виде опыта только в тех местах, где имеется хорошо поставленная консультация с врачом-специалистом и патронажными сестрами». Как показала практика, эти слова не были лишь пустыми декларациями. В отличие от патронирования подростков, патронаж грудных детей действительно осуществлялся в эти годы преимущественно под контролем местных отделов ОММ и под систематическим наблюдением врача и патронажных сестер детских консультаций. Такая практика давала возможность контролировать не только смертность детей, отданных на патронаж, но и динамику их здоровья. Обобщение этого опыта органами ОММ показало, что благодаря соблюдению указанных правил, патронирование грудных детей и детей в возрасте до трех лет позволило в середине 1920-х гг. значительно снизить уровень смертности в данной возрастной категории⁶².

Восстановление ценностей семейного воспитания и кампания по устройству сирот в семьи

В середине 1920-х гг. советские теоретики детской политики пришли к выводу, что успешная борьба с беспризорностью и вытекающими из нее социальными проблемами возможна лишь при условии восстановления ценностей семейного воспитания. В соответствии с этим, в вопросах воспитания детей, лишенных родительской опеки, было рекомендовано перенести приоритет с их общественного воспитания в государственных детских учреждениях на различные формы семейного воспитания, а также на профилактику безнадзорности путем материальной и психологической поддержки матерей-одиночек, малообеспеченных и неблагополучных семей. Наркомпрос на своих заседаниях во второй половине 1920-х гг. регулярно принимал решения, как об «усилении работы в направлении патронирования

⁶² См.: Конюс Э.М. Указ.соч. М., 1954. С. 130—134, 175—176, 193—194.

детей крестьянскими семьями», так и о необходимости передавать детдомовцев родственникам⁶³. 8 марта 1926 г. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР утвердил «Положение о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР», статья 4 которого в качестве основных мероприятий по борьбе с беспризорностью указывает «помещение детей в семьи трудящихся, в случае согласия на то последних, с оказанием этим семьям материальной поддержки и с предоставлением в порядке особых узаконений различных льгот в целях облегчения им содержания помещаемых детей»⁶⁴. Одновременно был признан ошибочным введенный в 1918 г. запрет на усыновление.

«Восстановить право усыновления детей...»

Впервые вопрос о восстановлении института усыновления был поднят еще в 1921 г., сразу после начала голода⁶⁵. О необходимости «восстановить право усыновления детей» говорится, в частности, в одной из резолюций областной конференции по правовой защите несовершеннолетних, состоявшейся в Петрограде в январе 1922 г.⁶⁶ Однако обсуждение этого вопроса затянулось еще на несколько лет. Учитывая значимость проблемы, 1 марта 1926 г., не дожидаясь принятия нового Семейного кодекса, ЦИК и СНК РСФСР приняли декрет «Об изменении Кодекса Законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве», восстановивший институт усыновления⁶⁷. С этого момента власть всячески поощряла усыновление гражданами сирот и взятие их под опеку, рассматривая данные формы устройства сирот в качестве одного из наиболее эффективных способов профилактики беспризорности.

Активную пропаганду развернули в этом направлении органы охраны материнства и младенчества, и ранее выступавшие за устройство судеб детей-сирот преимущественно путем усыновления. В частности, в июне 1929 г. на IV Всесоюзном съезде по охране материнства и младенчества была поставлена задача принять меры к массовому усыновлению детей сельскими семьями, активнее развивать патро-

⁶³ ГА РФ. Д. 2306. Оп. 69. Д. 328. Л. 83.

⁶⁴ СУ РСФСР. 1926. № 19. Ст. 143.

⁶⁵ См., например: *Люблинский П.И.* Опека и детская беспризорность. С. 196; *Орловский Б.* Борьба с детской беспризорностью в Нижегородской губернии // *Школа и жизнь*. Н. Новгород, 1926. № 11. С. 37; *Гидулянов П.В.* Кодекс законов о браке, семье и опеке с постатейным комментарием. Л., 1927. С. 127—129.

⁶⁶ *Люблинский П.И.* Опека и детская беспризорность. С. 200.

⁶⁷ СУ и Р РСФСР 1926. № 13. Ст. 101..

нат грудных детей⁶⁸. «Купить за деньги материнское молоко и ласку нет возможности», — подчеркнула в своем выступлении на состоявшемся в июле 1931 г. в Нижегородской губернии краевом совещании работниц по борьбе с беспризорностью представитель Нижегородского губздрави Соколова⁶⁹. Она также подчеркнула, что одним из источников детской беспризорности являются беспризорные матери, вынужденные бросать своих детей. Так, например, в Самарской губернии по данным на октябрь 1924 г. в среднем ежегодно фиксировалось около тысячи случаев подкидывания детей, из них около 600 — младенцы в возрасте до 1 года, остальные — дети до 3 лет⁷⁰. В Нижегородской губернии в 1931 г. по официальным данным насчитывалось 414 подкидышей⁷¹. Для борьбы с «подкидыванием» было рекомендовано проводить специальную разъяснительную работу во всех врачебных участках, ввести в штат медицинских учреждений специальную квалифицированную сестру, отвечающую за работу по охране материнства и младенчества, оборудовать молочные кухни, оказывать материальную поддержку матерям⁷². В Нижегородской губернии в начале 1930-х годов были организованы дома матери и ребенка, детские ясли, детсады и «различного рода курсы для трудовой подготовки матерей»⁷³.

На проводившихся в 1930-е годы многочисленных губернских совещаниях и конференциях работниц, посвященных борьбе с беспризорностью, регулярно поднимался вопрос о значении возрождения семейных ценностей и необходимости развития различных форм поддержки семьи в качестве основного средства борьбы как с перегруженностью детских домов, так и с беспризорностью. По итогам обследования работы местных деткомиссий и органов народного образования систематически составлялись докладные записки и циркулярные письма, в которых говорилось о *недопустимости принимать в детский дом «детей от матерей, потому что они нуждаются, вместо оказания материальной помощи матерям со стороны профсоюзов и советских организаций»*⁷⁴.

В отношении же воспитания сирот наиболее предпочтительной формой было провозглашено усыновление. Однако, не будучи подкрепленной продуманной государственной политикой и конкретны-

⁶⁸ IV Всесоюзный съезд по охране... С. 101—103.

⁶⁹ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5280. Л. 10.

⁷⁰ Там же. Оп. 69. Д. 49. Л. 10 об.

⁷¹ Там же. Оп. 70. Д. 5280. Л. 10.

⁷² Там же. Оп. 69. Д. 49. Л. 10 об.

⁷³ Там же. Оп. 70. Д. 5280. Л. 10.

⁷⁴ См., например: Там же. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 34. Л. 76.

ми практическими мерами, пропаганда усыновления носила декларативный характер. Ни органы опеки, ни Деткомиссия, ни какие-либо иные государственные органы не проводили систематическую плановую работу, направленную на развитие института усыновления. Любопытно, что усыновление, за крайне редким исключением, даже не упоминается ни в отчетах детских домов о «выбывших» воспитанниках, ни в планах местных Деткомиссий по борьбе с беспризорностью. В частности, в ежегодных отчетах детских домов и местных Деткомиссий в разделе «Выведено из детских учреждений» в качестве основных форм устройства воспитанников во второй половине 1920-х годов указываются следующие: патронирование в крестьянские семьи, патронирование в семьи кустарей, устройство на производство, устройство в профтехучилища и другие учебные заведения, в колхозы и совхозы, в Красную Армию, а также к родным. Усыновление упоминается лишь в единичных случаях. Так, например, в отчетах местных Деткомиссий за 1926—1927 гг. сведения об усыновлении дали Нижегородская и Костромская губернии. За отчетный период в этих губерниях было усыновлено соответственно 182 и 62 ребенка⁷⁵. Нередко встречается неопределенная формулировка «устроено в семьи». Однако, что конкретно подразумевается под этим «устройством», — патронирование, опекуновство, усыновление или передача на воспитание родственникам — остается неясным.

В отчетах 1930-х годов данные об усыновлении встречаются еще реже. В планах работы Деткомиссии ВЦИК в эти годы усыновление упоминается эпизодически. Так, например, в протоколах заседаний Президиума Деткомиссии ВЦИК за 1938 г. говорится лишь об улучшении положения патронлируемых детей, а о пропаганде усыновления и работе в этом направлении нет ни слова⁷⁶. О том, что усыновление по-прежнему входило в число приоритетных форм устройства сирот, напоминают лишь циркулярные письма Наркомпроса и акты обследования деятельности органов народного образования на местах; в которых периодически указывается, что на местах работа по усыновлению проводится «крайне слабо», а также, что «райсоветы и ячейки ОДД недостаточно популяризировали среди населения существующее законодательство об усыновлении».

В то же время со второй половины 1920-х гг. заметно расширяется практика передачи детей под опеку.

⁷⁵ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 404. Л. 66 об, 125 об.

⁷⁶ Там же. Д. 1634. Л. 2.

Возрождение индивидуальной опеки

Если в первые годы после революции опека, «как институт, основанный на индивидуальной заботе о ребенке», по словам П.И. Люблинского, «отошла на второй план»⁷⁷, то с середины 1920-х годов развитие индивидуальной опеки, напротив, провозглашается одним из приоритетных способов устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Опекунами становились прежде всего родственники, реже — соседи. Иногда опекунство оформляли и совершенно посторонние люди, причем, не всегда по собственной инициативе, зачастую вынужденно, по поручению органов опеки. К сожалению, мы не располагаем точными статистическими данными о развитии института опекунства в эти годы в целом, а лишь приблизительными данными по отдельным регионам. В частности, известно, что в 1925 г. в опекунском управлении Московского отдела народного образования было заведено 3 337 дел; детям, живущим в семьях опекунов, было выдано 6 799 денежных пособий на общую сумму 48 680 рублей; еще 718 детей находились на попечении уездных органов опеки⁷⁸. В середине 1930-х гг. в столице на опекунстве находилось около 10 тыс. детей⁷⁹. Детские дома Нижегородской губернии за 1926/27 гг. передали под опеку 225 воспитанников, а из детских домов Ленинградской области за 1927/28 гг. под опеку было отдано 1 507 воспитанников⁸⁰.

Безусловно, в масштабах всей страны это была капля в море. Между тем, на развитие индивидуальной опеки возлагались большие надежды в плане предупреждения безнадзорности и беспризорности. В циркулярных письмах Наркомпроса РСФСР, актах Деткомиссии об обследовании работы на местах неизменно подчеркивалась недостаточность внимания, уделяемого развитию семейных форм воспитания сирот, отсутствие в этой работе планомерности, массовости, регулярности. Особой критике подверглись правления колхозов, отправлявшие осиротевших детей в детдома вместо назначения им опекуна из числа ближайших родственников или передачи на патронирование лучшим колхозникам. Так, например, правление колхоза Дросковского района Центрально-Черноземной области в 1934 г. не позаботилось об опеке над детьми умершего колхозника, а после того, как дети начали нищенствовать, их просто отправили в Мо-

⁷⁷ Люблинский П.И. Опека и детская беспризорность. С. 193.

⁷⁸ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 328. Л. 36.

⁷⁹ ЦГА Москвы. Ф. 528. Оп. 1. Д. 465. Л. 24 об.

⁸⁰ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 404. Л. 62—63, 125 об.

скую для определения в детдом⁸¹. В колхозе им. Кирова Бановского сельсовета Западной области осиротевшие дети, не получив никакой помощи ни от правления колхоза, ни от соседей, ни от местных органов опеки, также были вынуждены нищенствовать⁸². Подобные фаты, имевшие массовый характер, вызывали негативную реакцию не только со стороны Деткомиссии и Наркомпроса, но и со стороны партийных органов. В частности, обком ВКП(б) Западной области 21 июля 1934 г. разослал циркуляр секретарям райкомов партии «О положении с детской беспризорностью», в котором предписывалось «запретить председателям с/с и колхозов посылать оставшихся без родителей детей в районные и областные центры и на месте организовать прикрепление этих детей к какой-нибудь семье, обеспечив их необходимыми предметами продовольствия и некоторыми средствами за счет бюджета или средств самообложения (из расчета 300 руб. в год)». Одновременно было решено в кратчайшие сроки «пересмотреть состав воспитанников детдомов» и обеспечить их разгрузку путем: «а) проведения патронирования; б) розыска и возвращения родителям; в) определения детей старшего возраста в совхозы, колхозы, сельхозучилища, ФЗУ, окончивших семилетку в техникумы, а переростков на различные предприятия»⁸³.

В циркулярном письме Наркомпроса всем краевым и областным советам ОДД «Об участии ОДД в работе, проводимой органами народного образования по патронированию, опеке, попечительству и усыновлению детей-сирот и воспитанников детучреждений» (1934 г.) факты отправки колхозами и сельсоветами в город местных осиротевших детей были признаны совершенно «недопустимыми». В письме настоятельно рекомендовалось передавать осиротевших детей на воспитание в семьи лучших колхозников и подчеркивалось, что ОДД и Наркомпрос *«рассматривают этот участок работы с детьми в данный момент как важнейший участок в деле окончательной ликвидации детской беспризорности и предупреждения ее»*⁸⁴. Однако «важнейшим» данный «участок работы с детьми» оказался лишь в теории. На практике систематической работы по развитию индивидуальной опеки на местах за редким исключением не проводилось.

В соответствии с «Положением об органах опеки и попечительства», утвержденном постановлением ВЦИК и СНК от 18 июня

⁸¹ ГА РФ. Ф. А-393. Оп. 1. Д. 223. Л. 1а.

⁸² Там же. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 29. Л. 17 об.

⁸³ Там же. Д. 34. Л. 60.

⁸⁴ Там же. Ф. А-393. Оп. 1 Д. 223. Л. 3.

1928 г., на местах обязанности органов опеки возлагались на исполкомы местных советов и сельсоветы⁸⁵. Фактически же вопросами опекунства понемногу занимались и местные исполкомы, и органы Наркомпроса, и местные уполномоченные Деткомиссии, перекладывая друг на друга обязанности и ответственность за их выполнение. Даже учет детей, находящихся под опекой, был налажен далеко не везде. Еще хуже обстояло дело с контролем качества и полноты выполнения опекуном своих обязанностей. Между тем, достоверно известно, что нередко опекунство оформлялось исключительно из корыстных побуждений, в частности, для прописки на жилплощадь опекаемых детей. Случалось, что опекаемые подростки становились жертвами физического и сексуального насилия со стороны своих опекунов, подвергались эксплуатации. Так, в Саратовском крае в 1935 г. в судопроизводстве находилось 46 судебных дел о правонарушениях опекунов и ответственности родителей за невыполнение своих обязанностей по отношению к детям. Однако ни работники ОНО, ни представители местной Деткомиссии не проявили к этим делам никакого интереса. Проверка показала, что никто из представителей властных органов, отвечающих за охрану детства в округе, не знал, чем закончились судебные слушания и какова судьба детей, чьи интересы они обязаны были защитить⁸⁶.

Контроль за выполнением опекунами возложенных на них обязанностей усилился лишь во второй половине 1930-х гг. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» установило уголовную ответственность для опекунов, злоупотребляющих своими правами или не выполняющих свои обязанности⁸⁷. В августе того же года Наркомат социального обеспечения составил объяснительную записку к проекту постановления ВЦИК и СНК РСФСР об улучшении материально-бытового положения детей-пенсионеров, в которой подчеркивалась необходимость дополнительно к постановлению от 31.05.1935 издать закон об использовании опекунами по прямому назначению всех средств, получаемых на своих подопечных⁸⁸.

Из всех форм семейного воспитания сирот в эти годы наибольшее развитие получило патронирование, несмотря на то, что горький опыт начала 1920-х гг. обусловил, если не скептическое, то, во всяком

⁸⁵ СУ РСФСР. 1928. № 75. Ст. 524.

⁸⁶ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5333. Л. 5.

⁸⁷ СЗ и Р СССР. 1935. № 32. Ст. 252.

⁸⁸ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5320. Л. 17.

случае, настороженное отношение к нему со стороны многих педагогов, социальных работников и сотрудников детских домов.

Кампания массового патронирования и ее последствия

Во второй половине 1920-х гг. ВЦИК и СНК РСФСР приняли ряд постановлений, стимулирующих передачу детей на воспитание в семьи трудящихся⁸⁹. Этот курс встретил широкую поддержку специалистов — педагогов, детских врачей, социальных работников. Признавая передачу детей на воспитание в семьи «одним из важнейших путей борьбы с беспризорностью», они вновь, в который уже раз, предостерегали против «принудительного навязывания детей крестьянам», приводившего к грубому обращению с детьми, их отрыву от школы, а зачастую и прямой эксплуатации⁹⁰.

Во избежание повторения прежних ошибок Деткомиссия, Наркомпрос, Наркомзем и Наркомфин РСФСР разработали новые инструкции, устанавливающие еще более жесткие условия передачи детей на патронат⁹¹. В частности, было рекомендовано передавать в крестьянскую семью только детей, «имеющих психологическую склонность к крестьянскому труду», «элементарно грамотных» и не страдающих заразными болезнями. Местные отделы народного образования совместно с местными партийными и комсомольскими ячейками, ячейками ОДД, а также делегатками от крестьян обязывались перед передачей ребенка в семью провести ее предварительное обследование.

Обследование имело обширную программу, в том числе полагалось выяснить, «что побуждает данный двор принять к себе ребен-

⁸⁹ Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О мероприятиях по подготовке воспитанников детдомов к трудовой общепольной деятельности» (21.09.1925), «О мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР» (8.03.1926) и «О порядке и условиях передачи воспитанников детдомов в крестьянские семьи для подготовки к сельскохозяйственному труду» (5.04.1926); Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке и условиях передачи воспитанников детских домов и других несовершеннолетних трудящихся в городах и рабочих поселках» (СУ РСФСР. 1928. № 64. Ст. 462) и др.

⁹⁰ См.: Орловский Б., Окуньков А. О патронировании... С. 29—30; Орловский Б. Борьба с детской беспризорностью... С. 36.

⁹¹ Инструкция Наркомпроса, Наркомфина и Наркомзема РСФСР «По применению постановления ВЦИК и СНК РСФСР “О порядке и условиях передачи воспитанников детдомов в крестьянские семьи для подготовки к сельскохозяйственному труду”» (5.04.1926); Инструкция Наркомпроса РСФСР «О порядке и условиях передачи воспитанников детдомов в крестьянские семьи для подготовки к сельскохозяйственному труду» (17.05.1926) и др.

ка». Обязательства крестьянского двора по отношению к патронируемому ребенку следовало фиксировать в специальном договоре о патронировании. Среди прочих обязательств, договоры содержали и требование относиться к своему воспитаннику, как к «родному члену семьи», «предоставлять ему питание и уход, как остальным детям или подросткам» и не перегружать домашней, сельскохозяйственной и иной работой. В то же время крестьянам, патронирующим детей, был предоставлен ряд льгот. В их числе — право получать на воспитанников земельные участки по нормам трудпользования, освобождение этих участков от сельскохозяйственного налога на три года и получение единовременной помощи из местного бюджета⁹².

Очевидно, что требование относиться к патронируемому ребенку, как к родному, носило исключительно декларативный характер и практического значения не имело в силу отсутствия механизма контроля за его выполнением. Значительно больший практический смысл получило развитие принципа материальной заинтересованности семей, берущих на воспитание детей. Однако положительное, в принципе, начинание на практике нередко приводило к обратным результатам, что (как мы увидим далее) наглядно проявилось в общероссийской кампании патронирования, проведенной в детских домах в 1926—1928 гг. Эта кампания преследовала две основные цели: во-первых, «разгрузить» переполненные детские дома и, во-вторых, приобщить подростков к труду, помочь им приобрести определенные трудовые навыки с целью их дальнейшего «устройства в жизнь». Именно последнее — «устройство в жизнь» — было признано главной задачей кампании «массового патронирования», и именно эта задача обусловила широкую поддержку кампании со стороны общественности. Воспитание в детских домах, по мнению общественности, не способствовало «устройству в жизнь», особенно в отношении детей из деревень.

Ряд представителей местных властей призвали «признать губительным и нецелесообразным мероприятие по концентрации детей сел и деревень в детских учреждениях городов» и «решительно отказаться» от подобной практики. «*Опыт прошедших лет, период голода*, — писал по этому поводу в 1924 г. председатель Самарского губисполкома, — *подтвердит правильность высказываемой точ-*

---

⁹² Подробнее см.: Определение воспитанников детских домов и беспризорных детей в крестьянские семьи (Постановления правительства и инструкции). Тамбов, 1927. С. 3—4, 5—8; *Попов М.* Детская беспризорность и патронирование. Иваново, 1929. С. 3—4, 5—8, 17—19, 26—27.

ки зрения: детские учреждения городов, обеспечивая недостаточный минимум содержания ребенка, сохраняя его жизнь, совершенно отрывая вместе с тем детей крестьянства от сельскохозяйственного производства, приучая детей к лености, паразитизму — поскольку в детских домах городов не представляется абсолютно возможным организовывать каких-либо мастерских в силу отсутствия средств, обеспечить их оборудование школами профессионально-технического типа также невозможно за незначительностью сети учреждений. В конечном счете дети выбывают в жизнь совершенно неподготовленными, не обладая никакими знаниями»⁹³.

«Устройство в жизнь очень трудно, — подчеркивал один из создателей и руководителей Главного управления социального воспитания и политехнического образования Наркопроса РСФСР (Главсоцвоса), член коллегии Наркомпроса РСФСР М.С. Эпштейн в ноябре 1927 г. на Всероссийской конференции работников детских домов. — [...] И в этих условиях правильно поступает Наркомпрос, правильно поступает правительство, когда оно старается находить разнообразные каналы, по которым направить детей в трудовую жизнь. Одним из этих каналов является патронирование»⁹⁴. Эпштейн высоко оценил результаты, достигнутые в ходе кампании массового патронирования, констатируя, что «эта мера себя в общем и целом оправдала». По утверждению Эпштейна, за 1926 г. в крестьянских семьях расселили 4 400 детей и еще 7 464 — в 1927 г. При этом бегство патронированных детей составляло, по его словам, не более 7,5%, а многие из взятых под патронат детей были усыновлены⁹⁵. «Когда во время обследования Самарской губернии я пришел в крестьянскую семью, то ребенок испугался меня, думая, что я хочу забрать его обратно в детский дом, — рассказывал Эпштейн о своем посещении одной из патронатных семей. — Там же я видел два крестьянские хозяйства, которые усыновили детей»⁹⁶. Однако столь идиллическая картина возникает лишь при поверхностном взгляде на сложившуюся ситуацию.

Прежде всего, необходимо учитывать колоссальную роль пресловутого личного фактора: соблюдение всех правил передачи детей на патронат, наличие дальнейшего контроля условий их воспитания и успех кампании в целом зависели не столько от многочисленных, детально проработанных представителями нескольких

⁹³ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 49. Л. 14—15

⁹⁴ Детский дом и борьба... С. 19.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же.

ведомств, инструкций, сколько от добросовестности, профессионализма, ответственности, инициативности и элементарной порядочности представителей местной власти и руководства детских учреждений. В результате в разных регионах кампания патронирования проводилась разными методами и привела к различным результатам. Так, власти Самарской губернии стремились соблюдать принцип добровольности и своевременно выплачивать денежное пособие (25 рублей в месяц на подростка), благодаря чему случаи отказа от детей или их бегства составили в этом регионе всего 1,5—2%⁹⁷. Не удивительно, что, говоря об успешности кампании патронирования, Эпштейн ссылаясь именно на пример Самарского региона, одного из самых благополучных в этом отношении. Благоприятная ситуация в деле патронирования сложилась и в Бийском округе. Бийский исполком не только строго придерживался инструкций, но и принял решение предоставить дополнительные льготы семьям, добросовестно выполняющим свои обязанности по отношению к взятым на воспитание детям. Бийский исполком всячески поощрял усыновление патронлируемых детей⁹⁸. В Нижегородской губернии в 1926 г. в патронатных семьях было размещено около 2 тыс. детей-сирот, в Тамбовской же губернии, по данным губисполкома, к этой работе «всерьез не приступили» и к 1927 г.⁹⁹

Ярким примером зависимости условий жизни детей в патронатной семье от позиции местных властей являются судьбы 404 детдомовцев Иркутска, переданных на воспитание в крестьянские семьи зимой 1926—1927 гг. Часть детей была размещена руководством детских домов на территории Иркутского округа, а часть — на территории соседней Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической республики (БМАССР). Иркутский окружной ОНО со всей ответственностью подошел к решению возложенной на него задачи. Перед передачей ребенка в семью через местные советы были наведены справки об имущественном и семейном положении лиц, принимающих детей, а также о состоянии их здоровья. Затем с каждой крестьянской семьей были заключены договоры о передаче ребенка на патронат, после чего им выдали единовременное пособие в размере 60 рублей. Для наблюдения за положением патронлируемых детей при каждом райисполкоме были созданы специальные

⁹⁷ Назаров Д. Указ. соч. С. 16—17.

⁹⁸ Цит. по: Спасенные революцией. С. 78—79.

⁹⁹ 10 лет Советской власти в Нижегородской губернии 1917—1927 гг. Нижний-Новгород, 1927. С. 198; Определение воспитанников детских домов ... С. 1.

районные комиссии, состоявшие из 3—5 представителей местных советских и общественных организаций. Эти комиссии регулярно проводили обследования патронатных семей, благодаря чему удалось наладить «нормальную жизнь» их воспитанников, а также своевременно выявить отдельные случаи плохого обращения крестьян с детьми и принять соответствующие меры. Иная ситуация сложилась на территории БМАССР. Руководство республики отказалось контролировать положение патронируемых детей («за ограниченностью штатов и средств») и переложило эти функции на органы народного образования соседнего Иркутского округа. Кроме того, по данным Иркутского окружного ОНО, бытовые условия у бурятских крестьян были значительно хуже, чем у русских крестьян того же региона, что приводило как к бегству патронируемых детей из бурятских семей, так и к их возврату в детдома самими крестьянами¹⁰⁰.

Несмотря на указанные проблемы, Иркутский регион, наряду с Самарским, являлся одним из наиболее благополучных с точки зрения положения патронируемых детей. На большей части территории Советской России передача детей на патронат проходила массовым порядком, в спешке, без предварительного обследования семей и заключения с ними соответствующих договоров. Руководство детдомов пыталось таким путем максимально сократить число своих подопечных из-за острой нехватки средств на их содержание. Местные власти, в свою очередь, стремились как можно скорее отрапортовать Центру о выполнении и перевыполнении полученного задания¹⁰¹.

Фактически местные власти оказались перед выбором: либо выполнять «спущенный» им сверху план (так называемые «контрольные цифры»), либо соблюдать указанные в инструкциях правила и условия патронирования (добровольность, материальная помощь, последующее наблюдение за судьбой детей, их регулярное медицинское обслуживание и т.д.). Очевидно, что данная дилемма неизменно разрешалась в пользу плана, и численность отданных на патронирование детей стала определяться не реальной ситуацией в регионе, а планами и контрольными цифрами, принимаемыми облоно и районо. Детей в срочном порядке расселяли по семьям, не учитывая материальное положение и желание последних. Известны случаи, когда детей под видом передачи в патронатные семьи или родственникам просто выселяли из детских домов. Так, напри-

¹⁰⁰ См.: Спасенные революцией... С. 81—83.

¹⁰¹ См., например: Там же. С. 76—77.

мер, в 1931 г. Вятским губоно вопреки категорическим протестам работников Слободского детского дома «ради плана» была спешно проведена его массовая «разгрузка», в результате которой более тысячи воспитанников «распустили в никуда». Некоторые из оказавшихся на улице детей позже покончили жизнь самоубийством, остальные были вынуждены нищенствовать¹⁰². Не исключено, что стимулирующим фактором для проведенной в Вятской губернии «разгрузке» детдомов, получившей столь трагические последствия, послужили и сделанные в начале 1931 г. в результате обследования детских учреждений губернии выводы о слабости проводимой в ней работы по патронированию и желание любой ценой улучшить показатели к следующей проверке¹⁰³.

Система контроля патронатных семей в большинстве случаев существовала только на бумаге. *«Сейчас в деревне мы имеем такое явление, — писал по этому поводу один из работников Деткомиссии Гиндин, — органы ДЧК [Деткомиссия. — Т.С.], УОНО отдают ребят под опеку крестьян. Сбыл кому-либо на руки беспризорного [выделено мною. — Т.С.], УОНО считает свою задачу оконченной и больше не заботится о том, что будет с этими детьми, что они делают и как они живут»*¹⁰⁴. Между тем, дети эти, «обижаемые» и «эксплуатируемые» крестьянами, убегали и пополняли ряды беспризорников. На состоявшемся в июле 1931 г. в Нижегородской губернии краевом совещании работники по борьбе с беспризорностью почти все выступавшие неизменно отмечали, что «патронат не отвечает целям» борьбы с беспризорностью, а, напротив, в каком-то смысле способствует ее росту, из-за высокого процента бегства воспитанников из патронатных семей¹⁰⁵.

Одним из путей решения этой проблемы должно было стать материальное стимулирование патронатных семей.

Как уже неоднократно говорилось, обязательным условием передачи ребенка на патронат было предварительное обследование материального положения принимающей семьи. Передавать детей на воспитание полагалось исключительно в благополучные семьи, имеющие определенный уровень достатка, позволяющий взять на воспитание ребенка. Но зажиточные крестьянские семьи в по-

¹⁰² ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5280. Л. 11.

¹⁰³ Там же. Л. 8.

¹⁰⁴ Гиндин. Роль комсомола в борьбе с детской беспризорностью // Комсомол и беспризорность / Под ред. А.Д. Калининой. Харьков, 1926. С. 19. См. также: Базаров А. Сирота Страны Советов // Родина. 2002. № 3.

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5280. Л. 11.

давляющем большинстве не изъявляли желания брать домой вчерашних беспризорников. Как справедливо писала Н.К. Крупская, «воспитывать озлобленных, больных, живших долгое время в тяжелых условиях звериной борьбы за существование, в атмосфере разврата ребят» было крайне сложно¹⁰⁶. К тому же, по свидетельству современников, органам наробра и уполномоченным Деткомиссии никак не удавалось преодолеть существующую в обществе убежденность в том, «что в детдомах живут только воры и рецидивисты»¹⁰⁷. Очевидно, что крестьяне с «крепким» хозяйством опасались впускать этих «рецидивистов» в свой дом. Другое дело, семьи бедняков, которым нечего было терять, а взятие ребенка на патронатное воспитание, благодаря обещанным государством льготам и денежному пособию, давало шанс выбиться из нищеты. В результате, положительное в принципе начинание — материальное стимулирование развития патроната — привело к тому, что патронирование превратилось в своеобразный заработок для беднейших слоев населения, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Известны даже случаи, когда крестьяне забрали положенное патронатным семьям пособие и уезжали из села¹⁰⁸.

Вопреки инструкциям (и благодаря халатности местных властей), детей брали на воспитание преимущественно беднейшие крестьянские семьи, стремившиеся улучшить свое материальное положение за счет получения положенных льгот и материальной помощи на патронируемого ребенка. Однако обещанные государством и местными властями льготы предоставлялись нерегулярно и не в полном объеме. Особенно плохо обстояло дело с выплатой денежных пособий — как единовременного, так и ежемесячного. В некоторых губерниях пособия не выплачивали вовсе. Так, например, не могли добиться причитающихся им на содержание воспитанников выплат крестьяне, проживавшие недалеко от г. Озеры Московской губернии. *«Эти ребята в деревне находятся в заброшенном состоянии, — сообщил делегат Карев из г. Озеры на 2-ом Московском областном съезде общества «Друг детей» в 1931 г. — Этим детей подкидывают из Москвы, часто из Коломны. Положение патронируемых ребят ужасное. Крестьянки, которые воспитывают этих детей, никак не могут добиться причитающихся им 10 рублей в месяц за содержание ребят. Одежду и обувь этим детям не дают. Они раздеты, разуты, оборва-*

¹⁰⁶ Крупская Н.К. Пед. соч. Т. 2. С. 152—153.

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5280. Л. 11.

¹⁰⁸ Там же. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 35. Л. 40.

ны. Вина, конечно, не тех, кто их воспитывает, а тех общественных организаций, которые не дают на их содержание»¹⁰⁹ В результате патронлируемые беднейшими крестьянами дети оказывались в противоречивом положении. С одной стороны, они формально обретали семью, с другой, — оказывались в тяжелых материальных условиях (зачастую даже худших, чем в детдомах), были лишены возможности получить должное внимание и образование¹¹⁰.

В то же время и сами крестьяне, бравшие на воспитание ребенка с целью поправить свое материальное положение, также оказывались в крайне тяжелых условиях. В более-менее полном объеме льготы патронатным семьям предоставлялись лишь в тех регионах, местные власти которых добросовестно выполняли свою работу, а, следовательно, и детей на воспитание передавали с соблюдением соответствующих инструкций, то есть в относительно благополучные семьи. Власти же, торопившиеся как можно быстрее разместить детей, не задумываясь об их дальнейшей судьбе, и допускавшие передачу детдомовцев в практически нищие семьи, столь же халатно подходили и к своим обязанностям по отношению к патронатным родителям и их подопечным. Положенные льготы предоставлялись ими не регулярно и не в полном объеме¹¹¹.

Колхозный патронат

«не дает примеры коллективного воспитания беспризорных»

Альтернативой патронированию в семье стало в эти годы коллективное патронирование в колхозы и совхозы, реже — в рабочие бригады и Красную Армию. Колхозные патронаты получили достаточно широкое распространение (в некоторых регионах подобные патронаты были организованы в каждом селе), но в своей деятельности повторили все ошибки и недостатки, которые были присущи патронату семейному. Создавались колхозные патронаты в основном по указанию сверху либо по решению руководства колхоза для выполнения плана, а не по желанию колхозников. Снабжение детей в них также зависело преимущественно от порядочности и добросовестности ответственных лиц, а не от установленных

¹⁰⁹ Год решительной перестройки ... С. 172.

¹¹⁰ См., например: Гиндин. Роль комсомола в борьбе с детской беспризорностью // Комсомол и беспризорность. Харьков, 1926. С. 19; Год решительной перестройки... С. 172.

¹¹¹ Попов М. Детская беспризорность ... С. 19.

норм. Воспитания зачастую не было вообще никакого, многие дети, патронируемые колхозами, не посещали школу. Как показывают документы, дети, патронируемые крепкими колхозами, находились в «более или менее нормальных условиях», в бедных же колхозах положение детей было крайне тяжелым.

Тем не менее, прямой зависимости между финансовой состоятельностью колхозов и положением патронируемых ими детей нет. Известны случаи, когда крестьяне колхозов-бедняков, проявляли значительно большую заботу о детях-сиротах, чем более состоятельные колхозники. В частности, проверяющие не раз сталкивались с ситуацией, когда дети колхозных патронатов голодали, несмотря на то, что средства на их содержание были выделены сельсоветом или колхозными кассами взаимопомощи. Так, например, в крайне тяжелых условиях проживали дети, патронируемые в 1935 г. колхозом Базель автономной республики Немцев Поволжья. Помещение колхозного патроната почти не отапливалось, дети были истощены, накануне проверки они уже два дня ничего не ели. При этом, как показала проверка, в колхозной кассе взаимопомощи лежали не востребованными 1 350 рублей. В тяжелом положении находились и многие другие дети, патронируемые колхозами этой республики (всего в колхозных патронатах республики находилось 2 012 детей). Так, в Гнаденфельде 17 ребят, патронируемых местным колхозом, были сильно истощены, жили в антисанитарных условиях, без постельного белья, без бани; средства к существованию добывали нищенством. В Блюменфельде дети колхозного патроната (17 человек) также были «брошены на произвол судьбы», всю зиму питались затирухой¹¹², а в январе — одной капустой, никакого воспитания и образования не получали¹¹³. Аналогичную ситуацию выявили и проверки в Воронежской, Западной, Куйбышевской и других областях. В частности, в колхозе «Новый быт» Белогородского района Курской области патронированные дети жили «в жутких условиях»: без одежды и обуви, на питание им выдавали только 18 кг ржи в месяц на всех; из 6 ребят школьного возраста двое школу не посещали¹¹⁴.

Колхозные детдома, организованные в 1933 г. в Азово-Черноморском крае в качестве разновидности коллективного патроната,

¹¹² Затируха — жидкая пища, приготовляемая путем растирания муки, овощей и т.п. в воде или молоке. Традиционное русское блюдо.

¹¹³ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 19. Л. 108.

¹¹⁴ Там же. Д. 29. Л. 17 об.

как показали проверки, «влачили самое жалкое существование». Не получая никакого государственного финансирования, эти дома «всцело зависели от отчислений колхозных касс взаимопомощи и колхозов». В августе 1935 г. на основании доклада Азово-Черноморского Крайисполкома заместитель наркома просвещения М.С. Эпштейн пришел к заключению, что колхозные детдома Азово-Черноморского края необходимо срочно ликвидировать. На тот момент на коллективном патронате в крае находилось более 12 тыс. детей. Было предложено 2 тыс. детей передать на патронат в индивидуальные семьи; 2 тыс. подростков — на производство; остальных — разместить в дополнительно созданных детдомах¹¹⁵. К счастью, рекомендации эти, как показали последующие проверки, были выполнены. В соответствии с полученными указаниями, колхозные детдома в Азово-Черноморском ликвидировали, подавляющее большинство их воспитанников (10 640) передали на патронат, родственникам и на производство; остальных (около полутора тысяч детей) разместили в детских домах края¹¹⁶.

Кассы колхозной взаимопомощи Саратовского края, где в 1935 г. на колхозном патронате находилось 219 детей, также не оказывали детям никакой помощи, хотя, как указано в докладной записке инспектора Наркомпроса, на эти цели имелись «большие средства, данные правительством»¹¹⁷. Договоры на передачу детей в колхозные патронаты составляли нерегулярно. Так, например, в 1936 г. по данным ЦККОВ на патронате колхозов находилось 49 150 детей, договоры же были составлены лишь на 25 150¹¹⁸.

Обследования колхозных патронатов не раз приводили проверяющих к выводам о неразвитости работы сельсоветов и колхозов по патронированию детей и о том, что коллективный патронат «не дает примеры коллективного воспитания беспризорных», а, напротив, «дискредитирует не только формы колхозного патроната, но и колхозы, которые взяли на себя опекунство»¹¹⁹.

Выход из ситуации попытались найти посредством передачи детей из коллективных патронатов в семьи колхозников-ударников. Поскольку новые патронатные воспитатели принимали ребенка в семью вынужденно, то фактически дети оставались на попечении

¹¹⁵ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5320. Л. 22.

¹¹⁶ Там же. Д. 5333. Л. 45—48.

¹¹⁷ Там же. Л. 4—5.

¹¹⁸ Там же. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 35. Л. 41.

¹¹⁹ Там же. Д. 19. Л. 108; Там же. Д. 29. Л. 17 об.

того же колхоза. Таким образом, возникает своеобразный замкнутый круг — детский дом, патронатная семья, колхозный патронат, снова патронатная семья либо очередной детский дом. Это перебрасывание детей от одних опекунов к другим не меняло принципиально их положения и тем более не могло радикально изменить саму систему патронирования.

«Много разговоров, мало дела»: Особенности организации воспитания сирот во второй половине 1930-х годов

При изучении материалов Деткомиссии за вторую половину 1920-х — 1930-е гг. сложно отделаться от ощущения «дежавю». В принимаемых Президиумом Деткомиссии ВЦИК и местными Деткомиссиями ежегодных планах и периодических постановлениях об улучшении работы и о борьбе с беспризорностью из года в год почти слово в слово повторяются одни и те же обязательства: улучшить работу по патронированию детей, усилить контроль над патронатными семьями, активнее привлекать общественность к пропаганде патронатного воспитания и т.п. Аналогичные требования содержатся также в партийных документах тех лет и в материалах местных органов власти. Областные и городские исполкомы и местные комитеты ВКП(б) один за другим (иногда по несколько раз в год) принимают решение «обязать секретарей РК и председателей РИКов и зав. РайОНО организовать широкую работу по патронированию беспризорных детей и воспитанников детдомов в колхозах, возвращению родителям и близким родственникам и устройству переростков на работу в предприятиях, совхозах, колхозах и т.д.»¹²⁰.

Так, например, постановлением Секретариата Уральского Обкома ВКП(б) и Президиума Облисполкома «О ликвидации беспризорности и улучшении положения детдомов» от 26 октября 1933 г. было поручено передать 10 тыс. воспитанников детских домов области в семьи колхозников, организовав с этой целью с 1 ноября по 15 декабря 1933 г. «широкую кампанию по патронированию детей находящихся в детских домах и не имеющих родителей, путем передачи их на воспитание колхозникам под ответственность Правления колхозов»¹²¹. Исполком Западной области только в 1934 г. дважды принимал решение о необходимости «широкого развития

¹²⁰ См., например: ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 1634; Д. 1719; Д. 1721; Оп. 3. Д. 19, 34, 35.

¹²¹ Там же. Л. 22—24.

патронирования» — в январе и марте, а в сентябре того же года аналогичное постановление принял обком ВКП(б) Западной области¹²². Развитию патронатного воспитания должно было способствовать и постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности», которое, помимо прочего, предусматривало и усиление ответственности председателей местных сельсоветов за несвоевременное устройство детей-сирот¹²³. Однако, все эти решения и постановления о развитии патронатного воспитания не были подкреплены конкретными действиями, направленными на их осуществление.

«Не приняты конкретные меры, чтобы организовать патронирование детей и упорядочить работу по трудоустройству подростков»; «...в большинстве районов совершенно неудовлетворительно налажена работа по патронированию детей»; в «самом безобразном состоянии находится дело патронирования детей»; «до настоящего времени эта работа проводилась на местах крайне слабо»; вопрос о патронировании «стоит слабо»; забота о патронлируемых детях «носила случайный характер»; патронирование — самое «слабое звено» в работе, «много разговоров, мало дела»; много красивых слов и «всевозможного рода приветствий», но мало дела, — вот типичная оценка практической работы по патронированию детей местными уполномоченными Деткомиссии ВЦИК в те годы¹²⁴.

Отсутствие систематического контроля за условиями проживания в патронатных семьях со стороны местных отделов народного образования вынуждало руководство Деткомиссии при ВЦИК и партийных органов периодически проводить выборочные обследования, которые снова и снова выявляли одни и те же нарушения. Так, например, проведенное по личному указанию заместителя председателя Деткомиссии ВЦИК З.И. Арановича обследование 16 патронлируемых детей выявило печальную картину. Вот, например, как проверяющие описали условия жизни десятилетнего Константина Коровина, в 1934 г. переданного из детского дома на воспитание в семью колхозника Тарланова Усманского района: *«Живет в отвратительных условиях. Ребенок разут, раздет, спит на полу, ходит в лохмотьях. Был случай, когда ребенок был три дня*

¹²² ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 19; Д. 34. Л. 30, 31.

¹²³ СЗ и Р СССР. 1935. № 32. Ст. 252.

¹²⁴ См., например: ГА РФ. Ф. А-393. Оп. 1. Д. 223. Л. 1а; Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5280. Л. 9; Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 1719. Л. 25, 33—38, 58; Д. 5319. Л. 3; Там же. Оп. 3. Д. 19. Л. 114, 115, 118; Д. 35. Л. 61 и др.

без хлеба. Лишь 18 декабря этой семье были выданы средства за этого патронированного ребенка сразу за 6 месяцев в сумме 70 руб. Ранее выданные сельсоветом сразу за 11 месяцев по 12 кг муки и за 7 месяцев по 3 кг крупы на этого мальчика съедены всей семьей».

Пятнадцатилетний Иван Павлов в 1934 г. был патронирован из Алексеевского детского дома в семью колхозника Скрыпченко. Как показало обследование, за два года семья Скрыпченко ни разу не получила положенное на содержание ребенка денежное пособие. Районный отдел народного образования не только не оказал никакой помощи, но даже и не интересовался условиями проживания мальчика в семье. Некоторую помощь оказывали лишь сельсовет и колхозная касса взаимопомощи. Опекун не раз отказывался от воспитания подростка, ссылаясь на то, что тот ворует и пьет, однако сельсовет никаких мер в связи с этим не принял¹²⁵.

В ходе обследования патронатных семей Воронежской области, проведенного в декабре 1936 г., выяснилось, что в области проживало 3 179 (по другим данным 3 609¹²⁶) патронированных детей (245 в городе, остальные в деревне). При этом соответствующие анкеты в ОблОНО были составлены лишь на треть патронированных детей (1 083 ребенка), а условия жизни семей перед передачей на воспитание ребенка были обследованы в 17 случаях из более чем трех тысяч. Финансирование патронатных семей фактически ограничилось бюрократическим решением о выделении им средств из местного бюджета. Информации же о том, получили ли семьи деньги и если да, то сколько и как они ими распорядились, в ОблОНО не было¹²⁷.

В 1936 г. в Смоленске комсомольцы-активисты по поручению городского комитета комсомола проверили условия жизни 86 патронированных детей, проживавших в городе. В соответствии с договором, гороно обязывалось выплачивать на содержание каждого ребенка 25 рублей ежемесячно, а также по мере необходимости обеспечивать обувью, одеждой, постельным бельем, матрасами. Как показала проверка, гороно «в исключительных случаях» снабжал детей ботинками, остальные обязательства практически никогда не выполнялись. Адреса проживания многих патронированных детей в гороно были неизвестны или записаны неправильно. «Агранат, 11 лет, девочка, — рассказывали комсомольцы в своем отчете о проведенной проверке, — отдана на воспитание

¹²⁵ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 35. Л. 108—109.

¹²⁶ Там же. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5333. Л. 79—80.

¹²⁷ Там же. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 35. Л. 103—123.

Рухману [...] ходит в школу почти без пальто, без нижнего белья, в порванной шапочке. Горono обещает, но обещаниями сыт не будешь. Отсюда и видна работа горono. Нам нужно во что бы то ни стало помочь детям и горono перестроить всю работу, так дальше работать нельзя»¹²⁸.

В «самом безобразном состоянии» находилось «дело патронирования детей» в Омской области. По данным Омского областного ОНО, к началу 1937 г. в области на патронировании находилось 2 500 детей. Однако никаких договоров на этих детей в облОНО не было, где именно проживали патронируемые дети, в каких условиях и сколько их было на самом деле, никто не знал. Неизвестно было и как расходовались средства, поступившие в распоряжение райОНО для патронатных семей¹²⁹.

Регионы, в которых патронатное воспитание развивалось в целом благополучно, были скорее исключением, чем нормой. На большей части территории Советской России передача детей на патронат по-прежнему проходила массовым порядком, в спешке, без предварительного обследования семей и заключения с ними соответствующих договоров. Ситуация усугубилась после передачи финансирования патроната в ведение районных органов власти, которые по собственному усмотрению сокращали положенное патронатным семьям денежное пособие с 31 рубля до 25, 20 и менее рублей. Нередко деньги, предназначенные патронатным семьям, полностью расходовались на помощь «нищенствующим детям многосемейных родителей» или семьям, «временно впадшим в нужду»¹³⁰. Патронируемые дети при этом были вынуждены сами искать себе пропитание и пополняли ряды беспризорных.

В марте 1935 г. Н.А. Семашко написал в личной записке Н.С. Хрущеву: «беспризорность выше всяких “норм”»¹³¹. Причем значительный процент задерживаемых на улице беспризорных детей составляли «бегуны» из числа патронируемых¹³². Необходимы были радикальные меры по наведению порядка в организации патронатного воспитания.

¹²⁸ Дети и молодежь Смоленщины: 1920—1930-е годы: Сборник док. / Под ред. Е.В. Кодина. Смоленск, 2006. С. 417.

¹²⁹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 35. Л. 61.

¹³⁰ Там же. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5333. Л. 79—80.

¹³¹ Там же. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 19. Л. 107.

¹³² Там же. Д. 35. Л. 61.

Совершенствование законодательно-распорядительной базы патронатного воспитания

1 апреля 1936 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О порядке передачи детей на воспитание (патронат) в семьи трудящихся»¹³³, которое должно было конкретизировать нормативно-правовую базу института патронирования и навести порядок в практике его применения. Принятию этого постановления предшествовала большая подготовительная работа.

В 1935 г. ВЦИК рассмотрел как минимум три проекта постановлений о развитии патронирования: два проекта «О порядке и условиях передачи воспитанников детских домов и несовершеннолетних, лишенных средств к существованию, на воспитание (патронат) в семьи колхозников в сельских местностях и в семьи трудящихся в городских и рабочих поселках»¹³⁴ и проект «О порядке и условиях передачи органами Наркомпроса и Наркомздрава воспитанников детдомов и других несовершеннолетних на воспитание в семьи колхозников и трудящихся в городах и рабочих поселках»¹³⁵. К сожалению, авторство указанных проектов выяснить не удалось. Не сохранились и подготовительные материалы, а также материалы обсуждения проектов на заседаниях Наркомпроса, СНК или ВЦИК. Тем не менее, сопоставление текстов проектов, а также принятого в 1936 г. постановления позволяет выявить основные дискуссионные проблемы в этой сфере.

Отличия между двумя первыми проектами минимальны. Вероятнее всего, это две разные редакции одного текста. В соответствии с этими проектами, дети, оставшиеся без попечения родителей, должны были передаваться местным советам под ответственность их председателей. Устройство детей в патронатные семьи должно было осуществляться двумя путями в зависимости от возраста ребенка: отделами народного образования (дети от 4 до 14 лет) и отделами здравоохранения (дети от 5 месяцев до 3 лет включительно). Лицо, принявшее ребенка на патронатное воспитание, считалось опекуном и должно было заботиться о своем подопечном в соответствии с законодательством об опеке и попечительстве. Опекуном не мог быть назначен человек старше 50 лет. Не могли взять ребенка на патронат также семьи, проживающие в антисанитарных условиях или с родственниками, больными туберку-

¹³³ СУ и Р РСФСР. 1936. № 9. Ст. 49.

¹³⁴ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5312. Л. 1—2, 4—10.

¹³⁵ Там же. Л. 11—15.

лезом, венерическими и иными заразными заболеваниями, а также семьи, главным источником доходов которых могли оказаться выплаты пособия за патронат.

Ограничения были предусмотрены и для воспитанников, передаваемых в патронатные семьи. Передавать на патронатное воспитание можно было только здорового ребенка, причем не более одного ребенка в семью (исключение делалось для братьев и сестер). При передаче ребенка в семью полагалось составлять государственный акт о патронировании за подписью председателя гор- или сельсовета. В акте следовало четко фиксировать права и обязанности опекуна и патронатного воспитанника, в том числе указывать размер пособий — денежного (ежемесячное пособие 50 рублей на ребенка старше 4-х лет и 70 рублей на ребенка в возрасте до 4-х лет) и натурального (пальто, ботинки, шапка, 2 верхних костюма или 2 платья, 2 смены постельного и нательного белья). В городе семьям, взявшим ребенка на патронат, полагалась также десятипроцентная скидка на квартплату, а в деревне — внеочередная помощь на покупку скота, ссуды на строительство жилья на льготных условиях и помощь касс общественной взаимопомощи. Любопытно, что ответственность за выплату пособий подразделялась в зависимости от того, как ребенок был передан на патронат. Если ребенок попадал в патронатную семью из детского дома, то ответственность за его материальное обеспечение возлагалась на районные и городские отделы народного образования либо здравоохранения (в зависимости от возраста ребенка); обеспечение «детей-сирот и детей, лишенных средств к существованию, в городах и рабочих поселках, переданных на патронат городскими советами» предлагалось «производить за счет выделенных спецсумм по бюджету соцстраха в соответствии со ст. 14 пост. СНК РСФСР о ликвидации детской беспризорности и безнадзорности от 31 мая 1935 г.». Такое разделение материальной ответственности между советскими органами, безусловно, не внесло бы порядок в систему обеспечения патронатных семей, а лишь еще больше запутало бы все, позволяя различным инстанциям перекладывать ответственность друг на друга. К тому же, в случае принятия постановления в данной редакции, оставалось неясным, какие государственные органы должны отвечать за материальное обеспечение детей, переданных на патронат сельсоветами.

В завершении, в проектах указывалось, что ребенок должен находится на воспитании в патронатной семье до 16 лет (во втором

проекте первоначально фигурировала цифра 15, которая была исправлена на 16), и что лицо, использующее патронат в корыстных целях, должно нести уголовную ответственность.

Третий из имеющихся в фонде Наркомпроса вариант проекта о передаче детей на патронат интересен не только некоторыми смысловыми отличиями, но и находящимися в тексте ремарками и исправлениями. Так, например, если первые два варианта проекта предусматривают обязанность опекунов при содействии ОНО обеспечить устройство воспитанников в ФЗУ, то третий проект предусматривает бесплатное обучение и лечение патронируемых детей: *«Патронируемые воспитанники школьного возраста и подростки, предусмотренные настоящим постановлением, пользуются бесплатным обучением, а также бесплатно обеспечиваются учебными пособиями, завтраками, общежитиями. Дети до 4 лет бесплатно помещаются в дневные детские ясли, детские сады; патронируемые дети получают бесплатное лечение»*. Напротив данного пункта на полях стоит любопытная ремарка: *«разве у нас платное обучение?»*¹³⁶. Видимо, автор этого замечания был весьма далек от реальной жизни.

Пункт о составлении договора передачи ребенка на патронат в третьем проекте предусматривал включение в договор обязательство патронатных воспитателей «не применять труд воспитанника в своем хозяйстве ранее 12 лет». Напротив данного положения на полях написано: *«!??»*. Вероятно, редактор не был уверен в разумности данного ограничения¹³⁷.

Отличие от первых двух вариантов проекта, третий не устанавливал фиксированный размер ежемесячного пособия на патронируемого ребенка, а лишь определял его верхнюю и нижнюю границы (от 50 до 60 рублей), точная же сумма должна была быть установлена соответствующим договором с ОНО.

Вызывает интерес и пункт о причинах возможного расторжения договора о патронировании. Проект предусматривал расторжение договора в трех случаях: 1) нарушение одного из пунктов договора; 2) болезнь или ухудшение физического состояния ребенка, требующие помещения его на длительное время в лечебное учреждение; 3) «изменение в семейно-имущественном и социальном положении лица, взявшего ребенка на воспитание»¹³⁸. Какие именно изменения в семейно-имущественном и социальном положении

¹³⁶ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5312. Л. 12.

¹³⁷ Там же. Л. 12.

¹³⁸ Там же. Л. 14.

опекуна могут стать причиной для расторжения договора о патронировании, в проекте не уточняется.

Принятое после долгих дискуссий постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке передачи детей на воспитание (патронат) в семьи трудящихся» оказалось значительно лаконичнее обсуждаемых ранее проектов¹³⁹. В основу постановления, видимо, был положен один из двух первых упомянутых выше проектов, но в существенно сокращенном виде. В частности, в постановлении не указаны конкретные размеры ежемесячного пособия и иной материальной помощи патронатным семьям. Все вопросы материальной помощи регулируются несколькими общими фразами в пунктах 8 и 11: *«8) В целях поощрения семей колхозников, принявших на патронирование детей, правление кассы общественной взаимопомощи оказывает им в первую очередь помощь в приобретении мелкого и крупного скота и по постройке дома путем выдачи безвозвратных пособий или ссуд на льготных условиях [...] 11) Лицо, взявшее ребенка на воспитание, ежемесячно получает установленное согласно договору материальное пособие из средств, предусмотренных на эту цель по сметам органов народного образования и здравоохранения, и из средств касс общественной взаимопомощи колхозов».*

В решении вопроса оказания помощи в воспитании и обучении патронлируемых детей авторы принятого постановления также ограничились общими фразами: *«На отделы народного образования и здравоохранения возлагается ведение учета патронлируемых детей в городах и сельских местностях и систематическая проверка материального обеспечения и условий воспитания патронлируемых детей. К контролю за патронированием детей привлекаются также правления касс общественной взаимопомощи колхозов и секции советов».* Предусмотренные в проектах ограничения по числу детей, взятых на патронирование в одну семью, а также возрастные ограничения для опекунов в принятое постановление не вошли. Для детальной регламентации механизма патронирования Наркомпросу, Наркомздраву и Наркомсобесу РСФСР совместно с Наркомюстом было поручено в месячный срок разработать инструкцию и типовой договор о патронировании детей (п. 12).

Таким образом, принятое постановление лишь отчасти конкретизировало институт патроната в правовом отношении, никак не повлияв на механизм практической работы в этой сфере. Очевидно, что некоторая корректировка законодательно-распорядительной базы

¹³⁹ СУ И Р РСФСР. 1936. № 9. Ст. 49.

патронатного воспитания не повлекла за собой существенных изменений в его практике. Реальная практика, как и прежде зависела не столько от законов и инструкций, сколько от конкретных людей, воплощавших эти инструкции в жизнь. Пропасть между реальностью и декларируемыми принципами была все также велика. Новые инструкции, как и прежние, либо игнорировались вовсе, либо выполнялись лишь на бумаге, в планах и отчетах. Так, например, по всей стране по-прежнему широко практиковалось запрещенное законом и неоднократно осужденное общественностью принудительное патронирование. Местные власти зачастую забывали не только об обязательных договорах передачи ребенка на патронат, но и об элементарном учете патронированных детей, руководствуясь не столько инструкциями, сколько сложившимися обстоятельствами. В частности, проверка, проведенная в 1937 г. в Ивановской области, помимо 800 патронированных детей, на которых были оформлены все соответствующие документы, выявила наличие в области 557 неучтенных патронированных детей, на содержание которых не были оформлены никакие документы и соответственно в бюджете области не были предусмотрены средства¹⁴⁰. Проверка Деткомиссии в Вологодской области обнаружила, что в 1938 г., как и в голодные 1921—1922 годы, во многих районах было «никому не известно, куда и кому отданы на воспитание дети»¹⁴¹. Соответственно, ни о каком наблюдении за их жизнью в семье не могло быть и речи, не говоря уже о выплате полагающихся пособий. Отношение крестьянства к своим воспитанникам также практически не изменилось. В Семязском районе Вологодской области в первой половине 1938 г. в патронатные семьи было передано 17 детей, а договоры были оформлены только на восьмерых. В ряде других районов области договоры о патронировании вообще не составляли, либо составляли формально, «для галочки», без указания требуемых сведений, включая и адрес проживания будущей патронатной семьи¹⁴². В частности, в Тамбовской области, по данным Деткомиссии на июнь 1938 г., не было никакого учета патронированных: собес патронатом не занимался вовсе, а по линии ОНО на патронате числился 2 571 ребенок, однако, откуда взялась эта цифра и соответствовали ли она реальности, никто не знал¹⁴³. Инспекторы Деткомиссии, утверждали, что сведения эти сильно завышены, так

¹⁴⁰ ГА РФ. Ф 2306. Оп 69 Д.2335. Л. 68—70.

¹⁴¹ Там же. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 1718. Л. 11. См. также: Там же. Д. 1719. Л. 25, 33—38.

¹⁴² Там же. Л. 25, 33—38, 58, 96.

¹⁴³ Там же. Д. 1634. Л. 76 об.

как проведенные ими ранее проверки показали, что районные ОНО в своих отчетах систематически значительно завышали данные о численности патронируемых детей¹⁴⁴. Происходило это как намеренно, для улучшения отчетных показателей, так и в связи с несовершенством системы учета. В частности, дети, патронируемые колхозами, нередко учитывались дважды — по линии ЦККОВ и по линии ОНО¹⁴⁵.

Принудительное насаждение патронирования, сопровождавшееся массовой агитационно-пропагандистской кампанией и призывами выполнять свой долг по отношению к детям-сиротам, но не подкрепленное выполнением властью взятых на себя обязательств в деле помощи патронатным семьям, вызывало у населения реакцию отторжения. Вопреки громким обещаниям, сироты так и не стали «детьми всего советского народа», «родными, любимыми детьми Советской республики», как их называла Н.К. Крупская¹⁴⁶.

Восстановление приоритета семейного воспитания.

Параллельно с развитием различных форм социального воспитания большое внимание уделялось вопросам поддержки семьи, как с целью предотвращения детской безнадзорности и детской преступности, так и в целях «разгрузки» детских домов, о чем уже говорилось выше.

В условиях крайне нестабильной социально-экономической ситуации и массового голода пропаганда приоритета так называемого социального воспитания принесла свои плоды. Появился тип родителей, которые восприняли декларируемый принцип полной ответственности государства за всех детей Республики, как руководство к действию, и, будучи не в состоянии самостоятельно обеспечить своих детей, просто подкидывали их в государственные детские учреждения, невзирая на крайне бедственное положение последних и отсутствие в них свободных мест. Государству и работникам детских учреждений, еще недавно пропагандировавшим преимущества общественного воспитания детей, теперь приходилось напоминать родителям об их обязанностях. В ходе периодически проводимых

¹⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 1634. Л. 76—88.

¹⁴⁵ Там же. Оп. 3. Д. 35. Л. 41.

¹⁴⁶ Крупская Н.К. Пед. соч. Т. 2. С. 153; Отчет райправления Общества Рабочий патронат «Друг детей» Центрального Городского района за 1925 г. Л., 1926. С. 7; и др.

«разгрузок» детских учреждений, работники детдомов разыскивали родителей и прочих родственников своих воспитанников, чтобы передать детей им на попечение. В начале 1930-х годов Деткомиссия ВЦИК периодически рассылала на места циркулярные письма и докладные записки, в соответствии с которыми «важнейшей государственной работой» для Деткомиссии на ближайшее время должен был стать поиск родителей и ближайших родственников воспитанников детских домов¹⁴⁷. Однако найденные родственники нередко проявляли удивительную изобретательность, изыскивая причины, якобы не позволяющие им взять ребенка на свое содержание.

Руководство Деткомиссии неоднократно обращало внимание правительства на необходимость прикладывать больше усилий, чтобы сохранить ребенка в семье: помогать неблагополучным семьям, одиноким матерям и родителям, допоздна занятым на производстве (организовывать внешкольный досуг детей, при необходимости оказывать материальную поддержку и помощь в трудоустройстве), максимально поощрять родителей, забирающих своих детей из детских домов (например, добиваться через исполкомы «решения о льготном снабжении этих детей одеждой, обувью, питанием и др.»¹⁴⁸).

В апреле 1934 г. председатель Деткомиссии ВЦИК Н.А. Семашко в секретном донесении председателю ВЦИК М.И. Калинину отмечал, что «около половины ребят, так называемых беспризорных» — это «дети, имеющие родителей»¹⁴⁹. В последствии эти дети попадали либо в исправительные заведения, либо в детские дома. По данным Наркомпроса РСФСР на 1934 г., из 118 878 детей, проживавших на тот период в детских домах, полных сирот было — 58,6%; имевших одного родителя — 28,4%; имевших обоих родителей — 10,9% (48% из них — воспитанники специализированных детских домов для глухонемых и слепых). О родителях оставшихся 2% воспитанников детдомов ничего не было известно¹⁵⁰. Такая ситуация вызвала резкую критику со стороны Наркомпроса, Деткомиссии, партийных органов.

По результатам обследования работы детских домов в 1930-х гг. неоднократно ставился вопрос о недопустимости принимать в детские дома (за исключением специализированных детских учреждений для слепых и глухих) детей, имеющих родителей. *«Много случа-*

¹⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 23. Л. 30.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же. Д. 29. 4—5.

¹⁵⁰ Там же. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5320. Л. 33.

ев, — отмечала, в частности, кандидат в члены Президиума ВЦИК Артюхина в докладной записке от 16 августа 1934 г., — *когда детский дом принимает детей от матерей, потому что они нуждаются, вместо оказания материальной помощи матерям со стороны профсоюзов и советских организаций*¹⁵¹. Пытаясь оправдать такую ситуацию, работники детских учреждений и отделов народного образования ссылались на то, что родители самостоятельно не справляются с воспитанием детей. *«Можно было бы привести ряд примеров, — попытался обосновать преимущества социального воспитания некий Зимин, выступая на заседании Президиума Деткомиссии ВЦИК 4 июля 1938 г., — когда родители ставят так вопрос: возьмите с меня какую угодно плату, только возьмите ребенка и повлияйте на него [...] Другой случай: мать проводник на железной дороге. Ребенок 11 лет оставался один и испортился. Мы сумели его устроить и получился нормальный ребенок»*¹⁵². Однако такая позиция не встретила одобрения ни в Наркомпросе, ни в Деткомиссии. *«Если бы Вы знали, тов. Зимин, — возразил ему, в частности, член Президиума Деткомиссии Яцкович, — сколько матерей и отцов приходят к нам с просьбой забрать детей. А почему не заставить родителей отвечать за детей. Мне кажется, что в том проекте с которым мы войдем в правительство, нужно будет сказать относительно увеличения репрессий в отношении родителей, которые допускают своих детей до непризорности и безнадзорности»*¹⁵³.

«Репрессии» против нерадивых родителей заключались в штрафах и предупреждениях. Так, например, в Таганском районе Москвы за январь—февраль 1938 г. родителям за неисполнение своих обязанностей было вынесено 473 предупреждения, а общая сумма штрафов только за январь составила 425 рублей¹⁵⁴. Однако эти меры были признаны недостаточными, и Президиум Деткомиссии настаивал на усилении ответственности родителей.

Одновременно было предложено усилить и ответственность школы за индивидуальную воспитательную работу с каждым ребенком. *«Почему ребята из школы выбывают, — задала вопрос представитель гражданского суда по детским делам Бокарева на заседании Президиума Деткомиссии от 25 мая 1938 г. — Потому что школа не хочет работать с трудными ребятами и старается от них избавиться [...] Педагоги так ставят работу, что чуть ли не все*

¹⁵¹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 34. Л. 76.

¹⁵² Там же. Оп. 1. Д. 1634. Л. 63.

¹⁵³ Там же. Л. 63—63 об.

¹⁵⁴ Там же. Л. 31.

наши ребята делаются трудными...»¹⁵⁵. Выбывшие из школы дети либо пополняли ряды беспризорников, либо оказывались в специальных учреждениях для «трудных детей». По данным Управления детдомами Наркомпроса, в 1938 г. в РСФСР насчитывалось 45 детских учреждений с особым режимом (с 5 575 воспитанниками), в том числе две школы-интерната с особым режимом для «родительских детей» (одна в Ленинграде на 150 чел. и одна в Москве на 56 чел.)¹⁵⁶. К этому следует добавить детские учреждения в системе НКВД. В частности, в соответствии с планом финансирования детских домов на 1937 г. «среднегодовой контингент» воспитанников детских приемников НКВД составил 9 525 человек¹⁵⁷.

По мнению начальника управления Детскими домами и спецшколами Наркомпроса Шифрина, численность так называемых «трудных детей» (а соответственно и численность воспитанников детских учреждений с особым режимом) была неправомерно завышена вследствие халатности родителей, неспособности школьных учителей работать с детьми и подмены воспитания карательными мерами. *«Нужно, чтобы дети учились, — подчеркнул Шифрин, — Речь идет о восстановлении разрушенных площадок, речь идет о внешкольной работе. Нужно, чтобы занимались не только с одаренными детьми, но и со всеми, а поэтому нужно говорить о восстановлении и укреплении парков и о целом ряде других мероприятий»*¹⁵⁸. *«Чем чаще приводят ребенка в комнату милиции, тем он больше озлобляется», — поддержала Шифрина Бокарева*¹⁵⁹. Этой же точки зрения придерживался и начальник Московского городского отделения милиции Кубышкин, полагавший, что за хулиганство ребенка, проживающего в семье, ответственность несут прежде всего родители, а затем школа и домоуправление: *«Я дал указание, что если дворник или домоуправ приводит ребенка в детскую комнату, то начинать не с ребенка, а с домоупра [так в тексте. — Т.С.] — почему ребенок у них хулиганит, и что сделано к тому, чтобы дети были организованы на площадке или в клубе»*¹⁶⁰.

К сожалению, все эти дискуссии на заседаниях Президиума Деткомиссии ВЦИК были весьма далеки от жизни. На практике за

¹⁵⁵ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 1634. Л. 25.

¹⁵⁶ Там же. Л. 46—50.

¹⁵⁷ Там же. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2335. Л. 5.

¹⁵⁸ Там же. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 1634. Л. 27.

¹⁵⁹ Там же. Л. 26.

¹⁶⁰ Там же. Л. 19.

хулиганство отвечали сами подростки, а не дворники или представители домоуправления. Однако нельзя не признать, что в обществе и у власти возрастало понимание ответственности родителей за воспитание ребенка и осознание того, что государство не может и не должно подменять собой семью. В его задачи входит прежде всего поддержка семьи, профилактика безнадзорности и обеспечение нормальных условий воспитания детей, по тем или иным причинам лишенных родительской опеки.

***

Таким образом, развитие семейных форм воспитания сирот в послереволюционной России носило противоречивый и неравномерный характер. Провозглашение государства «верховным опекуном» всех детей Республики и существовавший первые годы после революции запрет усыновления отнюдь не означали отрицание значимости родительского воспитания и семейных ценностей как таковых. Широко распространенное в современной отечественной историографии представление, что «в советской России возобладали социальное воспитание детей и государственная опека над ними»¹⁶¹, представляется несколько упрощенным, отражающим лишь одну сторону многогранной и противоречивой советской послереволюционной действительности.

Провозглашение государства «верховным опекуном» всех детей Республики означало, в первую очередь, принятие государством на себя ответственности за благополучие всех детей, а не подмену государством семьи. Вопреки сложившимся стереотипам, семейное воспитание в послереволюционной России не стремились полностью подменить воспитанием социальным. Более того, начиная со второй половины 1920-х годов после восстановления института усыновления, на государственном уровне неоднократно предпринимались попытки расширить масштабы семейных форм воспитания сирот, организовывались массовые кампании по пропаганде усыновления и патронирования, передаче воспитанников детдомов родственникам.

Основной формой семейного воспитания детей, лишенных родительской опеки, в 1920—1930-е гг. становится патронирование.

¹⁶¹ Рожков А.Ю. «Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие» (http://etargentuma.myl.ru/load/stati/istoricheskie/borba_s_besprizornostju_v_pervoe_sovetskoe_desjatiletie/35-1-0-231).

Будучи инициировано властью и социальными работниками, развитие патронирования фактически приобрело характер массовых политических кампаний. В погоне за цифрами и показателями местные власти зачастую игнорировали соответствующие инструкции и постановления, передавая детей на воспитание в семьи и колхозы в спешке, без соблюдения необходимых условий. Принудительное насаждение патронирования, не подкрепленное выполнением властью взятых на себя обязательств в деле помощи патронным семьям, вызывало у населения реакцию отторжения.

Переломным моментом в развитии семейных форм воспитания сирот в России стала Великая Отечественная война. Только в экстремальных условиях общенародной трагедии дети-сироты действительно стали детьми народа, но произошло это не по постановлению партии и правительства, а по «зову сердца» самого общества¹⁶².

---

¹⁶² Подробнее об этом см.: *Смирнова Т.М.* «Дети — наше будущее»: власть и общество в решении проблем детства. 1917 — начало 2000-х годов // «Советское наследие». Отражение прошлого в социальных и экономических практиках современной России / Под ред. Л.И. Бородкина, Х. Кесслера, А.К. Соколова. М., 2010. С. 129—140.

Заключение

«Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий».

Василий Ключевский

«...Вокруг моего времени накручено столько нелепостей, сама эпоха за последние годы так оболгана, обругана, что невольно возникает желание внести хоть какой-то вклад, чтобы без прикрас рассказать о ней, — и прежде всего о тех, кто своим трудом, сердцем, энергией, жизненными неустройствами, трагедиями и достижениями делал историю страны на протяжении почти восьми десятилетий прошлого века»¹, — эти слова известного историка и современника исследуемых событий А.З. Ваксера как нельзя лучше характеризуют состояние современной отечественной истории детства, а также потребность автора данного исследования внести свой вклад как в реконструкцию некоторых значимых и наиболее дискуссионных аспектов мира советского детства 1920—1930-х гг., так и в анализ основных достижений и проблем современной отечественной историографии данной темы.

Переломный характер изучаемого периода, характеризующегося крайне противоречивыми социальными процессами, предоставляет широкие возможности для искажения (сознательного или невольного) исторического прошлого на основе реальных исторических источников, не прибегая к откровенной фальсификации. Достаточно лишь подобрать факты, подходящие под заранее выбранную концепцию, или представить отдельные случаи как основную тенденцию. Противоречивая история советского детства позволяет вписать исторические реалии в любую заранее выбранную концепцию. Вот, например, как современники оценивают первые советские преобразования в сфере охраны материнства и детства: *«Лозунг “дети — цветы жизни” определял и весь характер реорганизации старых приютов и организации новых учреждений для детей»².* Или, напротив: *«[...] Лозунги: “Дети — наше будущее”, “Дорогу ребенку” —*

¹ Ваксер А.З. Жизнь, люди, эпоха. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 5.

² Калинина А.Д. «Десять лет работы по борьбе с детской беспризорностью». М.; Л., 1928. С. 26.

*только цветистые фразы, украшающие наши митинговые выступления. Вся огромная сущность этих слов скользит только по поверхности сознания наших больших и маленьких Советских и Политических работников»*³. А вот лишь несколько цитат из материалов обследований детских домов в 1930-х гг.: «в высшей степени отрадное впечатление» — «кошмарное впечатление»; «исключительное внимание и забота» воспитателей, «дружная, совместная работа воспитателей с воспитанниками» — «преступное отношение к детям». И т.д.

Можно привести еще множество самых разнообразных цитат, что называется «на любой вкус». Однако задача историка не в том, чтобы доказать ту или иную заранее выбранную концепцию, а в том, чтобы воссоздать историческое полотно во всей его полноте и противоречивости. Между тем, сохранившаяся до сих пор (хотя и успешно преодолеваемая в последние годы) опасная тенденция деления на черное и белое приводит не только к созданию искаженной картины прошлого, к непониманию этого прошлого, но и к отказу от положительных составляющих опыта прошлого, а также вытекающей отсюда неспособности объективно проанализировать и понять причины его негативных составляющих. Как результат — повторение пройденных ошибок, оплачиваемое исключительно дорогой ценой. Особенно наглядно это прослеживается на примере истории детства — темы близкой и понятной практически каждому.

Многие проблемы, с которыми мы столкнулись в мирных условиях постсоветской России, имеют прямые аналогии в прошлом, а также ценный опыт их решения (безусловно, далеко не всегда положительный, однако, негативный опыт, как известно, несет в себе не менее ценную информацию). Это, прежде всего, социальное сиротство, беспризорность и безнадзорность; утрата жизненно важных нравственных ориентиров и распространение среди детей суицидальных наклонностей, наркомании, алкоголизма; рост детской преступности и, как ни парадоксально это звучит в XXI веке, детской безграмотности, катастрофический рост числа детей, не посещающих даже начальную школу; не всегда удачные эксперименты в сфере образовательных программ и т.п.

К огромному сожалению, анализ современной ситуации и практикуемых методов решения наиболее острых проблем детства свидетельствуют с одной стороны, об отказе от ряда положительных

³ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 48. Л. 5. (Из доклада начальника VII Специального отделения Деткомиссии ВЦИК Н.И. Московского, февраль 1921 г.)

начинаний в советской детской политике, а, с другой стороны — о повторении уже испробованной и показавшей себя неэффективной модели работы. В частности, сегодня, как и 70—80 лет назад, между теорией и практикой, декларируемой политикой и ее реальным воплощением лежит гигантская пропасть. Личностный фактор по-прежнему преобладает над нормативно-распорядительными документами. Тщательно продуманные инструкции с их «обязательными» условиями «работают» лишь там и тогда, где и когда к этому прилагают усилия конкретные люди, истинные энтузиасты своего дела. По-прежнему существуют разительные отличия в качестве повседневной жизни воспитанников разных детских домов (в том числе и находящихся в одном регионе), как и прежде, нет порядка в системе комплектования детских учреждений разных типов, и здоровые дети зачастую оказываются в специализированных детских учреждениях для детей с отставанием в развитии. В работе патронатных служб (даже в рамках одного региона) прослеживается колоссальная разница. Так, например, в Москве удачный опыт работы службы патронатного воспитания в детском доме № 19 послужил побудительным мотивом для создания аналогичных служб еще в 11 детских домах и интернатах. Однако, как утверждают специалисты, в этих детских учреждениях по сути ничего не изменилось, просто «довесли» отделы по патронатному воспитанию, которые начали свою работу «с нуля», повторяя «банальные и параллельные для всех экспериментальных точек» ошибки. В результате, в начале деятельности этих служб они устраивали в семьи не более четырех-пяти воспитанников из каждых ста, причем из каждых троих устроенных двоих вскоре возвращали в детский дом⁴. Причины в подавляющем большинстве те же, что и в далекие советские годы — халатность, непрофессионализм, несоблюдение установленных нормативными документами правил передачи детей на патронат, как в силу объективных сложностей, так и в погоне за показателями, когда отчетность оказывается значимее судеб детей.

Вновь, как и в 1930-е гг., педагогическая общественность, обсуждая практику развития семейных форм воспитания детей-сирот, высказывает опасения о превращении массового патронирования на местах в очередную «кампанейщину». *«После того, как Владимир Путин сказал, что надо выработать механизмы, чтобы*

⁴ Добровольская А. Взгляд на патронат. Со стороны ли? //URL: http://www.notabene.ru/roo_i-man/vzgljad.html#6; Степина Н. Из детского дома в семью — тема для дискуссии // URL: http://www.notabene.ru/roo_i-man/dd-semiya.html

уменьшить количество детей в интернатах, ретивые сотрудники на местах стали детей просто раздавать куда попало»⁵, — говорилось, в частности на открытом семинаре «Полит.ру». Опасения эти, к сожалению, оказались не напрасными. Как работники детских домов и патронатных служб, так и сами патронатные родители с горечью пишут о силовом варианте развития патроната ради «плана» и карьеры чиновников (*«придавленность цифрами плана»; «отчет “по валу”», «руководство “прогнулось” перед Москвой, закрыв 2 детских дома»* и т.д.), а не ради детей. Стремясь любой ценой повысить численность патронируемых детей, руководство детских домов, порой, идет на обман будущих патронатных родителей, скрывая от них информацию о ребенке, отговаривает потенциальных усыновителей от усыновления в пользу патроната⁶. *«Мне действительно страшно читать, — пишет, Валентина, педагог, 35 лет проработавшая в детском доме, — и смотреть по телевизору чиновников, которые в ажиотаже делают прогнозы, приводят цифры, когда не станет сирот..., закроем 400 детских домов [...] и ведь всеми правдами и неправдами будут стремиться исполнить показатели, а дети...»*⁷.

Читая об этой гонке за показателями, когда отчет об успешном развитии патронатного воспитания оказывается важнее судеб устроенных на патронат детей, невольно вспоминаешь кампании массового патронирования 1920-х гг. Те же «дутые» цифры; те же нарушения правил и инструкций ради достижения сомнительных результатов, то же отсутствие серьезной работы с потенциальными усыновителями и контроля над дальнейшим воспитанием ребенка. А воспитание это далеко не всегда оказывалось на должном уровне. В частности, достаточно широкое распространение получила ныне хорошо знакомая с 1920-х гг. тенденция экономической мотивации патронирования. *«На селе сейчас работы нет, и если раньше на откорм брали скотинку, то теперь берут детдомовских детей — это выгоднее. Собственноушно слышала разговор приемной мамашки: “Дочка старшая выросла, в город подалась. Квартиру снимать дорого. Вот, Егорку с детдома взяла, на него деньги перечисляют — в город шлю, там все дорого. А картошки оглоеду всегда хватит. Вот по весне по-*

⁵ Усыновление: дети на миллиард долларов // URL: <http://www.Polit.ru>; см. также: www.Trud.ru.

⁶ См., например: Добровольская А. Указ. соч.; Степина Н. Указ. соч.; Горелов В. Из детского дома в семью — тема для дискуссии // URL: <http://www.notabene.ru/> Отзыв; и др.

⁷ Закон Московской области о патронате. Обсуждение // URL: <http://www.7ya.ru/pub/article.aspx?id=3589/>

еду, еще кого присмотрю!"»⁸, — в этой такой будничной, но в то же время ужасающей своим цинизмом истории, рассказанной одной из читательниц газеты «Труд», отчетливо прослеживаются традиции двадцатых-тридцатых годов, когда беднейшие крестьяне превращали патронатное воспитание в своеобразный заработок. Опасения, что патронирование может быть превращено в практику экономического выживания, нужную не столько детям, сколько их воспитателям, разделяют и многие участники развернувшейся на страницах Интернет-сайтов дискуссии по вопросам усыновления и патронирования. Вот лишь некоторые из мнений: «... и такое будет происходить часто: детей брать будут только из-за денег-пособия со всеми вытекающими последствиями»; дети в сельских приемных семьях — «единственный источник дохода в безработной семье»; «Новая мода на селе — возьми детей, вместо скотины. Выгоднее и забот никаких. Чуть что — сдал обратно в детский дом»⁹. Данные опасения разделяют и социальные работники, и педагоги, в том числе и ревностные сторонники патронатной системы воспитания, переживающие из-за многочисленных негативных факторов, компрометирующих саму идею патроната.

Безусловно, есть детские дома и целые регионы, в которых воспитатели и сотрудники патронатных служб относятся к своим обязанностям не формально, работают не ради отчета, а ради детей. В этих регионах и результат получается иной. Однако анализ состояния патронирования в целом по РФ свидетельствует о наличии неких устойчивых отечественных традиций в деле патронатного воспитания, сломать которые крайне сложно. Для успешной реализации программы патронатного воспитания (подчеркнем — исключительно важной и своевременной программы) необходимо изжить эти негативные традиции, а для этого — не игнорировать исторический опыт, а научиться извлекать из него уроки. В противном случае любая самая «правильная» форма семейного устройства неизбежно приобретет черты патроната образца 1920—1930-х гг.

Очевидно, что для разработки эффективных программ, нацеленных на решение социальных проблем в целом и, в частности, проблем детства, необходим тщательный анализ как положительных, так и отрицательных сторон детской и молодежной политики СССР, рассмотренной в динамике; а также советских социальных

---

⁸ www.Trud.ru.

⁹ См.: www.Trud.ru; www.notabene.ru/

практик. Современная историография сделала в этом отношении гигантский скачок вперед, необычайно расширился диапазон исследовательской проблематики темы детства, а также применяемый исследовательский инструментарий. Между тем, не изученным остается еще значительный пласт исторических источников, многие темы нуждаются в более детальном, более глубоком исследовании, недостаточное обобщение получили многие региональные исследования, из которых не ясно, что является специфически присущим данному конкретному региону, а что — типичным для всей территории СССР и почему.

Изучение проблем детства никогда не утратит актуальности и исследовательских перспектив. История детства — тема неисчерпаемая, дающая пищу для размышления не только историкам, но и педагогам, социальным работникам, детским психологам, юристам, культурологам, социологам. Наряду с этим, история детства дает широкие возможности для адекватного понимания истории общества в целом, ведь дети — неотъемлемая часть общества, и деление на «мир детства» и «мир взрослых» всегда является условным и в какой-то мере искусственным.

Приложение

Статистические данные по губерниям о численности детдомовцев и их обеспеченности продовольствием, медицинским обслуживанием и предметами повседневного пользования¹

1921 год

РСФСР

Численность детей в детских учреждениях закрытого типа (т.е. учреждений, находящихся на полном иждивении государства — детских домов, колоний, приемников-распределителей, домов ребенка и т.п.) — 385 465

Владимирская губерния

1. Количество детских домов — 85
- 1.1 Число детей в них — 4003
- 1.2 Учебно-воспитательный персонал — 528
- 1.3 Медицинский персонал — 20
2. Количество приемников-распределителей — 9
- 2.1 Число детей в них — 118
- 2.2 Учебно-воспитательный персонал -36
- 2.3 Медицинский персонал — 9
3. Суточный паек в детских учреждениях закрытого типа:
- 3.1. Нормы:

Мясо	2 золотник*
Жиры	3 зол.
Сахар	1.5 зол.
Рыба	1.75 зол.
Хлеб	1 фунт
Пшеница	16 зол.
Картофель	0.5 зол.
Капуста	0.5 зол.
Соль	2 зол.

* 1 золотник = 4,266 г

3.2. Реальный паек: хлеб — 0.5 фунта; жиры и сахар отсутствуют; «минимальное количество и однообразие» круп; пшеница грубая, немолотая, не-

¹ Приложение составлено автором по материалам фонда Деткомиссии ВЦИК (ГА РФ. Ф. Р-5207). Отсутствие единого принципа классификации статистического материала по разным губерниям объясняется крайней неравномерностью и неоднородностью поступающих с мест данных. В частности, данные о заболеваемости и смертности детей приводятся лишь в редких случаях из-за отсутствия в подавляющем большинстве губерний их регулярного учета. Сведения о численности детских учреждений в губернии нередко предоставлялись без распределения их по разным типам учреждений, что лишает нас возможности определить количество так называемых «детских учреждений закрытого типа».

пригодная для детского питания. В апреле 1921 г. губерния получила 22% общего количества положенного по норме продовольствия; в мае — 12 %.

4. Степень обеспеченности детских учреждений:

верхней одеждой — 25%

обувью — 25%

одеялами — 75%

учебно-воспитательными средствами — 5%

мебелью — 0%

помещениями — в помещениях, рассчитанных на 40 детей располагаются 120.

Вологодская губерния

1. Количество детских учреждений — 1538, в том числе 1 школа для глухонемых (отдельных данных по детским учреждениям закрытого типа нет)

2. Количество детей, ожидающих приема в детские дома — более 1500, в том числе есть слепые и глухонемые.

3. Численность учебно-воспитательного персонала — в среднем на 1 воспитателя приходится 60 детей, иногда более 100.

4. Численность медицинского персонала — 0 (только совместители, в среднем в каждом уезде не более 1 врача).

5. Реальный паек: рыба, мясо и овощи отсутствуют; в ассортименте только овсяный хлеб, картофель, крупа. Продукты часто «недоброкачественные», приготовлены «плохо», хлеб не пропеченный.

6. Обеспеченность детских учреждений закрытого типа

	<u>В Вологде</u>	<u>В уездах</u>
Верхней одеждой	50%	25%
Обувью	60%	40%
Постельным бельем	75%	60%
Кухонными принадлежностями	50%	50%
Канцелярскими принадлежностями (бумага, карандаши)	10%	10%
Медико-санитарными средствами	0%	0%

Воронежская губерния

1. Количество детских учреждений закрытого типа для детей старше 3 лет (детдома, приемники, распределители) — 208

1.1 Число детей в них по разным данным от 21 691 до 24 096

1.2 Количество детей, ожидающих приема 10 000

1.3 Количество воспитателей 720

1.4 Численность медицинского персонала 24

1.5 Численность технического персонала 980

2. Суточный паек в детских учреждениях закрытого типа.

2.1. Норма:

Хлеб	1 фунт
Пшено	0.25 фунта
Птица	34 золотника
Соль	3 зол.
Мука	6 зол.
Яблоки	0.5 зол.
Капуста	0.5 зол.
Лук	6 зол.
Картофель	0.25 зол.

2.2. Фактический суточный паек: жиры и белки отсутствуют; овощи, сухофрукты и сахар не выдаются по 2—3 месяца; питание однообразное, кру-

па только пшениная (гречневую, манную и рисовую крупу не выдают даже в больницах); пища часто недоброкачественная (в Задонском уезде 70% получаемых яиц «тухлые»; есть случаи отравления со смертельным исходом); вместо пшеничной муки — суррогаты (в Острогожском уезде 25% муки — жмых). Типичное ежедневное меню в уездных детских учреждениях: кулеш из пшеничной крупы, щи (чаще всего без мяса и жиров), пшениная каша на сале («чаще всего сухая») с куском хлеба.

3. Обеспеченность детских учреждений закрытого типа для детей школьного возраста:

Верхней одежды	30%
Обувью	20%
Постельными принадлежностями	20%
Учебно-воспитательными средствами	2%
Инвентарем	10%
Медико-санитарными средствами	10%
Топливом	10%
Помещениями	50%

4. Заболеваемость 50—60%; малокровных, нуждающихся в усиленном питании — 70%.

Вотская область

1. Количество детских домов — 485

2. Численность детей в детских домах и детских садах — 41598

3. Численность детей, нуждающихся в государственной помощи — 234784

4. Фактическое питание: питаются в основном «лебедой, гнилушками, травой, примешивая к ним немного картофеля»; суррогатами, состоящими на 1/4 из муки и на 3/4 из жмыха, дубовой коры, листьев огородных овощей.

Иваново-Вознесенская губерния

1. Количество детских учреждений 72 (из них 4 — для дефективных детей; отдельных данных об учреждениях закрытого типа нет).

2. Количество детей в них 3028

3. Численность педагогич. персонала в них 281

4. Численность мед. персонала 0 (только совместители, осматривающие детей 1 раз в неделю и реже).

5. Суточный паек в детских учреждениях закрытого типа

5.1. Нормы:

	<u>для детей от 3 до 6 лет</u>	<u>для детей от 7 до 18 лет</u>
Мука или хлеб	0.75 фунта	0.75 фунта
Мясо	25.6 золотника	0.25 фунта
Жиры	2.1 золотника	6 золотников
Крупа	12.8 зол.	24 зол.
Сахар	6.4 зол.	6 зол.
Соль	1.6 зол.	3 зол.
Картофель	43 зол.	64 зол.
Корнеплоды	32 зол.	48 зол.
Яйца	0.75 штуки	1 штука
Молоко	2 стакана	1 стакан
Кофе	1.2 зол.	0.25 фунта в месяц
Клюква	3.2 зол.	—
Картофельная мука	0.8 зол.	—
Приправочная мука	—	0.5 зол.

5.2. Реальный суточный паек: яйца и молоко не выдают; соль и жиры часто и произвольно сокращают; остальные продукты детским учреждениям предоставляются по норме, но в столовых часты «недовесы».

6. Обеспеченность детских учреждений:

верхней одеждой — 0% (по 1 платью, которое «пришло в полную ветхость»)
обувью — 0%

носылным бельем — 50% (от 1/2 до 2 смен)

постельным бельем — 50% (по 1 комплекту)

учебно-воспитательными средствами — 0% («полное отсутствие»)

мебелью — 0% («почти везде отсутствует»)

кроватями — 30 % (дети спят по 2-3 человека на одной кровати)

медико-санитарными средствами — 0 % («нигде не имеется»)

топливом — 0%

7. Заболеваемость в городе (в уездах не регистрируется) — 46% из них:

кожные заболевания — 17.4 %

резко выраженный туберкулез — 0.4%

с признаками туберкулеза — 4.3%

Калужская губерния

1. Количество детских домов, коммун, колоний и приемников 72

2. Численность детей в них 5 008

3. Численность медицинского персонала — 0. детей иногда осматривают врачи-совместители (всего 25)

4. Суточный паек в детских учреждениях закрытого типа.

4.1. Нормы:

Хлеб	0.75 фунта
Мясо	24 зол.
Крупа	24 зол.
Картофель	1 фунт
Соль	3 зол.
Сахар	3зол.

4.2. Фактический суточный паек значительно меньше, мясо и жиры отсутствуют; хлеб не выдается по 3-9 дней; продукты часто недоброкачественные, «качество пищи ниже среднего», хлеб «плохо выпечен, часто сырой, горьковатый и с значительным количеством соломы». Известны случаи опухлей от голода и отравления недоброкачественной пищей.

5. Обеспеченность детских учреждений закрытого типа:

Верхней одеждой	50%
Теплой верхней одеждой	0%
Обувью	0%
Постельным бельем	30% (белье «рваное, грязное»)
Учебно-воспитательными средствами	30%

6. Заболеваемость. Около 30-50%, регулярного учета нет.

Ленинградская губерния

1. Количество детских домов 292. Численность обслуживающего персонала в них — в среднем на 7 детей приходится 1 сотрудник.

2. Количество домов ребенка (для детей до 3 лет) — 69

3. Медицинского персонал в детских учреждениях нет. Врачи только совместители, посещающие детей:

- ежедневно — в 20% детучреждений;
- 3 раза в неделю — в 18 %;
- 2 раза в неделю — в 34%;
- 1 раз в неделю — в 3 %;
- реже 1 раза в неделю — в 20%%
- вообще не посещают — в 5% детучреждений.

4. Фактический суточный паек не соответствует норме. Пища выдается в 82% детучреждений. Из них 21% детучреждений предоставляет одноразовое питание; 32% — 2-хразовое; 28% — более 2-х раз.

Московская губерния

	<u>В Москве</u>	<u>В Московской губернии в целом</u>
1. Количество д/д	188	232
1.1. Число детей в них	10 708	12 351
1.2. Численность пед. Персонала	2 213	3 154
1.3. Численность технического персонала	912	1 860
2. Количество детских домов для «дефективных» детей	?	40
2.1. Численность детей в них	?	2 526
3. Численность детей, ожидающих приема в детские дома	— 20 000	
4. Суточный паек (в золотниках).		
4.1. Нормы:		

	<u>Для детей от 3 до 8 лет</u>	<u>для детей от 8 до 16 лет</u>	<u>для дефективных детей и в санаториях</u>
Хлеб	72	96	72
Мясо или рыба	25.6	35.2	38.4
Жиры	6.4	6.4	7
Крупа	15	27.2	32
Овощи	9.6	1.5	4.8
Картофельная мука	0.8	3.2	3.2
Клюква или компот	3.2	3.2	12
Соль	3.2	3.2	3.2
Подправка	4	2	2
Приправа	3	3	3
Сахар	6.7	6.7	6.7
Кофе	1.2	1.2	1.6
Яйца	0 . 7 5	—	1 штука
	штуки		
Молоко	—	—	1 стакан

4.2. Фактический суточный паек за редким исключением («Опытный дом» при Государственном Психоневрологическом институте Наркомпроса) не соответствует норме, овощи отсутствуют, «на почве недоедания появились частые заболевания»: «истощение, малокровие, фурункулез, нервозность, апатия». Особенно плохо кормят «дефективных» детей: «жиденькой кашичей и водой, заболтанной мукой, называемой «бульоном», даже не посоленной».

5. Обеспеченность детских учреждений

5.1. Москвы (в %):

верхней одеждой — 30

обувью — 15

постельным бельем — 20

учебно-воспитательными средствами — 10

хозяйственным инвентарем — 40

медико-санитарными средствами — 20

5.2. Обеспеченность детских учреждений Московской губернии в целом (в %):

верхней одеждой — 3

кожаной обувью — 10

летней обувью — 12

носылным бельем — 1

постельным бельем — 1

головными уборами — 1

кроватями и матрасами — 2

хозяйственным инвентарем — 1

6. Заболеваемость:

«остро-заразными» болезнями — 15%

«хронически-заразными» болезнями — 15%

цингой — 20%

«случайными, не заразными заболеваниями» («порезы, ушибы, нарывы и т.п.») — 100%

Псковская губерния

1. Количество детдомов, приемников-распределителей и колоний 51

1.1 Численность детей в них — 2 415

1.2 Численность воспитательно-педагогического персонала — 208

1.3 Численность медицинского персонала — 35

1.4 Численность технического персонала — 254

2. Количество детских приютов для детей в возрасте от 1 до 3 лет — 4.

2.1 Численность детей в них — 112

2.2 Численность медицинского персонала — 21

2.3 Численность технического персонала — 41

3. Количество детей, ожидающих приема в детские дома — 2 250

4. Суточный паек.

4.1. Норма:

Хлеб	0.75 фунта
Мясо	0.2 фунта
Соль	3.2 зол.
Корнеплоды	48 зол.
Мука	9.6 зол.
Кофе	0.2 зол.

4.2. Фактический суточный паек: нигде не достигает нормы, практически отсутствует молоко.

5. Обеспеченность детских домов:

Одеждой	75%
Обувью	75%
Бельем носильным	50%
Бельем постельным	50%
Учебно-воспитательными средствами	10%

Инвентарем	25%
Медико-санитарными средствами	5%
Топливом	10%
Помещениями	50%

6. Заболеваемость в детских домах 50%, в том числе 5% — тифом.

Рязанская губерния

1. Количество детских домов, детских городков, колоний и коммун — 76.
Численность детей в них — 5 207.

2. Количество распределителей — 2. Численность детей в них — 84.

3. Количество домов ребенка (от рождения до 3 лет) — 5. Численность детей в них — 295.

4. Фактический суточный паек в детских учреждениях закрытого типа: в городах паек соответствует норме, кроме жиров (50% от нормы); в уездах фактический паек составляет 70% от нормы (жиры — 50%).

5. Обеспеченность детских учреждений, подведомственных губнаробру:

Одеждой	47%
Обувью	47%
носивым бельем	47%
постельными принадлежностями	47%
учебно-воспитательными средствами	10%
Мылом	25%
инвентарем	47%
медико-санитарными средствами	5%
Топливом	30%
Помещениями	50%

6. Заболеваемость — 100%: 70% на почве несоблюдения санитарно-гигиенических норм (чесотка, вши и т.п.); 30% — инфекционные болезни и заболевания на почве недоедания.

7. Смертность — 3 %.

Самарская губерния

1. Количество детских домов, колоний, городков и приемников — 57.

1.1 Численность детей в них — 14 213.

1.2 Численность педагогического и технического персонала в них — 1 851.

2. Количество детских домов для дефективных детей — 6.

2.1 Численность детей в них — 220.

2.2 Численность педагогического и технического персонала — 59.

3. Количество домов ребенка — 7.

3.1 Численность детей в них — 320.

3.2 Численность педагогического и технического персонала — 92.

4. Суточный паек.

4.1. Нормы:

Хлеб	0.75 фунта
Крупа	7 зол.
Масло	0.3 зол.
Рыба	30 зол.
Сахар	3 зол.

4.2. Фактический паек. На каждого ребенка приходится 1/3-1/4 часть пайка, так как на новых детей, постоянно прибывающих, пайки не выдаются. Обычный ужин — чай с куском хлеба.

5. Обеспеченность:

Пальто	5%
Верхней одеждой	25%
Носильным бельем	50%
Постельным бельем	50%
Одеялами	5%
Мебелью	25%

6. Смертность — 15%; в некоторых детских домах достигает 80-90%

Тверская губерния

1. Количество детских домов — 84.

1.1 Численность детей в них — 5 314.

1.2 Численность педагогического персонала — 353.

1.3 Численность медицинского персонала — 61.

1.4 Численность технического персонала — 421.

2. Количество приемников-распределителей — 7.

2.1. Численность детей в них — 240.

3. Количество домов ребенка — 6.

3.1 Численность детей в них — 355.

3.2. Численность педагогического персонала в них — 18.

3.3. Численность медицинского персонала — 4.

3.4. Численность технического персонала — 29.

4. Фактический суточный паек: питание «в тех учреждениях, где дети живут постоянно, урезывалось до минимума»; жиры, мясо, крупа выдаются «не регулярно, в зависимости от наличия их на складах губпродкома». На 8 000 детей губерния получает 4 320 пайков. Эти пайки «до того скудны, что существование на них невозможно». В домах ребенка и яслях «дети вымирают от недостатка или недоброкачественного молока».

5. Обеспеченность. Статистических данных нет. Дети «разуты, раздеты». «громадный недостаток» белья, топлива нет, помещения все непригодны: «тесные, сырые», «разваленные печи, разрушенная канализация», оборудования нет, мыла нет.

6. Смертность. Учет не ведется. Грудные дети «вымирают»: в некоторых яслях смертность достигает 80%.

Тульская губерния

1. Количество детских домов и детских садов — 203.

1.1 Численность детей в них — 7 144.

1.2 Численность медицинского персонала — 0 («медицинская помощь отсутствует»).

2. Фактический паек в детских учреждениях закрытого типа: мясо и крупы выдаются значительно (иногда в 2 раза) меньше нормы; «в жирах было отказано».

3. Обеспеченность. Точные данные отсутствуют. В детских учреждениях практически ничего нет, одежду, обувь и хозяйственные средства местные уполномоченные достают «своими силами»; большинство помещений заняты другими ведомствами и не освобождаются.

Царицынская губерния

1. Количество детских учреждений — 285 (о детских домах сведений нет).
2. Численность детей в детских домах — 30 000.
3. Медицинский персонал отсутствует; больницы часто отказываются принимать детей детдомов.

4. Суточный паек.

4.1 Норма (установленная осенью 1921 г.):

Хлеб	0.6 фунта
Крупа	24 золотника
Рыба	32 золотника
Сахар	6.7 золотника

4.2. Фактическое питание. «Голод бушует с яростной силой», в детдомах дети «по несколько дней не получают горячей пищи и кипятку», 1 раз в сутки им дают «мутную воду». Едят крыс, похлебку из конского навоза, гнилую соломку, кошачье и собачье мясо, «горчичную макруху», вызывающую «кровяную рвоту и страшную изжогу».

5. Обеспеченность. Дети «совершенно разуты и раздеты, даже нет белья, и дети сидят голые». Мебели не хватает (спят на полу), топлива и медикаментов нет.

6. Заболеваемость. Не менее 80%. Точного учета из-за отсутствия медицинской помощи нет. Некоторые детские дома превращены в «больницы тифозных и дизентерийных детей». Тиф «косит повально». В детдоме Дубовка за 1 неделю заболели 374 человека:

тифом — 22 воспитателя и 94 ребенка;

цингой — 163 человека;

прочими болезнями — 95 человек.

7. «Смертность в губернии не поддается учету». В детских домах умирают по 10-15 человек в сутки.

Ярославская губерния

1. Численность детей, находящихся на содержании наробра — 2 576.
2. Медицинское обслуживание в детских учреждениях закрытого типа отсутствует.

3. Фактический суточный паек в детских учреждениях закрытого типа «меньше установленной нормы наполовину», многих продуктов не хватает; вместо хлеба — суррогат, состоящий на 1/4 из кострицы, «негодный даже для скота»; молоко в некоторых детдомах детям выдают в день по 1 неполной столовой ложке. В уездах дети «иногда ничего не получали: приходилось брать взаимнообразно у местных крестьян муку, картофель и т.д.» Калорийность суточного пайка — около 1000 калорий, вместо положенных по «голодной норме» 2310 калорий.

4. Обеспеченность детских учреждений. Статистические данные отсутствуют. Помещений не хватает. «Острая нужда во всем».

1923 год

РСФСР

1. Количество детских домов школьного возраста — 10 000.
- 1.1 Численность детей в них — 695 000.
2. Количество детских домов дошкольного возраста — 1 963.
- 2.1 Численность детей в них — 8 8335.
3. Количество приемников — 237.
- 3.1 Численность детей в них — 14 350.
4. Количество распределителей — 160.
- 4.1 Численность детей в них — 10 950.
5. Количество детских домов для «дефективных» детей — 131.
- 5.1 Численность детей в них — 12 930.
6. Количество лечебно-воспитательных учреждений, подведомственных Наркомздраву — 603.
- 6.1 Численность детей в них — 13 231.
7. Количество детских учреждений, подведомственных отделу охраны материнства и младенчества Наркомздрави — 2 103.
- 7.1 Численность детей в них — 154 027.
8. Количество голодающих детей, находящихся на иждивении профсоюзов — 175 000.
9. Количество голодающих детей, находящихся на иждивении Красной Армии — 39 500.

Владимирская губерния

1. Количество детских домов — 64 (из них 1 для глухонемых, 1 для слепых и 1 для детей Поволжья).
- 1.1 Численность детей в них — 2 851 (из них 62 глухонемых, 25 слепых и 81 ребенок из Поволжья).
2. Количество домов ребенка — 8.
- 2.1 Численность детей в них — 124.
3. Численность детей, нуждающихся в срочной помощи — 1 000.
4. Питание «посредственное, в смысле калорийности не вполне достаточное»; в рационе практически отсутствуют молоко, масло, яйца и «некоторые другие продукты».
5. Обеспеченность детских учреждений, подведомственных губернскому ОНО (в том числе детских домов):
  - верхней одеждой — 10%;
  - обувью — 10%;
  - нательным бельем — 10%.

Вологодская губерния

1. Количество детских домов, колоний, приемников — 43.
- 1.1 Численность детей в них — 2 087.
2. Суточный паек в Вологде достигает нормы, благодаря дополнительным закупкам продуктов на «вольном рынке» и помощи шефов. В уездах паек значительно меньше нормы.
3. Обеспеченность:

верхней одеждой — 50%;
обувью — 50%.

Воронежская губерния

1. Количество детских учреждений закрытого типа — 144.

1.1. Численность детей в них — 8 085.

1.2. Численность педагогического и технического персонала — 1 022.

1.3. Численность медицинского персонала — острая нехватка, точных сведений нет (на 10 домов ребенка только 7 врачей).

2. Численность детей, стоящих на очереди в детские дома — 2 484.

2.1. Численность беспризорных и безнадзорных детей — 26 962.

3. Суточный паек.

3.1. Норма:

Хлеб ржаной	0.75 фунта
Хлеб пеклеванный	0.5 фунта
Мука пшеничная	3 зол.
Мука ржаная	3 зол.
Крупа гречневая	15 зол.
Пшено	3 зол.
Горох или фасоль	6 зол.
Мясо	15 зол.
Масло коровье	1.5 зол.
Масло подсолнечное	3 зол.
Картофель	0.7 фунта
Овощи	15 зол.
Соль	4.5 зол.
Сахар	3 зол.

3.2. Фактический суточный паек: количество пайков значительно меньше численности детей; острый недостаток жиров, сахара, молока; даже в домах ребенка дети получают молоко и сахар не регулярно.

4. Обеспеченность одеждой и обувью в Воронеже около 50%, в уездах — практически ничего нет («катастрофическое положение»); острая нехватка постельного белья, даже пеленки «приходится употреблять без стирки с про-
сушкой», что вызывает рост кожных заболеваний.

Екатеринбургская губерния

1. Количество детских домов — 211.

1.1. Численность детей в них — 11 093.

1.2. Численность педагогического персонала — 529.

1.3. Численность технического персонала — 588.

2. Количество детских домов, находящихся на полном обеспечении Крас-
ной Армии — 2.

2.1 Численность детей в них — 515.

3. Суточный паек.

3.1. Норма:

Хлеб	1фунт
Жиры	6 зол.
Мясо	4.5 зол.
Крупа	30 зол.
Картофель	о.5 фунта
Соль	1.5 зол.
Сахар	2.25 зол.
Чай	0.7 зол.

3.2 Фактический суточный паек: пайки не соответствуют норме, их количество в два раза меньше, чем детей; практически отсутствуют жиры, сахар, молоко, чай.

4. Обеспеченность детей детских домов (в %):

- теплой верхней одеждой — 3.5% (с октября 1923 г. — 20% за счет сокращения численности детей);
- обувью — 11 (с октября 1923 г. — 70% за счет сокращения численности детей);
- нательным бельем — 7 (с октября 1923 г. — 75%);
- постельным бельем — с октября 1923 г. 15% (более ранних данных нет).

Иваново-Вознесенская губерния

1. Количество детских домов — 18.

1.2 Численность детей в них — 789.

2. Продовольственные пайки. Точных данных о норме пайка и степени обеспеченности продовольствием нет. В отчетах — общие слова («всего не хватает», детские дома «начали хиреть» и т.п.)

3. Заболеваемость — 50%.

Пензенская губерния

1. Количество детских домов школьного возраста — 45.

1.1. Численность детей в них — 3 738 (в конце 1923 г. из-за отсутствия средств путем «разгрузки» детских домов численность воспитанников сократили до 2 000)

2. Количество детдомов дошкольного возраста — 16.

2.1. Численность детей в них — 718.

3. Количество приемников — 6.

3.1. Численность детей в них — 525.

4. Количество опытно-педагогических станций — 1.

4.1. Численность детей в них — 196.

5. Количество колоний для глухонемых — 1.

5.1. Численность детей в них — 38.

6. Количество колоний для «морально-дефективных» детей — 2.

6.1. Численность детей в них — 148.

7. Суточный паек.

7.1. Нормы:

Пшено	0.3 фунта
Мясо	0.3 фунта
Масло подсолнечное	8 золотников
Картофель	1.5 фунта
Мука приправочная	6.5 зол.
Соль	4 зол.
Лук	3 зол.
Яйца	1 штука
Чай	10 зол. в месяц
Сахар	6.5 зол.

7.1 Фактический паек: из положенных по норме продуктов на 1 паек давали только пшено (0.25 фунта), мясо (15 зол.), картофель (0.7 фунта) и подсолнечное масло (5 зол.). Каждый паек приходилось делить на 3-5 частей, так как численность детей значительно превышала их количество.

Рязанская губерния

1. Количество детских домов, городков, колоний — 133.
- 1.1 Численность детей в них — 6 208.
- 1.2 Численность педагогического персонала — 582.
- 1.3 Численность технического персонала — 882.
- 1.4 Численность медицинского персонала — 27 (в 11 уездах отсутствуют медицинские работники).
2. Суточный паек.
- 2.1. Норма:

Хлеб	1фунт
Приварок	3 зол.
Мука	0.75 фунта
Крупа	15 зол.

2.1 Фактический суточный паек. В Рязани хлеб выдается по норме, остальные продукты — 75% нормы, в уезды продукты присылают с опозданием и меньше нормы. Количество пайков сокращается, один паек приходится делить на несколько детей, которые, «по общему отзыву, голодают», отсутствуют жиры.

3. Обеспеченность детских учреждений (в %):

Верхней одеждой	75
Обувью	60
Постельными принадлежностями	50
Учебно-воспитательными средствами	15
Хозяйственным инвентарем	50
Медико-санитарными средствами	0
Топливом	50
Помещениями	60

Самарская губерния

1. Количество детских учреждений закрытого типа — 223.
- 1.1. Численность детей в них — 16 420.
- 1.2. Численность педагогического персонала в них — 1 204.
- 1.3. Численность технического персонала в них — 932.
2. Численность беспризорных — 28 000-30 000.
3. Фактический суточный паек: питание «крайне недостаточно».
4. Обеспеченность: «всего не хватает».
5. Заболеваемость: учет не ведется из-за отсутствия медицинских работников; 30% детей больны стригущим лишаем, выздоровление «почти не наблюдается».

Тамбовская губерния

1. Численность детей, находящихся в дошкольных детских домах — 2 280.
2. Численность детей, находящихся в детских домах школьного возраста — 9 904.
3. Численность детей, находящихся в детских учреждениях для «дефективных» детей — 776.
4. Суточный паек.
- 4.1. Норма (в калориях, данных по весу отдельных продуктов нет):

	<u>для детей от 3 до 7 лет</u>	<u>Для детей старше 7 лет</u>
Голодная норма	1 800	1 740
Средняя норма	2 025	2 301
Сытая норма	2 325	2 697

4.2. Фактический суточный паек — не более 1 350 калорий; молоко и яйца не выдают по несколько месяцев; систематическое недоедание приводит к «росту моральной дефективности и понижению умственных способностей»; «обед и ужин составляют главное содержание жизни детей».

5. Обеспеченность детей в детских домах (в %):

— верхней теплой одеждой — 10

— верхней одеждой — 15

— обувью — 3

— чулками — 80

— шапками — 0

— фуражками — 5

— нательным бельем — 30

— постельным бельем — 20

6. Заболеваемость — 90%

Список сокращений

- АРА — Американская Администрация помощи (American Relief Administration).
- БМАССР — Бурят-Монгольская Автономная Советская Социалистическая Республика.
- ВК Помгол (ВКПП) — общественный Всероссийский комитет помощи голодающим.
- ВСЗ — Всероссийский совет защиты детей при Наркомате просвещения РСФСР.
- ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.
- Главсоцвос — Главное управление социального воспитания и политехнического образования детей Наркомата просвещения РСФСР.
- Главкомгосор — Главный комитет по государственным сооружениям ВСНХ.
- Главполитпросвет — Главный политико-просветительный комитет РСФСР, входивший в состав Наркомпроса РСФСР на правах Главного управления..
- Главпрофобр — Главное управление профессионального образования Наркомпроса РСФСР.
- Губсовнархоз — губернский совет народного хозяйства.
- Деткомиссия (встречается также аббревиатура ДЧК) — Чрезвычайная комиссия по улучшению жизни детей при ВЦИК.
- ЕПО — единое потребительское общество.
- ЖАКТ — жилищно-арендное кооперативное товарищество.
- Комсоды — школьные комитеты содействия.
- Котибы — Комиссии оздоровления труда и быта.
- Межрабпом — организация пролетарской солидарности Международная рабочая помощь.
- МОНО — отдел народного образования Московского Совета рабочих крестьянских и красноармейских депутатов.
- МОПШК — Московская опытно-показательная школа-коммуна им. П.Н. Лепешинского.
- МСПД — Международный союз помощи детям.
- Наркомздрав РСФСР — Народный комиссариат здравоохранения РСФСР.
- Наркомпрос РСФСР — Народный комиссариат просвещения РСФСР.
- ОДД — Общество Друг детей.
- ОНО (наробр) — отдел народного образования.
- Оздравдет — Отдел охраны здоровья детей и подростков Наркомздрава РСФСР.
- ОЗПКФ — общество «За пролетарское кино и фото».
- ОММ — охрана материнства и младенчества.
- Охрматмлад — отдел охраны материнства и младенчества при Наркомате государственного призрения, позже — Наркомате соцобеспечения РСФСР.
- Помгол ВЦИК — Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК.
- Последгол ВЦИК — Центральная комиссия по борьбе с последствиями голода при ВЦИК.
- РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.
- СПОН — отдел социально-правовой охраны несовершеннолетних Наркомпроса РСФСР.
- ЦГА Москвы — Центральный государственный архив города Москвы.
- ЦК КОВ — Центральный комитет крестьянских обществ взаимопомощи.
- ЭКОСО РСФСР — Экономическое совещание при СНК РСФСР.

Список основных источников и литературы

1. Источники

1.1. Архивные материалы

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

- Ф. Р-130, Совет Народных Комиссаров РСФСР
- Ф. Р-1058, Полномочное представительство при РСФСР и УССР при всех заграничных организациях помощи голодающим России. 1921—1923 гг.
- Ф. Р-1064, Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК (ЦК Помгол)
- Ф. Р-1065, Центральная комиссия по борьбе с последствиями голода при ВЦИК (ЦК Последгол)
- Ф. Р-1235, Оп. 117, ВЦИК РСФСР, отдел детских учреждений, занимающийся «обслуживанием работников центральных правительственных учреждений детскими садами, яслями и санаторией».
- Ф. Р-1250, Комиссии ВЦИК по обследованию Наркоматов РСФСР
- Ф. Р-4085, Народный Комиссариат рабочее-крестьянской инспекции РСФСР (НК РКИ РСФСР)¹.
- Ф. Р-5207, Чрезвычайная комиссия по улучшению жизни детей при ВЦИК (Деткомиссия ВЦИК)
- Ф. А-393, Центральный Совет Общества «Друг детей»
- Ф. А-406, Народный Комиссариат рабочее-крестьянской инспекции РСФСР (НК РКИ РСФСР)
- Ф. А-413, Наркомат социального обеспечения РСФСР
- Ф. А-483, Наркомат здравоохранения РСФСР (Наркомздрав РСФСР)
- Ф. А-1565, Главное управление профессионального образования (Главпрофобр) Наркомпроса РСФСР
- Ф. А-1574, Всероссийский совет защиты детей при Наркомате просвещения РСФСР
- Ф. А-1575, Главное управление социального воспитания и политехнического образования детей (Главсоцвос) Наркомата просвещения РСФСР
- Ф. А-2306, Наркомат Просвещения РСФСР (Наркомпрос РСФСР)
- Ф. А-7279, Секретариат Н.К. Крупской

---

¹ Документы фонда разделены при передаче из ЦГАОР СССР в ЦГА РСФСР — см. также ф. А-406.

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ (РГАСПИ)

Ф. 17. Оп. 10, Женотдел ЦК КПСС

Ф. 76. Личный фонд Ф.Э. Дзержинского

ГБУ «ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ГОРОДА МОСКВЫ» (ЦГА Москвы)

Ф. 150. Московский городской исполнительный комитет (Мосгорисполком)

Ф. 528. Отдел народного образования (МОНО) Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Ф. 1289. Московская городская комиссия РКИ и городская контрольная комиссия.

Ф. 1474. Районные комиссии РКИ.

МОСКОВСКИЙ МУЗЕЙ ОБРАЗОВАНИЯ.

КОЛЛЕКЦИЯ МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ МОПШК (россыпь).

Авербах В. Воспоминания. Машинопись. М., б/д.

Бобкова А.Ф. Школа наша родная. (Воспоминания о школьной коммуне Наркомпроса). Машинопись. М., 1964 г.

Букалова С. Воспоминания. Машинопись. М., б/д.

Исаева Д. Воспоминания. Машинопись. М., б/д.

Кантор (Рындич) Е. Воспоминания. Машинопись. М., б/д.

Несмеянова Т.Н. Воспоминания. Машинопись. М., б/д.

Окулова И.И. Воспоминания. Машинопись. М., б/д.

Слотинцева М.Н. Воспоминания. Машинопись. М., б/д.

Шишкова А.А. Воспоминания. Машинопись. М., б/д.

1.2. Сборники документов

IV Всесоюзный съезд по охране материнства и младенчества. Москва, 1—7 июня 1929 г. Программа и тезисы докладов. М.; Л., 1929.

Гидулянов П.В. Кодекс законов о браке, семье и опеке с постатейным комментарием / Под ред. Красикова П.А. прокурора Верховсуда СССР. Л., 1927.

Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—1932 г. / Отв. ред. А.К. Соколов. М., 1997.

Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1954; Т. 6. М., 1973; Т. 9. М., 1978.

Дети и молодежь Смоленщины: 1920—1930-е годы: Сборник док. / Под ред. Е.В. Кодина. Смоленск, 2006.

История советской Конституции в декретах и постановлениях Советского правительства. 1917—1936. М., 1936.

Общество и власть. 1930-е гг. / Отв. ред. А.К. Соколов. Авторы текста и комментариев С.В. Журавлев, А.К. Соколов. М., 1998.

Определение воспитанников детских домов и беспризорных детей в крестьянские семьи. (Постановления правительства и инструкции). Тамбов, 1927.

Отчет райправления Общества Рабочий патронат «Друг детей» Центрального Городского района за 1925 г. Л., 1926.

Отчет рабочего патроната «Красный молот» Володарского района с Января по 31 декабря 1924. Л., 1925.

Охрана детства в СССР: Сб. нормативных актов / Отв. ред. В.Н. Толкунова. М., 1979.

Сборник положений об учреждениях для детей и подростков, находящихся в системе управления детскими домами МОНО. М., 1933.

«Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.). Т. 1—4. М., 2001.

СЗ СССР.

СУ. РСФСР.

1.3. Статистические источники

Десять лет советской медицины. Диаграммы. М., [1928]

Дети в СССР: стат. сб. М., 1979.

Женщины и дети в СССР. Статистический сборник ЦСУ СССР. М., 1985.

Народное образование в РСФСР за 1923—1924 год. Статистический ежегодник. М., 1925.

Труд в СССР. Статистический справочник. М.: ЦУНХУ Госплана 1936.

1.4. Периодические издания 1917–1941 годов

«Беднота»

«Бюллетень Народного комиссариата просвещения РСФСР»

«Вестник агитации и пропаганды»

«Вестник просвещения»

«Вожатый»

«Вопросы материнства и младенчества»

«Воспитание школьников»

«Известия ВЦИК»

«Еженедельник Народного комиссариата по просвещению»

«Женский журнал»

«Журнал по изучению раннего детского возраста»

«Крокодил»

«Ленинградская правда» (до 1924 г. — «Петроградская правда»)

«На путях к новой школе»

«Народное просвещение»

«Охрана материнства и младенчества»

«Правда»

«Пролетарская диктатура»
«Рабочая Москва»
«Революционная законность»
«Школа и жизнь»

1.5. Синхронные издания и работы 1920–1930-х годов

- Алексеевский А.* Летняя работа детдома // Просвещение Сибири. 1928. № 4. С. 40—41.
- Алтухов К.* Дела и дни общества «Друг детей» // О наших детях. 1929. № 9/10. С. 3—7.
- Анашин А.* «Один из страшных вопросов» (О беспризорных детях и роли учителя) // Беднота. 16.11.1924.
- Антропометрические измерения детей (унификация методики массовых исследований детей и подростков) / Сборник ст. под ред. А.С. Дурново. М., 1923.
- Артамонов П.* Задачи борьбы с детской беспризорностью и детдомом // Народное просвещение. 1929. №1. С. 78—89.
- Барабанов А.* В чем причины безнадзорности детей // О наших детях. 1930. №7. С. 32—34.
- Басов В.Н.* О губернских детских экспериментально-психологических лабораториях // К детской психологии и психопатологии: сб. ст. сотрудников Государственного Медико-педологического института Наркомздрава РСФСР. Орел, 1922. С. 153—163.
- Бельцов В., Рабинович С.* Опыт скоростного строительства яслей в 20 дней. М.: Народный комиссариат по строительству СССР, 1939.
- Блонский П. П.* О так называемой «моральной дефективности» // На путях к новой школе. 1923. № 1. С. 24—26; *Его же.* О наказаниях // На путях к новой школе. 1924. № 1. С. 16; *Его же.* О школьной и интеллектуальной дефективности // На путях к новой школе. 1924. № 10/12.
- Большедворская П., Редкин А.* О работе комонес // Бюллетень Восточно-Сибирского краевого отдела народного образования. 1930. №1. С. 16.
- Богуславский М.* Помощь Москвы голодающим. М., 1922.
- Борисов И.П.* Инструкция для организации и ведения работы врачебно-наблюдательного пункта // К детской психологии и психопатологии: сб. ст. сотрудников Государственного Медико-педологического института Наркомздрава РСФСР. Орел, 1922. С. 163—168.
- Бранденбургский Я.И.* Брак и семья: Доклад на Всесоюзном совещании волостных женоорганизаторов при отделе работниц и крестьянок ЦК ВКП (б) 13 февраля 1926 года. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1926.
- Бубнов А.С.* Коммунистическое воспитание детей и задачи ОД Д. М.; Л., 1931.
- Бурдовичин П.* Вопросы трудового воспитания в детдомах // Просвещение Сибири. 1928. №1. С. 124—125.
- Валевский Н.* Всероссийская неделя помощи голодающим // Вестник агитации и пропаганды. М., 1921. № 19. С. 3.

- Валек.* Опыт летней работы в детдомах // Просвещение Сибири. 1929. №7—8. С. 93—94.
- Василевский Л.М.* Голгофа ребенка: беспризорность и дети улицы. М.; Л., 1924.
- Гернет М.Н.* Социально-правовая охрана детства за границей и в России. М., 1924.
- Гизанов С.С.* Организация, формы и методы участия советской общественности в работе по охране детства // Детский дом и борьба с беспризорностью ... С. 59—72.
- Гиндин.* Роль комсомола в борьбе с детской беспризорностью // Комсомол и беспризорность. Харьков, 1926. С. 13—20.
- Год решительной перестройки. По материалам Второго Московского съезда общества «Друг детей». М., 1931.
- Гринберг А.* Рассказы беспризорных о себе. М., 1925.
- Гуревич М.О.* Государственный Медико-Педологический институт Наркомздава, его организация и задачи // К детской психологии и психопатологии: сб. ст. сотрудников Государственного Медико-педологического института Наркомздрава РСФСР. Орел, 1922. С. 5—13.
- Дербуков Н.* Школьный Совет и Комсод // Школа и жизнь. Нижний Новгород, 1926. № 10. С. 20—21.
- Детская беспризорность и детский дом: сб. статей и материалов Второго Всероссийского съезда СПОН. М., 1926.
- Детская дефективность, преступность и беспризорность. По материалам Первого Всероссийского съезда. 24/5—2/7 1920 г. М., 1922.
- Детский дом / Под ред. Я.А. Перель и А.А. Любимова. Сост. Б.С. Утевский. С предисловием Н.К. Крупской. М.; Л.: Наркомпрос. Гос. учебно-педагогическое издательство, 1932.
- Детский дом и борьба с беспризорностью. М.: Наркомпрос, Главсоцвос. Государственное издательство, 1928.
- Детское движение и школа: сб. ст. / Под ред. ЦБ ЮП при ЦК ВЛКСМ. М.; Л.: Молодая гвардия, 1928.
- Деянова Н.* Советская общественность в борьбе с детской беспризорностью (По материалам с мест) // Народное просвещение. 1925. № 1. С. 18—27.
- Держжинский Ф.Э.* Избранные произведения в 2 т. Изд. 2-е. Т. 1—2. М., 1967.
- Дубровский Н.* На курсах у П. Блонского (воспоминания участника) // Воспитание школьников. 1966. № 5. С. 10—13.
- Дурново А.С.* Этапы развития педологии и педагогики раннего детского возраста (в связи с обзором русской литературы за 1917—1927 гг.). М., 1928; *Его же.* Антропометрия в практике врача и педолога. М., 1928. С. 5.
- Дурново А.С., Радин Е.П.* Вопросы педологии в работе Наркомздрава по охране здоровья детей и подростков. М., 1928.
- Задачи общества «Друг детей» в реконструктивный период: По материалам I Всероссийского съезда ОДД 21—25 мая 1931 г. М; Л., 1931.
- Итоги борьбы с голодом в 1921—1922 гг.: сб. статей и отчетов. М., 1922.

- Кайданова О.* Беспризорные дети, практика работы опытной станции. Л.: ГИЗ, 1926.
- Калинина А.Д.* Детская инспекция и пролетарская общественность // Вестник просвещения. 1923. № 4; *Ее же.* Десять лет работы по борьбе с детской беспризорностью. М.; Л., 1928.
- Как они помогают // Известия. 1922. 16 дек.
- Кишкин С.* Детская беспризорность и институт усыновления // Революционная законность. М., 1926. № 3/4. С. 17—26.
- Кокошко М.С.* К вопросу о значении консультаций и патроната в деле борьбы с детской смертностью // Журнал по изучению раннего детского возраста. 1924. № 5. С. 62—70.
- Коммунистическое воспитание детей и задачи ОДД. Речь А.С. Бубнова на съезде общества «Друг детей» 24 мая 1931 года. М.; Л.: Наркомпрос РСФСР. Государственное учебно-педагогическое издательство, 1931.
- Кондурушкин И.С.* Частный капитал перед советским судом. М.-Л., 1927.
- Коновалов В.* Что говорят цифры // Школа и жизнь. 1926. № 10. С. 53—54.
- Конюс Э.М.* Общественная и культурно-просветительная работа медицинского персонала. М., 1928.
- Копелянская С.Е.* Органы и учреждения для беспризорных детей // Детская беспризорность: Предупреждение и борьба с ней. М., 1923; *Ее же.* Ликвидация беспризорности и безнадзорности детей раннего возраста // Вопросы материнства и младенчества. 1936. № 3. С. 11—15.
- Красная Москва, 1917—1920 гг. М.: Моссовет, 1920.
- Крупская Н.К.* Охрана детства // Правда. 7 марта 1926. № 55 (3284). С. 1; *Ее же.* К вопросу об общественно-необходимых работах школы // Детское движение и школа: Сб. ст. под ред. ЦБ ЮП при ЦК ВЛКСМ. М.-Л.: Молодая гвардия, 1928. С. 41—42. *Ее же.* Педагогические сочинения в 10 т. Т. 2. Общие вопросы педагогики; Организация народного образования в СССР [Под ред. Н.К. Гончарова, И.А. Каирова, Н.А. Константинова. Подгот. текста и примеч. П.И. Куликова]. М.: Изд-во АПН, 1958; Т. 3. Обучение и воспитание в школе [Под ред. Н.К. Гончарова, И.А. Каирова, Н.А. Константинова. Подгот. текста и примеч. Э.М. Цимхес]. М.: Изд-во АПН, 1959; Т. 5: Детское коммунистическое движение; Пионерская и комсомольская работа; Внешкольная работа с детьми [Под ред. Н.К. Гончарова, И.А. Каирова, И.В. Чувашева. Подгот. текста и примеч. Я.Н. Надеждина]. М.: Изд-во АПН, 1959; Т. 6: Дошкольное воспитание; Вопросы семейного воспитания и быта [Под ред. Н.К. Гончарова, И.А. Каирова, И.В. Чувашева. Подгот. текста и примеч. Н. И. Стриевской]. М.: Изд-во АПН, 1959.
- Лебедева В.П.* Охрана материнства и младенчества в стране советов. М.; Л.: Гос. мед. изд., 1934.
- Ленинградский С.* Отцы и дети. Хотьковская школа и крестьянство. М., 1925.
- Лившиц Е.* Социальные корни беспризорности. М., 1925.
- Лукашевич В.* Молодая республика. Быт и психология учащихся и школьная летопись 1921—1922 гг.). М., 1923.

- Люблинский П.И.* Опекa и детская беспризорность // Вестник просвещения, 1923, № 4. С. 182—202.
- Маро (Левитина М.И.)* Беспризорные. Социология. Быт. Практика работы. М.; Л., 1925.
- Мурин В.А.* Быт и нравы деревенской молодежи. М., 1926.
- Назаров Д.* Опыт размещения детей и подростков из детдомов по крестьянским семьям // На помощь детям: Издание Деткомиссии ВЦИК. М., 1926.
- Наумова Ю.А.* Общественность в борьбе с беспризорностью // Народное просвещение. 1926. № 8. С. 65—67
- Наши детские дома и городки. М., 1926.
- Об усыновлении детей и подростков. М., 1926.
- Озерецкий Н.И.* Нищенство и беспризорность несовершеннолетних // Нищенство и беспризорность. М.: Издательство Мосздравотдела, 1929
- Орловский Б., Окуньков А.* О патронировании (передача воспитанников детских домов в трудовые семьи) // Школ и жизнь. 1926. № 6—7. С. 28—31.
- Орловский Б.* Борьба с детской беспризорностью в Нижегородской губернии // Школа и жизнь. Н. Новгород, 1926. № 11. С. 30—40.
- Основные проблемы педологии в СССР (По тезисам Первого Всероссийского педологического съезда): сборник докладов и тезисов научной конференции // Под ред. А.Б. Залкинд. М.: Издание Оргбюро съезда, 1928.
- Павловский В.А.* Опыт отдачи детей в патронат в городе Москве // Охрана материнства и младенчества. 1925. № 2. С. 118—124.
- Первый Всероссийский съезд деятелей по охране детства. 2—8 февраля 1919 г. М.: НКСО, 1920.
- Петров В.В.* Быт деревни в сочинениях школьников. М., 1927.
- Попов М.* Детская беспризорность и патронирование. Иваново, 1929.
- После голода. М., 1923.
- Поталак П.В.* Институт трудового воспитания «Новая жизнь» Наркомпроса РСФСР. Из опыта работы детского дома с особым режимом. М., 1940
- Радин Е.П.* Как создает Советская Республика из детей поколение людей-великанов духа // Ко второй годовщине Октябрьской революции. М., 1919. С. 3—18; *Его же.* Что делает Советская власть для охраны здоровья детей. Вятка, 1921; *Его же.* Охрана здоровья детей и подростков // На помощь ребенку. Пг.; М., 1923.
- Рабочий детям: О деятельности рабочего патроната «Красный молот» Московско-Нарвского района г. Ленинграда. Л., 1926.
- Рабочий патронат «Друг детей» Центрального Городского района за 1925 г. Л., 1926.
- Революционные праздники в школе первой ступени. М., 1926.
- Рыбников Н.А.* Введение в изучение ребенка. Минск, 1921; *Его же.* Интересы современного школьника М.; Л., 1926; *Его же.* Идеология современного школьника // Педология. 1928. Кн. 1; *Его же.* Биографический метод в изучении детства // Педология. 1928. Кн. 2; *Его же.* Детские дневники как материал по детской психологии. М., 1946; *Его же.* Крестьянский ребенок. М., 1930.

- Семашко Н.А.* Десять лет борьбы за детство. М., 1931.
- Смирнов В.З.* В сельской школе 20-х годов // Воспитание школьников. 1966. № 6. С. 8—9.
- Смидович С.* Наболевшее // На помощь детям Издание Деткомиссии ВЦИК. М., 1926.
- Спасенные революцией. Борьба с беспризорностью в Иркутской губернии и округе (1920—1931 гг.). Иркутск, 1977.
- Третий год работы. Из отчета 3-й Гагинской опытной станции Наркомпроса за 1923—1924 гг. / Под ред. А.С. Толстова. М., 1925.
- Социальное обеспечение детей / Под ред. Я.А. Перель и А.А. Любимова. М.; Л., 1932.
- Трехлетний план борьбы с детской беспризорностью. М., 1927
- Тоттенборн З.* Родительские права в первом кодексе законов РСФСР // Пролетарская революция и право. 1919. № 1. С. 20—28; *Тоттенборн З.* Задачи опекунских учреждений по новому праву // Пролетарская революция и право. М., 1919. № 2—4. С. 64—73.
- Тяпугин Н.П.* Экспериментально-психологические исследования дошкольников по методу профессора А.П. Нечаева // К детской психологии и психопатологии: сб. ст. сотрудников Государственного Медико-педагогического института Наркомздрава РСФСР. Орел, 1922. С. 59—69.
- Узданский А.В.* Без фундамента не может держаться вершина // *Радин Е.П. Узданский А.В.* Ко второй годовщине Октябрьской революции. М., 1919.
- Федотова Е.Н.* Несколько слов об индивидуальном патронировании детей // Вестник охраны материнства и детства НКЗ. Харьков, 1922. С. 7—9.
- Черезов Г.* Московские учреждения для беспризорных детей // Вестник просвещения. 1923. № 4. С. 167.
- Шмидт В.Ф.* Психоаналитическое воспитание в Советской России: Доклад о Детском доме-лаборатории в Москве. М., 2011. С. 13; *Ее же.* Дневник матери: первый год жизни: Психоаналитические и педагогические труды В.Ф. Шмидт. Т. 1. М., 2009; *Ее же.* Дневник матери. Второй и третий годы жизни: Психоаналитические и педагогические труды В.Ф. Шмидт. Т. 2. М., 2010.
- Ярославский Е.М.* Вокруг голода // Вестник агитации и пропаганды. 1921. № 18. С. 1—3.

1.6. Фотоальбомы

- Материнство и детство в русском плакате / Сост. А.Е. Снопков, П.А. Снопков, А.Ф. Шклярчук. М.: Контакт-культура, 2006.
- Москва в плакате. Кн. 1. Конец XIX века — май 1941 года / Сост. Н.Н. Глушко, Т.В. Новикова, В.Ф. Коняшова, П.А. Снопков, А.Ф. Шклярчук. М.: Контакт-культура, 2002.
- Реклама в плакате. Русский торгово-промышленный плакат за 100 лет / Сост. А.Е. Снопков, П.А. Снопков, А.Ф. Шклярчук. М.: Контакт-культура, 2007.

Русский плакат. Избранное / Сост. А.Е. Снопков, П.А. Снопков, А.Ф. Шклярчук. М.: Контакт-культура, 2010.
Советская детвора. М.: ОГИЗ-ИЗОГИЗ, 1936.

1.7. Мемуарная литература

Беспризорные о себе: Рассказы, написанные беспризорными / А. Гринберг. М.; Л.: Молодая гвардия, 1925.
Ваксер А.З. Жизнь, люди, эпоха. СПб.: Нестор-История, 2013.
Вольф А.Я. Родом из «Красного городка». М.: Педагогика, 1991.
Жизнь 1920-х годов глазами детей и молодежи. Подготовка к публикации Н.П. Рязанцева, А.М. Селиванова, вступительная статья Н.П. Рязанцева // Век нынешний, век минувший... Исторический альманах. Ярославль, 1999. С. 150—159.
Закожурникова М.Л. Новая жизнь начиналась так // Воспитание школьников. 1966. № 5.
Лепешинская О.Б. Первые всходы // Народное образование. 1959. № 5.
Мгновения. Из сталинской Советской России в «Великогерманский рейх» Гитлера. Воспоминания о детстве и юности (1926—1945). Изд-во «Книга по требованию». 2013.
Нансен-Хейер Л. Книга об отце. Л.: Гидрометеиздат, 1986.
Рыцарь революции. Воспоминания современников о Ф.Э. Дзержинском. М., 1967.
Свидетельства искренней дружбы: Воспоминания К.С. Кононенко о А.С. Макаренко / Издатели: Г. Хиллиг, В. Марочко. Марбург, 1997.
Семашко Н.А. Ленин и здравоохранение в 1921 году // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1957. Ч. 2. С. 644—650.
Шапорина Л.В. Дневник. В двух томах / Вступ. статья В.Н. Сажина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012.

1.8. Художественная литература

Макаренко А.С. Педагогическая поэма. М.: Гослитиздат, 1935.
Макаренко А.С. Флаги на башнях. М.: Гослитиздат, 1939.
Макаренко А.С. Марш 30-го года. М.: Педагогика, 1983.
Маринов А.А. Детский дом: Документальная повесть. М.: Советская Россия, 1984.
Неверов А.С. Ташкент — город хлебный. М.; Л.: Земля и фабрика, 1925.

2. Литература

- Авдеев А.* Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография: Сб. ст. Демографические исследования. Вып. 14 / Под ред. Денисенко М.Б., Троицкой И.А. 2-е изд. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 13—72.
- Актуальные проблемы современного детства: сб. науч. трудов / Под ред. Е.М. Рыбинского. Вып. 1. М., 1992.
- Актуальные проблемы детства. Вып. IV. М., 1994.
- Актуальные проблемы современного детства. Вып. III. М., 1994.
- Актуальные проблемы современного детства. Вып. V. М., 1998.
- Алексеева Л.С.* Бездомные как объект социальной дискредитации // Социологические исследования. 2003. № 9. С. 52—61.
- Аналитический вестник Федерального собрания. Вып. 27. Дети России: факты и проблемы. М., 1996.
- Аракелова М.П.* Опыт охраны материнства и младенчества // Социологические исследования. 1995. № 7. С. 62—65
- Арефьев А.Л.* Беспризорные дети России // Социологические исследования. 2003. № 9. С. 61—72.
- Адлер А.* Беспризорные дети. Ф.-на Майне, 1997. С. 135.
- Аналитический вестник № 14 (207) Государственная политика в сфере профилактики и реабилитации детской беспризорности и безнадзорности М.В. Гордеева.
- Арошенко М.М., Ильдеркина В.С.* Источники современного сиротства по результатам экспертного опроса // Социальные проблемы сиротства. М., 1992. С. 43—48.
- Афанасова Е. Н.* История детской беспризорности в Иркутской области и Красноярском крае в 1920—1930-х гг. Дис. ... канд. ист. наук. Код специальности ВАК: 07.00.02 Отечественная история. Иркутск, 2007.
- Барабанова В.В.* Некоторые особенности психического, эмоционально-личностного развития детей в семейном детском доме (на примере Москвы) // Актуальные проблемы современного детства. Сб. науч. трудов. Вып. III / Под ред. Е.М. Рыбинского. М., 1994. С. 104—108.
- Базаров А. А.* Сирота Страны Советов // Родина. 2002. № 3. С. 82—85.
- Барзгов К.Б., Смирнов Ю.А.* Возможна ли статистическая оценка детской беспризорности? // Вопросы статистики. 2000. № 4.
- Безгин В.Б.* Инфантицид и криминальный аборт в сельской России: прошлое и современность // NB: Вопросы права и политики. 2013. № 4 / URL: http://e-notabene.ru/lr/article_653.html
- Безленкина Л.Ф.* Семья нуждается в поддержке // Семья и школа. 1995. № 6. С. 10—11.
- Безрогов В., Иванченко Г.* Детское чтение: от начала к концу XX века // НЛЮ. 2010. № 102.

- Бибанов Т.П.* Комсомол и общество «Друг детей» // Позывные истории. Вып. 8. М., 1985. С. 176—185; *Его же.* Общество «Друг детей» // Вопросы истории. 1985. № 12. С. 166—168.
- Блонский Л. В.* Детская беспризорность в СССР периода НЭПА: опыт ликвидации (На материалах Нижнего Поволжья) : Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Саратов, 2004.
- Бондаренко Т. Ю., Николаева Н.И.* Миссия Фритьофа Нансена по спасению голодающих Поволжья // URL: <http://www.norge.ru/mission/>
- Бреева Е.Б.* Дети в современном обществе. М., 1999.
- Бреева Е.Б.* Детская беспризорность: современная ситуация, возможные стратегии // Дети и молодежь — будущее России: Материалы Российской научно-практической конференции, г. Вологда, 27—29 июня 2002 г. Вологда, 2002. С. 178—181.
- Валиахметов А.* «Настроение в пути было добрым, расставание радужным и трогательным» (Из истории пребывания и эвакуации русских детей из Чехословакии в 1920-е гг.) // URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2012_3_4/09/06/
- Василькова Ю.Т., Василькова Т.А.* Социальная педагогика. М.: Изд. центр «Академия» 1999. С. 313—319.
- Виноградова О.* Отцы невидимого фронта // Московский комсомолец. 2007. 19 окт. С. 17.
- Ганский В.* Голодающее Поволжье. // МК в Саратове. №33 (728) 10—17.08.2011 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.saratovnews.ru/newspaper/article/2011/08/10/golodauschee-povolje/>
- Гедько М.И.* Государственная социальная политика в отношении детей: опыт и уроки 1920-х годов (на материалах Москвы и Московской губернии). Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1999.
- Гербева Ю.В.* Борьба с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних в СССР (1917—1935) // Доклады академии педагогических наук РСФСР. 1963. № 1.
- Голдман В.З.* Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917—1937 гг.). Women at the Gates: Gender and Industry in Stalin's Russia. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010.
- Городничий Н. Ф.* Малоизвестная страница деятельности АРА в Советской России // Вопросы истории. 1968. № 12. С. 47—58.
- Градскова Ю.В.* Дискурс «социального материнства» и повседневные практики социальной работы в 1930—1950-е годы (на примере немецкой автономии) // Нужда и порядок: История социальной работы в России, XX в.: сб. науч. ст. / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярская-Смирнова. Саратов: Научная книга; Центр социальной политики и гендерных исследований, 2005. С. 298—312; *Ее же.* «Нигде так не оберегают детство, как в нашей стране»: дошкольные учреждения в советском документальном кино, 1946—1960-е годы // Визуальная антропология: Режим видимости при социализме. М., 2009. 359—370; *Ее же.* (Gradska Y.) Soviet People with Female Bodies: Per-

- forming Beauty and Maternity in Soviet Russia in the mid 1930—1960s. Stockholm University, 2007.
- Гусев А.И. Год за годом: Из летописи детского коммунистического движения СССР. 1917—1981 гг. М.: Молодая гвардия, 1981.
- Дети и молодежь — будущее России: Материалы Российской научно-практической конференции, г. Вологда. 27—29 июня 2002 г. Вологда, 2002.
- Деятельность Американской администрации помощи в России, 1921—1923 гг. // Исторический архив. 1993. № 6. С. 76—80.
- Женщины России в экстремальных условиях: исторический опыт, проблемы, пути решения. М., 2006. С. 223.
- Жизнь 1920-х годов глазами детей и молодежи / Подготовка к публикации Н.П. Рязанцева, А.М. Селиванова, вступ. статья Н.П. Рязанцева // Век нынешний, век минувший... Исторический альманах. Ярославль, 1999. С. 150—159.
- Журавлева В. А., Ковалева Л. А., Петряшова Е. В. Некоторые аспекты государственно-правового регулирования охраны материнства и детства в 20—30-е годы XX века // Актуальные проблемы права России и стран СНГ-2007: материалы IX международной научно-практической конференции 29—30 марта 2007 г. Челябинск: Цицеро, 2007. Ч. 1. С. 116—118.
- Журкин А. Деятельность Американской Администрации помощи в России. К истории советско-американских отношений в 1921—1922 гг. // История мировой культуры: традиции, инновации, контакты. М., 1990. С. 71—87.
- Замский Х.С. История олигофренопедагогики. 2 изд. М.: Просвещение, 1980.
- Зезина М.Р. Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945—1955) // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 127—136; *Ее же*. Система социальной защиты детей-сирот в СССР // Педагогика. 2000. № 3.
- Исупова О.Г. Социальный смысл материнства в современной России: «Ваш ребенок нужен только Вам» // Социологические исследования. 2000. № 11.
- Карелова Г. Москва и беспризорные дети: пилотный опыт. // Социальная работа. № 2. 2003. С. 20—21.
- Катцина Т.А. От общественного призрения к социальному обеспечению // Нужда и порядок: История социальной работы в России, XX в.: сб. науч. ст. / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярская-Смирнова. Саратов: Научная книга; Центр социальной политики и гендерных исследований, 2005. С. 89—102.
- Келли К. «Маленькие граждане большой страны»: интернационализм, дети и советская пропаганда // Новое литературное обозрение. 2003. № 60. С. 218—251; *Ее же*. «Хочу быть трактористкой!» (Гендер и детство в довоенной советской России) // Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история. М.: РОССПЭН, 2003. С. 385—410; *Ее же*. «Школьный вальс»: повседневная жизнь советской школы в послесталинское время // Антропологический форум. 1. 2004. С. 104—155.
- Кислинская Т.И. Школа детской радости (школа-коммуна С.М. Ривеса и Н.М. Шульмана) // Гуманистические воспитательные системы вчера и сегодня (в описаниях их авторов и исследователей). М., 1998.

- Ковтун Е.В.* Азарт в Стране Советов: В 3 т.Т. 2. Лотереи. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», М., 2012. 256 с.
- Коган А. Н.* Антисоветские действия Американской Администрации помощи (АРА) в Советской России в 1921—1922 гг. // Исторические записки. Вып. 29. М., 1949. С. 3—32.
- Козлов В.А., Семенова Е.А.* Социология детства (Обзор социолого-педагогических обследований 20-х годов) // Школа и мир культуры этносов: Труды Ин-та национальных проблем образования. Владикавказ: Ир, 1994. С. 31—55.
- Коммунистические субботники в Москве и Московской губернии, 1919—1920 гг. М., 1950.
- Конюс Э.М.* Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917—1940). М., 1954.
- Королева В.М. Н.К.* Крупская о воспитании социально запущенных детей и подростков // Из истории педагогической мысли и школы: сб. трудов. М., 1974. С. 107—117.
- Кошелева О.Е.* «История детства» как способ реконструкции и интерпретации истории воспитания и обучения в зарубежной историографии // Всемирный историко-педагогический процесс: концепции, модели, историография. М., 1996.
- Красовицкая Т. Ю.* Идеи Н.К. Крупской и их роль в истории большевистского эксперимента // Новый исторический вестник. 2002. № 1. С. 4—29.
- Кухер К.* Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928—1941. Der Gorki-Park: Freizeitkultur im Stalinismus 1928—1941. М.: РОССПЭН, 2012.
- Лаврова И.А.* Борьба с беспризорностью на Урале в 1929—1941 гг.: Дис. ... канд. ист. наук по спец. 07.00.02. Екатеринбург, 2009.
- Латыпов Р.* Американская помощь Советской России в период «великого голода» 1921—1923 годов // Нужда и порядок: История социальной работы в России, XX в.: сб. науч. ст. / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов: Научная книга; Центр социальной политики и гендерных исследований, 2005. С. 250—280.
- Лебедев О.Е., Чепурных Е.Е., Майоров А.Н., Золотухина В.И.* Дети улицы. Образование и социальная адаптация безнадзорных детей. М., 2001.
- Лебина Н., Романов П., Ярская-Смирнова Е.* Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917—1930-е годы // Советская социальная политика 1920—1930-х годов: идеология и повседневность. М.: Вариант, 2007. С. 21—67.
- Лиханов А.А.* Слово о детстве // Актуальные проблемы современного детства. Сб. науч. трудов. М., 1992. Вып. 1; *Его же.* Детский вопрос // Актуальные проблемы детства. М., 1994. Вып. III.
- Масид С.* Масарик и идеи преобразования России // Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства: К 150-летию со дня рождения Т.Г. Масарика. По материалам международной научной конференции / Отв. Ред. М.Г. Вандалковская. М., 2005. С. 49—60.
- Материнство и детство в России XVIII—XXI вв. Ч. I—II. М., 2006.

- Машин М. Д.* К вопросу о деятельности АРА на Южном Урале в 1921—1922 гг. // Некоторые вопросы всеобщей истории. Челябинск, 1968. Вып. 3. С. 51—66.
- Минина М.* Образ сироты в советском плакате 1920—1930-х годов // Визуальная Антропология: Режим видимости при социализме. М., 2009. С. 272—288.
- Михель Д. В.* Общество перед проблемой инфантицида: история, теория, политика // Журнал исследований социальной политики. Т. 5. № 4. С. 439—458.
- Нарский Н.* Фотокарточка на память: семейные истории, фотографические послания и советское детство (Автобио-историо-графический роман). Челябинск, 2008. 516 с.
- Нечаева А. М.* Охрана материнства и детства в СССР. М., 1988; *Ее же.* Дети-сироты в России (послеоктябрьский период) // Государство и право. 1993. № 1. С. 120—127; *Ее же.* Ребенок под опекой. М.: «Дом». 1993. *Ее же.* Охрана детей-сирот в России (История и современность). М.: «Дом» НИИ Детства Российского детского фонда, 1994; *Ее же.* Россия и ее дети (ребенок, закон, государство) / Институт государства и права РАН. М., 2000; *Ее же.* Детская беспризорность — опасное социальное явление // Государство и право, 2001. № 6.
- Новикова Л. И.* Воспитательная система П. Г. Година: подготовка молодежи к труду // Гуманистические воспитательные системы вчера и сегодня (в описаниях их авторов и исследователей). М., 1998. С. 163—177.
- Нусинова Н.* «Теперь ты наша»: Ребенок в советском кино 20—30-х годов // Искусство кино. 2003. № 12. С. 81—87.
- Озерова М.* «Беспризорная» статистика // Московский комсомолец. 2002. 21 февр. С. 2.
- Орлов И. Б.* Между «Царь-голодом» и «Товарищем-Урожаем» // Социальная история. Ежегодник. 2001/2002. М., 2004. С. 467—468.
- Положение детей в России. Социальный портрет. 1992 / Под ред. А. А. Лиханова и др. М., 1993.
- Поляков А. А.* Диверсия под флагом помощи: Повесть-хроника. М.: Политиздат, 1985. 237 с.
- Поляков Ю. А.* 1921 год. Победа над голодом. М., 1975.
- Попов И. И.* Особенности воспитания детей школьного возраста в России и СССР в XX веке // Материнство и детство в России XVIII—XXI вв.: сб. науч. ст. В 2 ч. Ч. II. М.: ГОУВПО «МГУС». С. 94—102.
- Починков А.* Не должно быть в стране беспризорных детей // Социальная работа. № 1. 2003.
- Профилактика девиантного поведения: Тезисы докладов на Всеросс. науч.-практич. конференции. Владимир, 1994. С. 79—80.
- Пушкарева Н.* Изучение истории русского материнства в отечественной историографии советского и постсоветского времени // Материнство и детство в России XVIII—XXI вв.: сб. науч. ст. В 2 ч. Ч. II. М.: ГОУВПО «МГУС». С. 111—127.

- Режимные люди в СССР / Отв. ред. Т.С. Кондратьева, А.К. Соколов. М., 2009.
- Реутова А.Д.* Ликвидация массовой детской беспризорности в 1921—1935 годах (На материалах Верхневолжья): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иваново, 2004.
- Решетова Н.А.* Американская помощь голодной России в начале 1920-х гг.: к постановке проблемы // Клио: журнал для ученых. 2004. №4. С. 124—132; *Ее же.* Зарубежная помощь России во время первого советского голода: краткие итоги и перспективы изучения // Нужда и порядок: История социальной работы в России, XX в.: сб. науч. ст. / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов: Научная книга; Центр социальной политики и гендерных исследований, 2005. С. 241—250.
- Римашевская Н.М.* Положение детей и качество человеческого потенциала в России // Народонаселение. 2002. № 3, С. 4—11.
- Рогачева Л.И.* Деятельность государственных и общественных организаций по охране детства и юношества страны в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.
- Рожков А.Ю.* Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 134—139; *Его же.* Молодой человек 20-х: протест и девиантное поведение // Социологические исследования. 1999. №7.
- Ростова О.С.* Правовая охрана материнства и детства в Советском государстве. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2007.
- Рубинштейн Н.Л.* Борьба Советской России с голодом 1921 г. и капиталистические страны // Исторические записки. Вып. 22. М., 1947. С. 3—41.
- Рудкин В.Г.* Деятельность органов советской власти и общественных организаций Белоруссии по предупреждению детской беспризорности (1921—1930). Минск, 1983. Деп. 14431.
- Русанова О.* Дети народа. М., 1948.
- Рябинина Н.В.* Детская беспризорность и преступность в 1920-е годы (по материалам губерний Верхнего Поволжья): Учеб. пособие. Ярославль, 1999; *Ее же.* Детская беспризорность Ярославской губернии в 1920-е г. (по материалам ГАЯО) // Архивы: история и современность. Ярославль, 1999; *Ее же.* Детские дома в 1920-е г.: кадровый вопрос (по материалам губерний Верхнего Поволжья) // «От мудрости и святости былого...»: VII Тихомировские чтения. Ярославль: Ярославский Печатный Двор, 1999; *Ее же.* «Морально-дефективные» — кто они? // Век нынешний, век минувший... Исторический альманах. Ярославль, 1999. С. 56—65; *Ее же.* Материальное положение детских домов в первые годы НЭПа (на примере Ярославской и Рыбинской губерний) // Золотарёвские чтения, VIII / Рыбинский гос. ист.-арх. и худ. Музей-заповедник. Рыбинск, 2000. *Ее же.* Социальная политика государства по охране материнства и детства в период НЭПа: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ярославль, 1998; *Ее же.* Социальная политика Советской России (окт. 1917 — 1920-е годы). Женщины, семья и дети в новом обществе. Ярославль, 2004.

- Сажина Н.С. Проблема беспризорности в 1920-е гг.: сущность и причины [Электронный ресурс] // URL: <http://do.teleclinica.ru/184639/>
- Салова Ю.Г. «Новый человек»: взгляд на проблему в 1920-е годы: Учеб. пособие. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1998; *Ее же*. Детский досуг в Советской России (1920-е годы). Ярославль, 2000; *Ее же*. Политическое воспитание детей в Советской России в 1920-е годы. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2001.
- Сальникова А.А. Школьные сочинения детей русской эмиграции как источник по социальной истории России, 1917—1920 гг. // Социальная история. Ежегодник. 2001—2002. — М.: РОССПЭН, 2004. — С. 324—354; *Ее же*. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань, 2007.
- Славко А.А. Детская беспризорность в России в первое десятилетие Советской власти: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Чебоксары, 2005.
- Смирнова Т.М. Дети Советской России (по материалам Деткомиссии ВЦИК. 1921—1924 гг.) // Социальная история. Ежегодник 2001—2002. М., 2003. С. 486—528; *Ее же*. «Лучше вывести и расстрелять»: Советская власть и голодные дети (1917—1923 гг.) // Ежегодник историко-антропологических исследований, 2003. М., 2003. С. 226—245; *Ее же*. «В происхождении своем никто не повинен...»? Проблемы интеграции детей «социально чуждых элементов» в послереволюционное российское общество (1917—1936 гг.). // Отечественная история. 2003. № 4. С. 28—42; *Ее же*. Дети лихолетья: Повседневная жизнь советских детдомовцев. 1917 — начало 1920-х гг. // Материнство и детство в России XVIII—XXI вв. Ч. I. М., 2006. С. 255—299; *Ее же*. «О судьбе эвакуированных в Чехословакию советских детей в начале 1920-х годов» // Отечественная история. 2007. № 1. С. 77—93; *Ее же*. «Любимые дети Советской республики»: история патронирования детей в Советской России. 1918—1930-е гг. // Вестник РУДН. 2007. № 2. С. 25—37; *Ее же*. Эвакуация голодающих детей Советской России за границу, 1921 год // The Soviet and Post-Soviet Review. 33. Vol. 2—3 (2006). Charles Schlacks, Publisher Idyllwild, California, USA, 2007. P. 251—288; *Ее же*. «Картины вымирания...» или «Мы поем и веселимся...»? Будни советских детдомовцев, 1918 — начало 1920-х гг. // The Soviet and Post-Soviet Review. 33. Vol. 2—3 (2006). Charles Schlacks, Publisher Idyllwild, California, USA, 2007. P. 209—249; *Ее же*. «Прекраснейшее в мире здание охраны детства...»: Советская «детская» политика и общество. 1917—1930-е гг. // Ежегодник историко-антропологических исследований 2006/2007. М., 2008. С. 124—156; *Ее же*. Опыт патронатного воспитания детей в Советской России и современность // Какорея. Из истории детства в России и других странах: сб. статей и материалов. Труды семинара РГГУ «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 1. М.; Тверь, 2008. С. 174—196; *Ее же*. Государство или общественная инициатива? Опыт решения «детских проблем» в 1917—1930-е гг. для современной России // Социальная история. Ежегодник 2009. СПб., 2010. С. 296—329; *Ее же*. Российское детство в XX веке: новые обобщающие работы и новые вопросы // Ребенок в истории и культуре: Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 4. М., 2010. С. 499—

- 515; *Ее же*. «Детские дома и трудовые колонии: жизнь «государственных детей» в Советской России в 1920—1930-е гг.» // Вестник РУДН. 2012. № 3. С. 16—38; *Ее же*. Особенности развития семейных форм воспитания детей-сирот в Советской послереволюционной России. 1920—1930-е годы // Труды Института российской истории. Вып. 10. М., 2012. С. 259—278.
- Смирнова Н.В.* Борьба с беспризорностью несовершеннолетних: из истории деятельности Народного комиссариата путей сообщения // История государства и права. 2006. №4. С. 31—33.
- Сморгунова Н.Ф.* Предупреждение беспризорности среди детей и подростков в России (20—90-е гг. XX в.): Дис. ... канд. педагог. наук: 13.00.01. Владимир, 1997.
- Сосновская Г.П.* Влияние опытно-показательных учреждений Наркомпроса РСФСР на массовую школу в 20-е годы // Из истории педагогической мысли и школы: сб. трудов. М., 1974. С. 63—82.
- Софинов П.Г.* Из истории борьбы с детской беспризорностью. // Вопросы истории КПСС. 1966. № 8.
- Стурова М.П.* Живое наследие А.С. Макаренко // Педагогика. 2000. № 3. С. 53—57.
- Усманов Н.В.* К вопросу об американской помощи голодающим Советской России в 1921—1923 гг. // Дискуссионные вопросы российской истории. Арзамас, 2000. С. 197—202; *Его же*. Американская помощь голодающему населению Южного Урала в 1921—1923 гг. // Отечественная история. 2007. №5. С. 127—138; *Его же*. Оренбургское отделение АРА (1921—1923 гг.) // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 111—116; *Его же*. Голод 1921—1923 гг. и продовольственная политика большевиков глазами американцев // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII—XX вв.: проблема источников и историографии. Оренбург, 2007. С. 328—333; *Его же*. Миссия полковника Белла: о деятельности Уфимско-Уральского отделения Американской Администрации помощи (1921—1923 гг.). Бирск, 2007; *Его же*. Оренбургское отделение Американской администрации помощи. Уфа, 2008; *Его же*. Американская помощь голодающим на Южном Урале в 1921—1923 гг.: документы госархивов республики Башкортостан // Отечественные архивы. 2009. № 1. С. 48—55.
- Федотова А.Ю.* Направления работы государственных и общественных организаций РСФСР по борьбе с голодом 1921—1923 гг. (по материалам Республики Татарстан) // XX век в истории России: актуальные проблемы: сборник статей IV Междунар. науч.-практич. конференции. Пенза: РИО ПГСХА, 2008. С. 213—215; *Ее же*. Помощь Международного рабочего комитета голодающим Поволжья в 1921—1923 гг. (на примере республики Татарстан) // Вестник Самарского государственного университета. 2010. № 3 (77). С. 71—74; *Ее же*. Помощь голодающему населению ТАССР советскими и иностранными организациями в 1921—1923 гг. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Казань, 2011.
- Фридман Ю. А.* Движение помощи международного пролетариата Советской России в 1921—1922 годах // Вопросы истории. 1958. № 1. С. 85—101.

Хенкин Е. М. Очерки истории борьбы Советского государства с голодом (1921—1922). Красноярск, 1988.

Хиллиг Г. Макаренко в год «Большого террора». Марбург, 1998

Хлобустов О. Об опыте борьбы с детской беспризорностью // Диалог. 1998. № 6.

Хмелевская Ю.Ю. Американская помощь голодающим в Советской России в 1921—1923 гг.: забытая страница истории или идеологическая манипуляция? // Век памяти, память века: опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск, 2004. С. 431—452; *Ее же*. «Как в завоеванной стране»: американский опыт первой мировой войны в битве с голодом в Советской России (1921—1923) // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск, 2007. С. 553—576; *Ее же*. Помощь США голодающим на Урале: американизированные концепции и местные интерпретации (1921—1923 гг.) // Americana. Россия и США: опыт политического, экономического и культурного взаимодействия. Волгоград, 2006. Вып. 8. С. 155—175.

Цихелашвили Н.Ш., Энгерман Д.Ч. Американская помощь России в 1921—1923 годах: конфликты и сотрудничество... Американский ежегодник. 1995. М., 1996. С. 191—213.

Цихелашвили Н.Ш. Американская помощь народам России в начале 20-х гг. XX в. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.

Ченцова Т.А., Карелова И.М. Практика решения проблем беспризорности и безнадзорности детей в России (конец XIX — 20—30-е годы XX века) // Нужда и порядок: История социальной работы в России, XX в.: сб. науч. ст. / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов: Научная книга; Центр социальной политики и гендерных исследований, 2005. С. 128—145.

Чепурных Е.Е. О государственной политике в области социальной и педагогической реабилитации детей со школьной и социальной дезадаптацией // Дети «группы риска». Children at Risk: Материалы международной конференции. СПб., 2001.

Червоненко Е.Ю. Система защиты детей и элементы патронирования в Советской России // Нужда и порядок: История социальной работы в России, XX в.: сб. науч. ст. / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов: Научная книга; Центр социальной политики и гендерных исследований, 2005. С. 342—353.

Чистиков А.Н. Из истории Ленинградского отделения общества «Друг детей» // Добровольные общества в Петрограде-Ленинграде в 1917—1937 гг.: сб. ст. Л.: Наука, 1989. С. 35—56.

Шишкин В.А. Чехословацко-советские отношения в 1918—1925 годах. М., 1962.

Шишова Н.В. Роль общественности в преодолении детской беспризорности на Северном Кавказе в 1920—1926 гг. Ростов-на-Дону, 1979. Деп. в ИНИОН № 4764 25.01.1980.

3. Литература на иностранных языках

Ball A.M. The Roots of Besprizornost' in Soviet Russia's First Decade // Slavic Review, Vol. 51, № 2 (Summer 1992); *Idem*. And Now My Soul is Hardened: Aban-

- doned Children in Soviet Russia, 1918—1930. Berkeley etc.: University of California press, 1994.
- Bernice Q. M.* Social Welfare in the Soviet Union. Stanford, 1968.
- Bernstein L.* Fostering the Next Generation of Socialists. Patronirovanie in the Fledgling Soviet State // Journal of Family History. Vol. XXVI. № 1. (January 2001) P. 66—89; *Bernstein L.* The Evolution of Soviet Adoption Law // Journal of Family History. Vol. XXII. № 1. (January 1997) P. 204—226; *Idem.* Communist Custodial Contests: Adoption Rulings in the USSR after the second World War // Journal of Social History (Summer 2001). P. 843—861.
- Childhood Studies. A Reader in Perspectives of Childhood. Ed. by Mills J. and Mills R. London; N.Y.: Routledge, 2000. 204 p.
- Children in Historical and Comparative Perspective. An international handbook and research guide / Ed. by J.M. Hawes and N. Ray Hiner. N.Y.; Westport; Connecticut; London, 1991.
- Chao P.* Women under communism: Family in Russia and China / Bayside. N.Y.: General Hall, 1977.
- Goldman Wendy Z.* Women, the state and revolution: Soviet family policy and social life, 1917—1936. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- «Homeless Children». Encyclopedia of Russian History. N.Y.: Macmillan Reference, USA, 2003.
- Kelly C.* Comrade Pavlik. The Rise and Fall of a Soviet Boy Hero. L.: Granta Books, 2005. 352 p.; *Idem.* «Thank You for the Wonderful Book»: Soviet Child Readers and the Management of Children's Reading, 1950—1975 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History 6. 4 (Fall 2005). P. 717—753; *Idem.* Children's World: Growing Up in Russia, 1890—1981. Yale UP, 2007. 736 p.
- Lindenmeyr A.* Maternalism and Child Welfare in Late Imperial Russia // Journal of Women's History, Fall 1993, Vol. 2; *Idem.* «A right to Childhood». The U.S. Children's Bureau and Child Welfare, 1912—1946. Urbana: Chicago: University of Illinois Press, 1997.
- «Sowietjugend. 1917—1941: Generation zwischen Revolution und Resignation» под ред. C. Kuhr-Korolev, S. Plaggenborg, M. Wellman. Essen: Klartext, 2001.
- Ransel D.L.* Mothers of Mystery: Child Abandonment in Russia. Princeton, 1988;
- Stolee M. K.* Homeless children in the USSR, 1917—1957 // Soviet Studies, № 40 (January 1988). P. 64—83.

Научное издание

Смирнова Татьяна Михайловна

Дети страны Советов:

От государственной политики к реалиям повседневной жизни
(1917—1940 гг.)

Макет и оформление *Ю.В. Балабанов*

Подписано в печать 12.11.15 Формат 60×90/16. Заказ № 139.

Тираж 500 экз. 24 п.л. 24,5 уч.-изд. л.

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в Публичном акционерном обществе
«Т8 Издательские Технологии»

109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (495) 221-89-80

По издательским вопросам обращаться:

«Центр гуманитарных инициатив»

e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра П.В. Соснов

Комплектование библиотек, оптовая продажа в России и странах СНГ
ООО «Университетская книга-СПб».

«Университетская книга-СПб» предлагает книготорговым организациям, библиотекам и простым читателям широкий ассортимент книг по всему спектру гуманитарных наук — философии, филологии, лингвистики, истории, социологии и политологии. Вы можете приобрести у нас по издательским ценам продукцию ведущих научно-гуманитарных издательств России.

Контакты:

в Санкт-Петербурге: Тел. (812)640-08-71, e-mail: ukniga@westcall.net

в Москве: ООО «Университетская книга-СПб». Тел. (495)915-32-84,
e-mail: ukniga-m@libfl.ru

Книжные новинки издательства всегда представлены
в киоске Государственного института искусствознания:
Москва, Большой Козицкий переулок, д. 5 (ст. метро «Чеховская»,
выход в сторону Музыкального театра им. К.С. Станиславского
и В.И. Немировича-Данченко).

Тел./факс: (495) 692-29-39, e-mail: kiosk_gii@sias.ru

Рассылка по России:

Интернет-магазин Лабиринт.ру: <http://www.labyrinth.ru/>